

**ЭТНИЧЕСКАЯ
ИСТОРИЯ
И КУЛЬТУРА
ЧУВАШЕЙ**

ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА» НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ, ИСТОРИИ И ЭКОНОМИКИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

В. П. ИВАНОВ, П. П. ФОКИН, А. А. ТРОФИМОВ,
Г. Б. МАТВЕЕВ, М. Г. КОНДРАТЬЕВ

ЭТНИЧЕСКАЯ
ИСТОРИЯ
И КУЛЬТУРА
ЧУВАШЕЙ
ПОВОЛЖЬЯ
И ПРИУРАЛЬЯ

Ответственный редактор
кандидат исторических наук **В. П. ИВАНОВ**
Рецензент
доктор исторических наук, профессор **В. Д. ДИМИТРИЕВ**

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
1. ЭТНОГЕНЕЗ И ЭТНОГЕОГРАФИЯ	
Происхождение и ранние миграции	12
Субэтнические группы	47
Расселение и диаспора	55
2. ТРАДИЦИОННОЕ ХОЗЯЙСТВО	
Земледелие и животноводство	78
Подсобные отрасли	95
Ремесла и промыслы	103
3. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА	
Поселения, жилища и хозяйственные постройки	119
Домашняя утварь	149
Культура питания	164
Одежда и украшения	184
4. ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА	
Народные знания	204
Древнечувашская руническая письменность	217
Народное искусство	232
Традиционная музыкальная культура	250

ПРЕДИСЛОВИЕ

Современные чувашаи являются одним из многочисленных народов бывшего СССР. Насчитывая в общей сложности 1 млн. 842326 человек, они занимали в 1989 г. в Союзе 16-е, в Российской Федерации—4 (после русских, украинцев и татар) места. В Чувашской Республике проживает 906,9 тыс. (49,2%) человек. Большие группы этой национальности расселены в Татарии (134,2 тыс.), Башкирии (118,5 тыс.), Самарской (118 тыс.), Ульяновской (116,5 тыс.), Тюменской (31,2 тыс.), Кемеровской (24,4 тыс.), Оренбургской (21,5 тыс.) областях, Красноярском крае (27 тыс.), в г. Москве (18,4 тыс.) и других регионах. 50,3% сосредоточены в городах. Одни только эти цифры говорят о необходимости ответственного подхода к проблемам истории и современного развития чувашского народа, к изучению особенностей его языка и этнической культуры.

Этногенез, начальные этапы формирования чувашского народа относятся к числу интереснейших, но и весьма сложных научных проблем, до сих пор имеющих множество полемических аспектов. Вокруг них споры идут уже почти три столетия.

О происхождении и этнической истории чувашей на сегодня скопилась солидная научная литература. К публикациям дореволюционных авторов (Н. Карамзин, А. Фукс, З. Гомбоц, В. Сбоев, С. Михайлов, Г. Комиссаров и др.) в XX в. добавились труды выдающегося тюрколога Н. И. Ашмарина, крупного археолога А. П. Смирнова, капитальная монография В. Ф. Каховского, исследования историка В. Д. Дмитриева, этнографа П. В. Денисова, языковедов В. Г. Егорова, М. Р. Федотова, Б. А. Серебренникова, Н. И. Егорова, искусствоведа А. А. Трофимова и др. Вопрос этот поднимался во многих работах уфимских (Р. Г. Кузеев и др.) и казанских (А. Х. Халиков, Р. Г. Фахрутдинов, Г. В. Юсупов, М. З. Закиев, Ф. С. Хакимзянов и др.) ученых. В изучение этногенетических проблем чувашей значительный вклад внесли венгерские (Д. Мессарош, А. Рона-Таш и др.) и болгарские (И. Коев и др.) исследователи.

В разное время были выдвинуты самые различные теории происхождения чувашей. Одни (А. А. Фукс, П. Хунфальви) счи-

тают, что их предками являются хазары, другие (А. Риттих, В. Сбоев) — буртасы, третьи (В. В. Бартольд) — гуны, четвертые (Н. М. Карамзин, И. А. Фирсов) — финно-угры, пятые (М. Г. Худяков) — древние авары, шестые (В. Н. Татищев, Н. И. Ашмарин, З. Гомбоц) — волжские болгары, седьмые (Н. Марр) — шумеры. В общей же сложности они сводятся к следующим концепциям:

1) основу чувашского народа (этноса) составляет местное финно-угорское (марийское) население, испытавшее сильное культурное и особенно языковое влияние со стороны пришлых тюркоязычных болгаро-суварских племен¹;

2) как этнос чуваша сформировались главным образом на основе доболгарских тюрков, проникавших, якобы, большими массами в Среднее Поволжье вплоть до VI в. н. э., то есть до появления здесь болгар и суваров²;

3) чувашский этнос сформировался в XIII—XVI вв. в результате смешения языческих болгар, не подвергшихся кыпчакско-мусульманской ассимиляции, с марийскими и другими финно-угорскими племенами (предками мордвы, удмуртов и др.) при преобладающей роли тюркско-болгарского компонента³.

Первая из названных концепций (так называемая «автохтонная теория») не выдержала критики и сейчас никем не подерживается, так как ее сторонники игнорировали роль тюркоязычных племен — одного из основных этнических компонентов чувашей — и в своих исследованиях практически ограничились только рамками территории Чувашского края и поздних этапов этнической истории.

Что касается второго положения, то оно активно начало разрабатываться лишь в последнее двадцатилетие. Некоторые казанские исследователи ведут поиски для подтверждения теории о неоднократной доболгарской массовой тюркизации Средневожского региона, о начале формирования чувашского этноса на основе тюркоязычных носителей Писеральско-Андреевских курганов II—III вв. н. э.⁴ Однако ряд ученых совершенно обоснованно указывают, что археологические данные и лингвистические факты, выявленные «в границах исторической досягаемости и относящиеся с V—VII вв. к древнетюркским языкам Центральной Азии, не дают достаточных оснований для доказательства гипотезы о массовой миграции тюркского населения в Среднее Поволжье и на Южный Урал в первой половине I тыс. н. э., тем более до нашей эры»⁵. Исследователи относят время проникновения тюрков в Волго-Уральскую область не ранее, чем к последним столетиям I тыс. н. э. и связывают это с доказанным фактом миграции в Среднее Поволжье болгарских племен из Северного Кавказа и Приазовья⁶. При этом как одно из убедительных свидетельств приводят слабое и нечеткое по сравнению с финно-уграми выделение этнических

групп у пришлых тюркоязычных племен. Этническая дифференциация чувашей, татар, башкир, т. е. тех народов, которые своей историей тесно были связаны с волжскими болгарами, в самостоятельные народности завершилась относительно поздно, лишь в ходе событий XIII—XVI вв.⁷

Известно, что еще задолго до появления этнонимов «чуваши» и «татары», по крайней мере в конце I тыс. н. э., в письменных источниках уже были зафиксированы мордовские (эрзя и мокша), марийские (черемисские), удмуртские племена, а также меря, мурома и мещеры, причем на ряде карт были локализованы и территории их обитания⁸. К примеру, в летописи «Повести временных лет» (начало XII в.) перечислены почти все финно-угорские народы Восточной Европы, но вот такой сравнительно крупный этнос, как чувашаи, нигде не упомянут⁹. А дело в том, что в исторических документах до конца XV в. чувашаи в основном именовались как «волжские болгары», а отчасти «горные черемиса», «черемисские татары», а до XIV в.— «болгары» и «сувары» («сувазы»). Слово «чуваши» впервые упоминается лишь в 1508 г. в книге Л. Лызлова «Скифская история» (Ч. I. М., 1787)¹⁰.

Таким образом, консолидация предков современных чувашей, татар и башкир в отдельные этносы с четко зафиксированными этнонимами, особенностями культуры и определенно локализованными территориями началась относительно позже, чем у финно-угров региона, но этот процесс протекал у первых интенсивнее и в сравнительно сложных условиях первой половины II тысячелетия.

На основании многочисленных исторических, культурных и языковых данных большинство исследователей безоговорочно признали чувашей потомками тюркоязычных болгарских и суварских племен, появившихся на Средней Волге в VII—VIII вв., и ассимилировавшей здесь части местных финно-угров.

Как известно, мысль о родстве чувашей с волжскими болгарами впервые была высказана выдающимся историком В. Н. Татищевым еще в первой половине XVIII в.: «Вниз по Каме жили бияры и чалматы... Ныне остатки их — чувашаи, которых и вниз по Волге довольно: сии много язык свой татарским повредили»¹¹. Но научное обоснование эта теория получила лишь в начале XX в. в работе выдающегося тюрколога Н. И. Ашмарина «Болгары и чувашаи»¹². С этого времени и начались жаркие дискуссии, выходящие далеко за пределы обсуждения собственно проблемы происхождения чувашей и ведущие к выяснению этнического соотношения чувашей и татар. Нельзя не согласиться на этот счет с известным башкирским ученым Р. Г. Кузеевым, который высказался однозначно: «Невозможно считать убедительными появляющиеся иногда попытки интерпретировать этногенез и этническую историю

этих народов (чувашей и татар.— В. И.) ... вне связи с волжско-булгарским этническим миром»¹³.

О сходстве чувашей и болгар в сфере хозяйства, быта и культуры свидетельствуют и многочисленные археологические исследования. Первые унаследовали у своих сельских предков типы жилищ, планировку усадьбы, расположение дома внутри усадьбы глухой стеной на улицу, веревочный орнамент, применяемый для украшения столбов ворот и т. п.). Как утверждают специалисты, белая женская одежда, головные уборы (*тухья, хушпу, сурбан*), украшения перевязь, накосники и т. п., бытовавшие у чувашей до недавнего времени, были распространены среди болгар, включая дунайских. В языческой религии чувашей, составляя как бы важнейшую этническую специфику духовной культуры, традиционно и стойко сохранялись также староболгарские языческие культы.

В чем же конкретно и главным образом обнаруживается болгарское наследие у чувашей? Самым фундаментальным аргументом является язык, ибо чувашский — единственный сохранившийся язык болгарской ветви — отличается от всех других тюркских языков тем, что звуку *з* в них соответствует чувашское *р* (так называемый ротацизм), а звуку *ш* — звук *л* (ламбдаизм). Ротацизм и ламбдаизм характерны и для болгарского языка. Например, чув. *хёр* (девушка) — общетюрк. *кыз*, чув. *хёл* (зима) — общетюрк. *кыш* и т. д.

В развитии болгарской теории происхождения чувашей огромную роль сыграло обнаружение чувашских слов в текстах болгарских надгробных надписей XIII—XIV вв., сделанное в XIX в. казанским исследователем Х. Файзхановым, и элементов чувашского языка в древнем славяно-болгарском источнике — «Именнике болгарских князей»¹⁴. Известный тюрколог Н. А. Баскаков пишет: «В современной тюркологии считается общепризнанным и вполне с убедительной аргументацией доказанным положение о том, что в чисто лингвистическом плане языки древнебулгарский и современный чувашский являются близкородственными по всем уровням: фонетике, грамматике и лексике, образуя в системе тюркских языков единую группу, в то время как татарский и башкирский языки, кыпчакские в своей основе, имеют только некоторые болгарские черты..., объясняющиеся не генетическими причинами, а лишь субстратным воздействием болгар на эти языки»¹⁵.

Историю чувашского языка лингвисты (А. Рона-Таш, Н. И. Егоров и др.) подразделяют на ряд эпох, совпадающих в целом с периодизацией этнической истории чувашей¹⁶.

I. Прототюркский этап (до середины I тыс. до н. э.) — эпоха распада прототюркского праязыка в Центральной Азии на две ветви: огурскую (огуро-оногуро-болгаро-чувашскую) и огузскую (огузско-карлукско-кыпчакско-сибирскую).

II. Огурская эпоха (середина I тыс. до н. э. — начало

н. э.) — период обитания огурских племен в составе гуннского (сюннуского) союза племен.

III. Оногурская эпоха (начало н. э. — III в. н. э.) — время, когда оногуры (федерация десяти огурских племен) проникают в Семиречье и получают от ираноязычных племен этноним «сабир» (т. е. наездник), переселяются на запад в Приаралье, кочуют в районах Южной Сибири и Башкирии совместно с предками венгров — угорскими племенами.

IV. Древнеболгарская эпоха (IV—VII вв.) — период обитания оногуро-сабирских и угорско-венгерских племен на территории Северного Кавказа.

V. Среднеболгарская эпоха (VIII—XVI вв.). Подразделяется на три периода: 1) дозолотоордынский (VIII в.—1235 г.); 2) золотоордынский (1236—1444 гг.); 3) казанский (1445—1551 гг.). В дозолотоордынский период оногуро-болгары переселяются в Волго-Камье, в начале X в. основывают государство и за счет консолидации различных своих племен (темтюзей, суваров, берсула, эсегелей, болгар и др.), а также ассимиляции местных финно-угров и буртасов формируются в единую народность. В золотоордынский период, когда Волжская Болгария завоевывается монголо-татарами, начинаются процессы культурно-языкового смешения мусульманской части болгарского населения с прибывающими в край кыпчаками, консолидации языческого болгарского населения в отдельную общность под этнонимом «чуваши». С середины XIV в. по начало XV в. происходит интенсивное перемещение болгар, прежде всего болгаро-чувашей, из Закамья в Предкамье и Заказанье, с правобережных южных районов Чувашского Поволжья на северо-восток Чувашии (междуречье Кубни и Цивилия). Казанский период охватывает время существования Казанского ханства, когда резко усиливается приток в левобережные районы Поволжья кыпчакско-татарского населения, которое начинает доминировать как в политическом, так и культурно-языковом отношениях. Происходит ассимиляция болгаро-чувашей Заказанья, часть которых переселяется на северо-восток Чувашии (междуречье Аниша и Цивилия). К началу XVI в. у болгаро-чувашей, не принявших ислама, формируются все необходимые этноспецифические признаки самостоятельной и внутренне достаточно консолидированной этнической общности — народности.

VI. Новоболгарская, или чувашская эпоха (1551 г.— до наших дней). Начинается со времени вхождения Чувашского края в состав России и характеризуется относительным ослаблением влияния татаро-мусульманской культуры и языка и интенсивным усилением воздействия на чувашей русского языка и славянско-христианского культурного мира.

Чувашские крестьяне принадлежали к разряду ясачных, а с XVIII в.— государственных и удельных крестьян. По мнению

исследователей (В. Д. Димитриев и др.) на рубеже XIX—XX вв. сформировалась чувашская нация.

В 1920 г. чувашаи получили свою государственность — Чувашскую автономную область, которая в 1925 г. была преобразована в Чувашскую АССР, в 1990 г. — Чувашскую ССР, в 1992 г. — Чувашскую Республику. Создание государственности способствовало возникновению соответствующих политических, социальных, культурных, научных, медицинских и управленческих национальных кадров. Чувашия имеет свою Конституцию, герб, флаг, гимн. В 1990 г. два языка — чувашский и русский — объявлены государственными.

Концепция болгаро-чувашской этнической преемственности к настоящему времени нашла подтверждение, дальнейшее развитие и конкретизацию в новых кросскультурных исследованиях по археологии, этнографии, лингвистике, фольклору и искусству народов региона¹⁷.

Как уже отмечалось, к настоящему времени накоплен и частично опубликован значительный материал, характеризующий основные этапы этногенеза и этнической истории чувашского народа, различные стороны его традиционной культуры, хозяйственной деятельности, общественного и семейного быта, особенности народных знаний и философии, художественного творчества, современных социальных и этнических процессов. Однако в преобладающем большинстве это работы, касающиеся в основном частных проблем, либо обзорного (очеркового) характера. Лишь фрагментарно изучены пока вопросы этногенетического и историко-культурного взаимодействия и взаимовлияния чувашей с тюркскими, финно-угорскими и другими народами, населявшими в разные эпохи Поволжье и Приуралье, Северный Кавказ и другие территории. Коренной проблемой чувашеведения остается вопрос об этническом ядре и основных компонентах народа, об истоках и факторах, определивших этноспецифические черты его культуры, быта и др.

Надо, однако, заметить, что в последние годы в газетах и журналах, издающихся в Чувашской Республике, было немало больших публикаций, авторы которых, отвергая наличие в чувашской культуре алтайско-тюркского компонента, представляют чувашей как почти прямых наследников древнейших мировых цивилизаций, в частности, шумерской. При этом игнорируется то общеизвестное положение, что древние предки и иранских, и тюркских, как и многих других народов, испытали в разное время как прямое, так и опосредованное влияние великих древних культур Передней и Средней Азии, Ближнего Востока, Индии, Китая и др. Как указывает известный историк Поволжско-Приуральского региона Р. Г. Кузеев, «пренебрежение принципами установления генетической или территориально-временной преемственности фактов и явлений обычно рождает довольно смелые, но столь же малоубедительные

концепции и гипотезы... Отсечение одной из линий или гипертрофирование другой неизбежно ведет к ошибкам, необоснованным гипотезам и, как следствие, к неплодотворным дискуссиям, не имеющим под собой достаточно серьезной научной базы и отвлекающим ученых от общего решения проблемы¹⁸.

Представляемая читателю книга написана группой авторов, задавшихся целью попытаться ответить хотя бы на некоторые из вышеуказанных вопросов на основе сравнительно-исторического анализа и синтеза доступного корпуса материала, найти объяснение происхождению и эволюции тех основных этнических показателей, которые выделяют чувашей среди других народов, разобраться, насколько это удастся, в причинах формирования именно такого, а не другого комплекса культуры, быта и самосознания чувашей; специфике синкретизации и сосуществования в культуре разнообразных форм, сложившихся на базе оседло-земледельческих и кочевническо-скотоводческих племен; особенностях проникновения в культуру чувашей элементов культур других народов; основных истоках и факторах развития и формирования духовной культуры народа (музыка, изобразительное искусство, народные знания и пр.), его философских, религиозных воззрений. Важно выяснение того, как, откуда и при каких обстоятельствах именно это, а не другое явление или элемент культуры появился у чувашей и какую роль он сыграл и играет в этническом развитии народа.

Исследование не претендует на обзор всех вопросов этнической истории и культуры чувашей, а ставит перед собой в основном две задачи:

1) изучить традиционную культуру и быт чувашей периода не позднее конца XIX — начала XX вв., но не в статичном их выражении, а в исторической динамике, в органической связи, с одной стороны, с историей происхождения, формирования и этнического развития этого народа, с другой — с этнической историей и культурой родственных и других групп;

2) дать возможность каждому автору свободно изложить свои взгляды и трактование той или иной научной проблемы, даже несмотря на иногда диаметрально противоположный характер авторских позиций.

В дальнейшем ученые совместно со специалистами из других областей наук намерены продолжить разработку остающихся пока за рамками данного издания тем.

Книга написана коллективом авторов: «Предисловие», разделы «Происхождение и ранние миграции», «Расселение и диаспора», «Культура питания» — кандидатом исторических наук В. П. Ивановым;

«Субэтнические группы», «Земледелие и животноводство», «Подсобные отрасли», «Ремесла и промыслы», «Народные знания» — П. П. Фокиным;

«Одежда и украшения», «Народное искусство», «Древне-чувашская руническая письменность» — кандидатом искусствоведения А. А. Трофимовым;

«Поселения, жилища и хозяйственные постройки», «Домашняя утварь» — кандидатом исторических наук Г. Б. Матвеевым;

«Традиционная музыкальная культура» — кандидатом искусствоведения М. Г. Кондратьевым.

ЛИТЕРАТУРА

- ¹ См.: *Воробьев Н. И. и др.* Чуваш. Этнографическое исследование. Часть 1. Материальная культура. Чебоксары, 1956.
- ² *Халиков А. Х.* Истоки формирования тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971. С. 13; *Старостин Н. Н.* Этнокультурные общности предбулгарского времени в Нижнем Прикамье // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. С. 53; *Халиков А. Х.* Памятники писеральско-андреевского типа в Волжском правобережье и их этнокультурная интерпретация // Древности Волго-Вятского междуречья. Сб. статей МарНИИ. Йошкар-Ола, 1987. Вып. 12; и др.
- ³ Список основных работ по проблеме этногенеза чувашей см в кн.: *Болгары и чуваш. Чебоксары, 1984. С. 155—156.*
- ⁴ Эта концепция подвергалась аргументированной критике, в частности в работах *Кузеева Р. Г.* (Проблемы этнической истории народов Среднего Поволжья и Южного Урала с середины второй половины I тысячелетия н. э. до XVI в. Препринт доклада. Уфа, 1987); *Димитриева В. Д.* (О последних этапах этногенеза чувашей // *Болгары и чуваш. Чебоксары, 1984*) и других исследователей.
- ⁵ См.: *Кузеев Р. Г., Иванов В. А.* Указ. соч. С. 7.
- ⁶ Там же. С. 10.
- ⁷ Там же. С. 11.
- ⁸ Бесспорность этого факта для подавляющего большинства ученых настолько очевидна, что некоторые из них утверждают, что еще в IX—XI вв. «древние марийцы выступают на исторической арене под именем черемис уже как оформившаяся в основном народность», что «консолидация мордвы в народность в XIII в. была близка к завершению» и т. д. (см., например, *Архипов Г. А.* Происхождение марийского народа по археологическим данным // Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967. С. 50; *Мордва. Историко-этнографические очерки.* Саранск, 1981. С. 20). К примеру, мордва была известна еще в VI в. (*Йордан, О происхождении и деянии гетов. М., 1960. С. 89*), этноним «черемис» встречается в X в. (Полное собрание русских летописей. Т. 1. Л., 1926. С. 10—11).
- ⁹ ПСРЛ. Т. 1. М., 1962. С. 7.
- ¹⁰ См.: *Димитриев В. Д.* Чувашия в эпоху феодализма. Чебоксары, 1986. С. 14.
- ¹¹ *Татищев В. Н.* История Российская. В 7-ми томах. Т. 4. М.-Л., 1964. С. 66—67.
- ¹² *Ашмарин Н. И.* Болгары и чуваш. Казань, 1902.
- ¹³ *Кузеев Р. Г.* Указ. соч. С. 20—21.
- ¹⁴ *Фейзханов Х.* Три надгробных булгарских надписи // Известия имп. Археолог. общества. Т. IV. СПб., 1863; *Болгары и чуваш. Чебоксары, 1984.*
- ¹⁵ *Баскаков Н. А.* Предисловие // Федотов М. Р. Чувашский язык в семье алтайских языков. Чебоксары, 1980. С. 5.
- ¹⁶ См.: Современный чувашский литературный язык. Т. 1. Чебоксары, 1990. С. 132—144.

- ¹⁷ См.: Археология и этнография Чувашской АССР. Библиографический указатель. Чебоксары, 1986; О происхождении чувашского народа. Чебоксары, 1957; *Каховский В. Ф.* Указ. соч.; *Ковалевский А. П.* Чуваша и болгары по данным Ахмеда ибн-Фадлана. Чебоксары, 1954; *Егоров В. Г.* Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении. Чебоксары, 1971; *Смирнов А. П.* Железный век Чувашского Поволжья. М., 1961; Городище Хулаш и памятники средневековья Чувашского Поволжья. Чебоксары, 1972; *Серебренников Б. А.* К вопросу о действительных взаимоотношениях между чувашским, болгарским и татарским языками //УЗ ЧНИИ. Чебоксары, 1956. Вып. XIV; *Федотов М. Р.* Чувашский язык в семье алтайских языков. Чебоксары, 1980. Ч. 1; 1983. Ч. 2; *Денисов П. В.* Этнокультурные параллели дунайских болгар и чувашей. Чебоксары, 1969; *Козлова К. И.* Этнография народов Поволжья. М., 1964; Болгары и чуваша. Чебоксары, 1984; Современный чувашский литературный язык. Чебоксары, 1990; *Федотов М. Р.* Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. Саратов, 1990; и др.
- ¹⁸ *Кузеев Р. Г.* Историческая этнография башкирского народа. Уфа, 1978. С. 12, 18.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАННИЕ МИГРАЦИИ

Древнейшие предки болгарских племен, как и всех тюрков, вышли из Центральной Азии¹. На этой обширной территории еще с конца III тыс. до н. э. широко были расселены гунны (хунны). Известно, что праболгары входили в Гуннский (Хуннский) союз племен (III в. до н. э.— I в. н. э.), занимавший первоначально территорию между Западной Монголией и Восточным Казахстаном. Гунны находились под сильным языковым, культурным влиянием китайцев. Более близкой этнической общностью, из которой вышли древние болгары, исследователи считают огуро-оногуров, в составе которых были, возможно, племена билу (пулу), бугу (бугур), чеши и пулей, обитавшие по северным склонам отрогов Тянь-Шаня и в верховьях Иртыша², и известные еще в III—II вв. до н. э.

Надо заметить, что время пребывания тюркоязычных предков чувашей в Центральной Азии отчетливо запечатлелось в культуре, особенно в языке последних³. Чуваша имеют ряд устойчивых этнографических и языковых параллелей с тюркскими народами Алтая и Южной Сибири, в частности, с хакасами, уйгурами, алтайцами, шорцами, тувинцами⁴. В лексике и фонетике чувашского языка обнаруживаются более выраженные, чем у ряда других тюркских этносов, монгольские языковые элементы (до 900 лексических соответствий, общая р-основа языков), что определенно подтверждает выделение и монгол, и тюркоязычных предков чувашей из алтайской общности. Монгольские, тюркские и маньчжурско-тунгусские языки входят именно в алтайскую семью языков⁵. Чувашский язык сохранил древнейшие слова, употреблявшиеся при слабой обособленности тюркских и монгольских языков. Существенно важен и тот факт, что основные элементы древней религии саяно-алтайских тюрков находят проявление и в комплексе языческого культа чувашей⁶.

В конце III — начале II вв. до н. э. началось движение гун-

нских племен на запад. В начале I тыс. н. э. (I—II вв.) они занимают территорию Средней Азии и современного Казахстана. Во II в. оногуро-болгары (т. е. *вун* «десять» + *вākār* «бык» — тотем, означавший союз десяти огурских племен) появляются в Семиречье и получают здесь от местных ираноязычных земледельцев этноним *сабир* (древнеиран. «наездник», перс. *савар*—*сувар* «наездник»). «Зимние пастбища оногуров располагались в районе Семиречья, а летние — в Западной Сибири, в районе слияния Иртыша с Обью, где в то время обитали угорские племена — общие предки хантов, манси и венгров. Оногуры оставили в Западной Сибири этноним «угры» (югра) и топоним «Сибирь» (сабир)»⁷.

Следует отметить, что оногуро-болгарские и сабирские племена покинули свою прародину — территорию между Тянь-Шанем и Алтаем — в I в. н. э. под давлением соседей — китайцев и двинулись на запад обособленно от западных гуннов⁸.

В III в. оногуро-болгары продвигаются по Сырдарье дальше, на Запад, в районы Приаралья, и кочуют в степях Средней Азии и Казахстана. Обитавшие в этом обширном регионе восточные ираноязычные племена (саки, масагеты, усунь и др.) покорялись ими, и в ходе этногенетического взаимодействия их с пришлыми центрально-азиатскими тюрками происходило формирование новых тюркоязычных этнических общностей.

Многочисленные сравнительно-исторические и этнографические данные явственно указывают на активное участие оногуро-сабирских племен в этнокультурных процессах Средней Азии и Казахстана в составе гуннов, покоривших здесь к началу I тыс. н. э. большинство кочевых племен. Как показали исследования, объединение усуней (уйсунов) некогда насчитывало более полумиллиона человек, а главная ставка их — Чигу — находилась на берегу Иссык-Куля. В последующем усунь были покорены Чингис-Ханом и после распада Золотой Орды вошли в состав казахов. По-видимому, в результате взаимной ассимиляции оногуро-сабирских племен «бугу» (*пугур*) и ираноязычных усуней в средне-азиатско-казахстанских степях и сформировалась протоболгарская этническая общность⁹.

Именно здесь, в Средней Азии и Казахстане, проникают и закрепляются в языке оногуро-сабиров — предков чувашей — до двухсот древнеиранских слов¹⁰. Через посредство иранских племен в чувашский язык вошли и десятки индийских слов¹¹. В то же время в языческий культ предков чувашей проникают и элементы зороастризма — религии иранских племен¹². Более того, сегодня уже не оспаривается, что чувашский языческий культ формировался под сильным воздействием именно зороастризма, что четко прослеживается и в терминологии: ср., напр., *Пихампар* (пророк, покровитель домашних и диких животных и зверей) — перс. *пейгамбар*; *Пирёшти* (покровитель домочадцев) — перс. *фереште* и т. д.

Элементы сугубо древнеиранской культуры прослеживаются и в материальной культуре (в частности пища), а также в искусстве (орнамент вышивки и т. д.) чувашей. Причем, согласно новым исследованиям, имеющиеся этнокультурные параллели позволяют искать истоки этнической культуры в цивилизациях Согдианы, Бактрии, Индии и др.¹³

О многогранности этногенетического взаимодействия оногуро-сабирских и восточно-иранских племен свидетельствует наличие в современном чувашском языке самых разнообразных древнеиранских слов: *шърттан* (рубец, начиненный мясом) — *ширдан* (кушанье из овечьего желудка, начиненное мясом и рисом); *сйра* (пиво) — *шире* (напиток, молодое вино); *йста* (мастер) — *остад* (мастер); *сунтал* (наковальня) — *сендал* (наковальня); *салма* (клецки) — *чалма* (пресные лепешки); *кёпе* (рубашка) — *геба* (мужская одежда); *сурпан* (женская головная повязка) — *сербенд* (головная повязка); *кёсье* (карман) — *кисе* (карман); *сум* (число) — *сон* (число); *суту* (торговля) — *соуда* (торговля); *кахал* (ленивый) — *кахел* (лентяй); *хача* (ножницы) — *гейчи* (ножницы); *хастар* (усердие) — *хастар* (желание) и др.¹⁴

* * *

В конце III — начале IV вв. оногуро-болгарские и сабирские (савирские) племена начинают расселяться на правом берегу Нижней Волги, постепенно занимают значительные территории Северного Кавказа, Приазовья¹⁵. Как полагают исследователи, собственно сабирские (савирские) племена появились здесь несколько позже оногуро-болгар, после того, как в конце IV в. степи между Волгой и Днестром были заняты вторгшимися с востока кочевыми племенами во главе с гуннами, подчинившими своей власти обосновавшихся здесь еще ранее оногуров и угров, а также ираноязычных сарматов и аланов. Вместе с гуннской массой в северокавказский регион проникают не только сабиры (савиры, сувары), но и угро-мадьяры (предки венгров). Надо отметить, что практически все обитавшие на территории рассматриваемого региона тюркоязычные племена (прежде всего оногуро-болгары и савиры) и угры входили в Гуннскую федерацию или союз, поэтому очень часто в источниках они упоминаются под именем гуннов. Влияние гуннов на эти племена, по-видимому, было довольно значительным: описанная римским историком Приском мужская и женская одежда и вышивка гуннов из расположенного в Паннонии лагеря Атиллы в 448 г. совпадает с традиционной одеждой чувашей XVIII в.¹⁶ Видимо, оногуро-болгары и сами играли значительную роль в племенном союзе Атиллы¹⁷. «Держава гуннов», центр которой к середине V в. утвердился на Среднем Дунае, после смерти хана Атиллы (453 г.) распалась, после чего одна

часть гуннов расселилась в северных районах современной Болгарии, другая — в Приазовье и на Северном Кавказе.

На обширной территории северокавказского региона оногуро-сабиры обитали в условиях весьма тесного этнического взаимодействия с ираноязычными сарматами и аланами, а также с уграми, антами (восточными славянами), грузинами, армянами и другими кавказскими племенами. Установлено, что сарматы и аланы оказали на культуру, хозяйство и общественную организацию оногуро-сабиров (савиров) весьма значительное влияние. Как считает большинство исследователей, этноним «болгары», которым обозначались различные тюркоязычные и тюркизированные угорские и аланские племена, приобрел собирательное значение, как в свое время термин «гунны»¹⁸. По-видимому, ряд родственных племен сплотились вокруг возвысившегося объединения «болгар» и стали известны окружающим народам под этим новым именем¹⁹.

Этноним «болгары» впервые появляется среди оногуро-сабирских племен Северного Кавказа в V в., когда последние одерживают ряд побед над кавказскими народами и начинают создавать свое первое государственное образование — «Великую Болгарию» со столицей на Таманском полуострове (Фанагория).

По данным исследований, именно на Северном Кавказе у оногуро-болгарских и сабирских (суварских) племен начался переход от кочевого образа жизни к оседлости, зародились раннефеодальные отношения, возникают первые государственные образования. Вслед за болгарам в V—VI вв. у сабиров (савиров) совместно с барсилами образовался в Прикаспийском регионе свой союз племен — Савирское княжество.

В 70-х гг. VI в. болгары, сувары и хазары попадают под власть Западнотюркского каганата. В борьбе против каганата в 30—40-х гг. VII в. образовалось военно-политическое объединение во главе с ханом Кубратом «Великая Болгария», куда вошли и другие тюркоязычные племена, а также аланы, адыги и др. На определенной территории сложилась некоторая общность племен, родственных по языку и культуре. Наибольшего расцвета этот союз достигает при Кубрате, когда в середине VII в. болгары полностью освобождают районы Предкавказья от подчинения Тюркскому каганату. Тем не менее болгарская этническая общность, не имевшая прочных внутренних экономических связей, после смерти Кубрата в 50-х гг. VII в. распадается на отдельные части²⁰. Распаду «Великой Болгарии» способствовало и усиление Хазарского каганата, который к концу VII в. подчинил себе сабиров (савиров) и барсилов. Тюркоязычные хазары были близки к болгарам по культуре и языку (Иби-Хаукаль).

Власть в «Великой Болгарии» разделили сыновья Кубрата Аспарух (Исперих) и Батбай. Под натиском хазар Аспарух вме-

сте с частью болгар («кутригуры») в 675 г. ушел на запад, на Балканы, где основал Дунайскую Болгарию. Часть болгарских племен («черные болгары») во главе с Батбаем осталась на старом месте и подчинилась хазарам. Согласно имеющимся данным, здесь они продолжали обитать до середины VIII в. и в процессе взаимодействия с хазарами и другими племенами Северного Кавказа, Причерноморья и Подонья создали свою культуру, известную в археологии как салтово-маяцкую. Остатки батбаевых болгар впоследствии (в XI—XV вв.) послужили одним из главных компонентов балкарского народа, сформировавшегося под сильнейшим кыпчакским влиянием²¹.

Группа болгар («серебряные болгары») в 670-е гг. переселяется в Среднее Поволжье. Они ушли на север под предводительством Котрага — второго сына Кубрата²².

Этнокультурные параллели между болгарскими, ушедшими на Дунай, с одной стороны, и на Среднюю Волгу — с другой, находят свое наиболее рельефное выражение в общности и идентичности многих элементов материальной и духовной культуры их потомков — дунайских болгар и чувашей. Они достаточно хорошо выявлены как чувашскими, так и болгарскими исследователями²³. Прежде всего — это язык. Так, древнеболгарские слова в «Именнике болгарских царей» расшифровывают именно с помощью чувашского языка. Причем ряд зафиксированных в нем имен сходен с дохристианскими чувашскими именами. Многие слова славянского языка дунайских болгар сходны с чувашскими и не содержатся в других тюркских языках (*душек* «перина» — чув. *тӱшек*; *капня* «калитка» — чув. *ханпа*;

ветав «старый» — чув. *ватă*; *кака* «старшая сестра» — чув. *акка*, *аппа*; *хисеп* «счет» — чув. *хисеп*; *керка* «дочка» — чув. *хёр*; *белек* «знак» — чув. *паллă*; *дост* «друг» — чув. *тус*; *енджик* «сумка» — чув. *енчĕк*; *ергень* «парень» — чув. *еркĕн* и т. д.)²⁴. В прошлом много общего обнаруживалось в покрое женской одежды, головных уборах и орнаменте, предметах быта, народных поверьях, обрядах и обычаях дунайских болгар и чувашей²⁵.

Важно отметить, что болгаро-чувашская преемственная связь четко выявляется и в этимологии термина «болгар/булгар». Тюрколог М. Р. Федотов в одной из своих публикаций, обобщая высказывания исследователей вопроса этимологизации этого этнонима, подытоживает, что в основе этого термина лежит древнетюркский глагол «булга»: 1) перемешивать, смешивать; 2) мутить; 3) переносное — досаждать, обижать, печалить, вредить, омрачать; 4) переносное — возбуждать недовольство, сеять смуту²⁶. Как известно, в словаре Н. И. Ашмарина представлены слова, генетическая принадлежность которых к приведенным формам, по мнению М. Р. Федотова, вне всякого сомнения: *пăлхар* — «болгар (булгар)»; *пăлхар* — «бунтовать», «волноваться»; *пăлхав/пăлхаву* — «бунт», «мятеж», «волнение», «смута»; *пăлхавар* — «суматоха», «смута»; *пăлхан* — «мутиться» (о жидкости), «волноваться» и др. Венгерский лингвист Ю. Немет переводил «булгар» как тот, «кто подстрекает к мятежу», а в качестве этнонима он указывает значение «повстанец, мятежник»²⁷.

Формирование савирской (суварской) народности, находившейся с 60-х гг. VII в. до 30-х г. VIII в. под господством Хазарского каганата, не получило своего завершения вследствие нашествия арабов на территорию их расселения. В начале VIII в. арабский полководец Мерван прошел вдоль Каспийского и Черноморского побережий Кавказа в Хазарию. После захвата и разгрома им в 721—722 гг. ряда крупных хазарских и суварских поселений и городов (Семендер и др.) значительная часть сувар и барсил, а также некоторая часть болгар мигрируют (во второй четверти VIII в.) вслед за серебряными болгарами на Среднюю Волгу²⁸. Первоначально они располагаются в лесостепных районах Закамья, т. е. южнее территории расселения болгар²⁹.

В новых исследованиях отмечается, что «под савирами авторы V—VII веков подразумевали различные гуннские племена, занимавшие степи от Дербента до Азовского моря и Волги, поскольку к этому времени именно савиры возглавили военный союз полукочевых и кочевых народов степей Предкавказья. Савиры заселили Тюркско-Сулакское междуречье на севере, далее степи от Махачкалы до Дербента. Армянские авторы VII—VIII веков знают 4 города их: Варачан, Чхигаро, Мсндр, «город гуннов»³⁰. Византийский историк Прокопий Кессарийский, харак-

теризуя население Прикаспийского Северного Кавказа в VI в., сообщает: «Тут живут гунны, так называемые савиры, и некоторые другие гуннские племена. ...Сабиры являются гуннским племенем, живут они около Кавказских гор»³¹. Интересно отметить, что сваны (грузины) называют балкарцев «савьяр» (т. е. савир—сувар)³².

Целый ряд данных указывает на наличие суваро-чувашской генетической и культурной преемственности. Языческие верования прикаспийских сувар VII в., описанные армянским писателем X в. М. Каганкатвацци, в деталях и названиях некоторых божеств (почитание бога Тангрихана, священных дубовых рощ, отдельно стоящих деревьев), бога огня Куар (иран. *квар* «солнце»), совершении обрядов с жертвоприношениями в честь различных духов и т. д. совпадают с языческой религией чувашей XVI—XVIII вв.³³ Христианский епископ Исраиль, побывав в стране суваров в 684 г., зафиксировал ряд проявлений язычества у них: «...Они приносили жертву огню и воде, поклонялись некоторым богам путей, также луне и всем творениям, которые в глазах их казались удивительными ... высоким густолиственным дубам поклонялись, принося в жертву лошадей, кровь их поливали вокруг деревьев, и голову и кожу вешали на сучья и деревья»³⁴.

В сохранившихся в памяти народа чувашских легендах и преданиях речь идет о прибытии чувашей в Среднее Поволжье именно с Кавказа, с районов гор Арамази³⁵. Следует отметить, что тесное соседство болгар и суваров с местными кавказскими народами, особенно с предками современных тюркских этносов — балкарцев, аваров, кумыков и др., находит свое проявление в традиционной культуре чувашей. В их языке сохранилось несколько десятков слов из древнегрузинского, древнеармянского, греческого (византийского) языков³⁶. К примеру, в чувашском языке имеются такие грузинские слова, как *симес* «еда» — чув. *симёс*; *циви* «холодный» — чув. *сивё*; хумалак «хмель» — чув. *хямла*; армянские слова: *тохмак* «толкуша» — чув. *тукмак*; *варель* «кипеть» — чув. *вёре*; *тесак* «сорт» — чув. *тёс* и др.

По данным исследований, богатейший орнамент чувашской вышивки был воспринят болгарами в значительной степени от североиранцев до прибытия на Среднюю Волгу и распространен среди местных племен. Кроме этого, у самих болгар и сувар за длительное время совместного обитания на Северном Кавказе упрочились межплеменные связи, происходил процесс этнического и культурного сближения. Язык сувар, по-видимому, был родственен хазарскому и болгарскому. Махмуд Кашгари (XV в.) указывал: «Языки же болгар, сувар и печенег являются тюркскими...»³⁷. На Северном Кавказе, в Приазовье и Причерноморье сувары и болгары смешивались с ираноязычными сарматами и аланами, хазарами и кавказскими народами, что

отразилось не только в культурно-языковых заимствованиях, но и в изменении физического типа болгар и сувар³⁸.

По соседству с болгарями на территории между реками Доном и Кубанью («Лебедия») находились предки современных венгров — угры-прамадьяры. Как считают некоторые специалисты, вопреки устоявшемуся в науке мнению, в Предуралье, на Урале и в Поволжье венгров «никогда не было, были только их финно-угорские предки, а именно угры... Именно в Лебедии (а не в Среднем Поволжье...), согласно выводам целого ряда выдающихся ученых, и происходили демографические, экономические, культурно-языковые контакты и прочие виды взаимодействия складывающихся в самостоятельную этническую общность финно-угорских предков венгров (в то время кочевых и полукочевых) и тюркских (точнее болгаро-тюркских) предков чувашей. Лидерами взаимодействия были болгары-тюрки, поэтому в современном венгерском языке обнаруживается много болгаро-тюркских заимствований»³⁹. В венгерском языке насчитывается до 300 чувашских слов. Болгарские, т. е. чувашские, слова в венгерском языке представляют весьма широкий спектр лексики древних болгар: *ёкор* «бык» — чув. *вӑкӑр*; *кечке* «коза» — чув. *качака*; *арпа* «ячмень» — чув. *урпа*; *сепре* «дрожжи» — чув. *сӗпре*; *тило* «мялка» — чув. *тылӑ*; *сарло* «серп» — чув. *сурла*; *еке* «плуг» — чув. *ака, акапуç* и др. Выдающийся венгерский лингвист Э. Гомбоц на основе тщательного изучения фонетического облика этих заимствований писал в начале XX в., что они, если и не все, то в подавляющем большинстве своем, могли быть заимствованы из чувашского, вернее, древнечувашского языка и являются наиболее важными как в языковом, так и культурно-историческом отношении⁴⁰.

Чувашско-мадьярский языковой материал позволил Н. И. Ашмарину заметить, что «чувашские слова, перешедшие в древности в мадьярский язык, доказывают ясно, что своеобразный характер чувашского перечня уже был ему присущ и в древности, ранее IX столетия нашей эры, а кроме того, существуют некоторые положительные факты, позволяющие думать, что первоначальная родина чуваш была не на среднем течении р. Волги, в области финнов, а гораздо южнее»⁴¹. Таким образом Н. И. Ашмарин тоже указывает на Северный Кавказ, Приазовье и Подонье как на территорию, где происходило взаимодействие чувашей и венгров.

* * *

В истории Средневожского региона с точки зрения его формирования исследователи выделяют предболгарское время (до VIII в.), раннеболгарский период (VIII—X вв.), эпоху развития и расцвета Болгарского государства (XI — первая треть XIII вв.) и золотоордынскую эпоху (XIII—XV вв.)⁴².

Этническая карта Волго-Камского региона и до переселения сюда с юга болгаро-суварских племен была сложной: в I тыс. до н. э. и первой половине I тыс. н. э. левобережье Волги занимали племена ананьинско-пьяноборской археологической культуры (предки древних удмуртов, мари и коми), правобережную территорию заселили племена городецкой и позднегородецкой культур — предки древних мордвы, черемисов (древние мари)⁴³ и буртасы, на территории Ульяновской области расселялись племена именьковской культуры, в составе которых были переселившиеся в III—IV вв. со среднего Днепра славяне. (С именьковской культурой некоторые археологи — В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков и П. Н. Старостин⁴⁴ — беспочвенно связывали начало массовой доболгарской тюркизации Поволжья и Приуралья и появление здесь проточувашей, якобы, еще до прихода болгар, что в последующих специальных исследованиях не получило подтверждения⁴⁵.) Кроме того, в IV—V вв. из южных районов Западной Сибири в Средневожско-Приуральский регион проникали угорские (прамадьярские) племена. Судя по обнаруженным археологическим памятникам, на территории Чувашского края жили люди в эпоху палеолита, мезолита, неолита. В конце неолита появляются здесь древние предки финно-угров — марийцев, удмуртов, мордвы. В целом, как подчеркивают исследователи, предболгарское время характеризуется сложным этническим составом населения, взаимодействием волжско-финского, пермско-финского населений с угорскими и угросамодийскими наплывами из Западной Сибири и, видимо, с племенами индоиранского (сармато-аланского) культурного круга⁴⁶.

Кардинальное изменение этнического состава населения Среднего Поволжья произошло с приходом сюда в конце VII — начале VIII вв. с Северного Кавказа тюркоязычных болгар и суваров. Болгарские племена совместно с подчиненными им родственными эсегель, темтюзи и берсула (барсилы) расселились по обеим сторонам Средней Волги с центром в Нижнем Закамье (т. е. в центральных районах современного Татарстана). Однако есть серьезные основания предположить, что первые отряды болгарских переселенцев в Средневожском регионе первоначально расселились в основном на правобережье Волги. Это тем более вероятно, если иметь в виду, что переселение приазовских болгар на север естественным образом осуществлялось по территории правобережья Волги. Д. А. Хвольсон совершенно недвусмысленно сообщал, что болгары первоначально двигались по западному берегу Волги⁴⁷. Ученый XI в. Махмуд Кашгарский на карте, приложенной к «Словарю тюркских языков», именно правобережье поместил в качестве района расселения древних болгарских племен⁴⁸.

Сувары расположились в бассейне реки Черемшан, позднее переселились и на правобережье Волги, заселяя совместно с

болгарами южные районы территории современной Чувашской Республики вплоть до реки Суры⁴⁹. Вместе с тем интересно отметить, что географ XII в. Эдриси месторасположение города Суvara указывает все-таки на правом берегу Волги⁵⁰. Позднее, в конце IX—X вв., в степи Заволжья и Приуралья вторглись также тюркоязычные башкирские кочевники из печенежско-огузского круга племен. В XIII—XV вв. башкиры подверглись кыпчакизации.

Тюркоязычные пришельцы заняли на Средней Волге главенствующее положение. Интенсивные процессы этнокультурного взаимодействия с местными восточнофинскими и угорскими племенами переросли в частичную ассимиляцию болгарами аборигенного населения. Господствующее положение болгаро-сувар в Среднем Поволжье историки (В. Д. Димитриев, А. Х. Халиков и др.) объясняют не только тем, что они были сравнительно многочисленными, но и тем, что по сравнению с местными финно-уграми стояли на более высокой ступени общественного развития — на стадии раннего феодализма с элементами рабства, имели развитую военную организацию и владели военным искусством. Развитие феодализма закономерно вело к тому, что кочевники оседали, срастались с земледельческими общинами, составляя у них социальную верхушку⁵¹. В различных регионах Болгарского государства возникают и укрепляются городские поселения: столица государства г. Болгар — на левом берегу Волги, г. Сувар — на реке Утке, г. Ошель на правобережье Волги, Джукетау (Жукотин, т. е. Чўкту) — на Каме, г. Нохрат — на реке Актае, Керменчук, Биляр и др. Есть основания предполагать, что предшественником средневековых Чебоксар тоже было болгарское поселение⁵².

Болгаро-сувары имели также тесные этногенетические и культурные контакты с угорскими, в т. ч. прамадьярскими (провенгерскими) племенами, которые пришли на Среднюю Волгу и в Приуралье в IV—V вв. из южных районов Западной Сибири и обитали в бассейнах рек Большой Черемшан, Кондурча, Сок и Кинель, т. е. в близком соседстве с болгарами и суварами. Интересно отметить, что когда венгерский монах Юлиан в 1235 г. прибыл в Волжскую Болгарию, он нашел здесь остатки прамадьяр-правенгров, не переселившихся на Дунай (правенгры переселились в Паннонию (Подунавье) в 896 г.).

Первоначальный опыт государственности и сильная военная организация дали возможность племенным вождям болгар объединить тюркоязычное и финно-угорское население края вначале в союз племен (VIII в.), а на рубеже IV—X вв. — в Болгарское государство⁵³. Волжская Болгария образовалась в условиях господства Хазарского каганата. В письме Хазарского царя Иосифа в 961 г. в числе племен, плативших хазарам дань с давних времен, называются буртасы, болгары, сувары, черемисы (мари), арису (эрзя) и др.⁵⁴

По мере укрепления Болгарского государства все более сближаются и взаимоассимилируются различные болгарские племена — собственно болгары, сувары, эсегели, темтюзи, берсула и др. В то же время усиливается также культурно-генетическое взаимодействие тюркоязычных болгарских племен с финно-уграми, особенно на окраинах Волжской Болгарии, в частности на правом берегу Волги, в междуречье Свияги и Суры, в Приуралье, в северных районах государства. Процесс интеграции болгарских племен и ассимиляции ими местных финно-угров протекал при доминирующей роли болгаро-суварского языка и культуры. Таким образом, еще в дозолотоордынский период в составе раннефеодального Болгарского государства завершается этнополитическая консолидация различных болгарских племен в единую народность, одной из составляющих которой были отдельные группы финно-угров. Тогда же на базе консолидации отдельных племенных диалектов «окончательно сложились все основные характерные черты единого болгарского языка, ставшего впоследствии основой чувашского. Показательно в этом отношении диалектное единство старочувашского языка. Современный верховой и низовой диалекты сложились в сравнительно поздние периоды на основе единого среднего диалекта в результате ассимиляции марийского субстрата (верховой диалект) и интенсивных контактов с татарами-мишарями (низовой диалект)»⁵⁵.

Как уже отмечалось, в предмонгольскую эпоху (т. е. до XIII в.) достаточно определенно были известны не только этнонимы финно-угорских племен (мокша, эрзя, мари, меря, мурома, мещеры, удмурты), но и основные территории их обитания. В то же время полностью отсутствовали на этнической карте региона «чуваша», как и «татары», а речь в источниках идет в эту эпоху только о «волжских болгарах». Иначе говоря, в среде болгарской общности, включающей племена сувар, берсула, эсегелей, темтюзей, расселенных, по-видимому, не на строго очерченных территориях (и источники их с трудом локализируют), шел процесс консолидации их в один этнос и поэтому племенные различия все более нивелировались. По мнению В. Д. Димитриева, вероятно, именно этим и объясняется тот факт, что сформировавшийся на болгарской основе в XIII—начале XVI вв. чувашский этнос почти не имел существенных племенных и этнокультурных различий, в том числе и диалектных⁵⁶.

* * *

В этнической истории народов Поволжья и Приуралья новая ситуация возникает в связи с распространением с начала X в. среди части болгарского населения религии ислама, призванной способствовать прежде всего укреплению зарождающихся феодальных отношений. В первой четверти X в. болгар-

ский хан Алмуш, сын Шилки, в борьбе с хазарским господством искал поддержки у багдадского халифа, который по его просьбе в 922 г. прислал посольство для распространения ислама среди болгар⁵⁷. Мусульманство получило распространение среди феодальной знати, купцов, горожан вообще, а большинство болгар (особенно сельских) и расселенных в отдалении от городских поселений оставалось в X—XIII вв. язычниками. По сообщению одного из представителей багдадской делегации Ибн-Фадлана (X в.), основная масса суваров (в Мешхедской рукописи Ибн-Фадлана — «сувазы») во главе с Вырыгом (Въра̄х) отказалась принять его и откочевала в другое место. «Он (хан болгарский Алмуш, принявший ислам.— В. И.) захотел, чтобы произошла перекочевка [племени], и послал за народом, называемым суваз, приказывая им перекочевать вместе с ними. [Они] же отказали ему. И [они] разделились на две партии. Одна партия — с [разным] отребьем, и над ним [еще раньше] провозгласил себя [самозванным] царем [князем] некто по имени Вырыг... Другая же партия была вместе с царем [князем] из кочевого племени, которого называли царем [племени] Эскел. Он был у него (хана Алмуша.— В. И.) в повиновении, хотя [официально] еще не принял ислама»⁵⁸. Из этого рассказа видно, — отмечает А. П. Ковалевский, — что среди суваз и болгарских племен против принятия ислама действовала целая партия. Основная масса племени суваз отказалась ехать вместе с царем «на север, к небольшой речке Джавшыр», где должно было произойти окончательное всенародное принятие ислама: «Надо полагать, что после угроз болгарского царя за ним последовала лишь часть племени суваз, вероятно, главным образом знать. Основная же масса отказалась принять ислам и постепенно стала переходить в более отдаленные места на запад, на правый берег Волги. Эта часть и сохранила прежнее название суваз — чуваш. Оставшаяся часть составила основу населения княжества Сувар и в дальнейшем слилась с болгарями»⁵⁹.

Как отмечает тюрколог М. Р. Федотов, вывод А. П. Ковалевского базируется на двух основных предпосылках⁶⁰. Во-первых, действительно, основная масса чувашей не восприняла ислам, сохранив надолго свои языческую веру и обычаи, и лишь племенная верхушка, принимая мусульманство, отатарилась. Во-вторых, отождествление названия *чъваш* с названием *суваз* у Ахмеда ибн-Фадлана подтверждается лингвистическим анализом, проведенным прежде всего Н. И. Ашмариним. Он полагал, что слово *чъваш* последовательно прошло через формы *с'уас—ц'уас—ц'уаш* (*ч'уаш—ц'ываш* (*чываш*))⁶¹. Н. И. Ашмарин отмечал, что слово *чъваш* в старину произносилось чувашами несколько иначе, чем теперь, и именно в одной из следующих форм: *суас, савас*; в этом же более древнем виде оно и было взято черемисами в их богатый чувашизмами язык.

Как известно, луговые мари́йцы в прошлом болгаро-чува-шей называли «суас», затем этот термин перенесли на сменив-ших их в Приказанье и Заказанье татар. И сегодня мари́йцы чувашей называют «суасла мари» (т. е. сувазский человек). М. Р. Федотов пишет, якобы предположение, что мари́йское *суас* восходит к чувашскому *сáвас*, вполне убедительно, так как эта закономерность подтверждается на многочисленных чуваш-ских заимствованиях в мари́йском языке: чув. *сáкáр* — мар. *сыкыр* /*сукар* «хлеб», чув. *сурт* — мар. *сурт* «дом», «жилище» и т. д. То, что удмурты вначале болгар, затем сменивших их татар называли «бигерами», а мари́йцы и мишары — соответ-ственно «суас» и «чуваш», то, что часть суваро-сувазов отказы-валась принять ислам, и ряд других факторов подтверждают, что в процессе стирания племенных различий и формирования болгарской народности тюркоязычное население, не принявшее ислама, называлось чувашами⁶². Можно полагать, будто тюрк-ско-болгарское население Волго-Уралья именовалось и болгар-рами, и суварами (чувашами), но общий этнополитический термин «болгар» (или «булгар») покрывал тогда само назва-ние чувашей.

Как отмечается у В. Н. Татищева, «бохары сами о себе ска-зуют, что издревле на Волге жили и язык особый имели, но татарами переведены и с верою купно язык татарский, при-няв, употребляют. Волжские болгары закон имели бряхинов (язычников.— В. И.), потом магометанский»⁶³. Именно ислам-ская религия начала играть в регионе роль одного из важней-ших этноразделительных факторов. Есть много оснований по-лагать, что в домонгольский период (до XIII в.) болгарская этническая общность еще не была радикально расколота на му-сульман и язычников. Процесс этот получает интенсивное раз-витие с появлением в Среднем Поволжье в эпоху Золотой Ор-ды мусульманизированных кыпчаков-татар, а также носителей среднеазиатских культурных признаков.

Главным результатом этнокультурного развития населения Волго-Уралья в предмонгольскую эпоху исследователи считают распространение сходных элементов в различных сферах куль-туры, иногда — появление и укоренение в качестве обще-региональных (но не этнических) новых культурных призна-ков: «прежде всего это коснулось расширения зоны распростра-нения плужного пашенного земледелия и, соответственно, на-бора сельскохозяйственных культур и орудий»⁶⁴. Важно отме-тить, что тюркоязычные пришельцы, освоившие еще на Север-ном Кавказе и Приазовье первые навыки пашенного земледе-лия (особенно сувары), встретились на Средней Волге с пле-менами, также знавшими земледелие⁶⁵. В результате культур-ного взаимодействия с местными племенами болгаро-сувары приобретали навыки оседлости, местные приемы и способы ве-дения земледельческого хозяйства, строительства деревянного

сруба и других построек⁶⁶. Вместе с тем у финно-угров внедряются и распространяются тюрко-болгарские элементы материальной и духовной культуры.

По мере общественно-политического и экономического развития Болгарского государства, особенно укрепившегося после разгрома Русью в 965 г. хазар, территория обитания болгаро-суварских племен получает существенное расширение. Расселяясь по дальним окраинным районам Средневожско-Приуральского региона, основывая там колонии и опорные пункты, болгары все шире и полнее вступают в интенсивные процессы взаимодействия, смешения и ассимиляции с финно-угорскими племенами, башкирами. По сообщению Масуди, в X в. болгарский народ «подчинил все соседние ... народы»⁶⁷.

Волжская Болгария занимала значительную территорию, на которой ныне разместились Самарская и Ульяновская области, Татарская, Чувашская, Марийская и Удмуртская республики, западные районы Башкирии. К XII в. северная ее часть доходила до р. Казанки, восточная — р. Яик и Белая, южная — Жигулей, западная охватывала правобережье Волги, выступая до р. Суры и Оки⁶⁸. Таким образом, в состав Болгарского государства входила вся территория современной Чувашии, хотя в ее северных районах не наблюдалось преобладания тюркоязычного населения: болгарские селища здесь перемежались с древнемарийскими поселениями. По-видимому, уже с X в. правобережье Волги, в том числе и территорию Чувашского края заселяли не только болгары, но и группы сувар. Как утверждает известный казанский исследователь Р. Ахметьянов, «ни малейшей критики не выдерживает тезис о том, что до XIII века в пределах Булгарии жили сплошь болгаро-язычные тюрки. Уже в первых упоминаниях о Болгарии указывается на наличие в ней ряда других племен (суваров, эсегел, баранджаров и пр.). В непосредственной близости от Болгарии кочевали древние башкиры, говорившие, вероятно, на одном из огузско-туркменских диалектов. Археологические находки говорят о том, что в XI веке в Болгарию неоднократно переселялись среднеазиаты, скорее всего тюркоязычные. В XII веке Болгарию завоевали емяки — одно из кыпчакских племен. Казанское государство, появившееся во второй половине XIII века, без сомнения, было основано населением, говорящим на языке общетюркского, то есть небулгарского типа»⁶⁹.

Согласно предположениям некоторых авторов как XIX в. (В. А. Сбоев, А. Ф. Риттих и др.), так и современных специалистов (Ш. З. Бахтиев и др.), чувашаи считаются чуть ли не прямыми потомками также и буртасских племен, живших в болгарскую эпоху на территории Чувашского края⁷⁰. Такой однозначный вывод современной наукой не поддерживается. Однако факта ассимиляции болгаро-чувашиями некоторой части буртасских племен никто не отрицает. Это тем более вероятно,

ТЕРРИТОРИЯ
ВОЛЖСКОЙ БОЛГАРИИ В XII В.

если учесть, что древние арабские авторы (Кальби в 819 г., Ибн-Русте в 903 г., Истархи в 903—933 гг., Масуди в 946—947 гг.) место обитания буртасов («бурджасов») указывали на правобережье Волги, на территории между болгарами и хазарами (по В. А. Сбоеву — на территории Саратовской и Симбирской губерний). Как писали арабы, «страна буртасов» находилась в 20 днях перехода от хазарских земель, имела она два города — Буртас и Сиварь. В Чувашии имеются три селения (в Вурнарском, Яльчикском и Урмарском районах) с названием «Буртасы» (*Пъртас*).

В предмонгольскую эпоху культурно-генетическое взаимодействие болгаро-чувашей и финно-угров (особенно марийских племен) затронуло все сферы жизнедеятельности населения региона. Это находит свое подтверждение практически во всех основных элементах традиционной культуры и языка чувашей, казанских татар, башкир, марийцев, удмуртов и др. В частности, в марийском языке обнаружено до 1500, в удмуртском — свыше 500 чувашских (т. е. болгаро-суварских) слов, относящихся к скотоводству, земледелию, средствам передвижения, ремеслам, домашней утвари, пище, одежде, торговле, общественному и религиозному быту, названиям родства и т. д. Это те заимствования, которые были сделаны финно-уграми от болгар еще в VIII—XIII вв.⁷¹

* * *

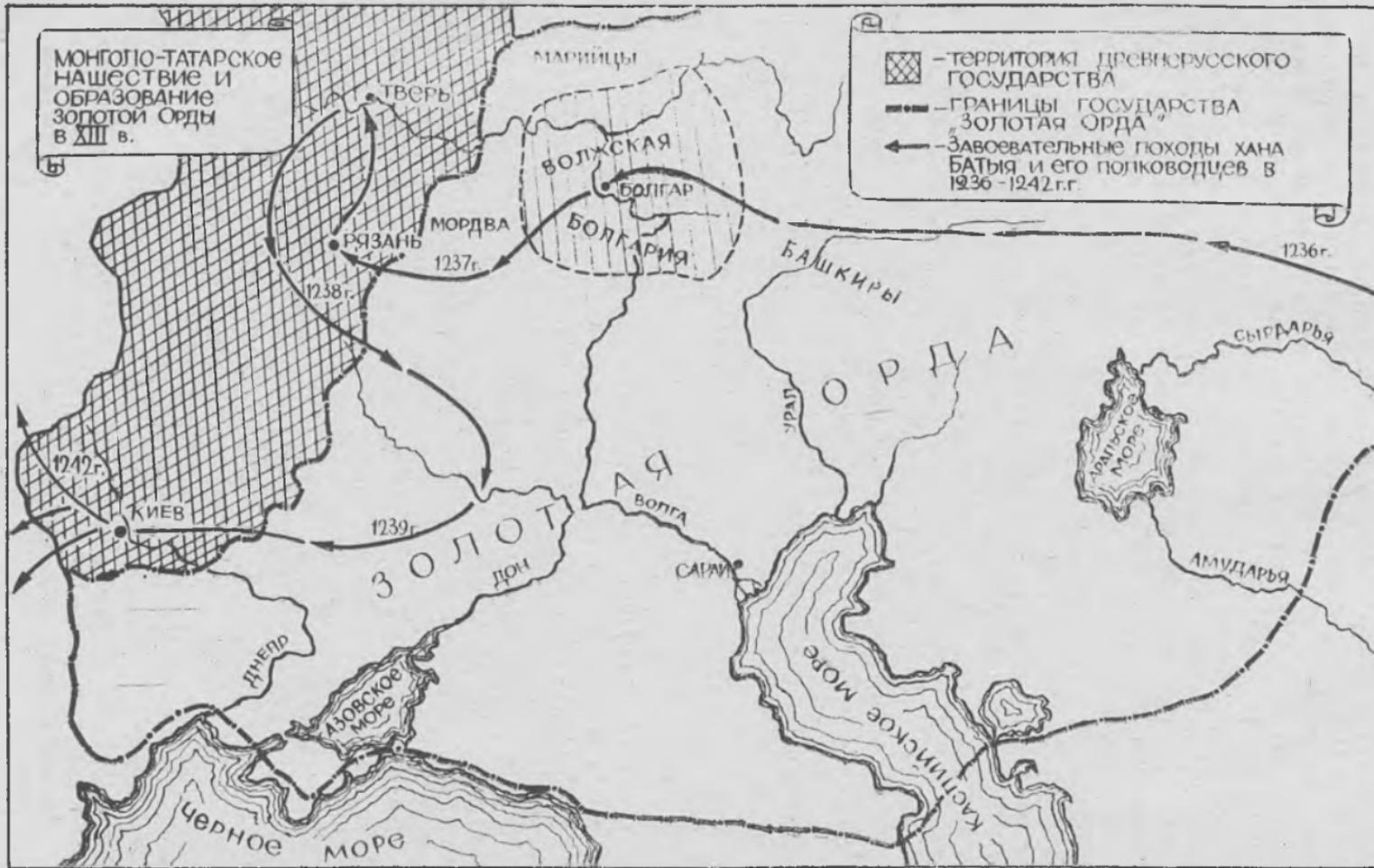
В 1236 г. полчища монголо-татар разгромили Болгарское государство. В 1242 г. внук Чингис-хана Бату провозгласил о создании в составе Монгольской империи нового государства — Золотой Орды. Волжская Болгария становится его улусом (областью), а город Болгар — первой его столицей.

Монгольские племена подразделялись на собственно монгол, меркитов, керейтов, найманов, ойратов и татар. Поскольку, кроме монгол, наиболее крупным и влиятельным племенем были еще и татары, то соседние народы (китайцы и другие) нередко называли татарами все монгольские племена XI—XII вв.⁷² Монголы во главе с Темучином одолели татар, перебили многих, а часть их заставили служить монгольскому двору. В 1206 г. на съезде монгол (монг. *курултай*, *хурил* — чув. *хурал*) Темучин был провозглашен Чингиз-ханом, правителем Монгольского государства. К 1230 г. после ряда завоевательных походов в Китай, Среднюю Азию, Иран, Афганистан, Кавказ монголы вышли на просторы Восточной Европы и покорили здесь широко расселившихся в Дешт-и-Кыпчаке (т. е. в «Степи кыпчакской») тюркоязычных кыпчаков, именовавшихся на Руси половцами (от слова «поле» — степь), в Центральной Европе — жоманами, куманами, на Востоке — кыпчаками.

До нашествия монголо-татар Дешт-и-Кыпчак простирался

МОНГОЛО-ТАТАРСКОЕ
НАШЕСТВИЕ И
ОБРАЗОВАНИЕ
ЗОЛОТОЙ ОРДЫ
В XIII в.

▨ — ТЕРРИТОРИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО
ГОСУДАРСТВА
--- — ГРАНИЦЫ ГОСУДАРСТВА
"ЗОЛОТАЯ ОРДА"
← — ЗАВОЕВАТЕЛЬНЫЕ ПОХОДЫ ХАНА
БАТЯ И ЕГО ПОЛКОВОДЦЕВ В
1236-1242 г.г.

от Иртыша до низовьев Дуная. В него входили Северный Кавказ, Крым, Нижнее Поволжье, Приуралье и Хорезм. Восточные кыпчаки вели кочевую жизнь, а западные (их знали русские как «половцев»), появившиеся в Восточной Европе в XI в., отличались от первых полукочевым, полусоседлым укладом жизни. Кыпчаки первоначально жили на Алтае. В VI—VII вв. они покинули эти места и постепенно расселились на территории от Иртыша до Дуная. В X—XIII вв., сгруппировавшись в ряд самостоятельных крупных племенных союзов, они стали играть значительную роль в политической жизни и этногенетических процессах народов Средней Азии, Казахстана, Восточной Европы.

Этнический состав населения Золотой Орды был весьма разнообразным. «Ее тонкий господствующий слой был монгольским, но основная масса кочевников — тюркской (главным образом кыпчаки-половцы, а также тюрки, печенеги, берендеи и другие тюркские народности). За два столетия существования Золотой Орды население ее европейской части стало однородным. Знать приняла тюркский (половецкий) язык, ...исчезли этнографические различия... и т. д. В XV в. образовался новый народ — татары»⁷³.

Арабский автор первой половины XIV в. Аль-Омари отмечал, что «в древности это государство (Золотая Орда.— В. И.) было страной кипчаков, но когда им завладели татары (монголо-татары.— В. И.), то кипчаки сделались их подданными. Потом они [татары] смешались и породнились с ними [кипчаками], и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их [татар], и все они стали точно кипчаки»⁷⁴. Со временем, примерно с начала XIV в., кыпчаки стали носить имя «татары». В условиях монголо-татарского государства многие кыпчаки ушли на запад — в Турцию, Венгрию, Болгарию, Египет. Оставшиеся продолжали кочевать и постепенно слились в качестве важнейшего этнообразующего компонента с узбеками, казахами, ногайцами, башкирами, татарами и другими народами.

Монгольское нашествие и последующие события (распад Золотой Орды и образование на ее развалинах Казанского, Астраханского и Сибирского ханств, Ногайской Орды) вызвали значительные внутренние передвижения народов Волго-Уральского региона, привели к разрушению консолидирующей роли тюркско-болгарской культурной цивилизации, ускорили формирование в отдельные этносы чувашей, татар и башкир⁷⁵.

Крупным фактором этногенетических процессов в собственно Волго-Уральском регионе в золотоордынскую эпоху стало появление здесь кипчаков. Известно, что незначительное проникновение их в Волжскую Болгарию наблюдалось еще в домонгольский период — в XI—XII вв.⁷⁶ Они нанимались в Болгарскую армию. Но массовое проникновение в регион дати-

руется XIII—XIV вв. Наиболее активные передвижения приходятся на вторую половину XIV в. Именно с образованием Золотой Орды резко усиливается проникновение кыпчаков в Болгарский улус уже в качестве господствующего и чиновничьего населения. Происходит углубление и расширение интеграционных, ассимиляционных процессов между ними и с омусульманившейся болгарской знатью, купцами, горожанами и другими слоями населения, а также некоторой частью финно-угорских племен. Поскольку кыпчаки составляли основу вооруженных сил монгол, их язык постепенно становился государственным в Золотой Орде. Сильно обогащенный монгольскими, арабскими и персидскими заимствованиями он наслаивается значительным пластом и на болгарский *p*-язык.

Благодаря религиозной общности болгар-мусульман с пришлыми единоверными золотоордынскими кыпчаками-татарами, процессы взаимного физического и культурно-языкового смешения их приобрели интенсивный характер, что привело в XV в. к формированию на левобережье Волги народности казанских татар. Прежний болгарский *p*-язык у последних заменяется кыпчакизированным *з*-языком, между тем как не принявшие ислам болгары-язычники на правобережье Волги и на периферии Болгарского улуса, слабо контактировавшие с кыпчаками из-за религиозных различий, сохранили исконный *p*-язык, известный с начала XVI в. как «чуваший».

В процессе этнического взаимодействия левобережных болгар с кыпчаками-татарами в золотоордынское время немалое место занимало среднеазиатское влияние, охватившее многие сферы материального и духовного быта местного населения. В формировании казанских татар заметную роль сыграли также и ногайцы⁷⁷.

Если до золотоордынского времени и мусульманская, и языческая части болгарского населения объединились (и были известны) под общим названием «волжские болгары», то в XIII—XIV вв. оно постепенно отходит на задний план и появляются новые этнонимы, характеризующие прежде всего религиозные различия двух основных групп болгарской этнической общности — мусульман и язычников.

Надо отметить, что в XIII—XIV вв. в Болгарском улусе даже среди привилегированной прослойки населения кыпчаки еще не преобладали, о чем свидетельствуют мусульманские надгробные плиты (сохранилось их свыше 200). Примечательно, что надписи на могильных памятниках Волжской Болгарии, содержащие татаризмы (кыпчакские слова), появляются с конца XIII—первой половины XIV вв., когда начинается усиленное вытеснение собственно болгарского (древнечувашийского) языка новым языком огузо-кыпчакского строя. Тем не менее и в этот период, по расчетам Г. В. Юсупова, 90% надгробий было установлено с текстами, содержащими чувашские слова,

т. е. с ротацизмом, и лишь 10% — татарские, т. е. с зетацизмом⁷⁸. Характерно сходство с чувашскими элементарными не только в лексических, но и грамматических формах. При этом не следует забывать, — отмечает М. Р. Федотов, — что «речь в данном случае идет о языке привилегированной части тюрок, на что указывают прежде всего титулы и названия профессий (сборщик податей, золотых дел мастер и т. д.). Что все они были мусульманами, подтверждается их мусульманскими именами и теми кораническими формулировками на арабском языке, с которых обычно начинаются тексты эпитафий»⁷⁹.

Концепция Н. И. Ашмарина о болгарском происхождении чувашей и их языка подтверждается также и результатами анализа текста надгробия 1308 г., обнаруженного на территории г. Болгара. Один из его исследователей (Ф. С. Хакимзянов) отмечает, что «тюркская часть надписи целиком выполнена на р-языке, и некоторые слова являются неценными материалами с точной датировкой для истории чувашского языка. Это особенно касается показателя множественного числа — «сем», при общетюркской форме «лер»⁸⁰. На могильных памятниках XV в. преобладают уже надписи с татаризмами. Подчеркивая, что «нельзя рассматривать татарский язык прямым продолжением болгарского языка», Р. Г. Фахрутдинов в своей книге «Очерки по истории Волжской Болгарии» отмечает, что «... помимо болгарского, в формировании языка казанских татар большую роль сыграл кыпчакский язык»⁸¹.

Обсуждение проблем этногенеза казанских татар, органически связанного с происхождением чувашей, хотелось бы завершить справедливым замечанием М. Усманова: «Вместо подлинно гражданской, социально-экономической и объективной культурологической истории огромные материальные и интеллектуальные ресурсы тратятся на бесконечные этногенетические изыскания. Делается все, чтобы доказать, что «татары — не татары», а «только лишь болгары»... Этногенез татарского народа, — продолжает он, — как всякой другой нации, имеющей богатую и сложную историю, решается, естественно, неоднозначно. Ибо в течение более десяти-двенадцати веков поволжский регион, где оформилось «национальное лицо» современных татар, был подлинным «котлом народов», где перемешивались, «перекипели» многие этнические компоненты. Многоэтническим фактически было и болгарское общество, в недрах которого сложились истоки материального бытия, хозяйственной жизни современных татар, но покоренные монгольскими ханами в 1236 г. болгары более двухсот лет жили в составе Золотой Орды. Здесь преобладающим этническим компонентом были кыпчакоязычные тюркские племена, которые будучи доминантами в политическом, в какой-то степени и в культурном отношении, «поглотили» болгар и отдельные части финно-угорского населения региона в языковом плане. Так сложились

этнически современные казанские татары. Поэтому нет достаточного основания решать вопросы их этногенеза лишь по принципу «или-или...», здесь уместен принцип «и-и...»⁸².

Таким образом, мощные исторические катаклизмы, потрясшие Евразию в XIII в., и установление на несколько веков на огромной территории от Иртыша до Дуная господства монголо-татар, создали совершенно новые условия для этнических процессов в Волго-Уралье. Произошло ответвление этих процессов по нескольким направлениям, важнейшими из которых стали процессы, приведшие к формированию главным образом на волжско-болгарской основе двух новых тюрко-язычных народностей — чувашей и казанских татар.

* * *

В условиях монголо-татарского давления, а позднее из-за участвовавших в XIV в. набегов ордынских ханов и эмиров на Волжскую Болгарию происходит дальнейший сдвиг не только финно-угорских племен на периферию региона, но и само болгарское население значительной частью уходит из пострадавших от монгольского разгрома районов на север, в бассейн реки Казанки, междуречье нижней Свияги и нижней Суры, где оно смешивается с оставшейся частью марийцев, а также на восток, достигнув реки Белой и юго-западного Приуралья⁸³. Расселение болгар в различных направлениях было, по существу, — отмечают Р. Г. Кузеев и В. А. Иванов, — распадом этнополитической болгарской общности, ускорившим консолидацию и формирование этнических территорий чувашей, татар и башкир. По мере постепенного продвижения на современные места расселения эти народы вновь, т. е. вторично, смешались и ассимилировали в своем составе в различных масштабах финно-язычные, угорские, угросамодийские группы местного населения.

Согласно археологическим данным, юго-восточные районы Чувашского края еще с IX—X вв. сплошь были заселены болгарями⁸⁴. С IX в. отдельные болгарские поселения и колонии появляются и в юго-западной, и северной частях Чувашии (среди мордовских и марийских поселений), что делает необоснованным мнение некоторых казанских авторов о прохождении западной границы Болгарского государства якобы не далее, чем по реке Свияге⁸⁵. Вероятно, ряд крупных населенных пунктов на территории современной Чувашии тоже возникли еще в болгарское время, первоначально по меньшей мере в качестве факториев⁸⁶.

Хотя большинство географических названий, встречающихся на территории Чувашии, имеют общетюркское или собственно чувашское происхождение, тем не менее видный исследователь чувашско-марийских языковых взаимосвязей М. Р. Федотов на

основании изученного ойкономического материала считает, что «с уверенностью можно сказать о продолжительном проживании на территории северных районов современной Чувашии более или менее компактных марийских племен, которые в силу определенных демографических причин или покинули правобережные районы Волги, или постепенно растворялись в среде пришлых болгарских племен, оставив о себе память в виде географических названий нетюркского происхождения»⁸⁷. И, действительно, в северных районах Чувашии часто встречаются географические названия с финно-угорскими формантами— *-анар (-енер)*, *-нар (-нер)*, *-мара (-мера)*, *-мар (-мер)*, *-мас (-мес)*, *-ваш (-веш)*, *-куш (-кош)*, *-шем (-шам, шем)*⁸⁸.

Со второй половины XIV в. миграционный сдвиг болгар на периферию региона приобретает интенсивный характер. В этот период города и селения Болгарского улуса подвергаются систематическому разорению не только золотоордынскими эмирами (например, Булат Тимур в 1361 г., Тимерлан в 1391 и 1395 гг.), ушкуйниками, но и русскими князьями в связи с усилением борьбы русского народа против Золотой Орды⁸⁹. С этого времени,— указывает А. Х. Халиков,— болгарское население «массами переселяется на север — за Каму, на запад — за Волгу, на восток — в Приуралье»⁹⁰. Закамье и покинутые населением южные районы территории средневожского правобережья Волги превращаются в «дикое поле» — районы летнего кочевья кыпчаков, ногайских и крымских татар. В XIV в. «большая часть болгарского населения (в том числе и часть средневековых предков чуваш) уходит в Заказанье, которое стало основной этнической территорией формирующегося татарского народа. Вслед за бежавшим болгарским населением в XIV в. сюда направляется и кыпчакская (кыпчакско-огузская) миграция, которая позже, в XV в., усиливается новыми пришлыми кыпчакскими и кыпчакизированными группами»⁹¹.

Расселившиеся в Приуралье и Заказанье (Арские земли) болгары-язычники (чуваш) и болгаро-кыпчак-мусульмане (бесермяне) ассимилируют часть местного удмуртского населения и частично отесняют их на север («Чуваша Арская и Казанская» отмечена и в русских летописях⁹²). «После образования в середине XV в. Казанского ханства часть заказанских и арских чувашей переселилась на северо-восток современной Чувашии, в основном в междуречье Аниша и Цивилия. ...Оставшаяся в Заказанье часть болгаро-чувашского населения к концу XVII в. окончательно растворилась среди казанских татар»⁹³. А болгаро-чувашское население южных районов правобережья Волги в конце XIV—XV вв. сдвигается на северо-восточную территорию Чувашии (в междуречье Кубни и Цивилия).

Миграция болгаро-чувашских племен в золотоордынский период охватывала весьма дальние регионы — вплоть до

Западной Сибири. Основываясь на схожести ряда основных системных элементов языков современных западносибирских татар и чувашей, видные лингвисты Б. А. Серебренников и Н. З. Гаджиева резонно ставят вопрос: «Не оторвались ли предки западно-сибирских татар от особого тюркоязычного массива, представленного некогда в бассейне Волги такими языками, как болгарский, чувашский и хазарский?»⁹⁵ И вправду, имеющиеся данные, например, распространенность в Западной Сибири этнонимов «тархан» болгаро-чувашского происхождения и «чуваш» («Чуваш-тура»), фиксация сведений о чувашах-переселенцах с более ранних времен (с периода правления тайбугинов, т. е. с XV в.) и др. приводят исследователей к выводу о возможности участия болгаро-чувашского (как и болгаро-татарского и болгаро-башкирского) компонента в формировании западносибирских татар Тоболо-Иртышского междуречья с конца XIV или даже в XVI—XVIII вв.⁹⁶

Миграционные перемещения различных территориальных групп болгаро-чувашей и этногенетическое взаимодействие их с кыпчако-татарами продолжались и в период существования Казанского ханства (1445—1551 гг.), возникшего вследствие феодального дробления Золотой Орды, когда в течение 20—60 гг. XV в. от нее отделились Сибирское, Крымское, Астраханское, Казахское, Узбекское ханства, Ногайская Орда. В 1430-е гг. в Среднее Поволжье перебираются кочевники бывшего золотоордынского-крымского хана Улуг Мухаммеда и его сына Махмутека, которые с 1437 по 1445 гг. завоевывают в Болгарском улусе власть и провозглашают создание ханства с центром в Казани.

Чувашский край полностью входил в состав Казанского ханства, западные границы которого проходили по реке Суре. С его образованием сюда отовсюду начали прибывать кыпчакско-татарские массы, кочевники. По словам автора «Казанской истории» (середина XVI в.), «начала забираться мнози варвари из различных стран, ото Златыя Орды и от Асторохани, от Азуева и от Крыма...»⁹⁷. В условиях господства кыпчако-татар в глазах местного нетатарского населения резко повышается престиж кыпчакско-татарского языка: в Заказанье в результате ассимиляции субстратного болгаро-чувашского языка кыпчакским языком постепенно складываются специфические особенности казанско-татарского языка (среднего диалекта татарского языка)⁹⁸. Между тем, благодаря общей тюркской основе болгаро-чувашского и кыпчакского языков и этнокультурной близости чувашей и татар, в ряде основных их этноконтактных зон — в Заказанье, на правобережье Волги, в Присвияжье — начинается отатаривание болгаро-чувашского населения целыми селениями. Еще в начальный период становления Казанского ханства часть болгаро-чувашей из Заказанья ушла на север, в марийские леса и отчасти ассимилировалась марий-

цами, отчасти перебралась на правобережье Волги, в междуречье Цивилия и Аниша⁹⁹.

Материалы о болгаро-чувашском населении Приказанья и Заказанья, переселившемся сюда в XIV—XV вв. из Закамья, т. е. центральных районов Волжской Болгарии, имеют важное значение для выяснения вопросов этнической истории не только чувашей, но и казанских татар. Примечательно, что в Казанском ханстве территория восточнее Казани называлась не иначе как «Чувашская даруга»*. Согласно данным писцовых книг Казанского уезда 1565—1568 гг. и 1602—1603 гг., а также другим источникам, во второй половине XVI — первой половине XVII вв. на территории Казанского уезда было около 200 чувашских селений¹¹⁰. Как уже отметили, впоследствии основная масса этой группы болгаро-чувашей, как и значительная часть болгаро-чувашского населения восточных районов правобережья Волги (бассейн реки Свияги), приняв ислам, отатарилась. Часть приказанско-заказанской группы болгаро-чувашей переселилась в правобережье Волги и обосновалась в северных, северо-восточных и центральных районах Чувашии, а со второй половины XVI в. — в юго-восточной и южной частях, осваивая «дикое поле». Некоторые группы приказанско-заказанских болгаро-чувашей в XVI—XVII вв. вновь вернулись в Закамье, т. е. в центральные районы современного Татарстана. Потомки их живут сегодня здесь в целом ряде чувашских селений (Савруши, Киремет, Серезжино и др.).

Болгарское население расселилось и на средней Вятке, на реке Чепец. Как подтверждают многочисленные источники, оно было известно здесь под названием «чуваши» еще в самом начале XVI в. (с 1508 г.)¹⁰¹. На их основе сложились этнографические группы «бесермян» (со сходной с чувашами культурой) и чепецких татар¹⁰².

По всей видимости, этноним «чуваши» в Казанском ханстве обозначал ясачных людей, в основном сельских жителей, исповедавших языческую религию, в то время как городское мусульманское население, главным образом служивые люди, в официальных документах именовались татарами.

Таким образом, в XIV—XV вв., т. е. в золотоордынский и казанскоханский периоды, население северной части Чувашского края подвергается «второй волне» тюркизации, но уже не чисто болгаро-чувашской, а с примесью золотоордынско-кыпчакско-мусульманских элементов. Однако оно не испытало столь сильного влияния последних, в то время как формирование казанских татар и башкир шло под воздействием именно кыпчакских или кыпчакизированных образований¹⁰³. Более того, болгары-мусульмане, переселявшиеся с левобережья и

* «Даруга» или «дорога» — административная единица (по чув. «тăрăх» — сторона, край).

из южных районов правобережья Волги в северные районы Чувашии, попадая в среду язычников, отходили от ислама и возвращались к язычеству. В чувашском языческом пантеоне именно в золотоордынский период появились боги в образах ханов и прислуживавших им чиновников ¹⁰⁴.

Прибывшие в северную часть Чувашского края мигранты из левобережья и южных районов правобережья Волги вступают здесь в процессы смешения не только с ранее прибывшими болгарами, но и местным горномарийским населением, к этому времени уже испытавшим значительное болгарское влияние. Часть горномарийцев вынуждена была переселиться на левобережье, к луговым марийцам ¹⁰⁵.

Смешение тюркоязычных пришельцев с финно-уграми получило в различных сферах культуры формирующегося на этой основе чувашского этноса неравномерное отражение. При этом в языке тюркско-болгарское наследие сохранило преобладающий характер, который остался практически прежним, т. е. болгаро-суварским ¹⁰⁶. Один из крупнейших тюркологов современности, знаток чувашского и татарского языков М. Ряснен пишет, что «чувашский язык, который так сильно отличается от остальных тюркско-татарских языков, принадлежит народу, который со всей уверенностью следует рассматривать в качестве наследника волжских болгар» ¹⁰⁷. Историческую обособленность чувашского языка, а следовательно специфику этнокультурного облика чувашей, исследователи объясняют двумя причинами: 1) гунны, предки болгаро-чувашей, очень рано отделились от других тюркских племен, и потому их язык встал на путь самостоятельного развития, лишённого влияния остальных тюркских языков; 2) формирование болгаро-чувашского оседлого племени и его диалекта (с VII в.), а затем чувашского народа и его языка (с XIV в.) происходило не в окружении тюркских племен, а в соседстве с восточно-славянскими и угро-финскими племенами. Таким образом, развитие чувашского языка шло совершенно самостоятельным путем, не характерным для остальных тюркских языков: он очень рано потерял связь с тюркскими языками... ¹⁰⁸ Как отмечает С. П. Толстов, «большая близость чувашского языка к древнеболгарскому объясняется тем, что в своем дальнейшем развитии чувашский язык впитал в себя меньше этих последующих волн тюркских влияний с юга, с востока и сохранился, таким образом, на более архаической основе...» ¹⁰⁹

В состав чувашского этноса вошли в целом различные этнические элементы, в том числе остатки именьковского восточно-славянского населения, часть мадьяр, буртасов, и, вероятно, башкирских племен. Среди предков чувашей представлены, хотя и незначительно, кыпчако-татары, русские, полоняники (пленники) и крестьяне, очувашившиеся в XV—XVI вв. По утверждению Р. Ахметьянова, «как татарский, так и чувашский

этнос окончательно сложились, видимо, в XV веке. При этом строительным материалом в обоих случаях послужили одни и те же элементы: болгары, кыпчаки, финно-угры. Различия были лишь в пропорциях этих составляющих. В чувашском сохранились некоторые уникальные в системе тюркских языков особенности болгарского языка, и этот факт говорит о том, что в этногенезе чувашского народа болгарский элемент сыграл большую роль... Булгарские особенности имеются и в татарском (особенно в системе гласных). Но они малозаметны. Татарский в системе тюркских языков — это язык с древнекыпчакским консонантизмом, булгарским вокализмом и общетюркской лексикой»¹¹⁰.

Таким образом, на протяжении XIII—XV вв. волжские болгары пережили, по выражению Р. Г. Кузеева, процесс этнического разделения типа «этнической порциации», когда единый прежде этнос делится на несколько более или менее равных частей, причем ни один из новых этносов не отождествляет себя полностью со старым¹¹¹. Аналогичный характер имело и формирование трех восточнославянских народов — русских, украинцев и белоруссов, зародившихся в недрах некогда единой древнерусской этнической и государственной общности (Киевской Руси). Поэтому можно сказать, что болгарское наследие для чувашского и татарского народов является таким же общим достоянием, каким является наследство Киевской Руси для русского, украинского и белорусского народов¹¹².

Чувашская народность в основном сложилась к концу XV — началу XVI вв., о чем свидетельствует и распространение этнонима «чуваши» в русской летописи¹¹³. До XV в. землю восточнее рек Ветлуги и Суры, занятую чувашами, знали как «черемисскую» (марийскую). Впервые названа она в литературе Чувашией в первой четверти путешественником С. Герберштейном¹¹⁴. К этому же времени было зафиксировано также и относительное местоположение основных земель обитания формировавшегося народа. Но даже и после того, как всю территорию нынешней Чувашии заняли чуваша, частично ассимилировав, частично вытеснив марийцев, русские летописцы и чиновники в XVI—XVII вв. по традиции продолжали называть людей, живших восточнее нижней Суры, «горными черемисами», хотя собственно горные марийцы занимали уже лишь небольшие владения восточнее устья этой реки¹¹⁵. Князь А. М. Курбский в своей книге «История о великом князе Московском», описывая поход русских войск на Казань в 1552 году, записал так: «Егда же переплавишася Суру реку, тогда и черемиса горная, а по их чуваша зовомые, язык (т. е. народ.— *Ред.*) особый, начаша встречати по пяти сот и по тысяше их аки бы радующеся цареву пришествию»¹¹⁶.

Таким образом, в результате сложных исторических, культурно-генетических и миграционных процессов в период с XIII

по XV вв. в междуречье Свияги и Суры происходит формирование чувашской народности на основе двух компонентов: не принявших ислама групп болгар-сувар и части горных марийцев. И хотя формирование чувашской народности завершилось в конце XV — начале XVI вв. в основном на правом берегу Волги, ее главные черты — общность языка, территории, хозяйственных занятий с преобладанием земледелия, характерные особенности материальной и духовной культуры, этническое самосознание и его составной элемент — этноним «чăваш» — начали складываться начиная с IX в., еще в составе волжско-болгарской общности¹¹⁷.

Новым и долговременным по длительности воздействия и судьбоносным по значимости фактором в социальной, этнической и культурной истории чувашей стало, начиная с XV—XVI вв., нарастающее влияние на них русского народа и его культуры. Особенно оно усиливается после вхождения Чувашии в состав Русского государства (в 1551 г.), когда благодаря заселению некоторых районов края — Сурского бассейна (гг. Алатырь, Ядрин и др.) и Приволжья (гг. Козьмодемьянск, Чебоксары, Цивильск и др.) — русскими переселенцами (служивыми людьми) контакты чувашей с русскими приобретают интенсивный и многогранный характер. В связи с массовой христианизацией в XVIII—XIX вв. влияние русских наибольшее отражение получает прежде всего в духовной культуре народа. В целом вхождение чувашей в состав Русского государства в 1551 г. и замена языческой религии христианской (с середины XVIII в.) оказали определяющее влияние на весь ход этнической консолидации и формирование национального самосознания чувашского народа, избавив его, в частности, от исламизации и, как следствие, этнического отатаривания значительной части чувашей.

В условиях многовекового генетического и культурного взаимодействия различных групп болгаро-чувашей с финно-уграми, а также с некоторой частью исламизированных кыпчако-татар и славянскими элементами, наряду с закреплением у них общих признаков формируются и этногрупповые особенности. В связи с этим на основе своеобразного сочетания болгаро-финно-угорских признаков в XVI в. формируются две основные этнографические группы чувашей: *вирьял* — верховые (на севере и северо-западе Чувашии) и *анатри* — низовые (вначале в северо-восточной и центральной Чувашии, позже на юге и за пределами Чувашии). Как считают исследователи¹¹⁸, низовые чуваша в большей степени сохранили этнические черты болгаро-чувашей, а в культуре верховых заметно выступали марийские элементы. В XVII—XVIII вв. в юго-восточной и южной частях Чувашии, в Закамье и Башкирии формируется этнографическая группа низовых чувашей в современном понимании,

в формировании которой значительную роль сыграли чувашаи Приказанья и Заказанья, некоторое участие приняли в этом также мшари и казанские татары ¹¹⁹.

* * *

Сложными, еще недостаточно изученными остаются антропологические характеристики болгарского населения домонгольского времени, в связи с чем в литературе нередко появляются противоречивые суждения относительно истоков антропологического (физического) типа чувашей. Известно, что монголоидные черты присущи преобладающему числу чувашей, в то время как среди казанских татар чаще встречается темный европеоидный, т. е. понтийский, причерноморский, а по сути кыпчакский тип ¹²⁰. Так, по данным фрагментарных антропологических обследований, монголоидные черты доминируют у 10,3% чувашей (у казанских татар — у 14%), причем около 3,5% из них являются относительно «чистыми» монголоидами, 68,6% относятся к смешанным монголоидно-европеоидным типам, 21,1% — представители различных европеоидных типов: как темноокрашенных (преобладают), так и русоволосых и светлоглазых (у казанских татар — 60%) ¹²¹.

Физический тип чувашей, характеризуемый специалистами как субуральский вариант уральской переходной расы ¹²², четко отражает их этногенез. Болгары, вышедшие из монголоидной гуннской среды Центральной Азии, безусловно, были носителями именно этого физического типа, хотя позднее на длинном пути по Евразии они воспринимали и европеоидные элементы от европеоидных динлинов Южной Сибири, североиранских племен в Казахстане, сарматов, алан и народов Северного Кавказа, восточнославянских именьковских племен и угро-финнов в Поволжье. Включение в состав чувашского этноса некоторой части числа русских полоняников продолжалось после завершения формирования народности, т. е. в XV—XVII вв., что тоже отразилось на антропологическом типе чувашей. Как известно, среди западных кыпчаков преобладали именно понтийские европеоидные типы (в более чистом виде представленные в крымских татарах), которые и были привнесены в состав поволжских татар ¹²³. Между тем, как считают некоторые исследователи (Р. Фахрутдинов), небольшая доля монголоидности среди, например, казанских татар (14,5%) связана именно с кыпчаками, некоторыми другими сибирскими элементами; проникшими в Среднее Поволжье задолго до прихода монголов (...«монголоидность не означает конкретного монгола; это общий тип человеческой расы, характерной для сибиро-алтайских и в целом азиатских народов») ¹²⁴. Иначе говоря, монголоидность в физиологическом типе татар, чувашей и марийцев, монгольский слой в чувашской лексике, частично перешед-

ший и в марийский язык, монгольская культурная струя у чувашей и марийцев в значительной мере генетически связаны с болгарами¹²⁵.

Сторонники тезиса об исключительности болгаро-татарской преемственности обосновывают его утверждениями, что именно и только лишь татары унаследовали болгарскую государственность в лице Казанского ханства. Между тем Казанское ханство и не являлось прямым непосредственным продолжением Болгарского государства, а возникло в результате распада Золотой Орды (как и Крымское, Астраханское и другие ханства), так как «в условиях Среднего Поволжья... в XIV — начале XV вв. не было реальных условий для создания (или воссоздания) Болгарского государства, и после разгрома Волжской Болгарии новые государственные образования не возникли ни в верхнем течении Волги, ни в устье Камы, ни в Приуралье»¹²⁶.

С точки зрения исторической науки вышеуказанный тезис крайне сомнителен. К примеру, белорусы вплоть до 1919 г. даже не имели своей государственности, но никогда не переставали считаться наследниками истории и культуры древнерусской общности. К тому же здесь важно отметить следующее. В чувашском языке имеются древние термины государственной номенклатуры. Они заимствованы из чувашского марийским и удмуртским языками еще до XIV в., что свидетельствует о том, что государственная жизнь в Волжской Болгарии X—XIII вв. осуществлялась на болгаро-чувашском языке и что предки чувашей имели свою государственность¹²⁷.

Что касается формирования государственности у чувашей в послезолотоордынский период, то, как отмечают Р. Г. Кузеев и В. А. Иванов, «их перемещение в новые (лесные) районы было вынужденным и внезапным; произошло оно в силу экстремальных политических обстоятельств. Это отбросило чувашей назад в социально-экономическом и политическом отношениях или, по крайней мере, задержало их развитие... Немало энергии у чувашского этноса ушло на ассимиляцию финно-угорского местного населения, на формирование своеобразной синкретической культуры со смешанными болгарскими и финно-угорскими признаками»¹²⁸.

В попытке поиска дополнительных аргументов исключительности болгаро-татарской этнической преемственности некоторые исследователи настоятельно призывают обратить «особое внимание на то, что обычай установления надгробий во всем Поволжье присущ для болгар и казанских татар. Этот обычай не знали раньше (до XVIII в.) даже татары-мишари, не говоря уже о других немусульманских тюркских народах (т. е. чувашах.— В. И.) края»¹²⁹. Между тем общеизвестно, что до середины XVIII в., т. е. до начала насильственного обращения чувашей в православие, они на своих языческих кладбищах ставили именно надгробия *юпа* («памятник», «столб») — ка-

менные или деревянные. Причем, традиция установления надгробий, оформленных знаками древнего рунического письма, известного древним болгарам, сохраняется и поныне в целом ряде селений некрещеных чувашей (напр.: с. Афонькино Самарской обл., дд. Новое Серезкино, Ильмово, Новое Аксубаево Татарстана, д. Средние Алгаши Ульяновской обл.)¹³¹.

Этнокультурные интеграционные процессы в регионе, с одной стороны, между собственно тюркоязычными группами и, с другой — между ними и финно-уграми, со времени начала распространения ислама (с X в.) носили весьма своеобразный характер. Если правобережные болгаро-чуваша, как и часть приказанско-заказанской группы болгар, оставались язычниками, то формирующиеся на левобережье Волги и в Приуралье поволжско-татарский и башкирский этносы все полнее проникались исламизированной культурой. Финно-угорские народы (марийцы, удмурты, мордва) оставались язычниками вплоть до христианизации. Можно сказать, что исламизация, а позднее христианизация населения Волго-Уральского региона стали крупными факторами генетических и этнокультурных процессов и сыграли в этих процессах как этнообъединяющую, так и этноразделительную роли. Болгарское население региона в XIII—XIV вв. расслоилось на мусульман и язычников¹³².

По мере укрепления ислама в культуре татар утвердились среднеазиатские традиции, а среди чувашей-язычников влиятельным становился слой финно-угорской культуры. В результате чуваша, по мнению Р. Г. Кузеева и др., оказались наиболее биокультуральным (с двойственной культурой) народом: «сохраняя архаичный тюркский язык, в то же время развивали культуру, во многих отношениях близкую к культуре финно-угорского мира»¹³³. Многочисленные чувашско-марийские аналогии стали уже хрестоматийными, ясно подтверждая давние этнические связи двух народов, хотя в подавляющем большинстве случаев эти параллели являются результатом влияния болгаро-чувашей¹³⁴.

ВЫВОДЫ

Азиатские предки чувашей — гунны (хунну) в конце III тыс. до н. э. обитали в Центральной Азии. В составе гуннов находились племенные союзы предков оногуро-болгар и сабиров (савиров) и др. В конце I тыс. до н. э. — начале I тыс. н. э. они занимают степи Средней Азии и Казахстана. Здесь в результате взаимодействия их с ираноязычными племенами сформировалась протоболгарская этническая общность (оногуро-болгары).

В 460-е гг. протоболгары появились в степях Среднего Кавказа и Приазовья, савиры (сувары) и барсилы расселились в Прикаспии. Возникли политические объединения Великая Бол-

гария и Суварское царство. После распада Великой Болгарии (около 650 г.) в 670 гг. одна часть болгар во главе с Аспарухом ушла на Дунай и в IX в. растворилась среди славян, другая часть во главе с Котрагом в конце VII — начале XV вв. переселилась в Волго-Камье и составила этническую основу чувашей и казанских татар, а оставшиеся на Северном Кавказе болгары во главе с Батбаем участвовали в этногенезе балкарцев. Хунно-сувары и родственные им барсилы переселились в Среднее Поволжье в середине VIII в. и осели по соседству с болгарами.

В результате слияния части пришлых болгар с местными финно-угорскими племенами, расселенными в северных и северо-западных районах Чувашского края, сложилась группа верховых чувашей (вирьял). С XIII в., в период монгольского нашествия, на территории междуречья Цивилия и Свяги с левобережья Волги «второй волной» переселяются болгаро-суварские племена, которые положили начало образованию группы низовых чувашей (анатри). Формирование чувашей в единую народность завершилось на рубеже XV—XVI вв.

ЛИТЕРАТУРА

- ¹ Каховский В. Ф. Происхождение чувашского народа. Чебоксары, 1965. С. 122—125; История Чувашской АССР. Т. 1. 2-е перераб. изд. Чебоксары, 1983; Современный чувашский литературный язык. Т. 1. Чебоксары, 1990. С. 133; Дончев С. Г. К вопросу о происхождении струнных смычковых инструментов и наиболее раннем появлении их в Европе // Вопросы истории и теории искусств. Чебоксары, 1992. С. 42.
- ² Аристов И. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. СПб., 1896. Вып. 2 и 4; История Чувашской АССР. С. 27.
- ³ Очерки истории культуры дореволюционной Чувашии. Чебоксары, 1985. С. 28—30; Никольский Н. В. Краткий курс этнографии чуваш. Чебоксары, 1928.
- ⁴ См.: История Чувашской АССР. С. 28.
- ⁵ См.: Очерки истории дореволюционной Чувашии. С. 28—30; Никольский Н. В. Краткий курс этнографии чуваш; Баскаков Н. А. Тюркские языки. М., 1960. С. 117; и др.
- ⁶ Денисов П. В. Древнетюркские черты в религиозных верованиях чувашей // Вопросы истории Чувашии периода феодализма и капитализма. Чебоксары, 1979.
- ⁷ Современный чувашский литературный язык. Т. 1. Чебоксары, 1990. С. 133.
- ⁸ См. История Чувашской АССР. С. 28.
- ⁹ Очерки истории и культуры дореволюционной Чувашии. С. 31.
- ¹⁰ Егоров В. Г. Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении. Чебоксары, 1971. С. 103—105.
- ¹¹ См.: История Чувашской АССР. С. 28.
- ¹² Андреев Н. А. Ирано-чувашские этнокультурные и языковые параллели // Чувашский язык и литература. Труды ЧНИИ. Вып. 59. Чебоксары, 1975.
- ¹³ Напр.: Трофимов А. А.
- ¹⁴ Андреев Н. А. Указ соч.
- ¹⁵ Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962. С. 69; Каховский В. Ф. Происхождение чувашского народа. С. 124—310.

- 16 *Димитриев В. Д.* О последних этапах этногенеза чувашей // *Болгары и чуваша*. Чебоксары, 1984. С. 29.
- 17 *Краткая история Болгарии*. М., 1987. С. 37.
- 18 *Валеев Ф. К., Валеева-Сулейманова Г. Ф.* Древнее искусство Татарии. Казань, 1987. С. 20.
- 19 См.: Современный чувашский литературный язык. С. 134.
- 20 *Краткая история Болгарии*. С. 40—41.
- 21 *История Кабардино-Балкарской АССР*. Нальчик, 1965. Т. 1. С. 72—74.
- 22 *Краткая история Болгарии*. С. 41.
- 23 *Каховский В. Ф.* Указ. соч. С. 222—310; *Гаген-Торн Н. И.* Женская одежда народов Поволжья (Материалы к этногенезу). Чебоксары, 1960; *Денисов П. В.* Указ. соч.; *Коев И.* Этнокультурные параллели между волжскими и дунайскими болгарам // *Вопросы истории Чувашской АССР*. Чебоксары, 1970; *Трофимов А. А.* Чувашская народная каменная скульптура // *Исследования по древней и современной культуре чувашей*. Чебоксары, 1987; и др.
- 24 См.: *Чуваши. Этнографическое исследование*. Ч. 2. Чебоксары, 1970. С. 303; *История Чувашской АССР*. С. 31.
- 25 См.: *Денисов П. В.* Указ. соч.
- 26 *Федотов М. Р.* Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. Саратов, 1990. С. 32—34.
- 27 Там же. С. 34.
- 28 *Артамонов М. И.* Указ. соч. С. 228.
- 29 См.: *Каховский В. Ф.* Указ. соч. С. 311—313.
- 30 *Гмыря Л. Б.* Царство гуннов (савир) в Дагестане в IV—VII вв.: Автореф. канд. дис. М., 1980. С. 7.
- 31 *Кессарийский П.* Война с готами. М., 1950. С. 381, 407.
- 32 *Димитриев В. Д.* О последних этапах этногенеза чувашей. С. 28.
- 33 *Артамонов М. И.* Указ. соч. С. 187, 200, 206, 288; *Димитриев В. Д.* Параллели в верованиях древних саваров и чувашей // *УЗ ЧНИИ*. Чебоксары, 1962. Вып. XXI; *Очерки истории культуры дореволюционной Чувашии*. С. 33—34; и др.
- 24 *Каганкатвацци М.* История агван. СПб., 1861. С. 193—200.
- 25 *Димитриев В. Д.* Чувашские исторические предания. Чебоксары, 1983. Ч. 1. С. 15—19.
- 36 *Егоров В. Г.* Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении. Чебоксары, 1971. С. 23.
- 37 *Очерки истории культуры дореволюционной Чувашии*. С. 26.
- 38 *Каховский В. Ф.* Происхождение чувашского народа. Чебоксары, 1965. С. 260, 282; *Егоров В. Г.* Указ. соч. С. 23; *Димитров В.* Об основных протоболгарских группах в степях Восточной Европы в VI—XII вв. // *Вестник болгарской истории*, 1987. № 1. С. 58—70; *История Чувашской АССР*. С. 33.
- 39 См.: *Корнилов Г.* и др. Если посоветоваться с филологами // *Советская Чувашия*. 1992. 21 января.
- 40 Цит по: *Федотов М. Р.* Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. С. 46—47.
- 41 *Ашмарин Н. И.* Опыт исследования чувашского синтаксиса. Часть 1. Казань, 1903. XI. С. VI—VII.
- 42 *Кузеев Р. Г.* Указ. соч. С. 27.
- 43 *Чуваши. Этнографическое исследование*. Часть 1. Чебоксары, 1956. С. 298.
- 44 *Халиков А. Х.* Истоки формирования тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья // *Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья*. Казань, 1971; и др.
- 45 *Матвеева Г. И.* О происхождении именьковской культуры // *Древние и средневековые культуры Поволжья*. Куйбышев, 1981.
- 46 *Кузеев Р. Г.* Указ. соч. С. 21.
- 47 См.: *Димитриев В. Д.* Некоторые исторические данные к вопросу об этногенезе чувашского народа // *О происхождении чувашского народа*. Чебоксары, 1957. С. 100—101.

- 48 Очерки истории культуры дореволюционной Чувашии. Чебоксары, 1985. С. 35.
- 49 *Каховский В. Ф.* Новые археологические памятники Чувашского Присурья // Исследования по археологии Чувашии. Труды ЧНИИ. Чебоксары, 1978. Вып. 80.
- 50 См.: Очерки истории культуры дореволюционной Чувашии. С. 35.
- 51 История Чувашской АССР. С. 35—36.
- 52 Очерки истории культуры дореволюционной Чувашии. С. 35.
- 53 *Димитриев В. Д.* О последних этапах этногенеза чувашей. С. 30.
- 54 См.: История Чувашской АССР. С. 35.
- 55 Современный чувашский литературный язык. С. 135.
- 56 *Димитриев В. Д.* О последних этапах этногенеза чувашей. С. 31.
- 57 История Чувашской АССР. С. 37.
- 58 *Ковалевский А. П.* Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956. С. 139.
- 59 Там же. С. 139.
- 60 *Федотов М. Р.* Указ соч. С. 36.
- 61 *Ашмарин Н. И.* Болгары и чуваша. С. 132.
- 62 *Димитриев В. Д.* О последних этапах этногенеза чувашей. С. 31.
- 63 *Татищев В. Н.* История Российская в 7 томах. Т. 4. М.-Л., 1964. С. 447. Прим. 353.
- 64 *Кузеев Р. Г.* Указ соч. С. 36.
- 65 Краткая история Болгарии. С. 39; *Халиков Н. А.* Земледелие татар Среднего Поволжья и Приуралья XIX—нач. XX вв. // Историко-этнографические исследования. М., 1981. С. 50—52.
- 66 *Смирнов А. П.* Волжские болгары. М., 1951. С. 79—82.
- 67 См. История Чувашской АССР. С. 37.
- 68 *Каховский В. Ф.* Новые археологические памятники Чувашского Присурья // Исследования по археологии Чувашии. Чебоксары, 1978. С. 3—18; *Алексеев Г. А.* Медицина в Волжской Булгарии. Чебоксары, 1991. С. 8.
- 69 *Ахметьянов Р.* Будем честными // Советская Чувашия. 1989. 30 мая.
- 70 См.: *Бахтиев Ш. З.* Буртасы и чуваша // Советская тюркология. 1990. № 2.
- 71 История Чувашской АССР. С. 44; *Смирнов И. Н.* Черемисы: Историко-этнографический очерк. Казань, 1889.
- 72 Татары-монголы в Азии и Европе. М., 1977. С. 24.
- 73 См.: *Кучкин В. А.* Русь под игом: как это было? М., 1991. С. 26.
- 74 *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.-Л., 1941. Т. II. С. 235.
- 75 См.: *Кузеев Р. Г.* Указ. соч. С. 43.
- 76 *Валеев В. Х., Валеева-Сулейманова Г. Ф.* Указ. соч. С. 112.
- 77 По лингвистическим и историческим источникам, в формировании казанских татар, кроме кыпчакского компонента, прослеживается и роль ногайцев. (См., напр.: *Гарипова Ф. Г.* Некоторые источники для раскрытия ногайского (кыпчакского) пласта в топонимике Татарской АССР // Исследования по источниковедению истории Татарики. Казань, 1980).
- 78 См.: *Юсупов Г. В.* Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М.-Л. 1960.
- 79 *Федотов М. Р.* Чувашский язык в семье алтайских языков. Чебоксары, 1980. С. 21.
- 80 Цит. по: *Федотов М. Р.* Болгары (булгары) в нашей истории.
- 81 *Факрутдинов Р. Г.* Очерки по истории Волжской Болгарии. М., 1964. С. 195.
- 82 *Усманов М.* Послесловие // Идегей. Татарский народный эпос. Казань, 1990. С. 250—251.
- 83 *Кузеев Р. Г., Иванов В. А.* Этнические процессы в Волго-Уральском регионе в V—XVI веках и проблема происхождения чувашского этноса // Болгары и чуваша. Чебоксары, 1984. С. 12.
- 84 См.: *Каховский В. Ф., Смирнов А. П.* Памятники средневековья Чуваш-

- ского Поволжья. С. 115—166; *Каховский В. Ф.* О западных пределах Волжской Болгарии // Вопросы древней и средневековой истории Чувашии. Чебоксары, 1980. С. 35—50.
- ⁵⁵ Напр.: *Фахрутдинов Р. Г.* Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и их территория. Казань, 1975. С. 87—187.
- ⁵⁶ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная книга для русских людей. СПб., 1901. Т. 6. С. 176.
- ⁵⁷ *Федотов М. Р.* Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. С. 28.
- ⁵⁸ Там же. С. 11—12.
- ⁵⁹ История Татарии в документах и материалах. М., 1937. С. 37.
- ⁶⁰ *Халиков А. Х.* О происхождении, этимологии и распространении имени «татары» в Среднем Поволжье // К вопросу этнической истории татарского народа. Казань, 1985. С. 24.
- ⁶¹ *Кузеев Р. Г.* Указ. соч. С. 51, 54.
- ⁶² Полное собрание русских летописей. Т. 29. М., 1965. С. 91.
- ⁶³ См.: Современный чувашский литературный язык. С. 140.
- ⁶⁴ *Димитриев В. Д.* О последних этапах этногенеза чувашей. С. 36.
- ⁶⁵ *Гаджиева Н. З., Серебренников Б. А.* Ареальная лингвистика и проблема некоторых черт исчезнувших языков // Советская тюркология. 1977. № 3. С. 10.
- ⁶⁶ См.: *Томилов Н. А.* Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI—перв. четв. XIX вв. Томск, 1981. С. 18—65; Башкирская этнонимия. Уфа, 1987. С. 100.
- ⁶⁷ Цит. по: История Чувашской АССР. С. 57.
- ⁶⁸ См.: Современный чувашский литературный язык. С. 142.
- ⁶⁹ Там же. С. 143.
- ¹⁰⁰ *Каховский В. Ф.* Этноним «чуваша» в письменных источниках // Актуальные проблемы археологии и этнографии Чувашской АССР. Чебоксары, 1982. С. 84.
- ¹⁰¹ См.: Материалы по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1982. С. 3—42.
- ¹⁰² *Тепляшина Т. И.* О смешении терминов «чуваша» и «бесермяне» в письменных источниках // УЗ ЧНИИ. Чебоксары, 1967. Вып. 40; *Родионов В. Г.* Этнокультурные черты и история бесермян как свидетельство болгаро-чувашской преемственности // Болгары и чуваша. Чебоксары, 1984. С. 140—155; *Мухамедова Р. Г.* Указ. соч. С. 204.
- ¹⁰³ *Кузеев Р. Г.* Указ. соч. С. 49—50.
- ¹⁰⁴ История Чувашской АССР. С. 53.
- ¹⁰⁵ Народы Поволжья и Приуралья. М., 1985. С. 145.
- ¹⁰⁶ Там же. С. 203, 204.
- ¹⁰⁷ Цит. по: *Федотов М. Р.* Булгары (болгары) в нашей истории.
- ¹⁰⁸ *Михайлов М. М.* К вопросу о происхождении и формировании чувашского языка // УЗ ЧНИИ. Вып. II. Чебоксары, 1955. С. 75—76.
- ¹⁰⁹ Цит. по: *Федотов М. Р.* Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. С. 50.
- ¹¹⁰ *Ахметьянов Р.* Указ. соч.
- ¹¹¹ *Кузеев Р. Г.* Указ. соч. С. 45.
- ¹¹² См.: История Чувашской АССР. С. 56.
- ¹¹³ См.: Чуваша. Ч. I. С. 307.
- ¹¹⁴ *Герьерштейн С.* Записки о Московских делах. СПб., 1908. С. 95.
- ¹¹⁵ *Атманов В.* Не предания, а факты // Советская Чувашия. 1988. 30 января.
- ¹¹⁶ Цит. по: История Чувашской АССР. С. 56.
- ¹¹⁷ *Каховский В. Ф.* Археология Волжской Болгарии // Болгары и чуваша. Чебоксары, 1984, С. 73; История Чувашской АССР. С. 56.
- ¹¹⁸ *Димитриев В. Д.* О последних этапах этногенеза чувашей. С. 43.
- ¹¹⁹ Там же. С. 48.
- ¹²⁰ Народы Поволжья и Приуралья. С. 176, 202.
- ¹²¹ *Трофимова Т. А.* Антропологические материалы к вопросу о происхождении чувашей // Советская этнография. 1950. № 3. С. 55.
- ¹²² См.: Народы мира: историко-этнографический справочник. М., 1988. С. 513.

- ¹²³ *Димитриев В. Д.* О последних этапах этногенеза чувашей. С. 50.
- ¹²⁴ *Фахрутдинов Р.* Татары или булгары? //Вечерняя Казань. 1987. 29 мая.
- ¹²⁵ *Димитриев В. Д.* О последних этапах этногенеза чувашей. С. 50.
- ¹²⁶ *Кузеев Р. Г., Иванов В. А.* Указ. соч. С. 15—16.
- ¹²⁷ *Димитриев В. Д.* О последних этапах этногенеза чувашей. С. 46.
- ¹²⁸ *Кузеев Р. Г., Иванов В. А.* Указ. соч. С. 16.
- ¹²⁹ *Фахрутдинов Р. Г.* Очерки по истории Волжской Булгарии. М., 1984. С. 184.
- ¹³⁰ См., напр.: *Денисов П. В.* Религиозные верования чуваш. Чебоксары, 1959.
- ¹³¹ См., напр.: Культура и быт низовых чувашей. Сб. статей. Чебоксары, 1986; Чувашаи Приуралья. Чебоксары, 1988.
- ¹³² *Егоров Н. И.* Болгаро-чувашско-кыпчакские этноязыковые взаимоотношения в XIII—XVI веках //Болгары и чувашаи. С. 101.
- ¹³³ *Кузеев Р. Г., Иванов В. А.* Указ. соч. С. 17.
- ¹³⁴ *Козлова К. И.* Очерки этнической истории марийского народа. М., 1978. С. 245, 255, 262, 325; *Сенева Г. А.* Марийцы //Народы Поволжья и Приуралья. С. 145; и др.

СУБЭТНИЧЕСКИЕ ГРУППЫ

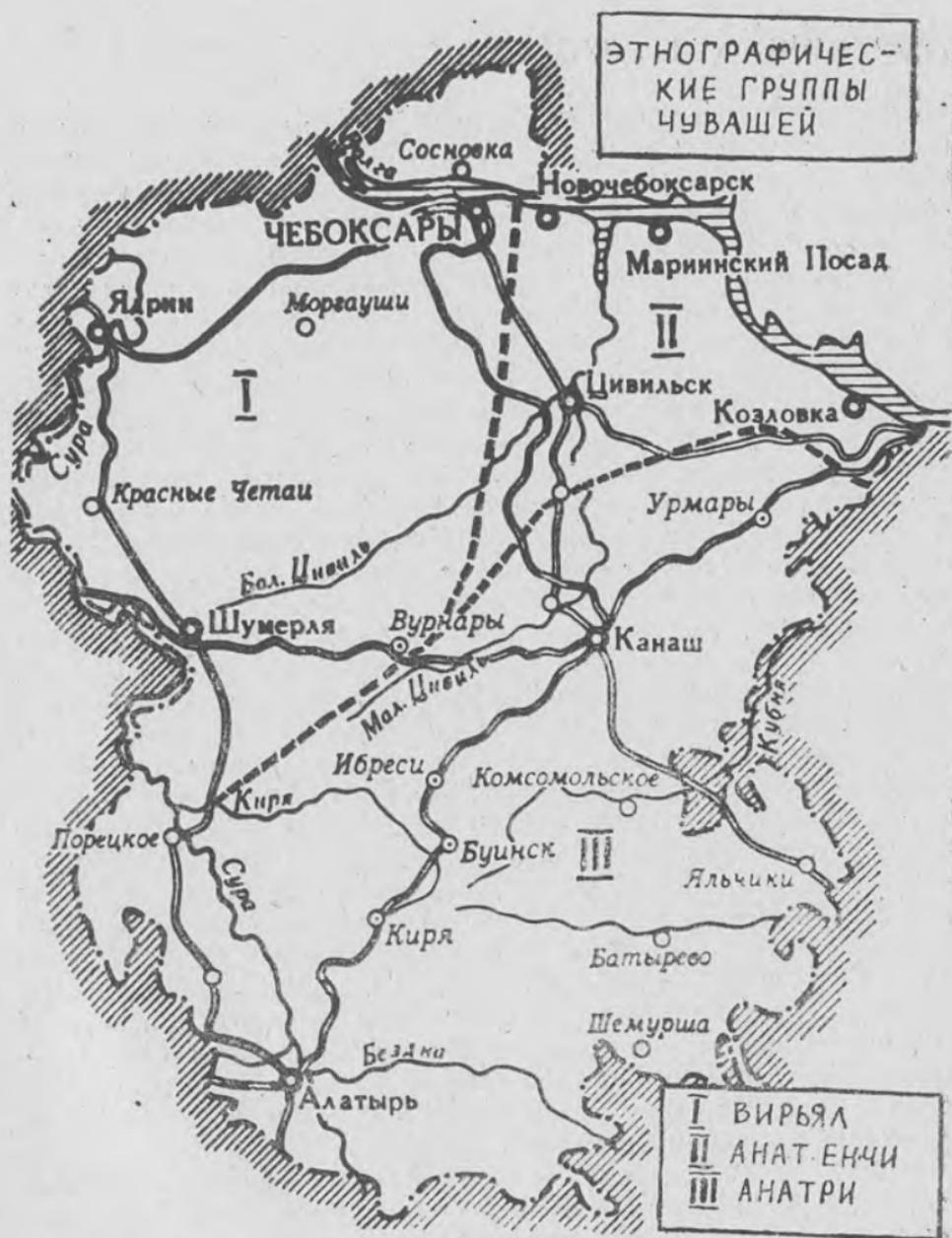
Чуваши обладают целостным этническим самосознанием, имеют единый этноним *чӳваш*. Сложный и продолжительный этногенетический процесс, в котором участвовали разные по происхождению и истории компоненты, отразился на внутренних особенностях чувашского народа. На этнической территории обитания чувашей с самого начала формирования народа были заложены локальные отличия. Они выражаются в языке (диалекты и говоры), costume, обрядовой сфере, пище, жилище и т. п., что позволяет относительно четко выделить группы, обладающие специфическими элементами этнической культуры. Таких внутренних локальных подразделений, которые в науке принято называть этнографическими группами, исследователи выделяют три: *вирьял*, или *тури* (верховые), *анат енчи* (средне-низовые), *анатри* (низовые). В основе их наименований лежит расселение относительно течения Волги. Так, *вирьял* (*вире ял*, *вирӗ ял*) означает «племя» народ, селение, располагающееся сверху (по Волге). Их еще называют *тури чӳваш*, *ту енчи чӳваш*, т. е. чувашы верхней, горной стороны, *кай ен* (западные). Группа, проживающая ниже верховых и относимая в литературе к *анат енчи*, именуется *анатри* (низовые), *анат енчи* (нижней стороны), *малти*, *мал енчи* (восточные). Группу, известную в литературе как *анатри*, именовали и *хирти* (степные) ¹.

На некоторые отличия внутри чувашского этноса обратили внимание еще участники академических экспедиций XVIII в., которые выделили две группы: верховую по Волге и *хирди* (степную, или камскую) ². Также две группы (верховую и низовую) определил первый чувашский этнограф С. М. Михайлов ³. Г. И. Комиссаров, опираясь на данные материальной культуры, прежде всего одежду, составил карту расселения этнографических групп чувашей Казанской губернии ⁴. Проведенные им границы в немалой степени совпадали с административно-территориальным делением того времени, но в целом они принимаются современными этнографами.

Прежде чем приступить к краткой характеристике основных особенностей групп, скажем об их расселении. Детальный подход к проявлениям этнической культуры показывает, что гра-

ницы здесь условны, лабильны, особенно в контактных полосах при учете многовековых брачных связей. Принадлежность к той или иной группе не являлась препятствием для заключения браков.

Верховые чуваши расселены на северо-западе современной Чувашии. Северные и западные границы их проживания совпадают с границами республики. Восточная начинается от Волги

несколько ниже Чебоксар, чуть выше с. Чемуриша и направляется к югу, проходя восточнее пос. Кугеси, с. Визикасы Цивильского, д. Вурман-Янишево Канашского районов, далее плавно поворачивает на юго-запад и, обойдя восточнее с. Янгорчино Вурнарского района, вклинивается в присурский лесной массив, через который выходит к Суре южнее д. Чувашские Алгаши Шумерлинского района. Корреспондент Н. И. Ашмарина П. И. Иванов по одежде и говору восточную границу верховых чувашей отодвигал на несколько верст западнее.

Несколько спорным является также определение границы между анат енчи, проживающими на севере и северо-востоке Чувашии, и анатри (юго-восток республики). По почти не аргументированному мнению Г. И. Комиссарова, чувашаи, проживающие южнее условной линии с. Сотниково — с. Первое Чурашево (ныне Мариинско-Посадского района) — с. Тувси (Цивильского района) относятся к низовым. Авторы монографии «Чуваши» (ч. 1) границу между ними провели от устья Большого Аниша до верховьев этой реки, далее — в юго-западном направлении до д. Новое Булдеево Цивильского района. Отсюда она поворачивает к юго-западу, сближается с границей расселения верховых и сливается с ней около пос. Вурнары. Но П. И. Иванов границу между анат енчи и анатри проводил условно по линии железной дороги от станции Ибреси до Тюрлемы. Известная исследовательница одежды народов Поволжья Н. И. Гаген-Торн, детально проанализировав костюм чувашей, границу между этими группами отодвинула намного южнее — до д. Кубни. Краевед Л. И. Иванов, проследив по историческим данным заселение юго-восточной Чувашии в XVI—XVII вв., склонен считать, что часть низовых, проживающих севернее р. Ари, можно отнести к *анат енчи*⁵.

Эти расхождения вызваны тем, что формирование этнографических групп не привело к их существенному обособлению. Этнокультурная преемственность анатри с анат енчи выражена сильнее, чем у верховых с последними.

С учетом женской одежды и говора этнографические группы чувашей делятся на подгруппы. Верховые чувашаи состоят из трех подгрупп: северо-западной, средней и юго-восточной, выделяют еще красночетайскую. В средненизовой группе имеются две подгруппы: северо-западная (анат енчи) и юго-восточная (мал енчи). По ряду признаков из последней вычлениют козловскую подгруппу. Низовых чувашей, проживающих на территории Чувашии, подразделяют на три подгруппы: северную (спорную, как выше отмечалось), подлесную (западную), южную (степную хирти). Ряд исследователей из подлесной выделяют кошлаушскую подгруппу (по названию селений и лесного массива). К степной относятся также чувашаи правобережной части Татарстана и Ульяновской области. В литературе преобладает мнение, что все чувашаи, проживающие компакт-

ными массами за пределами республики, — низовые ⁶. Однако оно весьма условно и не бесспорно.

Анат енчи как этнографическая группа сложилась в XIII—XV вв., вирьял — в XIV—XVI вв., анатри — в XV—XVII вв.

На территории проживания современных верховых чувашей, как показывают данные археологии и топонимики, в древности обитали мордва и мари. Болгарские поселения здесь появляются в IX—X вв. В некоторых памятниках в одном культурном слое встречаются болгарская и марийская керамика. Болгары в мирных условиях ассимилировали аборигенов края ⁷. Массовые переселения болгаро-чувашей произошли после разгрома Волжской Болгарии монголо-татарами. И в дальнейшем, при Золотой Орде и Казанском ханстве, миграция в западную часть Чувашского края продолжалась. Немало деревень в XI—XVI вв. было основано выходцами с территории проживания современных анат енчи ⁸. В то же время численность марийского населения оставалась существенной. Болгаро-чуваши, будучи в социально-экономическом плане более продвинуты, чем древняя мордва и мари, поглотили аборигенное население, но все же в духовной их культуре (верованиях, обрядах), одежде, жилище, пище, языке сохранилось много финно-угорских компонентов. Марийское наследие сильнее проявляется в северо-западной подгруппе верховых народов. Отголоски этнических признаков древнемордовских племен прослеживаются у юго-восточной подгруппы. Раскопки В. Ф. Каховского около д. Верхние Ачаки (а это почти в самом центре вирьял) показывают, что в XVII в. по соседству с чувашами отнюдь не малочисленными группами проживали мордва и мари ⁹.

Относительная обособленность, слабые внутриэтнические связи и продвижения, что в период феодализма характерно для многих народов, способствовали формированию черт, составляющих специфические особенности верховых чувашей.

Территория расселения средненизовых чувашей была ближе к центральным районам Волжской Болгарии. И здесь топонимика свидетельствует о значительном марийском субстрате. Но болгарское воздействие было сильнее, чем на западе Чувашского Поволжья. Существенные массивы болгаро-чувашей пришли сюда, спасаясь после разгрома Волжской Болгарии из центральной и присвияжской частей. По историческим преданиям, и в период Золотой Орды, впоследствии Казанского ханства, переселение продолжалось ¹⁰. После основания Свияжска, падения Казани и с колонизацией земель ханства русскими, чуваша из этих мест перебирались в Прицивилье и Прианишье. В целом влияние Волжской Болгарии, переселение из Приказанья и Присвияжья способствовали формированию у анат енчи (в те времена именовались анатри) культуры с большим, чем у верховых, преобладанием болгарских элементов и традиций, которые усиливались по мере прибытия сюда новых групп чу-

вашей. В итоге при общечувашских основных чертах у населения Прицивилья и Прианишья сложились локальные особенности. При существенной общности языка, культуры и быта в некоторых, хотя и весьма существенных деталях западные и восточные части чувашского населения Чувашского Поволжья отличались одна от другой.

Для строительства засечных черт и защиты рубежей Русское государство переводило в «дикое поле» служилых чувашей, за ними переселялись и простые крестьяне. Миграция происходила в основном из Прицивилья и Прианишья, также Приказанья и Присвияжья. Постоянные контакты с казанскими татарами и мишарями, с одной стороны, ослабление связей с материнскими селами, жизнь в иной среде и в иных условиях — с другой, привели к изменениям в их культуре и быте. В результате южные чувашаи относительно обособились, сложилась отдельная этнографическая группа, получившая название анатри. В то же время многое в материальной и духовной культуре сближало их с чувашами анат енчи.

Переселение в Закамье, степи юго-западной Башкирии было не единичным явлением. В эти районы прибывало население из разных частей Чувашского края и с территории современной Ульяновской и Самарской областей, Татарстана. К первопоселенцам добавлялись мигранты второй волны, затем третьей. В итоге в одном селении оказывались выходцы не только из разных групп, но и подгрупп. Естественно, ввиду их совместного проживания в рамках одной деревни, округи, происходила нивелировка в языке и культуре. Но все же о полном выравнивании населения юго-восточной Татарии, юго-западной и центральной Башкирии с отдельными группами и подгруппами говорить, видимо, нельзя. Здесь, пожалуй, вернее будет отметить территориальные, но не этнографические группы. Впрочем, этот вопрос требует глубокого изучения.

Важнейшими показателями для дифференциации чувашей по этнографическим признакам являются отличия в одежде, прежде всего в женской. Наиболее древней и основной у них считается женская рубашка анат енчи, которая кроится из четырех полотнищ белого холста, длиной 120—130 см (подол был много ниже колен). Для расширения ее снизу вставлялись клинья. Такой же вид имеет традиционная рубаха у анатри. У вирьялок она, хотя без клиньев, но шире, поскольку собирают ее из пяти полотнищ, и длиннее примерно на 20 сантиметров.

В отличие от татарок и башкирок, чувашки подпоясывались как финноязычные соседи (мари, мордва, удмуртки). При этом вирьялки завязывали пояса туже, поддегивая рубаху вверх, отчего получалась спереди глубокая пазуха, что характерно для мари и мордвы¹¹.

По утверждению известного исследователя Н. И. Гаген-Торн, рубахи верховых чувашек и горных мариек, как и весь ком-

плексы одежды, почти одинаковы. Они являются своеобразным сочетанием и отличаются как от общечувашского, так и марийского типов¹². Во второй половине XV в. анат енчи и анатри начали ткать пестрядь и шить из нее одежду. Вирьялки эту ткань не переняли.

Заемствованием от татар считаются оборки на подолах: у анат енчи — одна узкая (шириной 5—6 см), у анатри — две широкие (до 25—30 см). У вирьялок их не было.

Верховые чувашки носили два-три пояса. Первый — *писихи* (из крученой узкой полоски ткани или тесьмы) — туго завязывали на праздничную рубаху. Выше напуска одевали второй пояс из широкой тесьмы с красивым рисунком. Концы завязывали на боку и спускали вниз до колен. Поверх фартука подпоясывались третьим, завязывая его с другого бока. Женщины анат енчи и анатри завязывали только один пояс с украшенными концами, причем он служил для подвешивания поясных украшений.

Лапти чувашей северо-западной подгруппы вирьял были идентичны горномарийским (с очень маленькой головкой) и отличались от остальных чувашских. Чтобы они не спадали со ступни, их завязывали тоненькой веревочкой из лыка (*çăпата урлавё*). Верховые чувашки носили длинные портянки и онучи, оборы лаптей были длинней, чем у остальных. Ноги закутывали толсто, как и другие финноязычные соседи. Портянки изготавливали из черного сукна, анат енчи — из черного и белого, низовые — только из белого.

Обязательным головным убором замужней женщины являлось *хушпу* цилиндрической или конической формы. У вирьялок оно было высотой 7—15 см, анат енчи — около 15 см, анатри — 20 см. На него нашивали монеты или бисер. С ним в комплексе или самостоятельно носили *сурпан* — полотенеобразный убор. У верховых, средненизовых чувашек он был коротким (120—150 см) и узким (15—20 см), длиной около 2 м и шириной 25—30 см, низовых — 3,5 м при той же ширине, что и у вторых. У всех трех групп основная часть сурпана охватывала подбородок, при этом у анатри он покрывал голову, анат енчи — затылок (почти до темени) и уши, у вирьялок же голову почти не закрывал. Чтобы сурпан не спадал, хушпу надевали сверху, или закрепляли его (верховые и анат енчи) *масмаком* — полоской расшитой ткани. Масмак у вирьялок имел длину до 55 см, у анат енчи — 25—20 см, при ширине в 3—5 см. Последние поверх сурпана носили также чалму — треугольную холщевую повязку, концы которой соединяли на затылке.

Праздничный девичий головной убор *тухья* представлял собой полусферическую шапочку из холста, плотно облегающую голову и прикрепленную под подбородком. У верховых, также у части средненизовых чувашек она почти целиком покрыта монетами или *нухратками* (жестяными кружочками). У средне-

низовых и низовых обшита бисером, несколькими рядами монеток и имела вверху обшитый бисером конус с металлической шишечкой.

Отличия между этнографическими группами проявляются, как указывалось выше, и в языке. Современные верховой и низовой диалекты образовались в сравнительно поздние периоды на основе среднего диалекта. Верховой диалект сложился, как утверждает Н. И. Егоров, в XIV—XV вв. в процессе ассимиляции чувашами мари и содержит ряд особенностей, оставшихся от мари́йского языкового субстрата. Низовой формировался в результате интенсивных контактов с татарами-мишарями (они начались во второй половине XVI в). По сравнению со средним диалектом в нем значительно больший объем составляют мишарские лексические заимствования¹³.

Относительно молодые диалекты не выделились в отдельные языки, как и у этнографических групп соседних народов (горно- и лугово-мари́йские, эрзя- и мокша-мордовские). Чуваша разных групп вполне свободно разговаривают между собой, языковая общность усилилась благодаря влиянию единого литературного языка. Отсутствует и конфессиональный отделяющий фактор, как у татар, где казанские — мусульмане, кряшены — христиане.

Преобладание единого генетического ядра, в целом тесные и постоянные внутриэтнические связи не позволили группам сильно дифференцироваться, консолидационные процессы оказались сильнее.

ЛИТЕРАТУРА

- ¹ *Комиссаров Г. И.* Чуваша Казанского Заволжья. Известия Общества археологии, истории и этнографии. Т. 27. Вып. 5. Казань, 1911. С. 333; *Ашмарин Н. И.* Словарь чувашского языка. Вып. 1. Казань, 1928. С. 217—226; Вып. 3. Чебоксары, 1929. С. 113.
- ² *Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. 1. СПб., 1773. С. 145.
- ³ *Михайлов С. М.* Труды по этнографии и истории русского, чувашского и мари́йского народов. Чебоксары, 1972. С. 89.
- ⁴ *Комиссаров Г. И.* Указ. соч. С. 334, 341—342, 345, 347.
- ⁵ Там же. С. 341—342; *Воробьев Н. И., Львова А. Н., Романов Н. Р., Симонова А. Р.* Чуваша. Этнографическое исследование. Ч. 1. Материальная культура. Чебоксары, 1956. С. 74; *Гаген-Торн Н. И.* Женская одежда народов Поволжья (Материалы к этногенезу). Чебоксары, 1960. С. 30, 170; *Иванов Л. И.* Формирование этнографических групп и подгрупп чувашей (по территории Чувашии). Чебоксары, 1992. С. 89.
- ⁶ *Комиссаров Г. И.* Указ. соч. С. 339; *Воробьев Н. И.* и др. Указ. соч. С. 73—78.
- ⁷ *Каховский В. Ф.* Волжская Болгария и формирование чувашской народности // Древности Восточной Европы. Материалы и исследования по археологии. № 169. С. 81; *Краснов Ю. А., Каховский В. Ф.* Средневековые Чебоксары. М., 1978. С. 159—160.
- ⁸ *Димитриев В. Д.* Чувашские исторические предания. Ч. 3. Чебоксары, 1988. С. 64; *Иванов Л. И.* Указ. соч. С. 23—51.

- 9 *Каховский В. Ф.* Исследование языческого могильника близ дер. Верхние Ачаки Ядринского района // Вопросы археологии и антропологии Чувашии. Чебоксары, 1991. С. 3—19.
- 10 См. напр.: *Димитриев В. Д.* Чувашские исторические предания. Ч. 1. Чебоксары, 1983; *Иванов Л. И.* Указ. соч.
- 11 *Крюкова Т. А.* Материальная культура марийцев XIX века. Йошкар-Ола, 1956. С. 128—129; *Токарев С. А.* Этнография народов СССР. М., 1958. С. 163.
- 12 *Гаген-Торн Н. И.* Указ. соч. С. 21, 51—52.
- 13 *Егоров Н. И.* Чувашская диалектология и этимология // Теория и практика этимологических исследований. М., 1985. С. 55—66; Современный чувашский литературный язык. Т. 1. Чебоксары, 1990. С. 135, 140—141, 145.

РАССЕЛЕНИЕ И ДИАСПОРА

Как известно, в 1236 г. Волжская Болгария была разгромлена монголами. В условиях мощного военно-политического и культурного натиска монголов и кыпчаков на протяжении XIII—XV вв. происходит перемещение больших групп тюркоязычного болгарского (в основном языческого) населения из пострадавших от монгольского разорения Закамья и южных районов левобережья Волги на север — в Приказанье и Заказанье, северо-восток — на среднюю Вятку и р. Чепец, восток — в бассейн р. Белой и районы юго-западного Приуралья, северо-запад — в междуречье Нижней Свияги и Нижней Суры¹.

К середине XVI в. одна группа болгаро-чувашей расселилась в центральных и северных районах территории современной Чувашской Республики, другая — в Приказанье и Заказанье. В этот период территории современных Яльчикского, Комсомольского, Батыревского, Шемуршинского районов Чувашии, юго-западных районов Закамья в Татарии, Ульяновской, Самарской, Пензенской, Саратовской областей представляли собой так называемое «дикое поле» — местность, где проживало оседлое население, район кочевий ногайцев, астраханских татар и кыпчаков, а с начала XVII в. — и калмыков².

Часть приказанско-заказанского этнотерриториального массива болгаро-чувашей, обитавших здесь, согласно источникам, почти в 200 селениях, в XV—XVII вв. приняв ислам, отатарилась. Таким образом вошли в состав татарского этноса и жители многочисленных болгаро-чувашских селений низовой р. Свияги³. Другая часть (язычники) мигрировала большими группами на территорию Чувашского края: в XV в. — в северные и центральные районы, а со второй половины XVI в. — в юго-восточные и южные районы, осваивая «дикое поле»⁴.

Третья группа приказанско-заказанских чувашей возвратилась в XVI—XVII вв. в Закамье (т. е. на родину предков) и расселилась здесь в нескольких десятках селений, существующих в большинстве своем и поныне⁵. «Имеются данные о том, — пишет проф. И. И. Воробьев, — что часть чуваш Заволжья является коренным населением этих мест, там сформировавшим-

ся»⁶. Приказанско-заказанские болгаро-чуваши в XVII в., возможно и раньше, переселились и в Южное Приуралье, в Башкирию, а также в Западную Сибирь⁷.

§ 1. Расселение и численность чувашей на территории Чувашии

По данным В. Д. Дмитриева, материнские селения центральной и северной Чувашии возникли в основном в XIII—XV вв., но некоторые из них были основаны еще в X—XII вв. Согласно археологическим данным, письменным источникам и историческим преданиям, болгаро-чуваши, гонимые монголо-татарскими погромами, прибывали в лесистые центральные и северные районы Чувашии в XIII — начале XV вв. С территории современной Ульяновской области они поднимались по рекам Свияге и Суре, из юго-восточных районов Чувашии — сухим путем, из Закамья — по Волге⁸.

С середины XVI в., т. е. после вхождения Чувашии и других регионов Поволжья и Приуралья в состав России, царское правительство приняло ряд мер по ограждению территории страны от набегов отрядов ордынских, ногайских, калмыцких князьков. С этой целью на юго-восточной пограничной территории сооружались укрепленные линии — засечные черты, была организована сторожевая служба⁹. В третьей четверти XVI в. были построены Кубнинская засечная черта, в 1648—1654 гг. — Симбирская укрепленная линия (Симбирск—Саранск—Тамбов), в конце 70-х — начале 80-х гг. — укрепленная линия Тетюши—Алатырь—Темников.

После того, как были сооружены на юге Чувашии Карлинская укрепленная черта, на востоке — Тетюшская, на западе — Алатырская засеки, южные районы края стали безопасными для оседлого земледелия.

Немалая часть приказанско-заказанских болгаро-чувашей (язычников) со второй половины XVI в. участвует также в освоении «дикого поля» в юго-восточных районах Чувашии. Установлено, что переселенцами Арской дороги Казанского уезда на территории Чувашии были основаны Старые Шигали (ныне д. Анчиккасы Цивильского района), Дальние Шигали (д. Ямбахино Вурнарского р-на), Ближние Сормы (Канашский р-н), а также д. Старая Сорма (на реке Кувагале) и др.

С последней четверти XVI до начала XVIII вв. наблюдается процесс возвращения чувашских крестьян на оставленные ими в XIV — начале XV вв. земли юго-восточных и южных районов Чувашии, освоение правобережных районов Сурского бассейна. В XVII—XVIII вв. чувашское население Правобережья Волги переселяется в Симбирский край — на территории, ныне входящие в Ульяновскую и Самарскую области. Чувашский народ получил возможность вернуться на свои преж-

ние, обжитые прадедами земли, вынужденно покинутые в XIII—начале XV вв., заново осваивать их, основывать сотни новых деревень¹¹. В этих же районах поселились и чувашские крестьяне из центральной и северной Чувашии, а также из Казанского уезда. Последние создали, к примеру, в XVII в. деревни Сугуты, Тойси, Ендоба, Шерауты, Баишево, Ишля (Бахгильдино), Матаково, Урмаево, Кубня (ныне Тояба, Полевое Байбахтино, Ивашкино)¹². Причем в документах XVII в. и переписных книгах XVIII в. чувашские селения Правобережья, основанные переселенцами из Приказанья, продолжали числиться в Казанском же уезде.

Первыми поселенцами в «диком поле» были крестьяне северо-восточных и центральных районов Чувашии, ныне составляющих Янтиковский, Урмарский, Козловский, Марпосадский, Канашский, Красноармейский, Чебоксарский районы, а также левобережные некрещеные (язычные) чуваша Приказанья и Заказанья¹⁴. Переселение шло преимущественно из северо-восточных районов Чувашии, т. е. оттуда, где жили в то время чуваша анатри¹⁵. Поэтому население новых территорий на юге и юго-востоке оформилось как низовое. Наряду с низовыми чувашами перебрались сюда и некоторые верховые, что подтверждается наличием здесь одноименных с вирьяльскими названий селений (к примеру, Полевые Пинеры).

В последней четверти XVI в. началось заселение чувашскими крестьянами не только территорий современных Яльчикского и Комсомольского, но и Батыревского и Шемуршинского, а также соседних районов Татарии и Ульяновской области. Заселение интенсивно шло в XVII в., охватывая и лесное Присурье¹⁶.

География и характер расселения чувашей на территории края уже с середины XVI в. в значительной мере определялись спецификой и направлениями проникновения сюда русского населения в ходе дворянско-монастырской колонизации. Русские помещики и монастыри захватывали земли местных крестьян и в первую очередь находящиеся вблизи городов и по долинам рек¹⁷. По данным летописей, сразу после завоевания Казани с 1557 г. началась раздача русским земель ясачных чувашей в Свияжском и Чебоксарском уездах. В ходе русской колонизации особенно хищнический характер имел захват владений остающихся в язычестве чувашских крестьян. Последние в этих условиях вынуждены были переселяться на новые места, в т. ч. и за пределы Чувашского края.

По приблизительным подсчетам, на территории современной Чувашской Республики в 1630-е гг. проживало около 175 тыс. человек, в 1680-х гг. — около 200 тыс., из них чуваша составляли 80—81%, русские — 16—17%, татары — 1,5—2,0%, мордва — 1,0%¹⁸.

Согласно 1 ревизии (1719—1723 гг.), чуваша, насчитывавшие в общей сложности 217,9 тыс. человек, являлись одним из

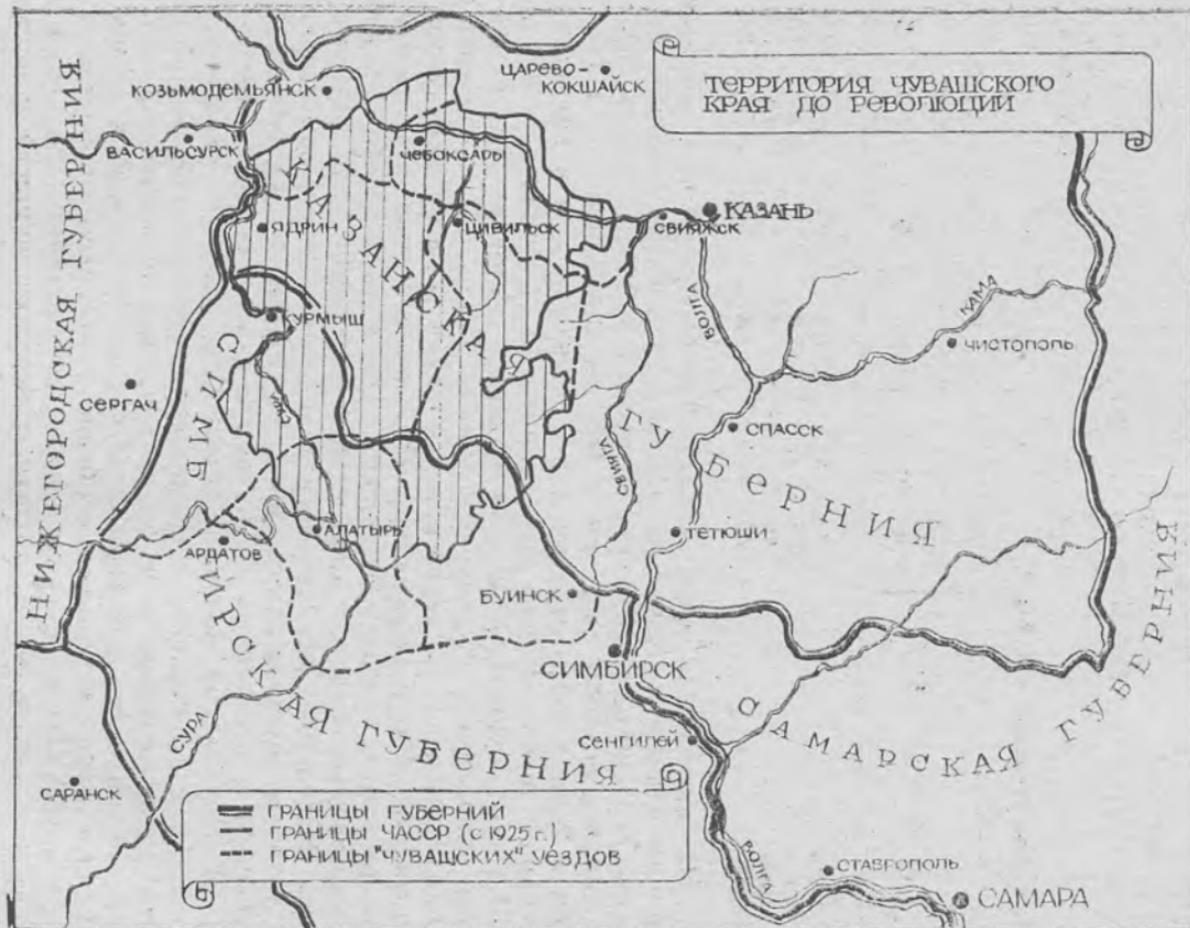
крупных народов России. В ряду зафиксированных тогда этносов они уступали лишь русским (11,1 млн.), украинцам (2 млн.), белоруссам (382 тыс.), эстонцам (309 тыс.) и общему числу всех татар страны (293 тыс.). При этом заметно превосходили по численности казанских татар (175,5 тыс.), башкир (172 тыс.), мордву (197 тыс.), марийцев (62 тыс.) и удмуртов (48 тыс.)¹⁹.

С учетом всех социальных групп общая численность населения Чувашии на исходе первой четверти XVIII в. приблизительно составляла 243 тыс. чел., в третьей четверти века — 275 тыс. (79% — чуваша, 17,4% — русские, 2,2% — татары, 1,2% — мордва)²⁰, что свидетельствует о весьма высокой для того времени плотности населения — соответственно 13,5 и 15,3 чел. на 1 кв. км.

В географическом плане на небольшой территории между речья Суры и Свияги чуваша обитали в целом компактной массой: соседями с севера были марийцы, с северо-востока — русские, с востока и юго-востока — татары, с юга — русские и отчасти мордва, с запада — русские; русские и мордовские селения кучно располагались в юго-западных районах Чувашии, татарские — в юго-восточных²¹, в центральных, в основном в окрестностях городов и по берегам рек, встречались русские селения.

Процесс этнической консолидации чувашской народности, как и других нерусских народов России, в дореволюционный период сильно осложнялся различными административно-территориальными реформами, которые осуществлялись без учета географических, исторических и национальных особенностей расселения народов²². Так, в XVII в. территория Чувашии входила в Чебоксарский, Цивильский, Ядринский, Козьмодемьянский, Курмышский, Свияжский, Кокшайский, Алатырский и Симбирский уезды. По губернской реформе Петра I территория Чувашии в 1708 г. вошла в состав Казанской губернии, затем часть ее отошла к Нижегородской губернии, выделенной из Казанской в 1714 г. В 1719 г. губернии были подразделены на провинции, включавшие несколько уездов (последние делились на волости или станы). По реформе 1780—1781 гг. территория Чувашии оказалась уже в составе двух губерний — Казанской и Симбирской. Что касается изменений в географии расселения чувашей на территории края, то она в конце XVIII — середине XIX вв. выглядела практически так же, как и в наше время²⁴.

К концу XIX в. население Чувашии было исключительно сельским (96,5%). В 1897 г. 51,4% людей проживали в селениях, число жителей в которых превышало 500 и более человек. В 12 населенных пунктах количество жителей составляло более 200 чел., в 328 — от 500 до 1000, в 71 — от 1000 до 2000²⁵. Причем плотность расселения постоянно повышалась. Если в 1795 г. на 1 кв. км площади Чувашии приходилось 16,3, в 1859 г. — 25,

в 1897 г.— 37,4 чел., то к 1911 г. она выросла до 46,8 чел. Вместе с тем плотность расселения в Чувашии в конце XVIII — середине XIX вв. была несколько ниже, чем в Средневолжском регионе (в 1795 г.— 21,4 чел. на 1 кв. км, в 1863 г.— 37,7 чел.), но выше, чем в Европейской России (в 1795 — 10,1 чел., в 1863 г.— 17,1 чел.)²⁷. К 1911 г. население Чувашии насчитывало 852949 чел., т. е. увеличилось по сравнению с 1897 г. на 25%. При этом национальный состав выглядел так (табл. 1).

Таблица 1

Население Чувашии в XIX в. *

Национальности	1795 г.		1859 г.		1897 г.	
	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%
Чуваши	233,9	80,9	360,4	80,1	538,0	74,3
Русские	47,6	16,5	69,0	15,3	142,9	20,1
Татары	4,9	1,7	12,6	2,8	24,1	3,4
Мордва	2,7	0,9	8,0	1,8	15,9	2,2

На протяжении всего XIX столетия наблюдалось довольно значительное увеличение чувашского населения Чувашии, особенно сельского, численность которого с 233,9 тыс. чел. в 1795 г. поднялась до 538,0 тыс. чел. в 1897 г., т. е. увеличилась более чем в 2 раза. За этот период в 3 раза возросло и количество чувашей, проживающих вне территории Чувашии: с 118,1 до 301,4 тыс. человек. При этом в первой половине XIX в. рост «был медленней, во вторую половину XIX в. рост выражается приблизительно так: через каждые 20 лет чувашаи увеличиваются на 1/3 общего количества... В отношении прироста стоят на первом месте уезды: Ядринский, Цивильский, Чебоксарский, Козьмодемьянский и, главным образом, чисто чувашские селения... Население увеличивается слабо там, где чувашаи соседят с татарами-мусульманами, напр., в Уфимской, Оренбургской губернии, и особенно в чувашско-татарских селениях...»²⁸ Н. В. Никольский, вероятно, был прав: прирост численности чувашей в дореволюционный период, действительно, мог быть более значительным, если бы этот процесс не отягощался отатариванием части чувашского населения²⁹. Татарская ассимиляция чувашей-язычников особенно интенсивно проходила до середины XVIII в., т. е. до начала их христианизации. Но и в XIX, и в начале XX в. масштабы перехода чувашей в ислам оставались значительными. К примеру, в первой половине XIX в. только по Буинскому, Цивильскому и Тетюшскому уездам отатарились несколько тысяч чувашей³⁰. Как значится в переписи-

* По опубликованным источникам.

ных книгах Свияжского уезда (II ревизия, 1746 г.), в деревнях Исаково (Асаково), Душево, Атабаево (Атабаш-Анкебе), Алькеево, Старое Тябердино, Большое Тябердино, Старое Чутеево, Старый Курбаш, Хозесаново когда-то проживали чувашаи, а через сто с лишним лет они числились татарами³¹.

Таким образом, если до конца XVIII — начала XIX вв. доля чувашей в Казанской губернии была выше удельного веса татар, то к середине XIX в. первых становится меньше. Только с 1795 по 1858 гг. прирост татарского населения здесь составил 107%, мордовского — 59,4%, марийского — 58,6%, чувашского — 48,7%, удмуртского — 49,3%. Сравнительно высокие темпы роста численности татар исследователи объясняют ассимиляцией этой народностью главным образом башкир, мишарей и чувашей, а также удмуртов, бесермян и марийцев³³.

Городские поселения дореволюционной Чувашии являются одними из старинных в Средневолжском регионе. Так, Чебоксары впервые упомянуты в летописи еще в 1469 г. Несколько позже образовались Алатырь (1552 г.), Цивильск (1589 г.), Ядрин (1590 г.) и Мариинский Посад (1856 г.). Во всех указанных городах абсолютное большинство населения составляли русские. В 1859 г. среди городских жителей чувашей почти не было. В 1897 г. их было зафиксировано в городах всего 874 чел., из них 50% проживали в Чебоксарах³⁴. Вместе с тем, среди нерусских народов Поволжья они значительно уступали только татарам. Так, в Казанской губернии в 1897 г. в городах проживало 1645 чувашей, что составляло 0,9% горожан губернии (русских — 77,2%, татар — 19,0%).

В целом численность чувашей на территории Чувашского края в разные периоды дореволюционной истории имела неровную динамику, что было связано, кроме указанных выше причин, и с «волновым» характером миграции крестьян за пределы Чувашии. Общая численность этноса в России только в течение XIX столетия увеличилась в 2,5 раза и составила 843,8 тыс. чел., из них к концу XIX в. 542,4 тыс. (64,3%) проживали на территории Чувашии. Это свидетельствует о необоснованности появлявшихся в публикациях XIX — начала XX вв. утверждений о «вымирании» чувашского народа³⁵.

В советское время, по сравнению с дореволюционным, характер расселения чувашей на территории современной республики не претерпел больших изменений. Почти прежним остался и национальный состав населения. Коренные изменения в этнодемографии чувашей в этот период связаны прежде всего с тем, что, во-первых, быстрыми темпами увеличилась абсолютная и относительная их доля среди городского населения, во-вторых, кардинально изменился и усложнился социальный состав чувашского этноса.

В 1926 г., на начальном этапе государственного строительства, в Чувашии проживало только 59,8% всего чувашского на-

селения СССР (667,7 тыс. из 1 млн. 111,4 тыс.). Его рост в советское время был незначительным и в целом отставал от темпов роста всего населения республики. В 1926 г. здесь проживали 890 тыс. чел., из них 667,7 тыс. чел. составляли чуваши, в 1939 г. эти величины соответствовали 1078 и 776 тыс., в 1959 г. — 1098 и 770,4 тыс., в 1970 г. — 1224 и 856 тыс., в 1979 г. — 1298 и 887,7 тыс., в 1989 г. — 1338 и 906,9 тыс. То есть, если за 70 лет Чувашской государственности все население республики увеличилось на 150%, то число чувашей — лишь на 136%.

В год образования Чувашской автономии в ней насчитывалось всего четыре города — Чебоксары (8,8 тыс. чел.), Ядрин, Цивильск, Алатырь, для основной части населения которых был более присущ сельский образ жизни, нежели городской. Городское население насчитывало в 1926 г. 45,2 тыс. чел. (5% населения), из них чуваша-горожане составляли всего 11%.

В настоящее время Чувашия по числу жителей находится на пятом месте среди республик Российской Федерации. Все население проживает в девяти городах, семи поселках городского типа (ПГТ) и 1761 сельском населенном пункте, которые подразделяются, в свою очередь, на села — 235, поселки — 122, деревни — 1363, выселки — 23, поселения при железнодорожных станциях и разъездах — 18³⁶.

Крупнейшим городом республики являются Чебоксары, где проживает, по данным переписи 1989 г., 419,7 тыс. человек. Следующий по величине город — Новочебоксарск с числом жителей 115 тыс. чел., затем — Канаш (54,6 тыс.). К числу малых городов относятся и имеют статус поселков городского типа Вурнары — 12,3 тыс., Ибреси — 8,6 тыс., Кугеси — 9,3 тыс., Новые Лапсары — 5,7 тыс., Урмары — 5,9 тыс., Сосновка — 4,3 тыс., Киря — 3 тыс., Буинск — 2 тыс. человек.

Динамика роста городского населения Чувашии до 1990 г. была довольно интенсивной. И хотя его доля несколько ниже общероссийского показателя, за короткий срок, с 1970 по 1989 гг., оно возросло с 35,7% до 57,9% (см. табл. 2).

Чувашские селения как в прошлом, так и сегодня, отличаются однонациональным составом населения, так как чуваша издавна, в отличие от всех народов региона, на основной территории своего обитания проживают сравнительно компактно. Даже в районах с этнически чересполосным расселением чувашские деревни выделяются однородным национальным составом. Смешанный характер наблюдается лишь в центральных и особенно южных районах, которые были заселены позднее (в XVII — XVIII вв.) и в колонизации которых участвовали также русские, мордовские, татарские крестьяне. Большинство смешанных селений чувашско-русские. В Ибресинском, Порецком, Шемуршинском и Батыревском районах встречаются, например, и такие сочетания, как чуваша, русские, мордва; русские, мордва, татары; чуваша, мордва, татары и другие. В селе Трехбал-

Изменение численности основных национальностей Чувашской Республики в 1970—1989 гг.

Национальности	Число лиц (тыс. чел.)		В % в итогу		Прирост к 1989 г.
	1970 г.	1989 г.	1970 г.	1989 г.	в % к 1970 г.
Все население:	1223,7	1338,0	100,0	100,0	109,3
чуваши	856,2	906,9	70,0	67,8	105,9
русские	299,2	357,1	24,5	26,7	119,3
татары	26,2	35,7	3,0	2,7	98,5
мордва	21,0	18,7	1,7	1,4	88,8
Городское население:	436,5	771,1	100,0	100,0	176,6
чуваши	193,6	422,0	44,4	54,7	217,0
русские	217,5	308,3	49,8	40,0	141,7
татары	9,7	14,2	2,2	1,8	146,4
мордва	6,3	9,4	1,5	1,2	147,7
Сельское население:	787,2	567,0	100,0	100,0	72,0
чуваши	662,6	484,9	82,2	84,8	73,2
русские	81,7	58,8	10,4	8,6	59,8
татары	26,5	21,5	3,4	3,8	81,1
мордва	14,7	9,3	1,9	1,7	63,4

таево Шемуршинского района проживают чуваши, татары, мордва и русские. К середине 1980-х гг. чисто чувашских населенных пунктов в республике было 88,6% от общего их числа, русских — 7,6%, смешанных — 3,8%.

В национальном разрезе население Чувашской республики с 1925 г. по сегодняшний день остается в целом стабильным: в 1926 г. чуваши здесь составляли 74,6%, в 1989 г. — 67,8%, из них в городе проживали 54,7% (см. табл. 3). К тому же коренное население республики представлено как в городе, так и в сельской местности практически равномерно, даже, можно сказать, в оптимальном соотношении. Вторая по численности этническая группа — русские, как практически все остальные национальности, — в основной массе живет в городах.

Этнодемографические процессы среди чувашей республики находятся под воздействием ряда специфических факторов. Один из них, имеющий исторический характер — высокая плотность населения. Если в 1926 г. она составляла 49 чел. на 1 кв. км, в 1939 г. — 60, в 1979 г. — 71, то к 1989 г. увеличилась до 73 человек. По Российской Федерации показатели несколько выше только в Московской (с Москвой), Ленинградской (с Санкт-Петербургом), Тульской областях. (Для сравнения: в Татарии, Марий-Эл и Мордовии плотность населения составляет соответственно 51, 30 и 38 чел.).

Национальный состав населения городов республиканского подчинения (1989 г.), %

Города	Число жителей (тыс. чел.)	Национальности				другие нацио- наль- ности
		чуваши	рус- ские	татары	мордва	
Чебоксары	419,7	61,7	34,3	1,1	0,5	2,4
Новочебоксарск	114,8	52,5	42,4	1,4	0,8	2,9
Канаш	54,6	53,9	34,4	8,7	0,6	2,4
Алатырь	46,5	4,2	86,0	0,4	8,2	1,2
Шумерля	41,3	24,0	68,2	2,7	3,6	1,5
Городское насе- ление республики (всего)	773,6	54,7	40,0	1,8	1,2	2,3

Что касается сельского населения, то наиболее компактно оно проживает в Нечерноземной зоне: на 1 кв. км здесь приходится более 30 человек. Как отмечает П. А. Сидоров, «в чувашском правобережье Волги обычно из одного селения виден еще один десяток ближайших населенных пунктов. Так, со склона левого коренного берега реки Унга около селения Анаг-кас-Марги просматривается в хорошую погоду до сорока населенных пунктов»³⁷. Высокая плотность населения предполагает большую концентрацию трудовых ресурсов в селе и сохранение скрытых и явных форм безработицы. А это, несомненно, — источник потенциальной миграции молодых селян в города.

Таким образом, в отличие от других республик региона доля чувашей в составе населения республики оставалась в целом на стабильном уровне, но произошел коренной перелом в соотношении доли русских и чувашей в городском населении в пользу последних. Судя по всему, увеличение абсолютной и относительной численности чувашей-горожан остается пока генеральной тенденцией в перераспределении населения республики. Что касается сельского населения, то удельный вес чувашей в его составе тоже устойчив: в 1970 г. их было 84,2%, в 1989 г. — 84,4%.

§ 2. Диаспора

Согласно имеющимся данным, абсолютное большинство чувашей, живущих за пределами Чувашии с исторически обозримого времени (примерно, начиная с XV—XVI вв.), являются до-

томками переселенцев с этой территории, покинувших ее в разное время и в силу разных причин. Вместе с тем исследователи указывают на то, что часть чувашей, живущих в Закамье (в Татарии), а также в ряде других мест по обоим берегам среднего течения Волги представляют собой коренное население этих же мест, т. е. являются потомками болгаро-чувашей³⁸. По общему мнению специалистов, в силу отсутствия полных цифровых данных не представляется возможным точно установить размеры переселения чувашей в различные регионы страны в дореволюционное время и судить о них можно только косвенно. Ясно, однако, что начиная с XVI в. чувашское население, находящееся вне территории Чувашского края, постоянно получало сильное прибавление за счет переселенцев (см. табл. 4).

Таблица 4

Динамика численности чувашского населения в Чувашии и за ее пределами

Годы	Всего чувашей (тыс. чел.)	В т. ч. на территории Чувашии	Численность и доля чувашей вне Чувашии	
			тыс. чел.	%
1719—1723	217,9	194,0	23,9	11,0
1795	352	233,9	118,1	33,6
1897	843,8	542,4	301,4	35,7
1926	1117	667,7	449,8	40,2
1979	1751,4	887,7	863,7	49,3
1989	1842,3	906,9	935,4	50,7
Прирост за 1795—1989 гг.	в 5,2 раза	в 3,9 раза	в 7,9 раза	—

В Средневолжском регионе чувашаи исторически являлись одним из многочисленных народов. Вплоть до начала XIX в. их доля в составе всего населения региона уступала только русским, но позднее она стала ниже, чем татар (табл. 5). В общей сложности в трех губерниях — Казанской, Симбирской, Самарской — к середине XIX в. было расселено 94% всех чувашей, к концу XIX в. — 89,3%. Относительно мало их было в Саратовской губернии (в 1834 г. — 6,8 тыс. чел.): часть их проживала здесь и в начале XX в. (в 1923 г. — 11,8 тыс. чел.)⁴¹.

В Южное Приуралье чувашаи начали переселяться еще во второй половине XVII в., но даже и в начале XVIII в. их число там было еще незначительно. Особенно быстро растет численность чувашей в Башкирии в XIX в.: если в 1870 г. в Уфимской губернии их насчитывалось 31,9 тыс. чел., то в 1897 г. — уже 60,3 тыс.⁴²

Чуваши Татарской и Башкирской республик, Самарской, Ульяновской, Саратовской и Оренбургской областей, а также частично южноуральских районов страны, являются в основ-

ной своей массе потомками переселенцев сравнительно раннего времени — XVI—XIX вв., относятся по языку и культуре к этнографической группе низовых («анатри») чувашей.

Таблица 5.

Динамика численности чувашей и татар в Средневолжских губерниях в XIX в. (тыс. чел.)⁴⁰

Губернии	1834 г.		1857—1861 гг.		1897 г.	
	чувашаи	татары	чувашаи	татары	чувашаи	татары
Казанская	300,1	363,1	333,1	445,3	502,0	675,4
Симбирская	84,7	67,7	97,8	90,1	159,8	134,0
Самарская	29,9	85,4	80,3	131,6	91,8	159,8
Всего	414,7	516,2	491,2	677,0	753,0	1069,2

«Начиная с Петровских времен, часть чуваш селится в Азербайджане, часть уходит южнее в Персию; в 1-й половине XIX в. 50 чуваш поселились в Константинополе; во 2-й половине XIX века чувашаи появляются в пределах нынешней Киргизии, Узбекистана, Таджикистана и даже Бухары»⁴³. Во второй половине XIX — начале XX вв. наиболее нуждающиеся в земле чувашаи расселились и в Сибири — по рекам Тобол, Иртыш, Енисей, Амур, а также на Сахалине⁴⁴.

Переселенческий процесс чувашских крестьян в дореволюционное время можно подразделить на ряд основных этапов:

1. XVII в.— первая половина XVIII в. Переселение, как и у других народов региона, осуществлялось в рамках государственной политики колонизации Приуралья, Сибири, южных и юго-восточных регионов Поволжья. В числе ведущих причин является нежелание чувашей отказаться от своей дохристианской (языческой) религии.

2. Вторая половина XVIII в.—XIX в. Вольная крестьянская колонизация. Миграция происходила вследствие малоземелья и усиления феодального гнета.

3. Начало XX в. Переселенческий процесс усилился в связи со столыпинской аграрной реформой.

У специалистов есть основание полагать, что первоначальное ядро заволжских и приуральских чувашей составили чувашаи Заказанья и Приказанья, образовавшие в XIV—XVI вв. компактную зону сосредоточения чувашского населения на левобережье Волги. В начале XVII в. начинается обратный процесс переселения: частью на правобережье — в южные и юго-западные районы Чувашии, частью — в районы Закамья и Приуралья⁴⁵. Основной зоной колонизационного освоения чувашских переселенцев становится Закамье — территория, ныне входящая в Татарстан и Самарскую область. Эта площадь в

XV в. была «диким полем». Сюда еще во второй половине XVI в. начали первыми переселяться чувашаи из Приказанья и Заказанья, а с территории Чувашского края — с начала XVII в. Некоторые чувашаи, обосновавшиеся вначале в Закамье, через несколько десятилетий переселялись в Башкирию и Оренбуржье⁴⁶. И. Г. Петров полагает, что приказанско-заказанские болгаро-чувашаи переселились в Южное Приуралье (Башкирию), а также в Западную Сибирь, возможно, даже раньше, чем с XVII в. Во многих исторических преданиях о возникновении чувашских селений в Башкирии часто упоминаются районы Приказанья как районы, из которых прибыли первопоселенцы⁴⁷. В «диком поле» чувашские крестьяне получали земельные участки на ясак и оброк, а в Башкирии и Оренбуржье покупали и арендовали их у местных феодалов — волостных старшин⁴⁸.

Ясачные чувашаи пытались освободиться от феодальной эксплуатации на родине в основном путем бегства⁴⁹. К примеру, в 1712—1713 гг. в Свяжском, Чебоксарском и Цивильском уездах было зафиксировано 4762 опустевших двора чувашских крестьян, или 33% всех дворов⁵⁰. «Тяжелые обязанности и повинности побуждали чуваш... бежать от государственного тягла. С 1710 г. по 1714 г. было показано убылых дворов только на одну Казанскую губернию 35215»⁵¹. Крестьяне покидали родные места, несмотря на то, что на чужбине им тоже приходилось нелегко. По сведениям ревизии 1719—1723 гг., из возвращенных на родину в Ядринский уезд беглых чувашей 85% жили в «работниках», т. е. работали по найму у купцов и богатеев, нанимаясь на работу всего за один рубль в год⁵².

В Приуралье и на Урал чувашаи попадали в XVIII в. не столько по причине вербовки их на металлургические заводы и рудники, сколько в ходе усилившейся миграции на башкирские земли чувашских крестьян-земледельцев. Причем сюда переселялись чувашаи не только из Чувашского края, но и с территорий Закамья, Самарского края. «Чувашские крестьяне убегали и от преследований за участие в крестьянской войне под предводительством С. Т. Разина, и от неимоверного разорения в первой четверти XVIII в., когда степень эксплуатации ясачных людей Чувашии увеличилась в 2—3 раза, и от принудительного крещения в середине XVIII в., и от наказаний за участие в Пугачевском восстании»⁵³.

Одним из важнейших факторов переселения чувашских крестьян с территории Чувашского края в восточном и юго-восточном направлениях явилось то обстоятельство, что к середине XVIII в. в селениях государственных крестьян Чувашии стали заметны признаки относительного малоземелья⁵⁴. «...Малоземелье было одной из причин массового переселения крестьян из Чувашии в Уфимский, Оренбургский, Бугульминский, Исецкий и Ставропольский уезды Оренбургской губернии в 40—70 гг»⁵⁵.

Миграция чувашского населения в другие регионы приобретает интенсивный характер с вводом в эксплуатацию в 1894 г. Казанской железной дороги, проложенной по географическому центру Чувашии, а также Самаро-Оренбургской и Самаро-Златоустовской железных дорог ⁵⁶.

Земельный вопрос в период столыпинских реформ царское правительство пыталось разрешить частично путем переселения крестьян в Сибирь и другие районы азиатской России. Согласно правительственным указаниям тысячи чувашских крестьян начиная с 1907 г. выехали на новые земли в Тобольскую, Томскую и Енисейскую губернии. Малоземельные и разорившиеся чуваша в массовом порядке выезжают в поисках лучшей доли в промышленные районы России, в том числе на далекие ленские прииски, нефтепромыслы Баку, шахты Донбасса ⁵⁷. Миграция чувашей с территории Чувашии в восточные и юго-восточные регионы сильные импульсы получала и в периоды массовых голодовок (*мӓян сӓлӓ*).

По данным переписи 1897 г., всего в Российской империи насчитывалось 843755 чувашей ⁵⁸. Большинство — 837872 чел. (99,3%) — проживало в Европейской части России, главным образом в Казанской — 502042 чел. (59,9%), Симбирской — 159766 (19,1%), Самарской — 91839 (11,0%), Уфимской — 60616 (7,2%), Саратовской — 14403 (1,7%), Оренбургской — 4064 (0,5%), Гродненской — 1517 (0,2%) губерниях; в остальных областях их численность не превышала 500 человек. В других регионах России число чувашей было невелико. На Кавказе они проживали в количестве 411, Средней Азии — 311, Сибири — 4232 человека ⁵⁹.

Заселение Сибири чувашами началось с XVII в.: именно с этого времени все чаще встречаются упоминания о приездах торговцев-чувашей в Зауралье. Однако при этом отмечается то обстоятельство, что еще гораздо ранее, в конце XVI в., после поездки хана Кучума в Казань, в Сибирь с ним пришли служилые чуваша. Имеются также сведения и о более ранних появлениях чувашей на сибирской земле, а также об их участии в формировании искро-тобольской группы сибирских татар ⁶⁰.

Относительно переселения чувашей на Кавказ, а далее — и в Турцию (в XIX в.) следует сказать, что вопреки расхожему мнению этот процесс был явлением далеко не массовым, несмотря на то, что магометанский духовный центр Турции в течение ряда лет пытался превратить его в национальное движение тюркских народов России, в том числе и чувашей, отпадавших в 1840—1860-х гг. в значительных масштабах как от язычества, так и православия, и принимавших ислам ⁶¹. Судя по материалам, выявленным Н. Г. Красновым, в Турцию переселились лишь отдельные чувашские крестьяне, число которых не превышает 30. В основном это были выходцы из чувашских деревень Саратовской губернии: в 1862—1863 гг. ее поки-

нули 6 семей, в 1865 г.— 7—8, в 1866 г.— 1 семья⁶². «Однако не все мигранты дошли до Турции: некоторые вернулись домой обратно, а другие бесследно исчезли в пути»⁶³.

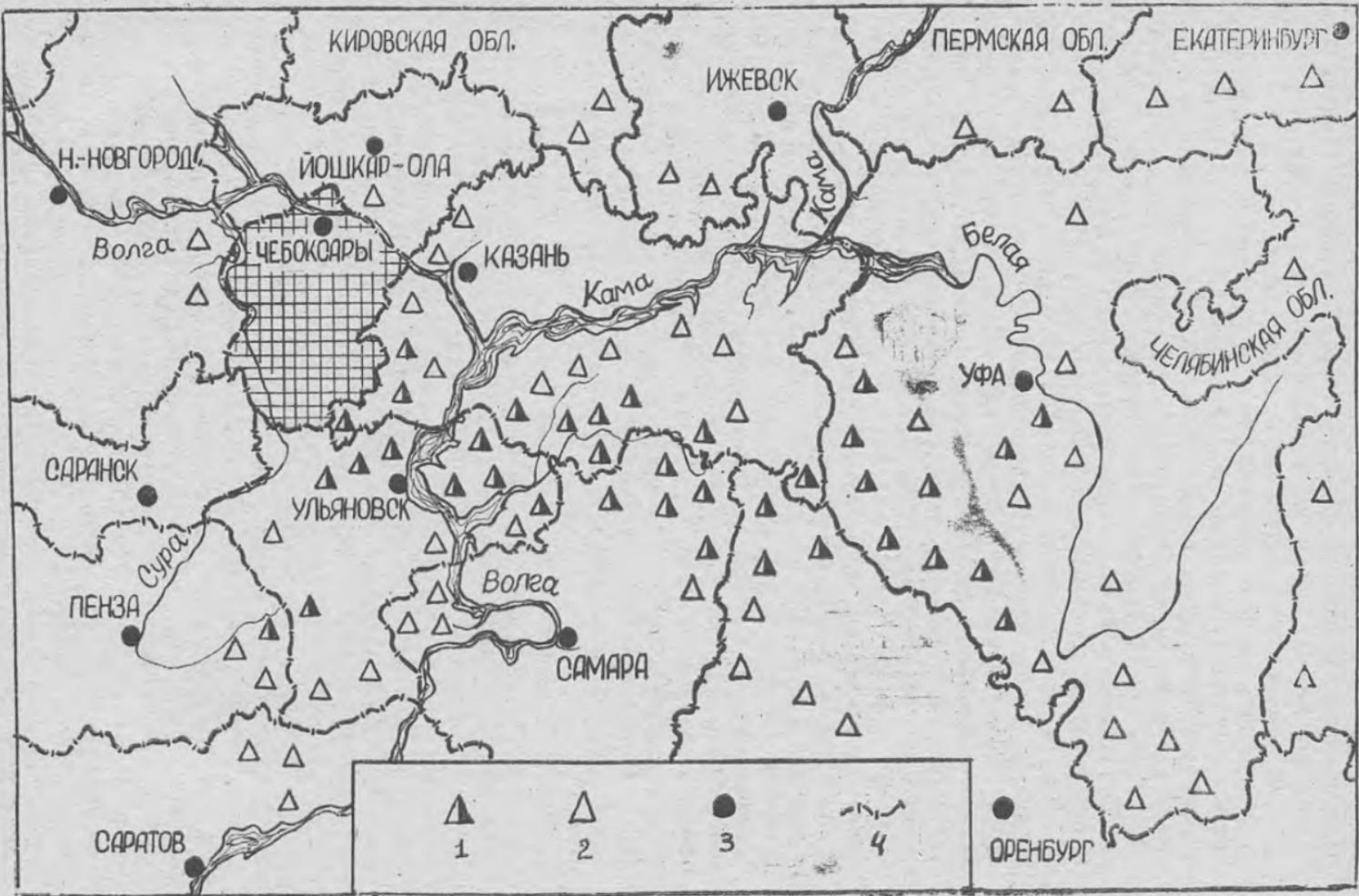
Миграции раннего времени носили групповой, общинно-родовой характер. На новые земли («*сёнь сёр*» — так называли в народе области чувашской колонизации в Поволжье и Приуралье) выезжали, как правило, одновременно несколько семей или целый род, и селились они поэтому относительно компактно. Переселенцы более поздних периодов стремились быть поближе к ранее прибывшим соплеменникам.

Чувашские поселения Среднего Поволжья, Приуралья и других регионов, находящихся за пределами территории Чувашского края, расположены среди татарских, башкирских, русских, мордовских и марийских деревень. Немало селений с преимущественно чувашским населением исторически являются национально-смешанными. Академик И. П. Фальк, путешествовавший по Волго-Камью в 1774 г., писал: «Согласие сих различных жителей достойно удивления. Они не ссорятся ни за границы, ни за притеснения, ни же за другие какие-либо дела, и каждый класс (т. е. народ.— *Ред.*) имеет чаще вражды между собою, нежели с другими»⁶⁴. И это несмотря на то, что социальные условия жизни и официальная политика властей способствовали больше возникновению розни между народами, чем укреплению дружбы и согласия. Например, в период христианизации чувашей действовал специальный указ, запрещавший чувашам выдавать дочерей за татар и жениться на татарах. Проводилось судебное преследование перекрестных браков между чувашами и татарами, между мордвой и татарами⁶⁵.

История массовых переселений и освоения огромных пространств в регионах Среднего Поволжья и Приуралья в условиях жестокой эксплуатации и безграничного беззакония глубоко запечатлелась в народной памяти. В частности, в фольклоре весьма показателен в этом смысле жанр «песен переселенцев на новые земли» (*сёнь сёр юрисем*). В них получили отражение как надежды переселенцев на лучшую жизнь в новых «почти райских» краях, так и суровая действительность, которая встречала колонистов на новом месте⁶⁶.

С образованием в 1920 г. Чувашской автономной области и преобразованием ее в 1925 г. в АССР определились четкие административные границы между территорией собственно Чувашской республики и регионами расселения различных компактных групп чувашей. Как в прошлом, так и сегодня абсолютное большинство чувашей страны — примерно 80—85% — живет в Поволжье и Приуралье. Наиболее крупные массивы чувашского населения (всего 1 млн. 436 тыс. чел., т. е. 78%) сосредоточены в Чувашии, Татарии (юго-западных районах), Башкирии (западных, центральных и юго-западных районах), Самарской (северных, центральных и восточных районах) и

Административные районы областей и республик Поволжья и Приуралья с чувашскими селениями: 1 — районы с большим числом чувашских селений; 2 — районы с незначительным числом селений; 3 — центры областей и республик; 4 — границы областей и республик.

Ульяновской, Оренбургской (северных и северо-западных районах) и Саратовской областях (см. табл. 6).

Таблица 6

Динамика численности чувашского населения в Поволжье и Приуралье (тыс. чел.).

Территории	1926 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	в % ко всему чув. нас. (1989 г.)
Всего чувашей	1117,0	1469,8	1694,4	1751,4	1842,3	100,0
Из них проживают на территории						
Чувашии	667,7	770,4	856,2	887,7	906,9	49,2
Татарии	127,3	143,6	153,5	147,1	134,2	7,3
Башкирии	84,9	110,0	126,6	122,3	118,5	6,4
Самарской обл.	106,9	101,6	113,8	115,8	117,9	6,4
Ульяновской обл.	45,5	59,7	78,1	92,7	116,5	6,3
Оренбургской обл.	0,3	21,3	24,6	22,9	21,5	1,2
Саратовской обл.	17,2	8,9	15,4	17,5	20,6	1,2

Перемещение чувашского населения в послереволюционное и довоенное время связано в основном, как и у других народов, с интенсивным индустриальным и сельскохозяйственным освоением новых районов и развитием экономики самой Чувашской республики. С началом широкого промышленного строительства и коллективизацией сельского хозяйства размеры переселения за пределы республики значительно уменьшились. Изменился и характер миграции. Если до 1928 г. население перебиралось в основном в сельскохозяйственные районы, то в годы первых пятилеток начинается довольно интенсивный процесс миграции в промышленные центры⁶⁷.

В 1926—1939 гг. переселение чувашского народа (как и всего населения страны) было ориентировано на восток — в Азиатскую часть СССР, для индустриализации и освоения природных ресурсов Зауралья, Восточной и Западной Сибири, Дальнего Востока. В послевоенное время миграция чувашей в восточные и юго-восточные регионы, в частности в Казахстан, усилилась, особенно начиная с 1951 г. Всего за 20 лет (1939—1959 гг.) из Чувашии выехало около 75 тыс. человек, из них более 80% приходилось на восточные районы⁶⁸.

Немалая часть чувашей попала в Сибирь не по своей воле, а в ходе кампании по раскулачиванию крестьянства, также массовых репрессий 30 — начала 50-х гг. Сегодня уже не представляется возможным установить точные данные на этот счет,

но, судя по цифрам, имеющим отношение к масштабу всей страны, чувашей среди ссыльных было немало. Чувашское население регионов, расположенных за пределами Чувашской АССР, пополнялось не только за счет переселенцев из республики, но в немалой степени и за счет выходцев из чувашских селений Ульяновской и Куйбышевской областей, Татарии, Башкирии и других мест. В послевоенные годы в основном это были молодые люди. Стимулирующим фактором при плановых переселениях служило то обстоятельство, что большую часть материальных затрат принимало на себя государство, оплачивая расходы на переезды и предоставляя новоселам работу, землю, жилье, различные виды материальной помощи и льготы. В значительной массе расселялись приезжие в городских поселениях.

Новый цикл миграционных передвижений чувашского населения приходится на конец 1960-х — 1970-е гг. Связаны они главным образом с началом строительства крупного автомобильного завода в г. Тольятти, несколько позже — возведением в г. Набережные Челны завода большегрузных автомобилей «Камаз». Из чувашских селений Татарии, Самарской, Ульяновской областей, западных районов Башкирии, а также самой Чувашии к местам новостроек потянулись массы молодежи.

Если в Урало-Поволжье (т. е. в регионе наиболее ранней чувашской колонизации) в основном преобладает среди чувашей сельское население, то в других регионах страны, например, центральных, восточных и на Украине, процент чувашей-горожан превышает общесоюзный показатель доли городского населения. Следует отметить, что в то время, как в Европейской части России, главным образом в Поволжье, имеет место тенденция роста численности чувашского населения, в восточных регионах страны — особенно в восточной Сибири — наблюдается постепенное ее сокращение. В Приуралье число людей чувашской национальности находится на стабильном уровне.

Естественно, что чувашаи, расселенные за пределами своей республики, испытывали и ощущают поныне сильное влияние окружающих национальностей, прежде всего русских и татар. Проявляется оно не только в быту, но и в языке, фольклоре, народном искусстве, ровно как в национальном самосознании. Язык и традиционная культура их идентичны в целом языку и культуре низовых чувашей, проживающих в южных и юго-восточных районах Чувашской республики, хотя и имеют свои особенности, придающие своеобразие как всему ареалу, так и отдельным локальным этнографическим подгруппам.

Главное направление этнических процессов среди чувашей, живущих вне территории Чувашии — языковые изменения, широкое и активное приобщение поколения, родившегося в послевоенный период, особенно в 60—80-е гг., к русскому языку и русскоязычной культуре (табл. 7).

Динамика этноязыковых процессов у различных социальных и территориальных групп чувашей в 1970—1989 гг.

Показатели	Считают родным языком					
	чувашский			русский		
	1970 г.	1979 г.	1989 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.
1. Чувашское население России в целом	87,9	82,9	77,5	12,0	170,0	22,3
— городское	69,1	65,9	64,2	30,8	34,0	35,6
— сельское	95,1	93,1	90,8	4,8	6,8	9,0
2. Чувашское население Чувашской Республики	94,5	89,8	85,0	5,4	10,2	15,0
— городское	78,0	72,0	69,4	21,8	27,9	18,8
— сельское	99,3	98,4	98,5	0,7	1,5	1,4

Вместе с тем, как показывают экспедиционные наблюдения, проживая продолжительное время в отрыве от своей прежней родины, они устойчивее сохраняют некоторые элементы (особенно обрядовой) культуры, в какой-то степени уже утраченные чувашами, живущими в Чувашии. Комплексное воздействие всех этих историко-культурных факторов придает этнокультурному облику указанных групп чувашей самобытный характер.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Чувашская диаспора в России в 1970—1989 гг. ⁶⁹

Регионы, республики и области	Данные переписи 1970 г. (чел.)	Данные переписи 1989 г. (чел.)	Доля городского населения в 1989 г. (%)
1	2	3	4
Территория бывшего СССР	1694400	1842326	50,8
Российская Федерация	1637028	1773645	49,8
Поволжье:	1251702	1339331	46,2
Чувашская респ.	856246	906922	46,5
Кировская обл.	1836	2724	62,0
Марийская респ.	9032	8993	70,0
Мордовская респ.	851	1278	76,0
Волгоградская обл.	9541	10846	40,2
Самарская обл.	113781	116914	40,6
Пензенская обл.	7433	7075	23,6
Саратовская обл.	15409	20613	42,2
Ульяновская обл.	78062	116539	52,6
Татарская респ.	153496	134221	43,1
Нижегородская обл.	6015	12206	48,8

	1	2	3	4
Урал:	198563		185447	51,5
Курганская обл.	2420		2592	53,1
Оренбургская обл.	24555		21454	42,0
Пермская обл.	12489		10765	63,0
Екатеринбургская обл.	16915		16295	79,0
Челябинская обл.	11990		12659	88,3
Башкирская респ.	126638		118509	44,0
Удмуртская респ.	2556		3173	68,8
Западная Сибирь:	75005		93921	67,0
Алтайский край	5294		4718	58,2
Кемеровская обл.	31387		24372	70,0
Новосибирская обл.	8007		6085	54,8
Омская обл.	6007		5683	51,7
Томская обл.	6145		7827	34,1
Тюменская обл.	16236		31236	67,5
Ханты-Мансийский округ	1929		14000	93,5
Восточная Сибирь:	48066		47678	58,2
Ямало-Ненецкий округ	255		3657	80,8
Красноярский край	28565		26865	55,0
Хакасская авт. обл.	3316		3433	45,7
Иркутская обл.	13626		11417	62,0
Читинская обл.	2304		2306	60,7
Дальний Восток:	14645		21418	76,4
Приморский край	4096		5129	79,4
Хабаровский край	3711		4409	73,9
Амурская обл.	1385		2238	52,5
Камчатская обл.	892		2322	86,6
Магаданская обл.	1034		1728	72,0
Сахалинская обл.	2474		2452	73,2
Якутская респ.	1053		3140	89,2
Северо-Запад Европейской России:	20426		35800	83,3
Архангельская обл.	2314		2939	80,5
Вологодская обл.	471		1159	68,8
Мурманская обл.	1741		3865	91,6
Карельская респ.	1791		1763	67,3
Коми респ.	6567		11253	85,7
Санкт-Петербургский (горсовет)	3550		8994	100,0
Ленинградская обл.	1279		3156	57,7
Калининградская обл.	2713		2671	55,4
Центральная Россия:	24216		53771	73,8
Владимирская обл.	1416		3052	64,5
Ивановская обл.	1558		2465	68,1
Костромская обл.	637		1171	50,7
г. Москва (горсовет)	8906		18358	100,0
Московская обл.	5414		13383	65,6
Рязанская обл.	391		1419	51,0
Смоленская обл.	280		1194	72,6
Тверская обл.	848		4206	40,1
Тульская обл.	791		1317	65,3
Ярославская обл.	744		1320	79,8
Воронежская обл.	665		1875	31,7
Ростовская обл.	2566		4011	63,2

Численность чувашей в бывших советских союзных республиках в 1989 г.

Республики

Данные переписи 1989 г.

Россия	1773645
Украина	20395
Казахстан	22309
Узбекистан	10074
Белорусь	3223
Таджикистан	2512
Туркменистан	2281
Киргизстан	2079
Латвия	1509
Эстония	1178
Молдовия	1204
Литва	687
Грузия	542
Азербайджан	489
Армения	123
Всего в СССР	1842326

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

- 1 Фахрутдинов Р. Г. Территория Волго-Камской Болгарии домонгольского и золотоордынского периодов. Автореф. дис. ... к.и.н. Казань, 1968; Кузеев Р. Н., Иванов В. А. Этнические процессы в Волго-Уральском регионе в V—XVI вв. и проблемы происхождения чувашского этноса //Болгары и чуваша. Чебоксары, 1984.
- 2 Дмитриев В. Д. Чувашские исторические предания. Часть 3. Чебоксары, 1988. С. 3.
- 3 Воробьев Н. И. Этногенез чувашского народа по данным этнографии //Советская этнография, 1950. № 3.
- 4 См.: Дмитриев В. Д. О последних этапах этногенеза чувашей //Болгары и чуваша. Чебоксары, 1984. С. 40.
- 5 Дмитриев В. Д. Чувашские исторические предания. С. 72—73.
- 6 См.: Чуваши. Этнографическое исследование. Часть 1. Чебоксары, 1957. С. 73.
- 7 Дмитриев В. Д. О последних этапах этногенеза чувашей. С. 42.
- 8 Дмитриев В. Д. Чувашские исторические предания. С. 8.
- 9 История Чувашской АССР. Т. 1. 2-е перераб. изд. Чебоксары, 1983. С. 73.
- 10 См.: Иванов Л. И. К вопросу об основании чувашских селений на правобережье Волги переселенцами из Казанского уезда //Вопросы истории дореволюционной Чувашии. Чебоксары, 1984. С. 31—32.
- 11 Дмитриев В. Д. Чувашские исторические предания. С. 4.
- 12 Дмитриев В. Д. К вопросу о заселении юго-восточной и южной части Чувашии //УЗ ЧНИИ. Чебоксары, 1956. Вып. XIV. С. 190—195.
- 13 Иванов Л. И. Указ. соч. С. 32.
- 14 Дмитриев В. Д. Чувашские исторические предания. С. 70.
- 15 Чуваши. С. 41.
- 16 Дмитриев В. Д. Чувашские исторические предания. С. 70.
- 17 История Чувашской АССР. С. 73, 85.
- 18 Там же. С. 83.
- 19 Иванов В. П. Общая характеристика исторической динамики расселения и численности чувашей //Чуваши Приуралья. Чебоксары, 1988. С. 14.
- 20 См.: Дмитриев В. Д. История Чувашии XVIII века. Чебоксары, 1957. С. 47.

- ²¹ Там же. С. 42.
- ²² См. подробно: История Чувашской АССР. С. 83, 103, 129.
- ²³ См.: *Сидоров П. А.* Численность, состав и динамика населения Чувашии в конце XVIII—первой половине XIX вв. //УЗ ЧНИИ. Чебоксары, 1962. Вып. XXI. С. 104; *Погодин Е. П.* Состав и динамика сельского населения Чувашии в первой половине XIX в. //Исследования по истории Чувашии периода феодализма. Чебоксары, 1986. С. 48—51; *Рожнов В. П.* Статистика Чувашии периода капитализма //История и культура Чувашской АССР. Вып. 1. Чебоксары, 1971. С. 142.
- ²⁴ *Сидоров П. А.* Указ. соч. С. 108—110.
- ²⁵ *Рожнов В. П.* Указ. соч. С. 147.
- ²⁶ *Сидоров П. А.* Указ. соч. С. 103; *Он же.* Численность, состав и динамика населения Чувашии в капиталистический период //УЗ ЧНИИ. Чебоксары, 1963. Вып. XXIII. С. 242.
- ²⁷ См.: Историческая география СССР. М., 1973. С. 186—187.
- ²⁸ *Никольский Н. В.* Краткий курс этнографии чуваш. Казань, 1928. С. 42.
- ²⁹ См. подробнее: *Димитриев В. Д.* О динамике численности татарского и чувашского населения Казанской губернии в конце XVIII—начале XIX вв. //УЗ ЧНИИ Чебоксары, 1969. Вып. 47. С. 242—246.
- ³⁰ *Исхаков Д. М.* Расселение и численность татар в Поволжско-Приуральской историко-этнографической области в XVII—XIX вв. //Советская этнография, 1980. № 4. С. 30.
- ³¹ *Каховский В. Ф.* Этноним «чуваши» в письменных источниках //Актуальные проблемы археологии и этнографии Чувашской АССР. Чебоксары, 1982. С. 90.
- ³² См.: *Кабузан В. М.* Изменения в удельном весе и территориальном размещении русского населения России в XVIII—первой половине XIX вв. //Проблемы исторической демографии. Таллин, 1977. С. 189.
- ³³ *Димитриев В. Д.* О динамике численности татарского и чувашского населения... С. 244—245; *Исхаков Д. М.* Указ. соч. С. 38.
- ³⁴ *Сидоров П. А.* Численность, состав... в капиталистический период. С. 242.
- ³⁵ История Чувашской АССР. С. 178.
- ³⁶ См.: *Нестеров В. А.* Населенные пункты Чувашской АССР. 1917—1981 годы. Чебоксары, 1981.
- ³⁷ *Сидоров П. А.* Население Чувашии за сорок лет социалистической автономии. Чебоксары, 1960. С. 35.
- ³⁸ См. напр.: Чуваши. С. 73.
- ³⁹ *Брук С. И., Кабузан В. М.* Этнический состав населения России (1719—1917) //Советская этнография, 1980. № 6. С. 26.
- ⁴⁰ См.: *Кеппен П.* Об этнографической карте Европейской России. СПб., 1852. С. 30; *Хамитбаева Н. Г.* Народонаселение Среднего Поволжья в 60—90-е гг. XIX века //Исследование по историографии Татарии. Казань, 1978. С. 85—86; *Исхаков Д. М.* Указ. соч. С. 35—36.
- ⁴¹ *Кеппен П.* Указ. соч. С. 30; *Никольский Н. В.* Краткий курс этнографии чуваш. С. 21.
- ⁴² *Фиельструп Ф. П.* Этнический состав Приуралья. Л., 1926. С. 13.
- ⁴³ *Никольский Н. В.* Краткий курс этнографии чуваш. С. 20.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ *Петров И. Г.* Этапы формирования этнической группы приуральских чувашей //Чуваши Приуралья. Чебоксары, 1988. С. 20.
- ⁴⁶ *Димитриев В. Д.* Чувашские исторические предания. С. 100—101.
- ⁴⁷ *Петров И. Г.* Указ. соч. С. 80.
- ⁴⁸ *Димитриев В. Д.* Чувашские исторические предания. С. 100.
- ⁴⁹ История Чувашской АССР. С. 95.
- ⁵⁰ *Димитриев В. Д.* Чувашские исторические предания. С. 74.
- ⁵¹ *Никольский Н. В.* Краткий конспект по этнографии чуваш. Казань, 1919. С. 19.
- ⁵² См.: *Кузнецов И. Д.* Очерки по истории и историографии Чувашии. Чебоксары, 1960. С. 48.
- ⁵³ История Чувашской АССР. С. 110.

- ⁵⁴ *Димитриев В. Д.* Чувашские исторические предания. С. 100.
- ⁵⁵ *Димитриев В. Д.* История Чувашии XVIII в. С. 157.
- ⁵⁶ *Григорьев Т. Г.* Промышленность и транспорт Чувашии в период империализма //История и культура Чувашской АССР. Вып. 1. Чебоксары, 1971. С. 128.
- ⁵⁷ История Чувашской АССР. С. 100.
- ⁵⁸ Перепись населения 1897 г. Т. 2. СПб., 1905.
- ⁵⁹ *Рожнов В. П.* Статистика Чувашии периода капитализма //История и культура Чувашской АССР. Вып. 1. Чебоксары, 1971. С. 144—145.
- ⁶⁰ *Коровушкин Д. Г.* Современные этнические процессы среди чувашей Западной Сибири. Канд. дис. М., 1991. С. 22.
- ⁶¹ *Краснов Н.* Живут ли чувашы в Турции? //Советская Чувашия, 1992. 28 марта.
- ⁶² Там же; Исторический вестник. 1903. № 2. С. 523.
- ⁶³ *Краснов Н.* Указ. соч.
- ⁶⁴ См.: Полное собрание ученых путешествий по России. СПб., 1824. Т. VI. С. 175.
- ⁶⁵ *Димитриев В. Д.* История Чувашии XVIII века. С. 351.
- ⁶⁶ Чувашское устное народное творчество. Том III. Песни. (На чуваш. языке). Чебоксары, 1978. С. 78—79.
- ⁶⁷ *Сидоров П. А.* Население Чувашии за сорок лет социалистической автономии. С. 42.
- ⁶⁸ Там же. С. 43.
- ⁶⁹ См.: Научный архив ЧНИИ, отд. X.

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ И ЖИВОТНОВОДСТВО

Основу традиционного хозяйства чувашей как и других соседних народов Среднего Поволжья составляло земледелие в сочетании с животноводством. В земледелии чувашей сохранились наследия финно-угорского (древнемарийского) и волжско-булгарского комплексов, что проявляется в способах обработки земли, орудиях труда, сельскохозяйственной терминологии.

Население лесной зоны Восточной Европы, в т. ч. Марийско-Чувашского Поволжья, обрабатывало землю еще до нашей эры, в эпоху бронзы. В это время было распространено ручное подсечно-огневое земледелие¹, которое получило ускоренное развитие с появлением железных орудий. Для вырубki кустарников и деревьев использовали поначалу втульчатые, а со второй половины I тыс. н. э. — проушные широколопастные топоры². Последние бытовали у народов Среднего Поволжья очень широко³. Чувашаи, к примеру, пользовались орудиями труда древнего типа и во второй половине XIX в.⁴ Основными орудиями обработки почвы являлись палки-копалки, лопатообразные инструменты.

Из выжженной почвы питательные вещества быстро вымывались тальми и дождевыми водами, поэтому расчищенные участки использовали не более 2—3 лет, затем их оставляли и они зарастали травой, кустарником и деревьями.

Поскольку подсечно-огневой метод не обеспечивал длительного пользования землей, постепенно произошел переход к подсеке, при которой лес вырубали для хозяйственных целей, а кустарники и сучья сгребали в кучу и сжигали. При этом основная площадь расчищаемого участка не подвергалась огневой обработке. Подсека, практиковавшаяся древним населением края, у чувашей применялась и в XVI в., и во второй половине XIX в.⁵ У мари в лесных районах собственно подсечно-огневое земледелие велось в XIX в.⁶

Ведущее место среди возделываемых культур в лесной зоне

Чувашско-Марийского Поволжья в первой половине I тыс. н. э. занимали полевые злаки: полба, ячмень, овес, пшеница, горох, просо, а также конопля⁷.

Подсечно-огневой и подсечный способы могли сформироваться только у народов, проживающих в зоне лесов, каковыми в Среднем Поволжье являлись марийцы, мордва, удмурты. Первые два, как известно, участвовали в этногенезе чувашей. Это позволяет утверждать, что традиции лесного земледелия пришлые болгары могли воспринять по мере расселения в лесной и лесостепной полосе только от автохтонных племен.

Существенный прогресс в хозяйственной жизни населения был достигнут с изобретением пахотных орудий, что позволило перейти от ручной обработки к пашенному земледелию. Установлено, что эта система в Среднем Поволжье существовала уже к концу эпохи бронзы, но в силу ряда причин в лесной зоне она исчезла⁸.

Пашенным земледелием в середине I тыс. н. э. первыми в Среднем Поволжье начали заниматься именьковские племена, обитавшие в зоне степей и лесостепей. Они пахали ралами⁹, которые изготовлялись целиком из дерева и первоначально не имели металлических частей. Самые первые находки железных наральников относятся к VI—VII вв. От именьковцев и мордовских племен городецкой культуры (последние обитали несколько южнее Чувашского Поволжья, к середине I тыс. н. э. занимались пашенным земледелием) приемы и традиции стали усваивать северные соседи. Рала с металлическими наконечниками получили распространение и в лесной полосе. Они были единственными пахотными орудиями, просуществовавшими здесь в качестве таковых вплоть до конца I тыс. н. э.

Постепенно обрабатываемые поля как в лесной, так и лесостепной зоне были превращены в старопашотные. Об этом свидетельствуют обнаруженные среди зерен возделывавшихся злаков семена сорняков, что характерно для постоянно обрабатываемых пашен. Рожь в это время являлась еще сорняком¹⁰.

Таким образом, волжские болгары перекочевали в места, где аборигенное население уже овладело пашенным земледелием. С образованием Болгарского государства эти племена были включены в его состав.

Приазовские болгары занимались таборным кочеванием, основу их хозяйства составляло скотоводство¹¹. Но и пашенное земледелие им было известно: пахотные орудия в определенных условиях наличествовали «и у народов, основу хозяйства которых составляло полукочевое или кочевое скотоводство... В недрах хозяйственно-культурного типа подвижных скотоводов всегда имел место более или менее значительный земледельческий уклад. Появление пахотных орудий способствовало расширению этого уклада»¹².

Определенные навыки земледелия предки болгар могли по-

лучить еще в азиатский период своей истории. Во время обитания в степях Северного Кавказа они имели тесные контакты с земледельцами. Однако археологами высказано мнение, что раннее пашенное земледелие пришлые болгары переняли в Поволжье от именьковцев¹³. Памятники раннеболгарского времени свидетельствуют о существенной доле автохтонных племен в составе населения Волжской Болгарии и восприятии болгарскими некоторыми типами предметов хозяйственного и бытового обихода от них¹⁴. Кроме того, «основная масса населения Волжской Болгарии... была не болгарской, а состояла из тюркских племен иного происхождения и местных финно-угорских народностей — предков мари, удмуртов, коми-пермяков и др.»¹⁵. Это говорит о многослойности формирования земледелия — основы хозяйства сложившейся впоследствии Волжско-Уральской историко-культурной области.

Земледельцы Волжской Болгарии пахали бесподошвенным ралом¹⁶. Его затем вытеснило рало с полозом. Из последнего в свою очередь не позднее XI—XII вв. был создан тяжелый плуг, переворачивающий верхний пласт и взрыхляющий почву. Плуг явился продуктом совместного изобретения волжских болгар и восточных славян, связи между которыми были тесными. Орудие сложилось по принципу удвоения рала: в одно орудие с одним железным рабочим наконечником объединили два рала рукоятной конструкции. Плуг имел колесный передок (он мог быть еще у рала), лемех (нередко с наваркой по рабочему краю), чересло, односторонний отвал¹⁷. В болгарское время он применялся при работе на старопахотных полях, залежах и перелогах, для подъема целины в степной и лесостепной зонах. В последующем им стали пахать и в лесной зоне. *Акапус* чувашей, *сабан* марийцев, *сабан* татар, мордвы, удмуртов являются модификациями этого орудия. Деревянный плуг проник к казахам, народам Средней Азии: «сабан они получили со Средней Волги»¹⁸.

В акапус, как свидетельствуют материалы XVII—XIX вв., впрягали 2—6 лошадей, а обслуживали его 3 человека: один пахал, второй управлял лошадьми, третий по ходу чистил отвал от налипающей земли. С. М. Михайлов подробно описывает, как в 1760-х гг. трое крестьян д. Юнги-Ядриной Козьмодемьянского уезда пахали «весною на новорасчищенной лесной полосе пашню, для посева ярового хлеба, сабаном (чувашским плугом), запряженным в пять лошадей»¹⁹.

С расширением старопахотных земель для их обработки было изобретено более легкое орудие — соха двузубая с перекидной полицей. Часто встречается утверждение, что народы Поволжья ее заимствовали у русских. Исследованиями последнего времени установлено, что появление сохи у восточных славян и народов Поволжья объясняется приспособлением пахотных орудий к условиям лесных подзолов, этот процесс у обо-

их этнических массивов шел по одному конструктивному пути ²⁰.

На территории Волжской Болгарии соха распространилась не позднее конца XII — начала XIII вв. ²¹ В этот период ею стали пользоваться, например, древние мари ²². Местного происхождения и мордовская соха ²³. Но, по утверждению Ю. А. Краснова, древнейшие свидетельства употребления сохи относятся к районам, где проживало смешанное население с неизменным присутствием в качестве основного славянского элемента ²⁴. В то же время относительно терминов языковеды считают, что рус. *соха*, с одной стороны, чув. *суха*, *сухануҫ*, тат. *сука*, мордовск. *сока* — с другой, восходят к третьему источнику — скифским языкам. Марийское *сога* заимствовано из болгарского, но не русского языка ²⁵. При общем сходстве орудий имелись некоторые конструктивные отличия чувашской и марийской сохи от русской, в частности, в устройстве крепления рассохи, установке рукояти, оглобель. У чувашей разных местностей имелись варианты сох: черкуши, односторонки ²⁶.

Произведя конструктивные изменения, не позже XVIII в. чувашаи начинают переходить на облегченный вариант плуга *чалаш* (косуля) первоначально с деревянным, затем с металлическим отвалом. До середины XIX в. пахали пароконными, с конца XIX в. — одноконными чалаш. Это орудие широко распространено и у других народов Среднего Поволжья. К концу XIX в. соха и косуля почти полностью заменили акапус. В начале XX в. появляются одно- и двухлемешные плуги заводского изготовления. Соху стали постепенно использовать только для посадки и окучивания картофеля.

В степной части Волжской Болгарии земледелие было залежно-переложным. Этот способ у чувашей, татар, восточных марийцев практиковался и в XVII—XVIII вв. Важным условием его существования было наличие обширных пространств, когда имелись условия для того, чтобы оставлять старые участки и распахивать новые. Применение этого метода позволяло получать очень высокие урожаи. В XVII в., как свидетельствуют источники, они были в 15—20 раз выше, чем затрачивалось на посев ²⁷. В лесостепной и степной зоне при малоземелье переход к паровой системе произошел быстрее. Предполагается, что она у волжских болгар существовала с XIII в., а подсека продолжала применяться лишь в северных лесных районах. Такое положение сохранялось и во время Казанского ханства ²⁸.

В центральных районах Среднего Поволжья, в т. ч. и у чувашей, наравне с паровой пашней практиковался в конце XVI в. и перелог. В писцовой книге Казанского уезда 1602—1603 гг. неоднократно отмечается и трехполье, и «пашни паханые, да перелогом, да лесом поросло» ²⁹. В лесной полосе ее малоземельем, тощими почвами, при огромной трудоемкости расчистки новых участков из-под леса крестьяне стали четче соблюдать севообороты. Полный переход к трехполью, возмож-

но, произошел после включения Чувашии в состав Русского государства, в немалой степени под влиянием русских крестьян, переселенных монастырями и помещиками, получившими здесь землю, из центральных уездов.

За счет подъема целины, распашки лугов и вырубki лесов площадь пашни за полтора столетия (с конца XVII до середины XIX вв.) на территории Казанской губернии увеличилась на 57,8%, Симбирской — на 40,7%³⁰.

Население Чувашского Поволжья в середине II тыс. н. э. возделывало полбу, ячмень, просо, овес, озимую рожь, горох, чечевицу, лен и коноплю, т. е. культуры, наиболее приспособленные к местным условиям. Лингвисты считают, что в чувашском языке названия полбы *пӑри* и проса *вир* сохранили более древние, чем в других тюркских языках, значения³¹. Из них чувашаи приготавливали блюда при совершении обрядов. Эти культуры тюркоязычной частью предков были освоены еще в азиатский период. Однако и лингвистические, и обрядовые характеристики не доказывают, что злаки привезены в край именно тюрками. Их семена археологами выявлены здесь в памятниках, относящихся к I тыс. до н. э.³² Скорее всего, пришлые турки восприняли от автохтонных племен особенности возделывания их в местных почвенно-климатических условиях.

Древнее население края еще до нашей эры занималось и долинно-огородным ручным земледелием, вводя в оборот площади около водоемов. С развитием подсечно-огневого, затем подсечного земледелия на чищобах и лесных полянах стали размещать репища. Это зафиксировано как у марийцев, так и у чувашей³³. В пище чувашей существенное место занимали блюда из корнеплодов³⁴, что характерно именно для народов с глубокими земледельческими традициями.

Кноплю турки хорошо знали еще в Азии. В Поволжье местные сорта чувашаи переняли от древних мари и мордвы, имевших большой опыт ее выращивания. От них же перешли и способы возделывания и обработки льна — культуры, характерной для северной полосы Европы.

Чувашаи сеяли из лукошка *пурак*, подвешенного через плечо, разбрасывая зерна горстью. Так вели сев и другие народы Поволжья³⁵.

После пахоты и сева поле боронили. Бороны *сӳре* первоначально были плетеные, т. е. характерные для лесного земледелия, что позволяет считать их местными. Детали рамочно-брусочной бороны³⁶, появившейся позднее, свидетельствуют о том, что она сделана на основе плетеной. Зубья на них были заменены с деревянных на железные в начале XX в. сначала у русских крестьян, затем у других народов.

Уборку урожая в Чувашско-Марийском Поволжье до н. э. производили железными изогнутыми ножами-серпами. Вершина изгиба лезвия была немного смещена к рукояти. Есть предпо-

ложение, что такая форма — юго-западного происхождения, но также высказано мнение, что серповидные ножи в Среднем Поволжье эволюционировали от бронзовых, распространенных здесь в конце II — начале I тыс. до н. э.³⁷ Железными серпами в I тыс. н. э. убирали хлеб именьковцы³⁸, древнемордовские племена³⁹. По мнению Ахметьянова, название орудия *сурла* — чув., *сорла* — мар., *сурло* — удм. входит в круг болгарских аграрных терминов, резко отличающихся от общетюркских, ряд исследователей считают, что оно — местного финно-угорского происхождения⁴⁰.

После присоединения Чувашии к Русскому государству и вплоть до первой половины XX в. бытовали два основных типа серпов — в виде правильной полуокружности и сплюснутый у основания, так называемый английский. Различия между орудиями для уборки хлебов у русских крестьян и других народов Поволжья примерно с XVI—XVII вв. исчезают. Некоторые яровые, например, просо, теребили (пололи)⁴¹. Горох, чечевицу, гречиху, режу полбу, а в отдельные засушливые годы и остальные колосовые косили. Коса-горбуша была древним орудием на территории Среднего Поволжья⁴². С конца XVIII в. у чувашей начинает употребляться воспринятая от русских коса-стойка (литовка). Коса с грабельками *кёреплеллё сава* с 3—5 деревянными зубьями длиной 20—25 см, скорее всего, является русским заимствованием.

Сжатый хлеб вязали в снопы *кёлте* (тат. *кэлте*, мар. *килтэ*). Высказано мнение, что это слово унаследовано от некоей древней тюрко-монгольской культуры (возможно, хазарского времени) Восточной Европы⁴³. В способах укладки снопов явно прослеживаются тесные хозяйственные связи соседних народов. Чуваши свежие снопы раскладывали зигзагом в виде *карта* (городьба, ряд), *хур карти* (гусиный ряд, аналогичный *тозмэ*, *дунгыз* у татар) или в *тём* (*тозмэ* у татар) из 4—5 снопов, когда колосья одного были на комле другого. Многоугольный *тём* из 6—8 снопов был распространен в западной части Чувашии, этот способ был присущ и нижегородским русским. Затем ржаные снопы в поле же перекладывали в копны *сёмел* (*чумелэ* у татар, *чомала* у марийцев), вмещавшиеся в один или половину воза. Были распространены и малые копны, практиковавшиеся и у других народов Поволжья. Они были характерны для центральных уездов Московского государства⁴⁴, откуда были переселены крестьяне в Среднее Поволжье.

Яровые собирали в *сурат*, *сорат* (*зурат* у татар, *сорат* у марийцев). Названия являются русскими заимствованиями во многих тюркских⁴⁵, а также в восточно-финских языках. Чуваши называли его также *тёрэхла сёмел* (продолговатый семел). Снопы ставили комелями вниз, прислоняя колосьями друг к другу, в 4—6 рядов, объемом в один воз.

После перевозки на ток снопы ржи складывали в круглые

копны *капан* (*кибэн* у татар, *каван* у марийцев — «древний общетюркский термин, относящийся к оседлому скотоводству и земледелию... тюркского же происхождения»⁴⁶). Они вмещали полтора десятка возов. Для лучшего проветривания и длительного хранения их устраивали на столбах. Этот способ русские крестьяне местного края позаимствовали у народов Среднего Поволжья⁴⁷. В то же время распространение получили скирды ёскёрт (копны продолговатой формы, более вместительные, чем *капан*). Они возникли под русским влиянием.

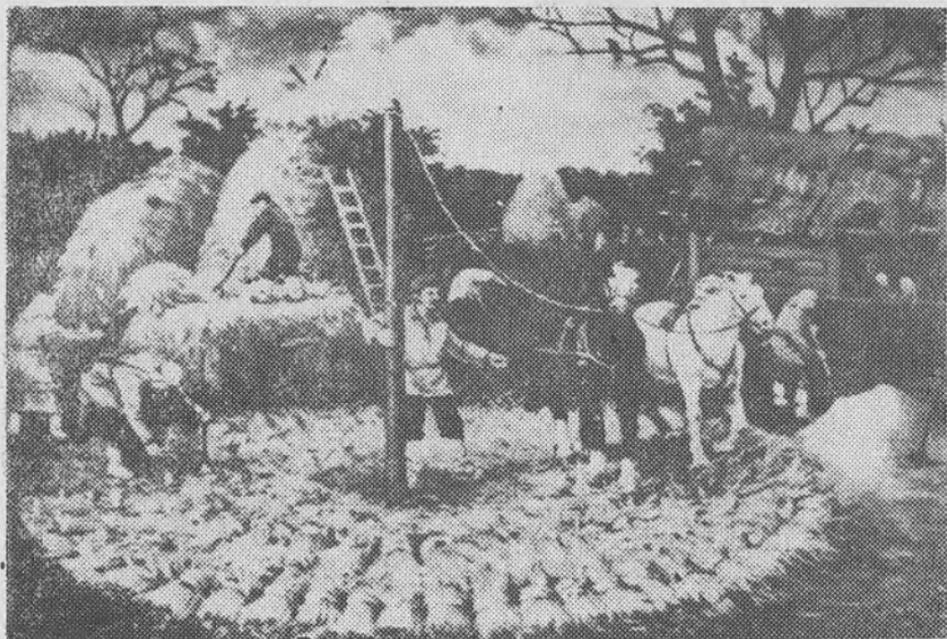
До обмолота ржаные снопы часто приходилось подсушивать. Многие авторы XVIII в. и более поздних времен отмечали применение чувашами и другими народами края овинно-шишей⁴⁸, представляющих собой коническое сооружение из жердей (колосники) и ямы под ним с печкой-каменкой. На колосники раскладывали снопы, завязывали их веревкой и растапливали печку пнями, дровами или соломой. Жар сушил снопы и зерна. Овины *аван* у чувашей, *эвен* у татар, *агун* у марийцев конструктивно почти идентичны⁴⁹. Высказано мнение, что название могло образоваться от тюркского корня *эф*, *ав* (домик, чум, шалаш) или от *ав* (копать, копаная яма)⁵⁰. Восточные славяне применяли овин срубной конструкции, и русские в Поволжье овинно-шиш восприняли от местных народов. Простейший овин является скорее всего местным изобретением, хотя следует учесть, что в лесостепной части Скифии были распространены примитивные овины для огневой сушки снопов⁵¹.

Наиболее древними способами молотьбы были хлестание и

Молотьба. С картины худ. П. М. Меркурьева.

выбивание палками⁵². Хлестанием чуваша вымолачивали семена, выбиванием до начала XX в. обмолачивали лен⁵³. Острые культуры чуваша шишковали — *аштарнă*: снопы расстилали

Шишкование. С картины худ. П. М. Меркурьева.

по кругу и по ним гоняли лошадей. Высказано мнение, что такой способ применялся только у скотоводческих народов, в Поволжье он был характерен для татар⁵⁴. Но это не совсем верно. Шишкование практиковалось как у народов Средней Азии, Кавказа с древнейшими оседлыми земледельческими традициями, например таджиков, балкарцев, так и у южных великоруссов⁵⁵.

В литературе часто встречаются утверждения, что орудие для выбивания зерна — цепа, пришедшее на смену палок, чуваша восприняли у русских. Основанием для этого служит одно из диалектных названий *тăпач*, воспроизведенное от русских *дубец* или *тяпец*⁵⁶. Однако существуют и другие названия: *сапусси*, *сапăсси*, *ан сапус* (сокращенные слова *сап* — бить, молотить и *йўсси*, *йывăсси* — дерево). Дубец (молотило) называют еще *ан патакки* (молотильная палка), *сапаканни* (молотило), *сури* (детка)⁵⁷. Собственно чувашские термины названия цепа и его деталей не позволяют категорично соглашаться с мнением о их восприятии. Нельзя отрицать возможности их местного происхождения.

Обмолоченное зерно очищали от сорняков, сортировали, для чего сначала провеивали, подбрасывая вверх деревянными лопатами, затем просеивали сквозь сито *ала* (см. рис. на с. 86).

Чувашка с ситом *ала*.

Фото Н. И. Гаген-Торн. 1928 г. Фотоархив СПб. отд. арх. РАН, 46, инв. А-13, нег. 1-5218.

Земледелие чувашей прошло ряд стадий. Возникшая у местных племен подсечно-огневая система интегрировалась с залежно-переложным земледелием, получившим распространение у перешедших на оседлость волжских болгар. Существенные изменения произошли после включения Чувашии в состав Рус-

ского государства: господствующей стала трехпольная (плодо-семенная) система. В целом традиции земледелия чувашей сложились в Среднем Поволжье в результате взаимодействия суб-этносов, участвовавших в этногенезе чувашей.

* * *

Животноводство, являющееся составной частью хозяйственного комплекса чувашских крестьян, имеет древние местные корни. Первые следы его на территории Среднего Поволжья и Предуралья относятся к VI тысячелетию до н. э. — к неолитическому населению, обитавшему в южных районах региона. В Чувашском Поволжье при раскопках памятников балановской культуры (II тысячелетие до н. э.) найдены кости домашних животных: крупного рогатого скота, свиней, лошадей. Ананьинские племена (финно-угорское население) в I тысячелетии до н. э. разводили, кроме них, также мелкий рогатый скот: овец, коз.

Названные виды животных были одомашнены за пределами Поволжья, их привели с собой переселившиеся племена. По исследованиям палеозоологов, крупный рогатый скот, овцы и козы domesticiрованы на Среднем Востоке, Средней Азии и Южном Прикаспии. Лошади эпохи раннего железного века из городищ лесного Поволжья имели сходства с сибирскими и монгольскими лошадьми того времени⁵⁸. Популяции аборигенной чувашской свиньи (ее также называют староренгерской) являлись потомками центральноазиатской свиньи⁵⁹.

Высказано мнение, что «у племен конца I тысячелетия до н. э. — начала н. э. лошадь имела значение преимущественно мясного животного; ее использование для транспортных целей в условиях лесного ландшафта при расположении поселений по берегам рек было, вероятно, довольно ограничено»⁶⁰. Однако найденные при археологических раскопках костные остатки свидетельствуют о том, что основное поголовье лошадей и крупного рогатого скота забивалось в старших возрастах (3—9 лет)⁶¹. Это означает, что их разводили не только на мясо. Судя по находкам, население Среднего Поволжья лошадей использовало для хозяйственных целей: транспортировки грузов волокушами, перевозки вьюков, верховой езды. Об этом говорят и остатки конских сбруй, найденные в Аккозинском и Старшем Ахмыловском могильниках (VIII—VI вв. до н. э.)⁶², удила, стремена, подковы из городищ и могильников начала I тысячелетия н. э.⁶³ У древнего населения Волго-Камья, предков мари, мордвы, удмуртов бытовал культ коня: при похоронах знатных мужчин в жертву приносили лошадей⁶⁴, что свидетельствует о большой их роли в жизни людей.

Местное население еще в эпоху бронзы употребляло коровье молоко и продукты из него. На поселении Ош Пандо найден

керамический сосуд с отверстиями, использовавшийся в качестве цецилки при получении творога. Такие типы посуды выявлены и в древнемордовских памятниках I тысячелетия н. э. ⁶⁵ Но все же крупный рогатый скот разводили прежде всего на мясо. Сравнительный этнографический материал по алтайцам, бурятам, киргизам, якутам и другим народам Центральной и Северной Азии показывает, что в примитивном скотоводческом хозяйстве удои низкие (125—750 литров за лактацию), короток период доения (5—6 месяцев), телят поздно отлучают от вымени, подкармливают молоком ⁶⁶, поэтому для питания людей его остается немного.

Изучение животноводства у населения Среднего Поволжья, в частности марийско-чувашского, показывает, что под влиянием природно-экономических условий на этой территории до середины I тысячелетия н. э. функционировало несколько животноводческих комплексов:

«а) подзона южной тайги с доминирующей ролью лошади и крупного рогатого скота;

б) подзона смешанных и широколиственных лесов, северные районы лесостепья с доминирующей ролью домашних свиней и крупного рогатого скота, лошадей;

в) южные лесостепные и пограничные районы со степью с доминирующей ролью овец и крупного рогатого скота» ⁶⁷.

К середине — второй половине I тысячелетия н. э., до прихода тюрков, у местных племен сложилась специфическая форма животноводства лесной и лесостепной зоны, черты которой проявлялись на протяжении последующего тысячелетия. До тех пор, пока на месте выкорчеванных лесов не появились большие площади полей, у племен Чувашско-Марийского Поволжья существовало оседлое животноводство с вольным выпасом.

Сравнительный материал, а также некоторые реликтовые ситуации, которые у народов Среднего Поволжья могли сохраниться только от ранних форм животноводства, позволяют восстановить в общих чертах картину этого вида хозяйства на территории края в прошлом.

Животных с ранней весны выгоняли в лес, на луга, где они паслись без охраны. Коровам и телятам, иногда только вожаку стада, на шею вешали металлические бубенчики-ботала (отдельные находки которых сделаны археологами), чтобы скотину можно было разыскать в лесу. В кладовках некоторых жителей лесных местностей западной и северо-западной Чувашии сохранились *хя́нкя́рма* (бубенчик-ботало), издающий глухой, но далеко слышимый звук. Есть и *качка шя́нкя́равё* (колокольчик для коз) ⁶⁸. Для овец подобных приспособлений не было — они паслись вместе с козами.

В силу инстинкта животные держались стадом, взрослые особи защищали молодняк рогами, отражая нападения волков. Вечерами стадо коров возвращалось в селение (или его при-

гоняли). Лошадей на ночь не нужно было пригонять ежевечерне. Для них на лугах могли устраивать огороженные площадки, летние стойла. Мелкий рогатый скот (овцы, козы) также выпасался неподалеку от селищ. Для них из жердей огораживали временные легкие загоны. Овец, видимо, не доили. Свиней выгоняли в дубравы, тоже на подножный корм. Они питались не только травой и листвой деревьев, но и разгребали корни, осенью нагуливали жир, поедая желуди, орехи, грибы.

С распространением подсечно-огневого земледелия росла площадь расчищенных от леса и кустарников участков, которые после недлительной эксплуатации оставляли для восстановления плодородия. Перелог использовались как пастбища. Животные поедали траву и молодые древесные побеги, что облегчало повторную обработку участков под поле, заодно и удобряли почву. Расчищенные и засеянные участки огораживали во избежание протравы.

Судя по находкам костей, древнее и средневековое население Чувашского края держало собак, вероятно, не только для охоты, но и для пастьбы скота.

В городищах Чувашского Поволжья жилища добулгарского времени располагались по краям селитьбенной территории. Большая часть поселений, свободная от застройки, могла служить загонем для содержания животных в ночное время. В центре городища располагалось святилище, поэтому загоны могли устраиваться только вне жилой части.

С наступлением зимы у скотоводов возникали серьезные трудности с кормами. Поэтому на этот период оставляли лишь часть взрослых особей да молодняк для обновления стада. В лесной и лесостепной полосе Чувашского Поволжья из-за высокого уровня снежного покрова домашние животные не могли прокормиться самостоятельно. «Скотоводство в северной части лесной полосы Восточной Европы могло существовать лишь при условии заготовки кормов, обеспечивающих жизнь скота в зимние месяцы»⁶⁹. В первом тысячелетии до н. э. — в начале первого тысячелетия н. э. в основном заготавливали, видимо, древесный корм: летом ломали ветки липы, осины, березы и других лиственных деревьев, обдирали листья, осенью собирали опавшую листву. Для кормления использовали и высушенный мох. Зимой давали также лапник хвойных пород, свежесрубленные ветки. При заготовке веточного корма скорее всего применяли металлические косари. Траву на сено могли рвать руками, срезать ножом. В первой половине I тысячелетия н. э. появляется коса.

Реликты вольного выпаса и постепенного перехода к пастушескому способу ведения животноводства проявлялись почти у всех народов региона: как у чувашей, так и у других соседних этносов Волго-Камья. Еще в прошлом — начале нынешнего века без всякой охраны в лесах и на лугах выпасали скот

мари, мордва, удмурты⁷⁰, русские верхневолжских губерний⁷¹. В начале XVIII в. большие массивы лесов Чувашии были отобраны в государственный фонд и строго охранялись от порубок и протрав. Вольный выпас скота с этого времени ограничился, практикуясь лишь в общинных лесах. В этнографической литературе указывается, что у чувашей сохранились воспоминания о былом беспастушеском выпасе животных в лесах⁷². Чтобы скотина не разбредалась, в лесу отгораживали большие площади, устраивая загоны из жердей. Об этом хорошо помнят люди старших возрастов как северной Чувашии, так и проживающие в Ульяновской, Самарской областях⁷³. Старожилы с. Малое Карачкино рассказывают, что на месте нынешнего села в отдаленном прошлом находилось большое огороженное пространство *Пош карта* (т. е. загон без построек, пустой) для выпаса и содержания скота, от этого происходит чувашское название села *Пошкарт*⁷⁴. Загоны ставились в лесистой части Козьмодемьянского, Курмышского, Буинского уездов⁷⁵. Коров в лесах чувашаи выпасали отдельно от мелкого рогатого скота. В приволжских селениях Чебоксарского и Козьмодемьянского уездов еще в начале XX в. летом коровы вплавь добирались на острова и на левый берег, где паслись без присмотра, а к вечеру возвращались. Но чаще хозяйки на дойку переплывали по утрам и вечерам на лодках⁷⁶.

Наряду с отмеченными реликтами вольного выпаса, присутствующего населению лесной зоны, у чувашей проявляются традиции кочевого степного животноводства. Еще именьковские племена, обитавшие в южных лесных и лесостепных районах Среднего Поволжья, разводили лошадей степного типа и свиней. Постепенно росло у них поголовье овец и крупного рогатого скота⁷⁷. После того, как основным занятием стало пашенное земледелие (середина I тысячелетия н. э.), стада у них, по видимому, выпасали пастухи.

Болгары в период пребывания их в Приазовье занимались таборным кочеванием. Зимой пасли на юге, а летом со стадами передвигались на север, в лесостепные угодья, где в достатке были сочные корма. Кроме того, здесь они устраивали коллективные облавные охоты. Подсчитано, чтобы малая семья из 5 человек (если таковые возникли у кочевников того времени), занимаясь кочевым скотоводством, могла обеспечить себя достаточным количеством пищи, она должна располагать таким поголовьем скота, которое эквивалентно 25 лошадям (из расчета одна лошадь равна пяти головам крупного или шести головам мелкого рогатого скота)⁷⁸. При меридиональном кочевании болгары на зиму корма для скота не заготавливали.

После переселения в Среднее Поволжье болгары в значительной степени оставались полукочевыми скотоводами⁷⁹. Отдельные богачи владели стадами из 10 тыс. коней и 100 тыс. овец⁸⁰. Разумеется, содержать такие стада можно было только

на степных просторах. Болгары-скотоводы разводили лошадей, крупный рогатый скот, овец, коз и свиней. На территории Среднего Поволжья имелись два основных типа лошадей: степные и лесные. Археологи установили, что значительная доля поголовья здесь приходилась на последних, а это говорит о сохранении аборигенным населением традиций добулгарского животноводства. Есть основание считать, что в Волжской Болгарии были зачатки целевого племенного дела с целью закрепления качеств верховой лошади ⁸¹.

По мере того, как у болгар земледелие становится ведущей отраслью хозяйства, скотоводство начинает играть подчиненную роль. В коневодстве закрепляются два направления — разведение верховых и рабочих лошадей. С принятием ислама у болгар-мусульман исчезает свиноводство. Предки чувашей, сохранившие древнюю веру (как и другие соседние этносы), продолжали разводить свиней.

Пришлые скотоводы должны были воспринять местные традиции и приемы по выпасу, зимнему содержанию скота в новых для них природно-географических условиях. Полукочевое скотоводство у той части населения, которое участвовало в этногенезе чувашей, окончательно прекратило свое существование после разгрома татаро-монголами Волжской Болгарии и бегства в леса Марийско-Чувашского Поволжья. У чувашей-земледельцев одной из основных задач животноводства было обеспечение тягловой силой.

Развитие земледелия в Чувашско-Марийском Поволжье привело к значительным изменениям в способах содержания скота. Стада стали выпасать на перелогам, кустарниковых порослях, паровом поле, на склонах оврагов, на луга же их выпускали только после сенокоса. В таких условиях скот можно было пасти только под присмотром.

Стадо в чувашском языке называется *кётү* и *касү*. Локализация этих терминов еще не уточнена. Первый по смысловому значению тюркских слов восходит к понятию «пасти под присмотром» и связан с оседлым животноводством ⁸¹, второй (от др.-тюрк. *каз* — кочевать ⁸²) указывает на стгонное и кочевое скотоводство. Их смысловая разница чувашами утрачена. Касү имеет также значение «очередь на пастьбу» (в селениях, где пастухов не нанимают, пасут по очереди — чаще коров, а в прошлом и конские табуны) или обозначает единицу уплаты пастухам (равна одной корове, или двум козам, или двум свиньям, или четырем, пяти овцам).

Традиции лесного животноводства с вольным выпасом у чувашей проявлялись во многих сторонах хозяйственной деятельности. Еще в XIX в. там, где практиковалась подсека леса для расчистки под пашню, листовенные деревья рубили в сроки, которые позволяли заготавливать веточный корм ⁸⁴. Ветки ломали руками, рубили топорами или косарями. Осенью собирали опав-

шую листву и в *шаналак* (пологах) перевозили на усадьбу. Венники и листву для скота жители прилесных деревень заготавливают по сей день.

На лугах и лесных полянах косили сено. Сенокос у чувашей был настоящим праздником. На общинные луга выезжали жители нескольких селений, молодежь и новобрачные одевались понаряднее. Для ночлега устраивались шалаши, в озерах и в реках неводами ловили рыбу и варили уху. Молодежь по ночам водила хороводы.

Исследователи истории хозяйства населения Среднего Поволжья считают, что в средневековье и ранее скот зимой содержался под открытым небом и в примитивных загонах, молодняк, пока не окрепнет, — в жилищах⁸⁴. Еще в недавнем прошлом скотина днем находилась под навесами или на дворе, а на ночь ее закрывали в хлев с плетеными стенами, обмазанными глиной. Добротными были только конюшни. Молодняк кое-где и по сей день держат в избе. «Когда у чуваш ягнятся зимой овцы, то ребяташки... ягненка несут с восхищением в избу... Ребенок, ползая по избе, играет... с ягнятами в зимнее время; сии последние бодают его, отчего он кричит так же, как и неприятели его — ягнята «пудяк», писал в первой половине XIX в. С. М. Михайлов⁸⁵. Отметим, что содержание молодняка в жилом помещении бытовало у многих оседлых и полукочевых народов Евразии, русских, марийцев, казанских татар, казахов, алтайцев, бурят и др.⁸⁶

Хозяйственные потребности определили своеобразную градацию значимости домашних животных у чувашей, что, впрочем, было присуще и другим земледельческим народам Восточной Европы. Важное место занимала лошадь, на которую смотрели как на кормилицу. Наличие ее, единственной тягловой силы, определяло потенциальные возможности крестьянского хозяйства.

Патриархально-феодалная знать, служилые люди из чувашей как во времена вхождения края в состав Казанского ханства, так и в первое время после присоединения к Русскому государству для участия в походах, несения воинской службы должны были явиться верхом на выученных конях. С изменением принципа комплектования российской армии подготовка и содержание верховых лошадей *урхамах* у чувашей постепенно сходит на нет.

Как показывают материалы XVIII в., зажиточные чуваша держали по 5—9 лошадей, наиболее богатые — до 15. Некоторые использовались только для выезда. У крестьян среднего достатка было 2—4 лошади. Маломощные крестьянские хозяйства, составлявшие более трети дворов, имели одну лошадь. У русских крестьян, оседавших в Среднем Поволжье, во второй половине XVII в. на каждое хозяйство приходилась одна-две лошади. Примерно таковым же было конское поголовье у ма-

ри⁸⁷. У чувашей с уменьшением доли неразделенных больших семей, площади наделной земли, а также распространением легких пахотных орудий, вытеснявших тяжелый деревянный плуг *аганусь*, поголовье лошадей в отдельном крестьянском хозяйстве сокращается. Хотя количество лошадей в Чувашском крае за 1865—1914 гг. выросло на 7%, в начале XX в. около двух третей хозяйств имели одну-две лошади⁸⁹. Самцов кастрировали (*лаша*—мерин). Жеребцов-производителей *айяр* имели только зажиточные чуваша. Середняки, особенно бедняки, использовавшие кобыл *кёсре* как тягловую силу, старались предохранять их от случки во избежание истощения, выкидышей из-за тяжелой работы, не допускали ожеребления каждый год.

О лошадях крестьяне проявляли большую заботу. Зимой их держали в добротных конюшнях, по возможности кормили хорошо (сеном, овсом), лучше остальной живности. Летом конский табун пасли отдельно, поочередно, выделяя лучшие пастбища, в рабочую пору выводили в ночное. «В летние ночи мальчики более бывают при конских табунах, которых они пасут на подножном корму, а у кого нет сыновей, там выходят в табун сами отцы или посылают дочерей. Мальчишки и девки в табунах всю ночь поют песни, как на свадьбах, и даже пляшут под звуки маленького пузыря. Старшие же мужчины, сидя у разложенного костра, курят трубки и рассказывают сказки и разные свои приключения»⁸⁹.

Традиции подчеркивают большую роль этих животных в духовной жизни чувашского народа. В отдаленном прошлом при похоронах, во время общественных молений *чук* в жертву приносили коня. Чуваша верили, что о лошадях заботится дух-покровитель домашнего очага *хёрт-сурт* или дух *пирёшти*. По ночам он присматривает за ними, особо любимому расчесывает гривы, заплетает в косички. Обязательным элементом весеннего праздника *акатуй* являлись скачки. На шею скакуна, пришедшего первым, вешали расшитые полотенца, изготовленные молодыми женщинами. На масленицу катались на саях, украсив лошадь и упряжь платками и лентами. Коней к праздникам специально откармливали. «Гнедому коню своему за семь дней до масленицы семь нудовок овса скормил, чтобы резво бегал он»,— пели чуваша⁹⁰.

Если лошадей все же стремились кормить получше, то в условиях малоземелья и бескормицы рацион остальной живности был крайне скуден. В него входили солома и мякина, изредка посыпанные мукой. В неурожайные годы скормливали снятой с крыш соломенной кровлей.

Об удручающем состоянии животноводства у чувашей так писал (возможно, сгущая краски) в 1890 г. учитель бичуринской школы Чебоксарского уезда Ф. А. Сергеев: «В нашей бедной местности скотинушку кормом не балуют, мессива она в

зиму не увидит: немножко ржаной соломы есть перед ней — и достаточно. А то частенько ржаной-то соломы у всех крестьян вдоволь нет. Жалко смотреть на сердечную животину, еле-еле передвигающую ноги по двору. Вот вошли вы во двор бичуринца — одна, много две клетушки с избыю на одной стороне, на другой — ветхая, кое-как захламленная жердочками загородь. Под низкой прямушкой стоят 1—2 лошаденки, понунив головы, коровушка с козу хорошую прижалась там же, много-много 5 овецек трутся около них»⁹¹.

Скудость кормовой базы, недостаточный уход сказывались на продуктивности животноводства. Среднегодовой надой от одной коровы в начале XX в. составлял 560—1000 кг, правда, жирность молока была высокой — 4—5%. Крестьяне горько шутили, что коров они держат ради навоза. С овцы настригали 1,2—1,6 кг шерсти в год⁹². Бывало, из-за плохого кормления к весне с них клочьями слезала шерсть. Коз в основном держали бедные крестьяне, бытовала даже поговорка (она имела и у других народов Поволжья), что коза — бедняцкая корова. В то же время козами обзаводились и зажиточные. Считалось, что совместное содержание коз и овец благотворно сказывается на общем поголовье домашней живности.

Почти никакого ухода не было за свиньями. Летом их пасли в общем стаде, зимой редко какой крестьянин кормил их отдельно. Иногда по весне самки убегали в леса и поздней осенью приводили поросят с полосатыми спинками — пометом лесного кабана.

Чуваши, как и другие народы Поволжья, издревле разводили кур, гусей. Эти птицы были неприхотливыми. Куриные яйца являлись непременным атрибутом при проведении обрядов аграрного культа, семейно-бытовой сферы, куры и петухи — в погребально-поминальных обрядах. В конце XIX—начале XX в. яйца продавали скупщикам, оставляя себе лишь самую малость. Из Чувашии их вывозили в Москву, Петербург, Лондон. Закупали и забитую птицу. Уток считали прожорливыми, индек — чересчур нежными, поэтому их разводили мало.

Крестьяне Среднего Поволжья скотом улучшенных пород стали обзаводиться в начале XX в. при содействии земств. Накануне Первой мировой войны у некоторых чувашей появляются вятские, арденские, орловские лошади, симментальские, бесгужевские коровы, черкасские овцы. Местные породы усиленно вытесняются с конца 1920-х гг. В 30-е гг. полностью исчезает аборигенная свинья.

Животноводству большой ущерб наносили часто повторявшиеся эпизоотии. Для защиты живности от мора чуваше проводили обряды опахивания деревни, прогоняли скот через земляные ворота, окуривали его и т. д. Не ограничиваясь только магическими действиями, чуваше обладали и определенными навыками их лечения. Больных животных отпаивали отварами

коры деревьев, настоями трав, применяли минеральные снадобия внутреннего и наружного действия.

До принятия христианства бытовал круг обрядов, связанных с животноводством, но он был гораздо уже земледельческого. Некоторые из них практикуются и по настоящее время: при весеннем выгоне стада, отеле, забое скота и т. д.

В раннем средневековье племена лесной зоны Чувашско-Мари́йского Поволжья вели вольный (беспастушеский) летний выпас скота, а для зимнего стойлового содержания заготавливали корма и возводили животноводческие помещения. Пришлые турки, основу хозяйства которых составляло отгонно-кочевое пастушеское скотоводство, в процессе адаптации культуры жизнеобеспечения к местным природно-географическим условиям восприняли у автохтонного населения многие хозяйственные навыки, в т. ч. в животноводстве. С развитием земледелия животноводство постепенно стало играть подчиненную, но важную роль. Оно обеспечивало тягловой силой, продуктами питания, сырьем для изготовления одежды и предметов хозяйственно-бытового обихода.

ПОДСОБНЫЕ ОТРАСЛИ

В хозяйстве древнего населения лесной полосы Среднего Поволжья немаловажное место занимала охота. Охотились на медведей, кабанов, лосей, бобров, лисиц, зайцев, водоплавающую и боровую дичь. Археологический материал показывает, что до середины I тысячелетия н. э. благодаря этому занятию существенно пополнялся стол, добывалась пушнина на одежду и для обмена⁹³. По мере развития земледелия и животноводства, роста плотности населения роль охоты снижалась. Тем не менее в поселениях Чувашско-Мари́йского Поволжья в конце I — начале II тысячелетия археологи находят в значительном количестве кости диких животных, диких птиц — уток, гусей, лебедей, глухарей, рябчиков, журавлей⁹⁴. О важном значении добычи пушнины свидетельствуют материалы древнемари́йских и древнемордовских погребений: остатки меховой одежды, сшитой из лисьих, куных, заячьих шкур⁹⁵. Население лесной полосы поставляло меха на рынки Волжской Болгарии, откуда они уходили на Русь и в западные страны. Охотничьи трофеи предков чувашей, мари, мордвы высоко ценились в странах Востока. Так, крупным торговым центром в Средней Азии в саманидское время являлся Хорезм. «В другие города вывозили из Хорезма,— писал арабский географ аль Макаддуси,— меха соболей, горностаев, хорьков, ласок, куниц, лисиц, зайцев, коз...— все это (получалось) от болгар»⁹⁶. Охотились луками и стрелами, капканами, разными ловушками.

Тюркоязычные предки чувашей до оседания в Среднем Поволжье относительно длительное время находились в степях.

Навыки лесной охоты, выработанные на Алтае-Саянах, постепенно могли быть утерянными. В степях луком и стрелами охотились на мелких грызунов, зайцев, волков травили (догоняли на лошадях и ударами тяжелых плетей пробивали черепа, пербивали позвончики). Известно, что у кочевников широко была распространена коллективная облава, когда часть охотников, окружив большое пространство, шумом-гамом загоняла зверей в засаду лучников или в сети. Скотоводы, обитавшие на Востоке Европы, на лето поднимались к северу, в лесостепные угодья, «дававшие ... великолепную возможность организации облавных охот, всегда игравших большую роль в жизни кочевых народов»⁹⁷.

В лесной и лесостепной полосе были совершенно иные условия, иной животный мир. Здесь тюркам приходилось осваивать иные способы охоты в лесах, болотах, буреломках. Проживая рядом с волжскими финнами, смешиваясь с ними, они постепенно перешли на лесную охоту. В немалой степени охотничья снасть, прежде всего самострелы, силки, тенета, капканы были переняты от местного населения. Самострелы были рассчитаны на крупного зверя: лося, оленя, кабана. Их устанавливали в зарослях, чащобах на звериной тропе, протянув поперек нее волосную нить или замаскировав в траве спусковую педаль, соединенные с натянутым луком со стрелой. Когда животное задевало педаль или нить, лук спускал стрелу, которая поражала животное. Такие настороженные самострелы бытовали не только в Поволжье, но и на Руси, Алтае и в других регионах⁹⁸, поэтому соотносить их с конкретным этносом трудно. Но в основном они являлись орудием лесной зоны. Можно предположить, что чувашский самострел *сёмрен*, скорее всего, — марийско-мордовское наследие.

Для ловли крупных зверей (волков, кабанов, лосей) осенью отрывали ловчие ямы *аван*⁹⁹ глубиной в 1—2 сажени и такого же диаметра. Посередине нее устанавливали заостренный кол, сверху закрывали хворостом, засыпали травой, сеном, снегом. Этот способ практиковался и у соседей — мари, мордвы, башкир¹⁰⁰. Ловчая яма на медведя устраивалась с боковым входом. Над ее центром на подпорках укрепляли груз, соединенный с приманкой, которую оставляли на дне. Как только медведь залезал в яму и тревожил приманку, на него тут же обрушивалась тяжесть и придавливала его¹⁰¹. Волков еще ловили так называемым садком. Жерди забивали в землю так, чтобы получилась спирально идущая изгородь. В центре ловушки в особую загородку помещали приманку — живую овцу. Перед загородкой подвешивали дверцу, причем она могла открываться только вовнутрь и захлопывалась под собственной тяжестью. Открыв мордой дверцу, волк пролезал к загородке, дверца закрывалась, и он оказывался в ловушке. Его потом убивали, овца, как правило, оставалась нетронутой.

Из ударных ловушек использовались капканы различного типа. Наиболее примитивными из них был лучковый. Пружинной служили закрученные жилы. Такой капкан бытовал и у соседних народов¹⁰². Наряду с ним применялись металлические капканы. Практиковалось также заарканивание зверя, когда верхом на лошади его (в основном лося) догоняли и накидывали на шею веревочную петлю¹⁰³.

Имела место и артельная охота. Медведя, залегшего в берлогу, поднимали и в него всаживали рогатину *сáй*, добывая затем дубинами¹⁰⁴. На зайцев устраивали загонную охоту *ёрле*, когда дети и подростки с шумом-гамом гнали зверей в сторону засады¹⁰⁵ или сетей *серепе*. Сети плели из тонкой бечевы высотой в 2—3 м и шириной 20—30 м. 10—15 таких сетей укрепляли на кольях или на ветвях деревьев так, чтобы от первого же натиска они падали, запутывая зверя. Такая охота практиковалась и у других народов¹⁰⁶.

Для активной охоты на мелкого зверя (белок, норок, куниц, горностаев, хорьков и т. д.) употребляли луки и стрелы. С ружьем *пáшал* ходили на волков, рысей, выдр, лис, зайцев. Личное снаряжение охотника было несложным. Для оружейной охоты он при себе имел пороховницу *шáхран* из коровьего или бараньего рога¹⁰⁷, футлярчик для пистона, костяную мерку для пороха и дробы, кожаный мешочек для пуль, шомпол¹⁰⁸. Зимой передвигались на широких лыжах. Охотились собаками: одних обучали для травли медведей, других — обнаружения белок. О гончих *вёшле* существовала поговорка: «Без ружья и без борзой нечего мечтать о зайце»¹⁰⁹.

Птиц отлавливали сетями, петлями. У чувашей были силки из конского волоса на перепелов, голубей *серепе*, *карам*, *шурке*, *шерепе*, тетеревов *áсан серепи*. Последних ловили и сетью шатрового типа *шатáр*¹¹⁰. Имелись также корзины, решета для охоты с приманкой: под орудие насыпали корм, а когда птицы садились под ловушку, затаившийся охотник выдергивал палку-упор, на которой держался поднятый край ловушки, и птица оказывалась в западне.

Опытные охотники *кайáкçá*, *сунарçá* у чувашей были в почете. Некоторые даже приручали пойманных зверей. С. М. Михайлов писал о своем родственнике по имени Сыделя, который «содержал даже у себя в доме ручных волков и лисиц, с которыми ездил в Чебоксары и ходил там по базару как с собаками, удивляя этим народ»¹¹¹.

По документам XVIII в., в частности таможенным книгам по некоторым городам Чувашии, промысловая охота для пушнины играла определенную роль в хозяйственной жизни чувашей¹¹². И спустя полтора века, в середине XIX в., отмечается, что охота на зверя и птицу «составляет во многих местностях один из главных промыслов жителей: черемиса и чуваша вообще отличаются замечательной склонностью к этим занятиям,

хотя с ружьем охотятся сравнительно немногие и преимущественно на зверя; более употребительны капканы, тенета и проч.»¹¹³

Путешественники XVIII в., а тем более авторы XIX в. вообще не упоминают таких ценных пушных зверей, как соболи и бобры, когда-то обитавших в Чувашском Поволжье. Видимо, они уже были истреблены. Стоит указать, что с колонизацией Поволжья «бобровые гоны», «зверинные ловли», т. е. охотничьи угодья были отписаны монастырям. Ко второй половине XIX в. охота становится любительским занятием отдельных чувашских крестьян.

Археологический материал показывает, что население Чувашско-Марийского Поволжья первой половины I тысячелетия занималось рыболовством. Найдены обожженные грузила для рыболовных сетей, железные рыболовные крючки¹¹⁴. Древнемарийские и древнемордовские племена знали остроги двух- и трехзубые, рыболовные крючки из металла и кости, сети, у них имелись иглы и крючки для вязания сетей¹¹⁵. Реки и озера в то время изобиловали рыбой. Во многих исследованных городищах и селищах I — начала II тысячелетия обнаружены кости щуки, окуня, леща, сома, карася, осетра, форели и других крупных рыб¹¹⁶. Из Волжской Болгарии в среднеазиатские города вывозили рыбий клей¹¹⁷.

После включения Среднего Поволжья в состав Русского государства в этом промысле произошли коренные перемены. Рыболовные угодья на Волге, в устье Цивилия, пойменных лугах были закреплены за казной или монастырями. На долю чувашских крестьян остались лишь небольшие озера и речки¹¹⁸. Аналогичное положение впоследствии сложилось и в других районах, в частности, по рекам Кондурче, Черемшану и др. Поэтому рыболовство для чувашей практически потеряло хозяйственное значение.

Для ловли рыбы чуваша примесляли удочку *вълта*, *кармак* с леской *хёлёх* из конского волоса. Поплавок *копчака*, *хур тёк* делали из гусяного пера или коры деревьев. Удили также с подпуском, когда на протянутой поперек реки леске крепилось сразу несколько крючков. Бытовали и разновидности рыболовных сетей — бредень *сёреке*, невод *тетел*, наметка *атма*, мержа, вентерь *шак*. Из ивовых, черемуховых прутьев плели вершу *шак*, морду *сёкё*. Для ловли стерляди применяли хребтину *шашка*¹¹⁹. Практически идентичные орудия имелись у соседних народов (мари, мордвы, татар, русских)¹²⁰. На озерах и больших реках с факелом с лодки *кимё* лучили острогой *ченчеке* крупную рыбу. Такой способ бытовал и у мари¹²¹.

Ранней зимой, когда ледяной покров на озерах и небольших речках был еще тонким и прозрачным, рыбу глушили. Заметив место, где она накапливается, рыбаки били по льду колотушкой, делали прорубь и доставали оглушенную рыбу. Для под-

ледного лова применяли плетеные из прутьев орудия, протаскивая их между прорубями или же вычерпывая рыбу из проруби. В весеннее половодье у устьев рек устраивали запруды из сетей и веток, где накапливалась плывущая на нерест рыба. У чувашей, как и у соседних народов, бытовала артельная рыбалка неводом, бреднем.

Чуваши и горные мари занимались рыбоводством. В низинах, на незаливных лугах они выкапывали пруды глубиной в 1—1,5 аршина или устраивали плотины в балках, оврагах. Обычно такие пруды *карас кӱлли* принадлежали отдельным семьям или группе близкородственных семей. Туда запускали рыбу, в основном карасей. Иногда их подкармливали зерновыми отходами, семенами сорных трав, оставшихся после обмолота. В XIX — начале XX в. карасников было немало в северной Чувашии (Козьмодемьянском, Цивильском, Ядринском уездах). Но по мере вырубки лесов и кустарников, распашки лугов уровень грунтовых вод понижался и уже в середине XIX в. отмечалось высыхание прудов. В 1930—1940-х гг.¹²² они встречались в незначительном количестве.

Сбор меда и воска диких лесных пчел, гнездившихся в дуплах деревьев, или бортничество, было также одним из древнейших занятий населения лесной и лесостепной зоны. Средневековые авторы (Ибн-Фадлан и др.) отмечали его бытование в Волжской Болгарии, вывоз меда, воска, свеч на Русь и в Среднюю Азию. Постепенно бортничество перестало являться простым собирательством: пчеловод стал благоустраивать обнаруженное дупло, а чаще вырубал его в дереве топором-теслом (чув. *пулле*, мар. *васке*), очищал скобелем (чув., мар. *кар*), долотом (чув. *ийе*, мар. *ий*) и устанавливал там приспособление для добывания меда. Пчелы сами находили такие дупла или же чаще бортник, поймав рой, запускал его туда. На такие деревья наносили знаки собственности — семейно-родовые тамги.

Бортные угодья являлись вотчинами ясачных крестьян, чувашей, как и соседние народы, кроме денежного и хлебного ясака, вносили в казну оброк медом и воском. Соты вырезали обычно во второй половине лета. Документы свидетельствуют, что чувашей, мари, татары бортными ухажаями владели «до Казанского взятья», по официальным распоряжениям XVI запрещалось рубить «бортного дерева и холосцов.., которые впредь в бортне пригодятся»¹²³.

У чувашей, как, впрочем, у мари и мордвы, бортные угодья могли находиться за десяток верст от деревни, даже за пределами этнической территории. Разыскивая новые борты и собирая мед со старых, они осваивали дальние районы, а то и переселялись на них. Бортные ухажан некоторых верховых и средненизовых бортников в XVI—XVII вв. располагались, к примеру, в почти незаселенных лесах Присурья и на левом берегу

Суры — землях, впоследствии отобранных у чувашей русскими феодалами.

Для занятия бортничеством у чувашского населения имелся широкий набор инвентаря и инструментов для изготовления борти, ловли, сбора и пересаживания роя, добычи меда, защиты от ужаления, вытапливания воска и т. д. Они были аналогичны марийским, мордовским, башкирским¹²⁴. Чувашаи, как мари и мордва, к борти поднимались с помощью приспособления, состоящего из веревки, крюка, дощечек¹²⁵. Однако в одном чувашском предании говорится, что бортник, закинув *сивёт* (ко-су), поднялся на высокий дуб за медом и уронил ее¹²⁶. Название подразумевает, что ее сплели из волос, пожалуй, конских, что, несомненно, является скотоводческой, но не земледельческой традицией — последние вяют веревки из пеньки, мочала, лыка. Соты выламывали деревянной лопаточкой и клали в специальное ведро для меда *чёрес* или кожаный мешок, прикрепленный к поясу. Для выкуривания пчел брали горящую гнилушку, впоследствии замененную дымарем *тётёркёч*. Расширение посевных площадей за счет вырубки леса, распашка лесных полей, рубка липовых деревьев для изготовления посуды, получения лыка, луба, мочала привели к началу XVIII в. к сокращению числа семей лесных пчел.

Народы Поволжья не позднее XVI в. стали переходить к содержанию пчел в колодах¹²⁷ (у чувашей *вёлле* — от *улей*), которые выдалбливали из толстого обрубка липы или дуба. Их высота составляла 1,5—2 м, диаметр — около 1 м, стенки имели толщину 7—10 см (полтора — два вершка). Внутри крестнакрест устанавливался снос *хёреслё патак*, где пчелы крепили соты. Колоду мордва сверху покрывала досками в виде двухскатной крыши, мари и чувашаи делали крышу плоской, с наклоном назад. Посередине улья прорезали прямоугольное отверстие — леток.

Чувашаи и мари колоду устанавливали вертикально, первоначально — на деревьях, поднимая блоками. Для защиты от медведей подвешивали чурбаки со вбитыми гвоздями. Косолапый, чтобы добраться до меда, отталкивал чурбак, тот, раскачиваясь, колот его шипами. Тогда зверь энергичнее отпихивал мешающий ему предмет и получал более чувствительный толчок. И это продолжалось до тех пор, пока озлобленный медведь от очередного сильного удара чурбака не падал на землю.

Постепенно колоды начали устанавливать на земле и по несколько штук в одном месте — устраивали пасеки *утан*. Их располагали на лесных полянах, в лощинах около леса. Широкое распространение они получили в XVII в. О пасечном пчеловодстве у чувашей писали путешественники XVIII века. Так, П. С. Паллас указывал, что чувашаи имеют «великие ульи»¹²⁸, т. е. большие пасеки. Те же, у кого было всего несколько ульев, располагали их на усадьбах.

При пчельнике сооружалась избушка пчеловода, где он хранил инвентарь, и омшаник для зимнего содержания пчел. Однако отдельные крестьяне и в начале XX в. колоды на зиму оставляли под снегом.

В начале XIX в. русскими пчеловодами был изобретен рамочный улей, во второй половине он распространился и в Среднем Поволжье. По весу он гораздо легче колодного, его удобно перевозить с одного медоносного места на другое, больше в нем собирается и меда (в 1,5 и более раз). В начале XX в. чувашские пчеловоды начинают обзаводиться краинской и итальянской расами пчел¹²⁹. Все более разнообразным становится инвентарь, пчеловоды обзаводятся медогонками — центрифугами, дымарями с металлическим корпусом, воскотопками, вафельницами и др. В 1920 г. колодные ульи практически вышли из употребления.

У чувашей, как, впрочем, у мари, мордвы, татар, другие отрасли, связанные непосредственно с земледелием — огородничество и садоводство, были развиты слабо, хотя определенные навыки этих занятий уходят в глубь веков. Так, при раскопках городов Волжской Болгарии найдены семена яблок, вишни, огурцов¹³⁰. Из огородных растений чувашаи выращивали капусту, репу, огурцы, лук, чеснок, брюкву, редьку, морковь, свеклу, тыкву, мак. До перепланировки, осуществленной в 1850—70-х гг., места для огородов на усадьбах чувашских крестьян было крайне мало. Поэтому овощи сажали в стороне от селения, по долинам рек, на лугах. Так, документ 1746 г. свидетельствует, что у крестьян «на сенных покосах по реке Анишу для сажания капусты и огурцов огороды»¹³¹. На лесных полянах, нередко и на полях сажали корнеплоды, прежде всего репу. Она являлась важным продуктом в чувашской кухне: употреблялась для приготовления щей, супов, каш. В документах XVIII в. указывается, что «репа сеется между лесами на новоросчищенных местах». Крестьяне д. Старые Шимкусы Шигалеевской волости Свяжского уезда имели промежуточные чищобные репища. О широком распространении репы на лесных полянах свидетельствуют предписания надзирателей заповедных лесов крестьянам: «в дачах своих, в которых имеются заповедные деревья, росчистки пашней репищ... отнюдь не чинить и теми чищобами заповедных лесов не повреждать»¹³². Репища на лесных полянах и расчищенных от леса участках называли *сарак ёшни*, *сарак пыллахё*. В некоторых местностях северной части Чувашии эти названия сохранились за полями, где давно уже нет ни кустика¹³³. «На новочищенных лесных местах» сеяли репу и татары¹³⁴.

В конце XIX — начале XX в. под огороды стали отводиться небольшие приусадебные участки. На них крестьяне вносили органические удобрения. Для выращивания рассады (капусты и брюквы) строили парники. Они представляли собой сколочен-

ные из тесанных досок ящики размером 1,5×2 м, установленные на столбах на высоте груди. Ящики заполняли перегноем, а пространство от земли до дна ящика — навозом, соломой, которые при гниении выделяли тепло и прогревали перегной. Картофель в Чувашском крае появляется в XVIII в., но широкого распространения вплоть до XX в. не получил. С появлением привычки нюхать табак и курить чуваша стали выращивать его на усадьбе.

Садоводство у населения Среднего Поволжья не играло существенной роли. Обходились в основном дарами леса: собирали орехи, лесные яблоки, ягоды и пр.¹³⁵ У чувашей эта отрасль была развита в присурских и приволжских селениях. У присурских чувашей и горных мари занятие во второй половине XIX — начале XX в. получает товарный характер¹³⁶. Отдельные крестьяне в садах имели десятки плодоносящих деревьев, но у основной массы редко можно было встретить хотя бы 1—2 яблони. В распространении культурного садоводства огромную роль играли монастыри с их прекрасными садами. Священники на церковных землях, учителя чувашских школ на выделенных для школ участках разводили плодовые деревья и кустарники, показывая уроки практического малого садоводства.

Широкораспространенным традиционным занятием чувашских крестьян является хмелеводство. Из хмеля и ячменного солода варят пиво, без которого не обходится ни одно пиршество, оно обязательно для всех обрядов. Растение широко применяется в народной медицине и ветеринарии. Первоначально шишки дикого хмеля собирали в лесах и кустарниках по поймам рек. Хотя он известен и на прародине тюрков (Алтае, в верховьях Енисея, Оби)¹³⁷, пожалуй, именно в Поволжье пришлые турки осознали преимущества этой культуры.

Припойменные и лесные «хмельные ухажай», наряду с бобровыми и рыбными, были обложены оброком в пользу казны. К XVIII веку, возможно и ранее, чуваша, как и горные мари, стали выращивать хмель на огородах. Для этого устанавливали тычины высотой до 3—4 м, по которым вилось растение. Хмельники щедро удобрялись органикой, мульчировались соломой. Осенью тычины выдергивали, шишки обрывали и сушили в специальных сооружениях *хямла аван*. У некоторых крестьян были обустроены капитальные хмельники с дубовыми столбами. Сорта чувашского хмеля были скороспелыми, но урожайность и содержание горьких веществ — важного фактора для получения высококачественного пива — невысокими. По рекомендации Министерства государственных имуществ в 1870—80-х гг. и в последующем непосредственно из-за границы в чувашские деревни завозились черенки культурных сортов — богемского (заацкого), баварского (шпальтского). Через земства и школы их распространяли среди крестьян. В начале XX в. отдельные хмелеводы сами выписывали черенки¹³⁸. Исследователи отмечали,

Крестьяне с. Абашево Чебоксарского района варят пиво. Фото Н. И. Гаген-Тори. 1928 г. Фотоархив СПб. отд. арх. РАН, ф. 46, инв. А-9827, нег. 1-4396.

что для чувашей «хмелеводство составляет одну из потребностей жизни, так что говорят: худой тот чувашин, у которого нет хмельника»¹³⁹.

Основная часть урожая у чувашей шла на продажу. Хмеле-торговцы крупными партиями скупали товар и вывозили его в Сибирь, Москву, Петербург, северные города, экспортировали в Англию и Германию. В Российской империи слава чувашских хмелеводов была на уровне волынских и гуслицких. Поныне эта трудоемкая и прихотливая культура представляет лицо чувашской агрикультуры.

РЕМЕСЛА И ПРОМЫСЛЫ

В жизнеобеспечении людей важное место занимает изготовление орудий труда, утвари, одежды и т. д. У населения Чувашско-Марийского Поволжья железо становится основным видом сырья для производства орудий труда и оружия к первым векам н. э.¹⁴⁰ К этому времени металлообработка достигла значитель-

ного уровня. Памятники середины I тысячелетия н. э. содержат разнообразный состав изделий из металла. Они свидетельствуют о развитии технических навыков, появлении некоторой специализации. Изготовление гривен, браслетов, височных колец, трапецевидных пластинок, подвесок и т. п. требовало специального технического оборудования, опыта, умения. Стандартность и устойчивость типов изделий, захоронения кузнецов с набором инструментов позволяют считать, что ремесленники по металлу выделились уже в I тысячелетии¹⁴¹. Металл у чувашей занимал видное место в магических действиях, религиозных представлениях.

Мастера работали на местном сырье. Основным сырьем для получения железа служила болотная руда. Ее вычерпывали, промывали и складывали для выветривания в кучи. Затем на древесном угле варили железо. В I тысячелетии руду плавил первоначально в глиняных сосудах и ямах¹⁴². Постепенно переходили к выплавке сыродутным способом в домницах, которые сооружались чаще всего близ источников сырья. Археологами на территории Чувашии обнаружено несколько средневековых домниц¹⁴³. Булгарское ремесленное производство, по признанию археологов, стояло на одном уровне с русским ремеслом. Эта работа существенно приостановилась в период монголо-татарского нашествия, когда тысячи мастеров были угнаны. Впоследствии металлообработка возобновилась.

В 20-е гг. XVII в., после ряда крестьянских восстаний, чувашам, марийцам и другим народам Поволжья и национальных регионов России царское правительство запретило заниматься обработкой металла, дабы они не могли изготавливать оружие. Удар по развитию этих ремесел оказался настолько сильным, что после отмены запрета (конец XVIII в.) среди чувашей не осталось ни одного кузнеца. Кузнечным делом на территории Среднего Поволжья занимались исключительно русские мастера. Они поселялись в нерусских селениях и обслуживали местное население¹⁴⁵. Свои умельцы у чувашей и других народов Поволжья начинают появляться лишь в XIX в., но выучку они получали у русских, так что говорить о восходящих к древности национальных особенностях не приходится. Чуваша дорожили металлическими изделиями, их потери в хозяйственной деятельности были невысокими, вышедшую из строя вещь они вновь несли в кузницу на переделку.

С прекращением металлообработки перестало существовать и ювелирное дело, богатые традиции которого сложились в Волжской Болгарии. В итоге произошла трансформация женских украшений: переходившие по наследству, постепенно, в течение веков они исчезали, а вновь создаваемые русскими мастерами теряли этнические черты¹⁴⁶.

При кочевом образе жизни изготовление и применение глиняной утвари было серьезно затруднено: Керамика наиболее

характерна для оседлых культур. Поэтому традиции гончарства у чувашей можно считать наследием местных предков, а также заимствованием пришлыми племенами культурных традиций ассимилированной части древних мари и мордвы. В то же время нельзя отрицать приобщения и усвоения ими этого занятия в бытность, к примеру, в степях Прикавказья.

В целом как древнемарийские племена, так и булгаро-сувазские этнические компоненты, из которых сложился чувашский этнос, знали гончарное дело. В начале нашего тысячелетия древние марийцы изготавливали в основном лепные сосуды, хотя найдены и сосуды, выполненные на гончарном круге¹⁴⁷. В то же время на территории Чувашии лепная керамика преобладает и в болгарских памятниках¹⁴⁸. Лепная, наиболее примитивная по сложности изготовления керамика, была распространена и несколько позже. Она, как свидетельствуют археологические находки, бытовала у чувашей, горных марийцев правобережья Волги, а также у городского русского населения в XIV—XVII вв.¹⁴⁹ У мордвы налепом работали и в начале XX в. Но большая часть керамики производилась на ручном гончарном круге, о чем свидетельствуют следы подсыпки песка и бортик у края на днище найденных сосудов. Ножной гончарный круг получает широкое распространение с XVIII в. О применении этого способа свидетельствуют следы срезания сосудов с круга ниткой. Переход от лепного изготовления к гончарному кругу (сначала к ручному, затем к ножному) в крае осуществился, по-видимому, под влиянием русских мастеров. Ещё в период вхождения Чувашии в состав Казанского ханства на территории края проживали русские полоняники. А затем после присоединения Чувашии к Русскому государству здесь появляются русские города с посадским ремесленным населением, поселения монастырских и помещичьих крестьян.

Гончарным ремеслом занимались лишь в тех местах, где имелась сырьевая база — подходящая глина, в меру жирная, нужной степени вязкости, определенной чистоты. Ее обрабатывали в мастерской. Сначала в ящике или яме месили тесто, добавляя туда шамот (дробленые черепки обожженных сосудов), дресву (размолотый песчаник) или древесную золу, затем формовали. У чувашей еще в начале XX в. применялся ручной гончарный круг, но преобладал ножной (было несколько его типов). Посуду обтачивали деревянным или костяным ножом. Сосуд с круга срезали нитью и переносили в сушильный сарай. Полуфабрикаты складывали в горн и обжигали¹⁵⁰.

У чувашей имелся широкий набор глиняной посуды — кувшины, горшки, блюда, миски, кружки, плоски, сковороды¹⁵¹, по отличий в номенклатуре, отделке, применении от других соседних народов практически не было.

Производство кирпича из глины и песка, обжигаемого в горнах, зародилось у чувашей не ранее XVIII в. в связи со строи-

тельством церковных зданий в сельской местности, кладкой печей, топящихся по белому.

Обточка горшка. Фото Н. И. Гаген-Торн. 1928 г. Фотоархив СПб. отд. арх. РАН, ф. 46, инв. А-9, нег. 1-5214.

У народов лесной полосы широкое распространение имела и обработка дерева. Значительная часть домашней утвари: долбленные предметы, посуда со вставным дном, клепочные изде-

лия сделаны из этого материала. Традиции и навыки деревообработки у чувашей сложились как наследие древнемарийской части предков и как процесс взаимного с соседними народами (в т. ч. с русскими) совершенствования навыков, приемов, инструментов.

Из цельнодолбленных деревянных изделий наиболее распро-

Вытачивание веретена *йёке*. Фото Н. И. Гаген-Торн. 1928 г. Фотоархив СПб. отд. арх. РАН, ф. 46, инв. 2162, нег. 1-20180.

странены были разнообразные ступы *килё*. На обрубке дерева топором делалось углубление, в которое клали горячие угли. От этого дерево выжигалось до нужной глубины, после чего дно выравнивали долотами прямыми — *ийё*, полукруглыми — *çавра ийё*, *çўхе ийё* и большими — *кар*. Такова же была техника производства у мари¹⁵². При изготовлении корыт, начевок, совков разных размеров, лодок-долбленок применяли тесло *пулле*, большие долота *кар*, скобели. Цельные кадушки и чирясы теми же орудиями выдалбливали из ствола дерева. Нижнюю часть несколько дней выдерживали в воде для набухания и расширения, а днище, наоборот, хорошо просушивали. Бороздку в корпусе проводили зауторником *çарта*.

В литературе утверждалось, что у марийцев «клепочные изделия—боченки, кадки, различные жбаны... получили... распространение сравнительно поздно (XIX век) и несомненно под влиянием близкого соседства с русскими. Техника ремесла почти полностью совпадает с техникой бондарного производства у русских»¹⁵³. С такого рода рассуждениями безоговорочного приоритета русских трудно согласиться. Так, номенклатура орудий труда чувашей свидетельствует о глубоких и прочных традициях. Бондари применяли топор со скошенным в одну сторону лезвием для заготовки клепок *пичке пуртти*, пилу *катка пачки*, *пичке пачки*, струги *сава*, *пичке сави*, скобели *икё авёр-лэ сава*, *харах авёрлэ сава*, зауторник *çарта*, *удар*, нож *çавра çёçё*, натяг *турткач* и др. Во второй половине XIX в. заготовка бочкотарной клепки выделяется в самостоятельный промысел. Ее закупали винопромышленники Франции и ее колоний, Германии, заказы получали от рыбопромышленников с низовой Волги¹⁵⁴.

Из липового лыка чувашаи, как, впрочем, и другие соседние народы плели лапти *çапата*, которые являлись основной их обувью. На лыко рубили деревца диаметром не более 10—12 см или же использовали верхнюю часть и ветви заготовленных на луб деревьев. Кору распрямляли, связывали в тени и выдерживали до приобретения красноватого оттенка. Затем ее чистили (*чёрнё*), сушили и убирали. Зимой, когда было больше свободного времени, приступали к плетению лаптей. Орудиями труда при этом являлись кочедык *шёшлэ*, нож *çёçё*, колодки разных размеров *калп*. Крюк кочедыка еще в начале I тысячелетия н. э. местные племена изготавливали из металла, но одновременно применялись и сделанные из кости. Последние, наряду с металлическими, использовались и в начале XX в.¹⁵⁵

Из лыка плели также разнообразную утварь — лукошки, пештеры. Кора липы использовалась в качестве кровли (*хун*), для получения мочала. Предварительно ее вымачивали в реках и прудах. Мочало сушили и вили веревки, упряжь, оно шло для тканья кулей и рогож. У чувашей и мари кулеткацкий станок в отличие от мордовского вертикального был на горизонталь-

ной основе¹⁵⁶. Работали на нем втроем: один ткал, другой подавал иглу со вставленной полоской мочала, третий готовил полоски, раздирая мочало на ленточки.

Из коры деревьев делали бураки для сбора ягод и грибов, хранения продуктов, из луба — коробки для хранения муки, круп, в коробах *сўпсе* держали одежду, холсты. Делали сосуды и из бересты.

В Чувашско-Марийском Поволжье широко было распространено лозоплетение. Из лозы делали рыболовные снасти, разные корзины, а во второй половине XIX — начале XX вв. из ивовых прутьев плели на продажу корзины и тарантасы, из черемуховых и вязовых — мебель (стулья, табуретки, кресла и т. п.).

Для гнутья полозьев, ободьев, дуг строили специальные мастерские, в которых заготовки пропаривали в котлах с горячей водой или над паром. Для гнутья имелись разнообразные приспособления — станки из толстого дубового пня (гало), распорки из веревок или металлических цепей. Ступицы колес вытачивали на примитивном токарном станке. Имелся специальный стан для сборки колеса, надевания обода. Чувашаи и горные мари слыли в регионе искусными мастерами обозного инвентаря¹⁵⁷, который являлся повседневной необходимостью в крестьянском хозяйстве.

Пришлые турки под влиянием местного населения, общения с соседями от арбы с двумя большими колесами, возможно, еще в прикавказских степях перешли к другим транспортным средствам. В Поволжье арба неизвестна. Чувашская телега *урана* имела четыре небольших колеса *кускйч*. Зимой лошадей запрягали в сани *суна*. Для перевозки мелких грузов и некоторых работ по хозяйству имелись небольшие ручные тележки с одной осью (двумя колесами), санки. Для детей санки были меньших размеров. Младенцев во время жатвы на ближние поля вывозили в специальной тележке с кузовом *ача кўми*. Телеги в зависимости от назначения делились на сноповозки, для перевозки бревен, тарантасы, свадебные кибитки и т. п. При передвижении по лесным тропам или в межсезонье нетяжелый груз перевозили верхом в переметных кожаных или полотняных сумках, коробах.

Среди занятий, связанных с лесом, следует отметить смолокурение и перегонку дегтя. В основном этим занимались мари, но в присурских и заволжских лесах в дело были вовлечены и чувашаи¹⁵⁸.

Видное место у чувашей занимала обработка животноводческого сырья. Стремилась использовать по возможности все: шерсть, шкуры, рога, щетину свиней, мошонки баранов, мочевые пузыри, кости, конский волос, пух, перья.

Овец стригли два раза в год. Из осенней шерсти изготавливали валяные изделия, из весенней — пряденые. При этом на прядение нити для азяма, сукмана шла шерсть, настриженная

с верхней части туловища, на онучи — с нижней. Шерсть сначала тщательно перебирали, удаляя сор, взрыхляли, сортировали, а затем взбивали на решетке из деревянных планок с помощью деревянного лука с натянутой струной-тетивой. Тетиву оттягивали пальцем или специальным битком. Такой способ

Выделка кожи. Фото Н. И. Гаген-Тори. 1928 г. Фотоархив СПб. отд. арх. РАН, ф. 46, инв. А-2170, рег. 1-20188.

практиковался у соседних народов: *хирлӱ* у чувашей, *енгеж* у мари.

Из шерсти чуваша изготавливали войлок *кӗссе*. Это, пожалуй, традиция, оставшаяся от скотоводческого населения. Она более распространена у башкир, татар, чувашей, менее — у мари¹⁵⁹. В конце XIX — начале XX вв. все шире начинает входить в быт валяная обувь — валенки: *сӑм атӑ* (букв. шерстяные сапоги), *каҫатӑ* (войлочные сапоги), *чусӑнки* (чесанки). Изготовлением шляп занимались в основном северо-западные чуваша — соседи горных мари.

Глубокие корни имеет кожевенное производство. Из кожи шили сапоги, мешки для хранения и перевозки сыпучих веществ, сумки. Кожаная сума *такмак* была необходимым атрибутом старшего дружки жениха, что несомненно является традицией, оставшейся от скотоводческих предков. Чуваша, как и соседние народы, при выделке овчины на одежду ее квасили в жидком овсяном киселе. Для дубления кожи также использовали кисель из ячменной или овсяной муки, добавляя закваску, что, как отмечают исследователи, кочевым народам не было известно и является навыком и опытом оседлого населения¹⁶⁰.

С сыромятной, т. е. смягченной после снятия волос кожей работали скорняки. Ее выделка была технологически проще, чем сапожной и, пожалуй, более ранней. Кожу мочили в воде, удаляли мездру, сушили. Для смягчения смазывали жиром, а в последующем, уже в лесной зоне — смесью жира и березового дегтя. Готовую кожу разрезали на ремни нужной ширины. Сыромятники зачастую являлись и скорняками, выделявая кожаные части конской упряжи.

Из щетины делали *шӑрт* — щетки для расчесывания кудели, из рогов — пуговицы, гребни, пороховницы, гудки. Для получения сырья рога смягчали в кипятке, затем парили и выпрямляли под пресом. Из полученной пластины нарезали гребни¹⁶¹.

Много времени женщины уделяли выращиванию лубяных культур, их обработке. Но этот круг занятий напрямую связан с изготовлением одежды, потому здесь не рассматривается.

На занятиях и ремеслах чувашских мастеров отразился сложный этногенетический процесс. Многие из них сохранили черты, уходящие корнями в кочевническое прошлое тюркоязычных предков. Вместе с тем длительное проживание в лесной и лесостепной полосе, земледелие как основа жизнедеятельности выработали прочные навыки и опыт общего комплекса Поволжско-Уральской историко-культурной области.

ЛИТЕРАТУРА

¹⁵⁹ Краснов Ю. А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы (II тысячелетие до н. э. — первая половина I тысячелетия н. э.) // Материалы и исследования по археологии СССР. № 174. М., 1971. С. 53—65; Архипов Г. А. Земледелие и животноводство древ-

- них марийцев // Вопросы аграрной истории Среднего Поволжья. Дюк-
тябрьский период. Йошкар-Ола, 1978. С. 20—23.
- 2 Михайлов Е. П. Хозяйство и общественный строй населения Чувашского Поволжья в I тысячелетии н. э. (до прихода болгар) // Этнография чувашского крестьянства. Чебоксары, 1978. С. 12.
  - 3 Горюнова Е. И. Сарлейский могильник // Археологический сборник. Вып. 2. Саранск, 1948. С. 156; Архипов Г. А. Археологические свидетельства о ремесле древних марийцев // Из истории хозяйства населения Марийского края: Археология и этнография Марийского края (далее — АЭМК). Вып. 4. Йошкар-Ола, 1979. С. 48; Шикаева Т. Б. Хозяйственный инвентарь марийцев XIV—XVII вв. // Там же. С. 53—55; Архипов Г. А. Дубовский могильник // Новые памятники археологии: АЭМК. Вып. 9. Йошкар-Ола, 1984. С. 12, 149; Фокин П. П. Земледелие и сельскохозяйственные орудия в северных и северо-восточных районах Чувашского края во второй половине XIX — начале XX вв. // Бытовая культура чувашей. Чебоксары, 1985. С. 6—7; Петербургский И. М. Старобадиковское население // Материалы по археологии Мордовии: Труды. Вып. 85. Саранск, 1988. С. 10; Беляев Я. В. Погребальный памятник XI—XV вв. у с. Старое Бадиково (раскопки 1981—1982 гг.) // Там же. С. 106, 112, 127.
  - 4 Фокин П. П. Системы земледелия в Чувашском Поволжье (некоторые этногенетические аспекты) // Этническая культура чувашей (вопросы генезиса и эволюции). Чебоксары, 1990. С. 4.
  - 5 Писцовая книга Казанского уезда 1602—1603 годов. Казань, 1978. С. 42, 44, 50 и др.; Димитриев В. Д. История Чувашии XVIII века. Чебоксары, 1959. С. 75, 80; Фокин П. П. Земледелие и сельскохозяйственные орудия крестьян южных и юго-восточных районов Чувашии во второй половине XIX — начале XX вв. (Материалы к историко-этнографическому атласу) // Традиционное хозяйство и культура чувашей. Чебоксары, 1988. С. 36—37; Он же. Системы земледелия в Чувашском Поволжье. С. 4.
  - 6 Андреев И. А., Сепеев Г. А. Указ. соч. С. 69.
  - 7 Збруева А. В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // Материалы и исследования по археологии СССР. № 30. М., 1952. С. 12; Архипов Г. А. Земледелие и животноводство древних марийцев. С. 15—16; Андреев И. А., Сепеев Г. А. Земледелие луговых марийцев (Материалы к историко-этнографическому атласу) // Из истории хозяйства населения Марийского края. АЭМК. Вып. 4. Йошкар-Ола, 1979. С. 69; Краснов Ю. А. Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы. М., 1987. С. 126.
  - 8 Краснов Ю. А. Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы. С. 107.
  - 9 Старостин П. Н. Памятники именьковской культуры // Свод археологических памятников. Д-1-32. М., 1967. С. 26.
  - 10 Степанов П. Д. Ош Пандо. Саранск. 1967. С. 78, 103.
  - 11 Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // Материалы и исследования по археологии. № 142. М., 1967. С. 182.
  - 12 Краснов Ю. А. Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы. С. 3.
  - 13 Генинг В. Ф., Халиков А. Х. Ранние болгары на Волге (Большетарханский могильник). М., 1964. С. 154—159.
  - 14 Степанов П. Д. Указ. соч. С. 111.
  - 15 Генинг В. Ф., Халиков А. Х. Указ. соч. С. 162.
  - 16 Халиков Н. А. Земледелие татар Среднего Поволжья и Приуралья XIX — начала XX вв. Историко-этнографическое исследование. М., 1981. С. 47—50.
  - 17 Краснов Ю. А. Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы. С. 152—153.
  - 18 Алишев С. Х. Исторические судьбы народов Среднего Поволжья: XVI — начало XIX вв. М., 1990. С. 109.
  - 19 Михайлов С. М. Труды по этнографии и истории русского, чувашского, марийского народов. Чебоксары, 1972. С. 229.

- ²⁰ Громов Г. Г. Сельскохозяйственная техника и этнические традиции // Советская этнография. 1976. № 3. С. 101.
- ²¹ Краснов Ю. А. Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы. С. 181.
- ²² Андреев И. А. Пахотные орудия марийских крестьян (Историко-этнографический обзор) // Тезисы докладов конференции по итогам научно-исследовательских работ Мар. НИИ в 1981—1985 гг. Йошкар-Ола, 1986. С. 26.
- ²³ Лузгин А. С., Арсентьев Н. М. Особенности русско-мордовских взаимосвязей в традиционном хозяйстве и материальной культуре // Этнокультурные связи мордвы: Дооктябрьский период. Саранск, 1988. С. 74.
- ²⁴ Краснов Ю. А. Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы. С. 185.
- ²⁵ Ахметьянов Р. Г. Общая лексика материальной культуры народов Среднего Поволжья. М., 1989. С. 63.
- ²⁶ Фокин П. П. Земледелие и земледельческие орудия крестьян южных и юго-восточных районов Чувашии... С. 46.
- ²⁷ Халиков Н. А. Из истории развития систем земледелия татар Среднего Поволжья и Приуралья // Вопросы аграрной истории Среднего Поволжья. Дооктябрьский период. Йошкар-Ола, 1978. С. 21—24; Фокин П. П. Системы земледелия в Чувашском Поволжье. С. 12.
- ²⁸ Мухомедьяров Ш. Ф. К истории земледелия в Среднем Поволжье в XV—XVI вв. // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Сб. 3. М., 1959. С. 117.
- ²⁹ Писцовая книга Казанского уезда 1602—1603 годов. С. 167.
- ³⁰ См.: Алишев С. Х. Указ. соч. С. 117.
- ³¹ Дегтярев Г. А. Лексика земледелия в чувашском языке. Автореферат дисс. канд. филол. наук. М., 1987. С. 12.
- ³² Михайлов Е. П. Хозяйство и общественный строй племен Чувашского Поволжья в I тысячелетии до н. э. // Традиционное хозяйство и культура чувашей. Чебоксары, 1988. С. 17.
- ³³ Рычков П. И. Письмо о земледелии в Казанской и Оренбургской губерниях // Сочинение и переводы, к пользе и увеселению служащие. СПб., 1758. Май—июнь. С. 419; Андреев И. А. Вопросы традиционного земледелия марийцев в трудах дореволюционных исследователей // Историография и источниковедение по археологии и этнографии Марийского края: АЭМК. Вып. 7. Йошкар-Ола, 1987. С. 113, 114, 117; Фокин П. П. Системы земледелия у чувашей. С. 6.
- ³⁴ Димитриев В. Д. История Чувашии XVIII века. С. 446.
- ³⁵ Воробьев Н. И. Казанские татары. Казань, 1953. С. 88; Козлова К. И. Этнография народов Поволжья. М., 1964. С. 30.
- ³⁶ Фокин П. П. Земледелие и земледельческие орудия в северных и северо-восточных районах Чувашского края. С. 20.
- ³⁷ Збруева А. В. Указ. соч. С. 63; Халиков А. Х. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // Железный век Марийского края. Йошкар-Ола, 1962. Т. 2. С. 48.
- ³⁸ Старостин П. Н. Указ. соч. С. 22.
- ³⁹ Степанов П. Д. Указ. соч. С. 27, 111.
- ⁴⁰ Ахметьянов Р. Г. Указ. соч. С. 65; Лукоянов Г. В. Марийские заимствования в чувашском языке. Чебоксары, 1974. С. 11; Тараканов И. В. Заимствованная лексика в удмуртском языке (Удмуртско-тюркские языковые контакты). Ижевск, 1982. С. 30, 81.
- ⁴¹ Фокин П. П. Земледелие и земледельческие орудия крестьян южных и юго-восточных районов Чувашии... С. 41.
- ⁴² Старостин П. Н. Указ. соч. С. 22; Степанов П. Д. Указ. соч. С. 78.
- ⁴³ Ахметьянов Р. Г. Указ. соч. С. 61.
- ⁴⁴ Об укладке снопов см.: Русские. Историко-этнографический атлас. Земледелие. Крестьянская одежда. (Середина XIX—начало XX века). М., 1967. С. 80; Халиков Н. А. Земледелие татар Среднего Поволжья и

- Приуралья... С. 77—80; Фокин П. П. Земледелие и земледельческие орудия в северных и северо-восточных районах Чувашии... С. 23—26.
- ⁴⁵ Ахметьянов Р. Г. Указ. соч. С. 55.
- ⁴⁶ Там же. С. 59.
- ⁴⁷ Димитриев В. Д. История Чувашии XVIII века. С. 22.
- ⁴⁸ Фокин П. П. Овинная сушка хлебов у чувашей в конце XIX—начале XX вв. //Традиционное хозяйство и культура чувашей. Чебоксары, 1988. С. 64—71.
- ⁴⁹ Козлова К. И. Указ. соч. С. 31; Халиков Н. А. Земледелие татар Среднего Поволжья и Приуралья... С. 83—88.
- ⁵⁰ Ахметьянов Р. Г. Указ. соч. С. 49.
- ⁵¹ Шрамко Б. А. Раскопки Гелона //Археологические открытия. 1978. М., 1979. С. 425.
- ⁵² Краснов Ю. А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы... С. 82.
- ⁵³ Фокин П. П. Земледелие и земледельческие орудия в северной и северо-восточных районах Чувашского края... С. 27—28.
- ⁵⁴ Бежкович А. С. Этнические особенности земледелия у народов Башкирии: (XIX—начало XX в.) //Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1973. Т. 5. С. 88; Халиков Н. А. Земледелие татар Среднего Поволжья и Приуралья... С. 93.
- ⁵⁵ Народы Средней Азии и Казахстана. М., 1963. Т. 2. С. 555; Народы Кавказа. М., 1960. Т. 1. С. 273.
- ⁵⁶ Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964. С. 237.
- ⁵⁷ Фокин П. П. Земледелие и земледельческие орудия в северных и северо-восточных районах Чувашского края... С. 27.
- ⁵⁸ Формозов А. Н. Материал к истории фауны Приветлужья //МИА. Вып. 22. М., 1951. С. 136; Архипов Г. А. Земледелие и животноводство древних марийцев //Вопросы аграрной истории Среднего Поволжья. Дооктябрьский период. Йошкар-Ола, 1987. С. 13.
- ⁵⁹ Хавесон Я. И. Аборигенные свиньи Чувашии //Проблема происхождения домашних животных. Т. 1. М., 1933. С. 367—368; Петренко А. Г. Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Приуралья. М., 1984. С. 123, 127, 129.
- ⁶⁰ Цалкин В. И. Материалы для истории скотоводства и охоты в Древней Руси //МИА. Вып. 5. М., 1956. С. 97.
- ⁶¹ Петренко А. Г. Остеологический комплекс Малахайского поселения //Из истории и культуры волосовских и ананьинских племен Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1977. С. 167—171.
- ⁶² Патрушев В. С. Марийский край в VII—VI вв. до н. э. (Старший Ахмыловский могильник). Йошкар-Ола, 1984. С. 105—108.
- ⁶³ Трубникова Н. В. Отчет о работе 2-го отряда Чувашской археологической экспедиции за 1957 год //УЗ ЧНИИ. Чебоксары, 1960. Вып. 19. С. 56; Петренко А. Г. Некоторые особенности развития животноводства I тысячелетия н. э. у пришлых племен Волжско-Камского края //Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань. 1971. С. 59.
- ⁶⁴ Архипов Г. А. Земледелие и животноводство древних марийцев. С. 14.
- ⁶⁵ Степанов П. Д. Фатьяновские поселения в Западном Поволжье //КСИИМК. Вып. 53. М., 1954. С. 57; Он же. Новые фатьяновские памятники на территории Чувашской АССР. //Советская археология. 1958. № 4. С. 201; Ледякин В. И. К истории хозяйственной деятельности племен городецкой культуры (по материалам городищ Мордовской АССР) //Исследования по археологии и этнографии Мордовской АССР. Труды Мордовского НИИ. Саранск, 1970. Вып. 39. С. 95.
- ⁶⁶ Краснов Ю. А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. С. 112—113.
- ⁶⁷ Петренко А. Г. Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. С. 141—142.

- ⁶⁸ *Хянкәрма* автором выявлены в фондах музеев в сс. Трехбалтаево Шемуршинского, Новое Муратово Комсомольского, Чувашская Сорма Алинковского р-нов в 1991 г.
- ⁶⁹ *Краснов Ю. А.* Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. С. 93.
- ⁷⁰ *Крюкова Т. А.* Материальная культура марийцев XIX века. Йошкар-Ола, 1956. С. 26; *Козлова К. И.* Указ. соч. С. 34.
- ⁷¹ *Краснов Ю. А.* Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. С. 120.
- ⁷² *Воробьев Н. И., Львова А. Н., Романов Н. Р., Симонова А. Р.* Чуваши. Этнографическое исследование. Часть 1. Материальная культура. Чебоксары, 1956. С. 91.
- ⁷³ Полевые записи автора 1991 г.
- ⁷⁴ Полевые записи автора 1984, 1988 гг. С. М. Михайлов полагал, что название села происходит от этнонима *пушкәрт* башкир (см.: *Михайлов С. М.* Указ. соч. С. 229), что является неверным.
- ⁷⁵ Полевые записи автора 1983—1984, 1991 г.
- ⁷⁶ Полевые записи автора 1988 г.
- ⁷⁷ *Старостин П. Н.* Этнокультурные особенности предбулгарского времени в Нижнем Прикамье // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971. С. 49; *Петренко А. Г.* Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. С. 140.
- ⁷⁸ *Плетнева С. А.* Половцы. М., 1990. С. 48, 115.
- ⁷⁹ *Генинг В. Ф., Халиков А. Х.* Указ. соч. С. 163.
- ⁸⁰ *Ковалевский А. П.* Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956. С. 126.
- ⁸¹ *Ахметьянов Р. Г.* Указ. соч. С. 68—69.
- ⁸² *Плетнева С. А.* Половцы. С. 92.
- ⁸³ *Фокин П. П.* Земледелие и земледельческие орудия в северных и северо-восточных районах Чувашского края... С. 6.
- ⁸⁴ См.: *Краснов Ю. А.* Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. С. 123.
- ⁸⁵ *Михайлов С. М.* Указ. соч. С. 74, 85—86.
- ⁸⁶ *Крюкова Т. А.* Указ. соч. С. 26; *Потанов Л. П.* Очерки по истории алтайцев. М.-Л., 1963. С. 207; Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М., 1967. С. 66; *Вяткина К. В.* Очерки культуры и быта бурят. М., 1969. С. 74; *Абрамзон С. М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971. С. 76; *Мурзабулатов М. В.* Скотоводческое хозяйство зауральских башкир в XIX—начале XX вв. // Хозяйство и культура башкир в XIX—начале XX в. М., 1979. С. 68.
- ⁸⁷ *Димитриев В. Д.* История Чувашии XVIII века. С. 94; *Козлова К. И.* Очерки этнической истории марийского народа. М., 1978. С. 70.
- ⁸⁸ Очерки истории культуры дореволюционной Чувашии. С. 138.
- ⁸⁹ *Михайлов С. М.* Указ. соч. С. 79—80.
- ⁹⁰ *Ашмарин Н. И.* Словарь чувашского языка. Вып. 12. Чебоксары, 1937. С. 245.
- ⁹¹ *Кузнецов И. Д.* Крестьянство Чувашии в период капитализма. Чебоксары, 1963. С. 133.
- ⁹² *Никольский Н. В.* Краткий курс этнографии чуваш. Чебоксары, 1928. С. 57; Очерки истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии. Ч. 1. Чебоксары, 1989. С. 25.
- ⁹³ *Михайлов Е. П.* Хозяйство и общественный строй населения Чувашского Поволжья в I тысячелетии н. э. ... С. 19.
- ⁹⁴ *Краснов Ю. А.* Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы... С. 107.
- ⁹⁵ История Марийской АССР. Т. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Йошкар-Ола, 1986. С. 31; История Мордовской АССР. Т. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Саранск, 1979. С. 25.
- ⁹⁶ История Узбекской ССР. Т. 1. Ташкент, 1967. С. 290.

- ⁹⁷ Плетневи С. А. Половцы. С. 118.
- ⁹⁸ Жиганов М. Ф. Из истории хозяйства мордвы в XIII—XVI вв. // Исследования по материальной культуре мордовского народа. Труды института этнографии АН СССР. Новая серия. Т. 86. М., 1963. С. 67—74; Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. С. 512.
- ⁹⁹ Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Вып. 1. Казань. 1928. С. 44—45.
- ¹⁰⁰ Миллер Г. Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов. СПб., 1791. С. 24; Крюкова Т. А. Указ. соч. С. 31—32; Жиганов М. Ф. Указ. соч. С. 65.
- ¹⁰¹ Лепехин И. И. Путешествие от Санкт-Петербурга до Симбирска // Полное собрание ученых путешествий по России. Т. 3. СПб., 1823. С. 31.
- ¹⁰² Крюкова Т. А. Указ. соч. С. 33.
- ¹⁰³ Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Вып. 4. Чебоксары, 1929. С. 158.
- ¹⁰⁴ Никольский Н. В. Указ. соч. С. 55.
- ¹⁰⁵ Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Вып. 4. С. 135.
- ¹⁰⁶ Крюкова Т. А. Указ. соч. С. 35—36; Мухаметшин Ю. Г. Татары-кряшены. Историко-этнографическое изучение материальной культуры. Середина XIX — начало XX вв. М., 1977. С. 52.
- ¹⁰⁷ Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Вып. 17. С. 362.
- ¹⁰⁸ Никольский Н. В. Указ. соч. С. 54—55.
- ¹⁰⁹ Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Вып. 5. Чебоксары, 1930. С. 389.
- ¹¹⁰ Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Вып. 1. С. 105; Вып. 6. Чебоксары, 1934. С. 94; Вып. 10. Чебоксары, 1936. С. 97; Вып. 11. Чебоксары, 1936. С. 97; Вып. 17. Чебоксары, 1950. С. 145, 163, 263.
- ¹¹¹ Михайлов С. М. Указ. соч. С. 235.
- ¹¹² Димитриев В. Д. История Чувашии XVIII века. С. 96.
- ¹¹³ Список населенных мест по сведениям 1959 года. Т. XVI. Казанская губерния. СПб., 1866. С. XXV.
- ¹¹⁴ Трубникова Н. В. Раскопки на городище Ножа-Вар близ с. Сареева в 1958—1959 гг. // Археологические работы в Чувашской АССР в 1958—1961 гг. (Ученые записки ЧНИИ, Вып. 25. Чебоксары, 1964. С. 138; Она же. Раскопки городища Пичке Сърчэ в Чувашии // Там же. С. 190; Михайлов Е. П. Хозяйство и общественный строй населения Чувашского Поволжья в I тысячелетии н. э. С. 20.
- ¹¹⁵ Жиганов М. Ф. Указ. соч. С. 74.
- ¹¹⁶ Там же. С. 76.
- ¹¹⁷ История Узбекской ССР. Т. 1. С. 290.
- ¹¹⁸ Очерки истории культуры дореволюционной Чувашии. С. 50.
- ¹¹⁹ Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Вып. 4. С. 29, 69—70; Вып. 6. С. 94, 101, 307; Вып. 10. С. 284; Вып. 17. С. 18, 90, 91, 153.
- ¹²⁰ Никольский Н. В. Указ. соч. С. 56—57; Крюкова Т. А. Указ. соч. С. 38—39; Жиганов М. Ф. Указ. соч. С. 74—75; Ахметшин Ю. Г. Указ. соч. С. 51—52; Бусыгин Е. П., Зорин Н. В. Русское население Чувашской АССР. Материальная культура. Чебоксары, 1960. С. 63.
- ¹²¹ Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Вып. 15. Чебоксары, 1939. С. 173; Козлова К. И. Указ. соч. С. 39.
- ¹²² Михайлов С. М. Указ. соч. С. 111, 182, 188; Комиссаров Г. И. Чуваши Казанского Заволжья // Известия ОАИЭ. Т. XXVII. Вып. 5. Казань, 1911. С. 370; Очерки истории культуры дореволюционной Чувашии. С. 50. Полевые записки автора 1983, 1984, 1991 гг., Аликовский, Мариинско-Посадский, Моргаушский, Ядринский р-ны Чувашской ССР.
- ¹²³ Список писцовых книг 1566—1568 гг. по Казани с уездом. Казань, 1877. С. 54; Список писцовой и межевой книги города Свияжска и уезда. Казань, 1909. С. 65.
- ¹²⁴ Жиганов М. Ф. Указ. соч. С. 67—74; Крюкова Т. А. Указ. соч. С. 39—43; Руденко С. И. Башкиры // Записки РГО по отделению этнографии. Т. XI. Ч. 2. Л., 1925. С. 46—55; Селеев Г. А. Андреев И. А. Материалы

- к истории пчеловодства у марийцев //Из истории хозяйства населения Марийского края: АЭМК. Вып. 4. Йошкар-Ола, 1979. С. 104—122.
- ¹²⁵ Жиганов М. Ф. Указ. соч. С. 68; Сенеев Г. А., Андреев И. А. Указ. соч. С. 109.
- ¹²⁶ Димитриев В. Д. Чувашские исторические предания. Ч. 2. Чебоксары, 1986. С. 13; НА ЧНИИ, отд. III, ед. хр. 37, л. 101—102.
- ¹²⁷ Мордва. Историко-этнографические очерки. Саранск, 1984. С. 69; Димитриев В. Д. История Чувашии XVIII века. С. 95.
- ¹²⁸ Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Т. 1. Кн. 1. СПб., 1809. С. 144.
- ¹²⁹ Ергачев М. Н. Пчеловодство Чувашии. Чебоксары, 1975. С. 9—11.
- ¹³⁰ Туганаев В. В. Состав и характеристика культурных и сорных растений Билярских полей //Исследования Великого города. М., 1976. С. 242; Халиков Н. А. Земледелие татар Среднего Поволжья и Приуралья. С. 42.
- ¹³¹ Димитриев В. Д. История Чувашии XVIII века. С. 95.
- ¹³² Там же. С. 82.
- ¹³³ Фокин П. П. Земледелие и земледельческие орудия в северных и северо-восточных районах Чувашского края... С. 7.
- ¹³⁴ Мухаметшин Ю. Г. Указ. соч. С. 46.
- ¹³⁵ Воробьев Н. И. Казанские татары. С. 93; Крюкова Т. А. Указ. соч. С. 25; Мухамедова Р. Г. Указ. соч. С. 47; Мухаметшин Ю. Г. Указ. соч. С. 46.
- ¹³⁶ История Марийской АССР. Т. 1. С. 31.
- ¹³⁷ Паллас П. С. Указ. соч. Кн. 2. С. 476; Роднов С. Н. Хмель. Чебоксары, 1935. С. 44.
- ¹³⁸ ЦГА ЧР, ф. 16, оп. 1, д. 64; Засухин И. И. Хмелеводство и пивоварение в России и за границей. Пг., 1916. С. 3; Роднов С. Н. Указ. соч. С. 43—48.
- ¹³⁹ Железнов Н. И. О разведении хмеля в Средней России. М., 1851. С. 2*.
- ¹⁴⁰ Михайлов Е. П. Хозяйство и общественный строй населения Чувашского Поволжья в I тысячелетии нашей эры. С. 20.
- ¹⁴¹ Архипов Г. А. Марийцы IX—XI вв. К вопросу о происхождении народа. Йошкар-Ола. 1973. С. 76; Ефименко П. П. К истории Западного Поволжья в I тысячелетии н. э. //Советская археология. Т. 2. М., 1937. С. 45; Жиганов М. Ф. Указ. соч. С. 41.
- ¹⁴² Трубникова Н. В. Раскопки на городище Ножа-Вар близ с. Сареева... С. 134—137.
- ¹⁴³ Каховский В. Ф. Домница XVII в. в Центральной Чувашии //Вопросы истории и историографии чувашского народа. Чебоксары, 1970. С. 151—158.
- ¹⁴⁴ Каховский В. Ф., Смирнов А. П. Хулаш //Городище Хулаш и памятники средневековья Чувашского Поволжья. Чебоксары, 1972. С. 37.
- ¹⁴⁵ Крюкова Т. А. Указ. соч. С. 82—83; Димитриев В. Д. Заповедные товары и запрет кузнечного и серебряного дела в национальных районах Среднего Поволжья в XVII веке //Вопросы истории Чувашии. Труды ЧНИИ. Вып. 73. Чебоксары, 1977. С. 55—65.
- ¹⁴⁶ Крюкова Т. А. Указ. соч. С. 82.
- ¹⁴⁷ Архипов Г. А. Марийцы IX—XI вв. С. 61.
- ¹⁴⁸ Хлебникова Т. А. Гончарное производство волжских болгар. X—начало XII вв. //МИА. № 111. М., 1962.
- ¹⁴⁹ Зеленин Д. К. Прimitивная техника гончарства «налепом» в Восточной Европе //Этнография, 1927. № 1. С. 87; Степанов П. Д. Гончарство у мордвы //Записки 9. История и археология. Саранск, 1947. С. 160; Хлебникова Т. А. Археологические памятники XIII—XV вв. в Горномарийском районе Марийской АССР //Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967. С. 88—98.
- ¹⁵⁰ Фокин П. П. Неземледельческие занятия чувашских крестьян: гончарство и обработка животноводческого сырья (материалы к историко-этногра-

- фическому атласу) //Этнография чувашского крестьянства. Чебоксары. 1987. С. 52—59.
- ¹⁵¹ *Ашмарин Н. И.* Словарь чувашского языка. Вып. 12. Чебоксары, 1937. С. 75.
- ¹⁵² *Фокин П. П.* Ремесла чувашей северных и северо-восточных районов Чувашской АССР (материалы к историко-этнографическому атласу) //Вопросы материальной и духовной культуры чувашского народа. Чебоксары, 1986. С. 26; *Крюкова Т. А.* Указ. соч. С. 59.
- ¹⁵³ *Крюкова Т. А.* Указ. соч. С. 60.
- ¹⁵⁴ *Фокин П. П.* Ремесла чувашей... С. 10—14.
- ¹⁵⁵ *Михайлов Е. П.* Хозяйство и общественный строй племен Чувашского Поволжья в I тысячелетии н. э. С. 22; *Фокин П. П.* Ремесла чувашей... С. 22—23; НА ЧНИИ, отд. III, ед. хр. 705, инв. № 5245, л. 96.
- ¹⁵⁶ Чуваш. Ч. 1. С. 153; Мордва. С. 76; *Крюкова Т. А.* Указ. соч. С. 72—73.
- ¹⁵⁷ *Козлова К. И.* Этнография народов Поволжья. С. 41.
- ¹⁵⁸ ЦГА ЧАССР, ф. 1, оп. 1, д. 1306, л. 120—121.
- ¹⁵⁹ *Крюкова Т. А.* Указ. соч. С. 58; *Фокин П. П.* Ремесла чувашей... С. 68—69.
- ¹⁶⁰ *Никольский Н. В.* Краткий курс этнографии чуваш. С. 124—127.
- ¹⁶¹ *Фокин П. П.* Неземледельческие занятия чувашских крестьян... С. 70.

ПОСЕЛЕНИЯ, ЖИЛИЩА И
ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ

§ 1. Поселения

В историко-этнографической литературе немалое место уделяется изучению истории поселений чувашей. Состояние вопроса на сегодня таково, что одни периоды описаны достаточно полно, другие (особенно ранние) — сравнительно слабо. Определенные трудности в исследовании этой проблемы вносит своеобразие этнического расселения чувашского народа. Так, несмотря на то, что полное обоснование чувашей на территории северной половины современной Чувашии произошло не позднее XIV в., в источниках XVI—начала XVIII вв. чувши часто проходят под этнонимом «горные черемисы», «черемисы» или «черемисские татары»¹.

Материалом для изучения наиболее ранних этапов развития поселений в Чувашском Поволжье служит археологическая информация, полученная при раскопках городищ и селищ². Интересные, хотя и отрывочные сведения могут быть почерпнуты из средневекового фонда, особенно ценны данные писцовых книг чувашского населения XVI—XVII вв. С XVIII в. объем архивных источников значительно возрастает за счет переписей и ревизий³, картографических документов⁴. Позже эта тема начинает появляться и в публикуемой литературе: значительное количество описаний поселений в ней дано с середины XIX в.⁵ Традиционные поселения чувашей изучались главным образом в советское время⁶. В основу классификации поселений при этом была положена разработанная в советской этнографической литературе (прежде всего М. В. Витовым) система анализа поселенческих аспектов⁷.

В эпоху раннего железа Чувашское Поволжье, как доказано археологами, было покрыто сетью городищ и селищ, принадлежавших финно-угорскому населению. Первые болгарские по-

селения появились, как полагают А. П. Смирнов, В. Ф. Каховский, в IX—X вв. вдоль р. Булы, Улеми и Кубни⁸. Они прослежены также в глухих лесных районах (бассейнах р. Малого и Большого Цивилей, Суры и др.). Селища располагались на невысоких берегах рек, на черноземных полях (долинный тип населения). Предполагается, что болгарские селища IX—XIII вв. перемежаются с позднегородецкими поселениями⁹.

В конце XIV — первой половине XV вв. населенные пункты юго-восточной части Чувашского Поволжья в основном прекратили свое существование (территория стала районом постоянных набегов кочевников). Кроме северной половины края, чувашское население по-прежнему занимало значительную часть Арской, Чувашской (Зюрейской), Галицкой и других дорог Казанского уезда¹⁰. Исторические предания, относящиеся к золотоордынскому времени и периоду Казанского ханства, сохранили свидетельства об основании компактных мест проживания переселенцами с Закамья, верховьев Свияги и других мест¹¹.

Из письменных источников самые ранние сведения о чувашских деревнях содержат описания А. М. Курбского¹², писцовые книги Свияжского (1565—1567 гг.) и Казанского (1565—1568 гг., 1602—1603 гг.) уездов¹³ и другие акты материалы. По их свидетельству, в XVI—XVII вв. основным типом поселения чувашей, как и соседних татар, марийцев, мордвы, являлась деревня *ял* (тат. *аул*, морд. *веле*)¹⁴. Они сообщают об образовании выселков от материнских поселений (на «пустошах» — в Казанском, «диком поле» — Свияжском уездах и др.), о формах землепользования и т. д. К примеру, в 1595 г. чувашская община д. Тюбек Арской дороги Казанского уезда, состоявшая из 12 дворов, испытывала недостаток присельской пашни и тогда они «по той даче, для того, что у них пашни мало, отделили трех человек в починок Новый Тюбек Максима Яковлева, да Олешку Васильева, да Семена Килеева старые в целые ясаки, на место, отведенное им у ключа. Спустя пять лет чувашские бобыли (3 чел.) соседней деревни Чегурча отделились от своей пашни и заняли землю на целый ясак¹⁵ по другую сторону ключа. Сверх того, в 1603 г. из д. Старый Тюбек снова выделились три семьи и заняли землю на ключе же...»¹⁶.

Отпочкование от многодворных селений околודков, выселков, починок (такие виды поселений упоминаются в документах) наиболее интенсивно происходило в XVII в., несколько слабее в XVIII в.¹⁷ Такие факты были характерны и для соседних марийцев и татар. В результате этого процесса в северной Чувашии распространился гнездовой тип расселения¹⁸. Единство гнезда подчеркивалось не только топографической близостью дочерних селений к материнскому, но и образованием сложных общин (из 2—4 и более селений). Поселения, входившие в сельскую общину ясачных крестьян и объединенные в волости, были связаны родовыми узами¹⁹.

Гнездо носило одно общее — родовое (фактически патронимическое)²⁰ название, наряду с существованием такого у каждой деревни в отдельности. Так, родовое наименование «Сорма» имеют 23 селения, «Абаш» — 8, «Хочашево» — 10 и т. д.²¹ В документах XVII—XVIII вв. называются выселки и околки многих деревень, полное же перечисление состава сложных общин дано в материалах Генерального межевания.

Жившие бок о бок марийцы и чувашаи северных районов имели немало сходств в образовании выселков (усадов), сложных общин. Это объясняется наличием у этих народов заметных родственных связей и общинных традиций. Вместе с тем широкораспространенные у марийцев однодворные поселения-усады²² были не типичны для чувашских селений.

Гнездовой тип расселения и бытование сложных общин отмечены и в юго-западной части Чувашии (в присурском лесном массиве). Он наблюдался также и у казанских татар, мишарей, мордвы, марийцев и др. По мнению К. И. Козловой, ему соответствует соседско-территориальная община, иногда патронимия²³. Чересполосица, смешение родственного и неродственного населения, внедрение новоселенцев со стороны в массу старожилов вели к ослаблению патронимических связей. Это явление прослеживается особенно в период заселения бывшего «дикого поля» (XVI—XVII вв.) на юге Чувашии.

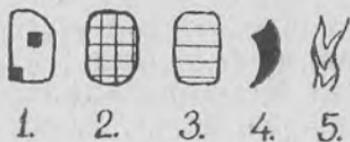
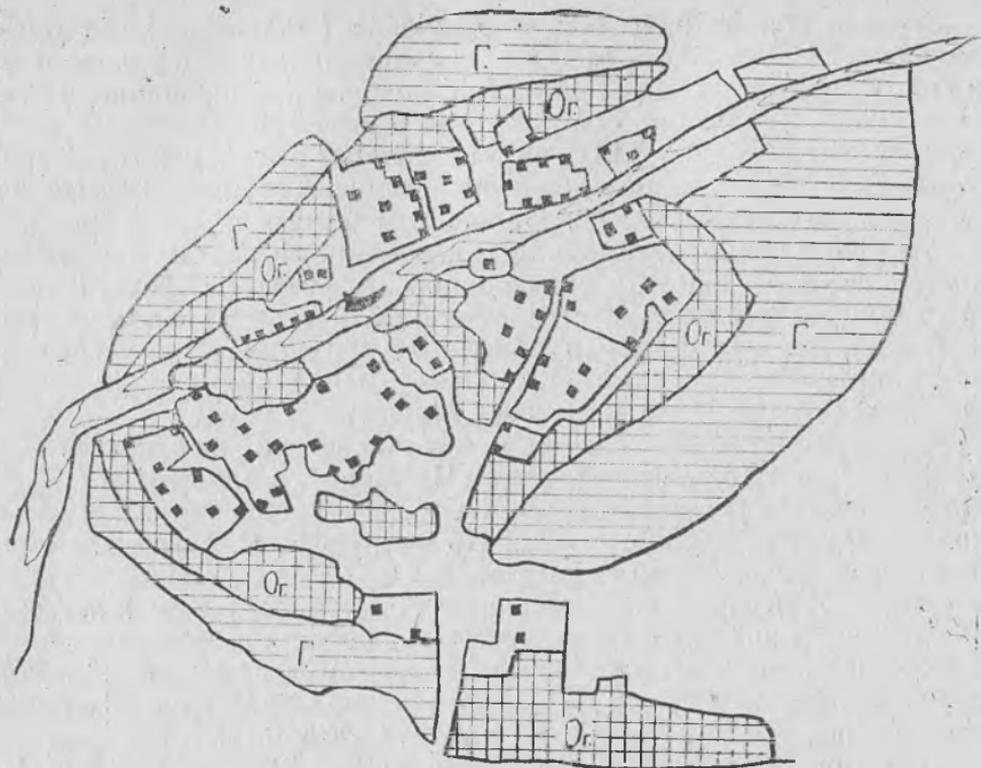
Для юго-восточной части Чувашии был характерен линейный тип расселения, когда жилища растянуты вдоль рек и дорог. Объясняется это географическими условиями местности, стремлением людей быть ближе к водным источникам.

Формирование такой разновидности поселения, как село *ял* (словом *сала* обозначаются только русские села), началось в середине XVIII в. в связи с массовой христианизацией нерусских народов. Селами становились деревни с церквями.

Преобладающим типом заселения у чувашей, как и других народов Урало-Поволжской ИЭО, были поселения вдоль рек и речек (на юге Чувашии, в частности в Тетюшском уезде, как и у мордвы²⁴, он достигал 80%). В северной Чувашии традиционным являлось также расположение их около ключей и ручьев (эта особенность проявляется у разных народов в ойконимии). При озерах и колодцах (водораздельный тип) они были сосредоточены в небольшом количестве, хотя во второй половине XIX в. водораздельный тип обнаруживает тенденцию к увеличению в связи с перепланировкой поселений.

Определенная дифференциация наблюдалась и в планировке и формах поселений, чему в значительной степени способствовали географическая среда, социально-экономические условия, в том числе и такие факторы, как тип хозяйства, формы землевладения, землепользования, наследования и т. д.²⁵

Кучевая форма селений у чувашей, являвшаяся преобладающей вплоть до середины XIX в. (об этом говорят карты посе-

Кучевая форма чувашской деревни, д. Уты (Камаево-Поле, Водояль) Хормалинской волости Цивильского уезда (1857 г.); 1 — крестьянские дворы (гнезда дворов); 2 — огороды; 3 — гумна; 4 — родники; 5 — овраг.

лений XVIII — первой половины XIX вв.), как и у многих других народов, представляла собой одну из древних традиций, идущих от застройки поселения патронимическими гнездами²⁶. Документы показывают, что в условиях наличия пустующих земель и возможности свободного заселения загораживание под усадьбу значительного участка земли, где могли бы завести свое хозяйство члены большой семьи было характерно еще для XVII в.²⁷ Об этом же свидетельствуют бытоописатели середины XIX в.²⁸ Кучевая планировка с бессистемным расположением гнезд (групп дворов), вероятно, восходит к тому типу хозяйства, которое велось патронимическими союзами:

Исследователи полагают, что древней и широко распространенной формой для коренного населения Среднего Поволжья (татар, чувашей, марийцев, мордвы) являлось беспорядочное

расположение (застройка) домов на селитьбенной площади²⁹. Особенно это было характерно для северных лесных районов (до середины XIX в.). Эту форму имели в основном малодворные селения. Застройка многодворных поселений была кучевой, гнездовой, развившейся из беспорядочной.

Следует отметить, что гнездовая форма была преобладающей у татар, чувашей, мордвы-мокши, у марийцев же она проходит в качестве бытующей. В целом у финно-угров доминирующей являлась беспорядочная форма³⁰. Тем не менее считать этот показатель этнической принадлежностью затруднительно. Обращает на себя внимание и такой признак, как круговое распределение жилищ в гнезде (группе дворов), наблюдавшееся у татар, чувашей, башкир³¹. В частности, представляют интерес данные А. Ф. Риттиха: «У чувашей все поселение в совокупности представляет в плане вид неправильного овала, состоящего из таких же отдельных маленьких (гнезд.— Г. М.). Этим и отличаются чувашские селения от черемисских, расположенных также малыми группами, но в длину, на протяжении нескольких верст, тогда как у чувашей расположение идет по кругу и имеет свое бытовое значение»³². Сомкнутая застройка бытовала в поселениях мордвы-мокши, разобшенная — мордвы-эрзи³³. Особенностью марийских деревень А. Келлер считал просторное расположение дворов и строений, чем они отличались от русских и татарских поселений, «где улицы тесны и дворы застроены»³⁴. Вместе с тем сходные черты наблюдались в кучевой форме горных марийцев и чувашей северо-западных районов, с одной стороны, приказанского, западно-закамских районов территории нынешнего Татарстана и южной части Чувашии — с другой³⁵. Кучевая планировка, бытовавшая в некоторых русских селениях, — влияние местного населения.

Многие чувашские деревни кучевой формы образовывались из нескольких гнезд: от малых (два-три двора) до больших. В старых и больших деревнях гнезда насчитывали до 20—30 дворов, хотя наиболее типичными были средние — с 5—10 дворами. Немало выселков состояли из отдельных дворов.

Для обозначения отдельных гнезд, околodков (концов) употребляли термины *касă*, *тӱпне*, *пуккил* (ср. у марийцев *лонго*). Жители отдельного гнезда, будучи часто родственниками (*тавраш*, *хурӑнташсем*), были связаны между собой более тесно, чем с другими³⁶. Об этом свидетельствуют данные дореволюционных исследователей и исторические предания. В частности, А. И. Артемьев писал об обычае чувашей селиться патриархально, усадьбами, «кажда с родом своим»³⁷. Это было свойственно и для других народов Урало-Поволжья. Впоследствии большие семейные усадьбы разделились на индивидуальные, превратившись в большие кварталы, внутри которых, как отмечает Н. И. Воробьев, появились узкие переулки, тупики³⁸.

Рядовая планировка в чувашских селениях, как и у других

народов Среднего Поволжья, появилась несколько позднее. Прежде всего она распространилась в юго-восточной части. Следует отметить тесную взаимосвязь планировки селений с типом расселения. Так, у чувашей и мордвы, по справедливому замечанию Н. И. Воробьева, линейный тип расселения характеризуется рядовой планировкой³⁹. Развитие от кучевых форм в рядовую и уличную происходит постепенно (интенсивный процесс начался в конце XVIII — начале XIX вв.).

Рядовой характер имели многие выселки, образовавшиеся не ранее XVIII в. Развитие этой планировки можно объяснить как осознанием неудобства кучевой планировки, нехваткой земель, так и требованием администрации. Определенное влияние на перестройку селений татар, чувашей, марийцев, мордвы и др. оказывало русское население, ранее и в большей степени освоившее новые формы планировки⁴⁰. Рядовые формы у чувашей встречались следующих типов: 1) прибрежно-рядовые; 2) овражно-рядовые; 3) рядовые деревни, ориентированные к югу.

Деревень с круговой планировкой, где в центре имелась открытая площадь — перекресток дорог, церковь и т. д., выявляется в Чувашии немного⁴¹. Уличная планировка в селениях, входивших в состав Симбирской губернии, была введена к середине XIX в. в Казанской губернии в 1870—1890 гг. До XIX в. уличных деревень у чувашей не существовало.

Корреляция формы селений с типом расселения обусловлена историей развития поселений в целом. Так, для северо-западной части Чувашии, где происходило постоянное дробление селений в связи с образованием выселков, где поселения часто располагались около ключей и ручьев, были характерны небольшие деревни. Напротив, в южных и юго-восточных зонах преобладали многодворные поселения. Центральные районы по этому признаку занимали как бы среднюю позицию.

Как было отмечено, размерам деревень соответствовала определенная планировка: беспорядочная и кучевая — для малодворных деревень, гнездовая и рядовая — для многодворных. Любопытно, что аналогичная динамика расселения была характерна и для мишарей, казанских татар⁴² и др. Спецификой марийских поселений была малодворность, крупные же селения располагались на окраинах их этнической территории, там, где марийцы соприкасались с русскими и татарами⁴³. В историческом разрезе отмечается укрупнение поселений, однако темпы этого процесса в отдельных зонах были различными.

Не одинаковой была и степень озеленения пристанищ. В зависимости от того, насколько севернее располагались селения (и чувашей, и мари, и татар, и башкир), настолько выше была степень их озеленения⁴⁴.

Зональные различия наблюдаются и в названиях деревень. Как считают исследователи, они отражают как рельеф местности, семейный и общественный быт и т. п., так и следы прожи-

вания других народов (марийцев, мордвы, татар, буртасов и др.). Одним из ярких признаков в названиях деревень является наличие в их составе термина «кас»⁴⁵. Установлено, что 80% селений с этим формантом приходится на северную зону от условной линии устье Аниша — верховье Большого Цивиля⁴⁶. Происхождение их в основном совпадает с зоной бытования гнездового типа расселения и сложных общин. Вероятно, они возникли в период массового выделения выселков, околודков (т. е. не ранее XVI в.). Думается, что данный процесс является также отражением патронимических отношений, которые были более устойчивыми на северной территории Чувашии, нежели на южной, где проживали переселенцы из разных местностей⁴⁷.

§ 2. Жилище

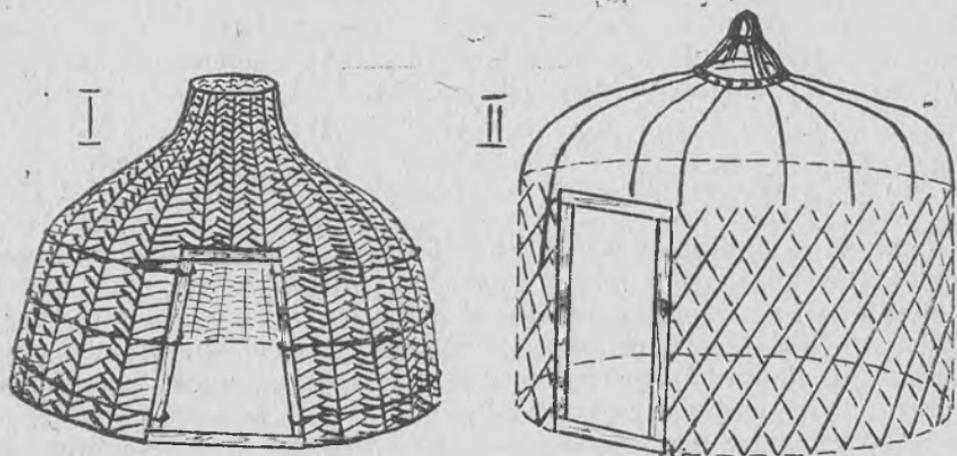
Жилище и постройки, как и другие стороны материальной культуры, развиваются в тесной связи со сложной историей народа, социальными, хозяйственными и этническими процессами, природными и климатическими факторами. В ходе истории локальные типы жилища, непосредственно адаптированные к окружающей среде, сменяются новыми культурными комплексами⁴⁸.

Характерные особенности усадьбы, жилища и хозяйственных построек связаны с хозяйственно-культурными типами, а в рамках историко-этнографических областей развиваются общие черты в типах жилища. В жилище и постройках чувашей находят отражение общерегиональные атрибуты, в то же время здесь обнаруживаются общечувашские и локальные особенности, отдельные элементы жилища и усадьбы имеют свои этнокультурные корни.

Начало планомерному изучению чувашского жилища и усадьбы было положено в работах Н. В. Никольского и Г. И. Комиссарова⁴⁹. Подробное описание строительной техники, общей их планировки и убранства (главным образом советского периода) дается в коллективной монографии «Чуваши»⁵⁰. Наряду с этими фундаментальными работами данный вопрос затрагивался и в отдельных трудах. Сведения о традиционных типах жилища и построек уточнялись и дополнялись этнографическими экспедициями 1980-х годов. Следует отметить, в письменных источниках жилище чувашей до середины XVIII в. обрисовано лишь фрагментарно (основной источник — средневековые акты материалы).

Некоторые сведения о типах жилищ и хозяйственных постройках предков чувашей (особенно тюркоязычных) имеются в археологических и фольклорных материалах. Данные чувашской лексики и фольклора, в частности, говорят о том, что древними их жилищами являлась юрта *ав* (от этого слова образованы слова *авлан* — женись и *аръм* — жена), *сұрт* — юрта,

вута (*отаг* у тюркских народов) — наземная постройка типа шалаша. Значительные сходства, восходящие к раннебулгарской эпохе, сохранили и современные чуваши. Так, для обозначения жилища употребляются слова *сурт* (тат. *йурт*, башк. *йорт*, мар. *сурт*, морд. *кудо*), *пурт* (мар. *пёрт*). В чувашской курной избе отверстие для выхода дыма (волоковое окно) *тёнё* восходит к *тене*, *тенгелек* юрты (проем на вершине крыши юрты для проветривания и выхода дыма).

I — хуннский тип древнего кочевнического шалаша с полусферическим плетеным остовом и с короткой широкой рейкой на куполе. Реконструкция внешнего вида;

II — юрта древнетюркского типа с цилиндрическим остовом и куполом. Реконструкция остова. Середина I тыс. н. э. Реконструкции выполнены С. И. Вайнштейном.

В прошлом чувашская изба делилась на мужскую (слева от входа) и женскую (справа) половины. На нарах или скамье вдоль боковой стены рассаживались мужчины, вдоль передней стены — женщины. При рассаживании строго соблюдались половозрастные особенности, степень зажиточности, родственные отношения. Указанные особенности, как известно, были характерны и для других тюркоязычных народов.

Чувашское слово *кёреке*, которым обозначается почетное место для гостей (вдоль стен), имеет связь с *кэреге* (решетчатый остов) тюркской юрты. Угловая часть передних нар, как и у казанских, чепецких и других групп татар, называется *тур* (*тур кётессе* — передний угол у чувашей-христиан) и восходит, надо полагать, к священному месту *тёр* древних тюрков⁵². Древнетюркское название занавески-полога на двери соответствует чувашскому *пусаха*, ср. кумык. *посага*. Ориентация домов дверями на восток также совпадает с планировкой тюрко-монгольских юрт.

В фольклорном материале отразились древние следы быто-

вания войлочной юрты со сборным решетчатым каркасом, например, *сичё сунатла шур пурт ларттартам, пурт тәррине пур ситерсе пур турттартам*. Здесь говорится о семи канатах жилища — *сунат* (у юрты), покрытии жилища войлоком (*пур турт-тартам*). В приветствии старшего дружки (*саламалик*) назывались шести-семи-восьмигранные срубные дома.

Археологические раскопки и данные арабских авторов свидетельствуют о том, что зимними жилищами населения Среднего Поволжья в X—XIII вв. являлись полуземлянки и наземные деревянные и глинобитные дома. Так, ранние сведения о болгарском домостроительстве имеются у аль-Истахри, ибн-Хаукаль и др. Они отмечают, что болгары зимой живут в деревянных домах, летом переходят в войлочные юрты⁵³. Значительное количество материалов накоплено о болгарском зодчестве. У болгар на высоком уровне находилось плотничное и столярное ремесло. Лес в строительстве использовался в виде бревен, жердей, тесаных плах и досок. Более всего для этой цели применяли сосну и дуб. Деревянные срубные постройки часто ставили на дубовые столбы. Вертикально установленные целые бревна выполняли роль несущего каркаса наземных каркасно-плетневых жилищ и углубленных в землю столбовых построек⁵⁴.

Наряду с наземными каркасно-глинобитными домами в ранний период бытовали, очевидно, и более приспособленные для местных условий бревенчато-срубные дома с неглубокими подполами. Срубные дома в ранний период Волжской Болгарии встречались в большей степени в городских поселениях. Например, в цитадели Биляра в развитой период его существования были только бревенчатые дома. Венцы сруба скреплялись в угол с остатком. Известны были способы рубки «в чашу», «в обло», «в лапу». Полагают, что срубные постройки могли иметь самцовые покрытия.

Срубные дома в этот период (IX—XI вв.) существовали и на территории Чувашии (раскопки Тигашевского городища и др.)⁵⁵. Жилища имели деревянный пол на переводинах, прямоугольную печь-каменку (2×2,5 м) на деревянном основании в северо-восточном углу (т. е. зафиксирована близкая аналогия с жилищами XVIII—XIX вв.). Археологами вскрыты также остатки наземных каркасно-глинобитных жилищ круглой формы и срубные дома, сооруженные рядом позднее первых (раскопки вблизи д. Большое Янгильдино)⁵⁶. Срубные жилища уже в домонгольское время, по-видимому, были широко распространены.

Наземные венчатые (срубные) конструкции восходят к прямоугольным землянкам с опущенным в яму срубом⁵⁷. Их совершенствование хорошо прослеживается у мордвы, у которых к середине I тыс. н. э. уже сформировались постоянные утепленные жилища с деревянными или плетневыми обмазанными глиной стенами, а с середины I тыс. н. э. они начали строить наземные срубные дома⁵⁸.

В Среднем Поволжье с глубокой древности бытовали и легкие наземные жилища столбовой конструкции. В этнографической литературе высказывалась мысль о том, что первобытным жилищем финно-угров, а также чувашей должна быть легкая наземная постройка типа шалаша (лачуги)⁵⁹. Справедливо возражая такому утверждению, Е. И. Горюнова писала: «Трудно, однако, представить себе, что легкие наземные постройки могли надежно защищать человека от холода в суровые зимы... Поэтому, наряду с постройками такого типа, у многих финно-угорских народностей известны и полужемляные жилища»⁶⁰. Наличие рядом с домами наземных летних жилищ подтверждено неоднократно (раскопки селища «Пялаху» и др.).

Жилые дома располагались в окружении хозяйственных построек. Последние в болгарских поселениях широко были представлены ямами-зернохранилищами (чув. *пыра*)⁶¹. Наряду с ними, бытовали небольшие сооружения полужемляного типа с опущенными в яму срубами или со стенами столбовой конструкции. В домонгольскую эпоху для хранения зерна появились деревянные постройки наземного типа⁶². В качестве помещений для скота *карта* служили, по-видимому, каркасно-плетневые постройки с плоской крышей, опирающейся на стоечно-балочный каркас⁶³.

Как показывает археологический материал, Урало-Поволжская ИЭО входила в зону срубного жилища Восточной Европы. *Хура пурт* — односрубная черная изба без сеней с глинобитной печью *камака*, топившейся по-черному, представляла собой у чувашей старую форму наземного срубного жилища, существовавшую в течение ряда столетий. Слово для обозначения срубного жилища было заимствовано древними чувашами из русского языка (*перть, перет* в значении баня, предбанник встречаются в диалектах русского языка). Его корни восходят к балтийским языкам (*пирти (с)* — в латвийском, *пирте* — в латышском обозначают баню, в прошлом так называлась жилая постройка). Жилище было в основном зимним и имело небольшие размеры (4,5×5 м, 5×6 м). По форме оно было близко к квадрату *таваткал пурт*. К избе пристраивали сени зачаточного вида — крыльцо с чуланом *палтър, пуртём, алкум*.

В исторических преданиях зафиксировано также трехкамерное жилище (изба+сени+изба). Дома располагались таким образом, что их двери были друг против друга (*кута кутан*), а соединялись они сенями *алкум*⁶⁴. Определить время вхождения в быт чувашей этого типа жилища сложно.

Отмеченные два типа жилища бытовали в феодальную эпоху у разных групп татар. Это были «традиционные еще с болгарских времен четырехстенники с сенями и шестистенники, представляющие собой постройку, состоящую из двух четырехстенков, соединенных между собой холодными сенями»⁶⁵. Характерны они и для горных и луговых марийцев, а также морд-

вы-мокши. В трехкамерном жилище обитали большие семьи. Если семья не помещалась в двух избах, то рядом во дворе ставилась третья. По мере распада больших семей такая планировка исчезала ⁶⁶.

Строительное дело чувашей располагало рядом технических приемов, унаследованных от предшественников и передававшихся от поколения к поколению. В дореформенной деревне в условиях натурального и полунатурального хозяйства каждая семья предпочитала строить жилой дом и все необходимые помещения своими силами. Преимущество при этом отдавалось сосне. Но со временем из-за уменьшения хвойных лесов стали применять также липу и дубовые бревна и полубревна (пластины, факт зафиксирован в Симбирском уезде). Использование дуба, осины, липы и других пород было характерно для черноземной полосы России ⁶⁷. У казанских татар Закамья и горной стороны, как и у чувашей, строительным материалом чаще являлись липа и реже осина ⁶⁸.

Дома возводили на деревянном фундаменте — коротких дубовых столбах *пукан* (из удмуртского), *юпа*, *юман каска*. Окладной венец делали также из дубовых бревен. В северных волостях Чебоксарского и Козьмодемьянского уездов встречались дома на высоком подклете (влияние традиции домостроительства лесной зоны).

Устройство подпола *тён сакай*, *сакай*, характерного элемента чувашского жилища (как, впрочем, и разных групп татар). исследователи считают одной из традиций, восходящих к болгарам (А. П. Смирнов), особенностью чувашского жилища было устройство подполья и высокое расположение над землей (Н. В. Никольский) ⁶⁹. У мордвы, татар-мишарей (в частности, сергачской группы), например, подпол в прошлом отсутствовал, у них дольше сохранилась традиция ставить сруб непосредственно на землю и земляные полы.

Техника возведения сруба (чув., тат., мар. *пура*) была такой же, как и других народов Среднего Поволжья. Венцы соединяли между собой способом «в угол» *кётеc картини*, *çавърса картини*. Сруб из тонких бревен рубили «в охряпку» (углубления вырезали и сверху, и снизу); полубревна собирали «в крюк». Хозяйственные постройки, мельницы сооружали «в лапу» *нимёсле*, *лапалла*.

Наряду со срубным, широко применялся столбовой метод, когда в промежутке между столбами закладывали бревна, полубревна, толстые плахи, закрепляя их в вертикальных пазах, и каркасно-столбовой. Основу последнего составлял деревянный каркас из столбов, в пазах которых закреплялись ряды из жердей, хвороста, плетня с глино-соломенным, земляным заполнением. Практиковался он при строительстве примитивных сеней, помещений для скота, мякиниц и других сооружений. В лесостепных районах получили распространение (конец XIX —

начало XX в.) саманные, глинобитные, реже каменные дома.

Переруб для пола *урата*, *урай кашти* врубали преимущественно между вторыми и третьими венцами *йёрке*, *нирке* (тат. *ниргэ*, мар. *нерге*). До появления лесопильного производства (первые лесопильные заводы зафиксированы в Чувашии в конце XVIII в.) пол настилали либо полубревнами, либо тесанными топором толстыми досками *пуртӑ хӑми* (слово *хӑма* пришло к чувашам из финно-угорского языка).

Изба обычно имела одну *мачча кашти* (*мачча* — от русского *матица*, у марийцев — *ава кашта*, мишарей — *матка*, пермских татар — *матча*). Полубревна и тесаные доски использовали в качестве потолочины *мачча хӑми*. Курная изба марийцев *шэм пӧрт* в начале и середине XIX в. нередко была без потолка, с крышей из рубленых досок. Три стены дома были бревенчатыми, а четвертая, примыкавшая к сеням, — дощатой, пол — земляной⁷⁰. У марийцев и части верховых чувашей потолок обозначается русским словом (мар. *потолок*, чув. *пӑталӑх*).

До середины XIX в. преобладающей являлась широко распространенная в регионе самцовая — *сысналла*, *шитме* — конструкция крыши (факт бытования костровых крыш у чувашей неизвестен). На концы самцов укладывались продольные слегги *кашта* (мар. *кашта*, тат. *киштэ*), образующие остов крыши *сурт си*, *сурт тӱпи* (*тӱпе* — тюркское слово). Такой вид покрытий характерен и для жилищ других народов Среднего Поволжья. У казанских татар, марийцев, мордвы-эрзи крыши были двускатными, имели распространение и односкатные.

Хозяйственные постройки имели так называемую крышу на сохах — столбах с развилками. На столбы клали бревна *тӱпе кашта*. На опорном бревне закреплялись верхние концы стропил, а нижние врубались в перекладины, которые клали на столбы, установленные по углам постройки.

Наиболее древним покрытием крыш являлась дрань чёренче⁷¹. При использовании соломы, ее укладывали не связывая внатруску. Сверху прижимали жердями либо соломенными жгутами *уртмах*, *ленкёрлӑх* (от перс. *якорь*). Затягивание соломенными веревками встречалось также у сергачских мишарей⁷².

Согласно источникам, в середине XIX в. чувашская изба имела одно косячатое окно *чӱрече* (из перс. *дӱриче* — дверца, оконце) высотой 35—50 см. Оно прорубалось в левой боковой стене ближе к переднему углу и было обращено на юг. Косяки *чӱрече сулли*, *чӱрече янахӑ* (тат. *тэрзэ янагы*, мар. *окна янак*) тесали из толстых плах и бревен, на них натягивали бычий пузырь или желудочную плеву *карӑнтӑк* (отсюда чув. *кантӑк*, ср. бацк., тат. *карындык* — брюшина). Окно закрывалось одностворчатymi ставнями.

Волоковые окна *тӑнӑ* вырезали в двух смежных бревнах. Они не имели косяков и закрывались деревянной задвижкой, ставней либо просто затычкой. Курная изба имела два-три таких

окна, одно из которых прорубалось в задней стене, на левой стороне от двери, и было обращено на восток (связано с языческими молениями), второе вырезалось возле очага в глухой стене для того, чтобы выпускать дым, и для освещения очага. С этой же целью над дверью делалось и третье (полукруглое) отверстие *тёне шайтакё*. Аналогичная конструкция волоковых окон зафиксирована у пермских татар ⁷³.

Дверь *алак* (башк., тат. *ишек*, мар. *омса*) была обращена на восток и прорубалась на два венца выше переруба пола. Держалась она на деревянных гвоздях *алак тайпси* (тат. *тупса*) и открывалась сначала вовнутрь, позднее — наружу. Встречались и проемы с двумя дверями — *икё хутля алак*. Запирались двери изб, сеней, клетей, амбаров, лачуг деревянными замками *сара*.

Набор строительных инструментов у чувашей, по всей вероятности, формировался в течение длительного времени ⁷⁴. Русские названия их в большинстве своем относятся к более позднему периоду (с середины XIX в.) и отражают уже высокий уровень развития орудий труда. Старинные же элементы в основном восходят к тюркским, ср., например: долото *айа* (древнетюрк. *ой*), сверло *пайра*, рубанок *сава*.

Для чувашского жилища был характерен так называемый северо-среднерусский тип внутренней планировки. Печь *камака* в избе ставилась справа от входной двери устьем к передней стене. До середины XIX в. ее делали главным образом из глины. Конструкция ее в основном была уже такой же, как и в русской полосе России. Она укреплялась на деревянном основании *камака урати (тёпё)* в виде сруба из двух-трех венцов, рубленного «в лапу», и имела размеры 1,5×2, 2×2 м. Свод *камака тупи* сооружали из глины с камнями, перед ним находился открытый шесток. С одной стороны устья печи устраивали очаг *вучах* с подвешенным котлом. Печи иногда имели дымоотводящую трубу *марье* (из перс., башк. *морйэ*, тат. *моржа*, мар. *гунь-ык*) из луба, плетня или досок, которую обмазывали глиной и выводили через отверстие (окно) в потолке. В Среднем Поволжье очаг бытовал также у татар-кряшен (*учак*), татар-мишарей сергачской группы, чепецких татар, марийцев (*возак*), северных групп удмуртов (*учог*) ⁷⁵. С глинобитной печью чувашей имела сходство и глинобитная печь пермских татар, хотя котел у них был вмазанным ⁷⁶. Население предпочитало глиняные печи и в позднее время (конец XIX — начало XX вв.), считая их более долговечными и лучшими по теплоотдаче.

Высказано мнение, что различия в устройстве очага у чувашей и татар говорят о разном его происхождении ⁷⁷. Возможно, у чувашей он восходит к печи-мазанке типа *камака*, у татар — к *чувалу*. Так, в некоторых говорах татар сохранилось старотатарское название большой печи — *чуал* (название хлебопекарной печи *миш* в татарском языке заимствовано из русского) ⁷⁸. Если для чувашей более типичен очаг с вмазанным кот-

лом, то для глинобитной печи типа *кӓмака* — с висячим⁷⁹. В чувашском языке слова *кӓмака* и *вучах* — исконно тюркские (от древнетюркского *кэмэгэ, оджак*). У марийцев название печи аналогично чувашскому: *конга, комага*. Слово *кӓмака* проникло и в некоторые татарские говоры. В частности, комбинацию печи, состоявшую из русской глинобитной печи с очагом и вмазанным котлом, томские татары называли *кимага* (полагают, что в Сибири эта печь появилась вместе с казанскими татарами)⁸⁰. «Характерно, что, имея котел всегда вмазанным, татары, когда предлагают заняться варкой пищи, говорят: подвесь котел (*казан ас*). Отсюда видно, что у татар котел устраивался по степному образцу, а в языке сохранилось выражение другого происхождения»⁸¹. Б. А. Куфтин предполагая, что «в области современного распространения татарской печи некогда могли быть печи курного типа»⁸². Можно думать, что это были курные печи-мазанки типа *кӓмака* с очагом с висячим котлом. Наличие волокового окна, термина *кара ой* (черная изба) у татар, преобладание курных изб в татаро-бесермянских деревнях и т. п. свидетельствуют о бытовании сходных черт в отоплении жилища татар и других народов региона. Вместе с тем городские традиции устройства белых изб рано внедрились в быт казанских татар. Печи с вмазанным котлом от татар воспринимали и их соседи, не исключая чувашей.

До середины XIX в. особенностью интерьера жилища чувашей, как и соседних народов, было преобладание неподвижной мебели, конструктивно связанной со срубом. Непременной принадлежностью были нары *сак* (общетюркское наследие), представлявшие собой дощатый, укрепленный на брусках (иногда на срубе) помост вдоль стен. В середине XIX в. их устраивали вдоль боковой и передней стен, во всю длину или ее части — *урла сак*, позднее они занимали место вдоль задней стены налево от двери и служили спальным местом (это так называемый *кутник сакки* — *кутник*, заимствованный у русских). Боковые нары в прошлом бытовали у башкир⁸³. Нары у чувашей всегда находились в чистоте и «представляли собой много удобств»: они являлись и местом работы, и отдыха, и приема пищи⁸⁴. Это обязательная деталь интерьера жилищ многих тюркских народов. В Урало-Поволжской ИЭО нары были у мордвы. Дощатые нары (*эзем*) в мордовском жилище с южнорусской и западнорусской планировкой занимали все пространство от боковой стороны печи до противоположной стены⁸⁵ (в жилище тюркских народов нары к печи не примыкали). Мишарями и чувашами от мордвы заимствован *путмар* — нары с поднарьем (полками для хранения продуктов и кухонной утвари), которые устраивались в кухонной части (путмаром у чувашей называли также деревянную кровать). В марийских и удмуртских деревнях, соседящих с татарскими, устраивались небольшие нары (*нар*) вдоль передней стены, на

которых спали, но для большинства селений они не были характерны⁸⁶.

Во второй половине XIX в. нары вдоль боковой, а затем и передней стен стали заменять скамьями. Назывались они, как и нары, *сак*, *вӑрӑм сак*. У чувашей бытовали также короткне скамьи *тенкел* (заимствовано из марийского). В этот же период, по мере вхождения в быт белых изб, появляются русские полати *пулат*, *сентре*. Их устраивали над нарами (деревянной кроватью) вдоль задней стены между печью и противоположной боковой стеной. На них обычно спали дети.

Стульев в чувашской избе почти не было, для сиденья использовали обрубки бревен *пукан* (тат. башк. *букэн*, мар. *пукен*), *кут сакки*. Проникновение этого элемента в быт народов Урало-Поволжья объясняется русским влиянием.

Стол *сӗтел* (заимствован у русских) в интерьере избы середины XIX в. не занимал прочного места. Лишь в конце XIX — начале XX вв. он начал входить в быт. Он имел такую же высоту, что и нары⁸⁷. Стоял обычно в чулане (в сенях) *пӑлтӑр* и заносили его в избу только для приема пищи. Ставили в переднем углу по диагонали от печи.

Старинным элементом внутреннего убранства следует считать сундук *сунтӑх* (из перс.) — шкаф квадратной (1×1 м) или прямоугольной формы с распашными дверьми и полкой. Его устанавливали вдоль боковой стены перед печью и использовали для хранения продуктов. Позднее, когда обеденный стол стали делать с ящиком-сундуком *сӗтел сунтӑхӗ* для хранения продуктов, обычный сунтӑх как самостоятельный вид мебели постепенно исчезал. Подобная мебель присутствовала в юртах ряда тюркских народов. Например, у ногайцев под полкой для посуды находился раскрашенный шкафчик с дверцами (*кӱобан-сандикӱ*), служивший для хранения продуктов питания (мяса, сыра, фруктов и пр.).⁸⁸

Сундука для хранения одежды *арча* в курной избе, видимо, не было. Если же он имелся, то находился в клетке (амбаре) или в чистой избе. В свободном углу печи в старину ставили полый столб *улча юпи* (*улчепи*). Такая же конструкция и сходные термины зафиксированы в избах пермских татар⁸⁹. Улчепи, как правило, ставили под матицей. Термин *улча* означает меру *вице*. От этого столба изба делилась на отдельные части (углы): левую (мужскую) и правую (женскую), переднюю *тӗпел* и заднюю *алӑк кукри* половины. Он, надо полагать, имел не только и не столько практическое значение, сколько символическое. Согласно древним мифологическим преданиям, жилище (юрта) представляло собой модель Вселенной. Улча юпи в древности отождествлялось, видимо, с мировым деревом. О почитании улчепи говорит тот факт, что молодуха при осуществлении свадебного обряда вешала около него на перекладине полотенце в честь доброго языческого духа *пирӗшти*.

Исследователи относят улча к древнему тюркскому пласту ⁹⁰.

Вдоль стен курной избы над нарами чуваша приколачивали полки *сўлэк* (*сўлэк си*), *сентре* (тат., башк. *шўрлек*, *сэндрэ*; мар. *полка*, *лоца*) для оседания на них сажи. Массивные полки (брусья) *лаптак кашта* устанавливали сверху от печного столба к передней и к боковой стене. Такие же полки имелись в избах татар Закамья, пермских татар, мордвы, марийцев. Под полкой в боковой стене перед печью в конце XIX—начале XX в. под русским влиянием стали появляться посудницы *постав*, *сават-сапа шкапё*. Помимо основных полок и шкафов, в избе можно было видеть жерди *кашта*, прикрепленные в различных местах; в стену вбивались деревянные гвозди и большой крюк *пысак сёкёл* для витя веревок (азерб. *чэнкэл*, крюк).

Постельными принадлежностями у чувашей являлись перина *тўшек*, набитая соломой или сеном, тюфяки *улъм тўшек*, подушки короткие *сытар* и длинные *вйрәм сытар*, *минтер* (*сытар* — болгарское наследие, *минтер* — заимствовано из татарского), а также шерстяные одеяла *витёнмелли ситти*, *вителёк*. В бедных семьях на пол клали солому, а сверху стелили старую одежду, войлок *кошма кёссе*, *кушма*, тканые из старых кусков одеяла. Супружеская постель *вырән* (у других тюркских народов *орун*, *орын*) находилась на левой стороне от входа или на нарах перед печью и занавешивалась пологом *шйналэк* (мар. *шыналык* образовано от чув.), *чатёр* (перс.), *чйпэлтэк* (заимств. из татар. *чибылдык*) из белого или грубого холста, который представлял собой навес с четырьмя боковыми наглухо сшитыми сторонами. Перина, подушки и шйналэк входили в свадебное придание невесты. В летнее время полог занавешивали в сенях *пэлтёр*, в одном из углов клетки, при ее отсутствии — во дворе, во время уборки хлеба и сенокоса — в поле. Аналогии находим у тюркских народов. Полог над постелью молодоженов устраивался, например, у пермских татар (*кору чибылдык*, *чатар*) ⁹¹, ногайцев (*шемалдак*) ⁹².

В праздничные и торжественные дни на нары и лавки на мужской стороне стелили войлок или кошму, длинные подушки и перину, кухонную часть избы отделяли занавеской *чатёр*, *чаршав*, за которой во время свадьбы под покрывалом причитала невеста.

Во второй половине XIX — начале XX в. наблюдалось значительное совершенствование жилища, чему способствовали усилившиеся русско-чувашские связи, внедрение новшеств, изменения хозяйственно-бытового уклада. У чувашей наметился переход к *шуря пўрт* — избам с дымоходными печами. Наиболее распространенным типом дома становится трехкамерное жилище изба+сени+клеть, бытующим — изба+сени. Сени+крыльцо + чулан под навесом заменяли на срубное помещение с тремя стенами, пристраиваемое к избе. Зажиточные крестьяне и торговцы строили дома более сложной конструкции: изба с

прирубом, пятистенники *ултӑ кетӗслӗ пӳрт*, реже двухэтажные дома. Единично встречался и старый тип жилища — изба+сени +изба.

Сени, а еще ранее крыльцо с чуланом *пӳлтӑр*, *пӳртӗм*, *алкум*, *пӳртеку* служили для хозяйственных целей и летнего жилья. Здесь расставляли скамьи, сундуки. Описание старинного типа сеней находим у В. И. Лебедева: «На правой стороне крыльца (от двери избы.— Г. М.) делается что-то вроде навеса, под которым в летнюю пору обедает все семейство.; вообще-то крыльцо прикреплялось избяной крышей, выдающейся вперед»⁹³. Двускатная крыша, вынесенная далеко за заднюю стену, благодаря чему образовывала навес над входной дверью как характерный элемент домов татар и чувашей, отмечена Н. И. Воробьевым⁹⁴.

Зафиксировано также крыльцо в виде простого навеса с плоской кровлей и лесенкой перед входом в избу и приставленного чурбана (без навеса). Вероятно, более характерным типом крыльца в лесной зоне являлась пристройка столбовой конструкции с чуланом *пӳлтӑр*, у которой крыша и стены имели общую конструктивную связь, в лесостепной — каркас из столбов и плетня с глиняной обмазкой. В сторону выхода стены у крыльца не было. Пӳлтӑр имел деревянный пол, а часть крыльца на открытой стороне — земляной, вместе с тем это зависело и от высоты подклета жилища. Крыльцо, как и закрытые сени позднего этапа, потолка не имело. Пӳлтӑр чувашей и татар относят в болгарскому наследию⁹⁵. Это название сохранилось в некоторых чувашских говорах при обозначении сеней либо клеток (или второго этажа амбара) со входом из сеней. Термин *полдыр* встречается также у марийцев, так называют клеть, соединенную с сенями (на нее перенесено название двухэтажного амбара *пултӑра*)⁹⁶. Когда сени стали закрытыми, крыльцо примыкало к входу в сени.

Функции летнего жилища с древних времен выполняла и лачуга *лаç*. Архаичную конструкцию она сохраняла вплоть до середины XX в. Она могла быть срубной, столбовой, глиняной. При этом стены сооружали из мелких бревен, полубревен, луба, плетеного каркаса. Крыша обычно была самповой, стропильной либо односкатной на жердях. Пол, потолок, окна не делали. Посередине лачуги клали печь-каменку *вучах* из диких камней без связывающего материала, огораживая их с трех сторон крупными плитами — песчаниками. Над очагом на цепи или деревянном либо железном крюке вешали котел. В таком жилище устанавливали стол, деревянные обрубки вокруг него, лавки. Здесь готовили пищу, ели, варили пиво, занимались домашним производством (например, крашением тканей).

Способ устройства печи, расположение ее в центре, устройство нар из жердей, плетня с земляным заполнением — все это

являлось отголосками древних традиций. Лась у чувашей восходит к тюркскому наследию. Лачуга бытовала (и бытует до сих пор) у разных групп татар (*алачык*), башкир (*аласык*, *бурама*), сибирских татар и других тюркоязычных народов. В частности, у башкир прежде она служила жилищем на летовках, в конце XIX — начале XX в. ее стали строить в качестве летней кухни на усадьбе⁹⁷. Одним из древних видов лачуги является, видимо, лубяной балагон переносного типа у алтайцев и башкир. У тюрков лачугой назывались либо шатер (азерб.), либо конусообразный шалаш (хакас.), либо юрта из жердей, покрытая войлоком или корой (алт.), либо маленькая юрта, шалаш (кирг.) и т. д. Полагают, что летнее наземное жилище типа лачуги было распространено у многих тюркских племен в период, когда они вели полукочевой образ жизни⁹⁸.

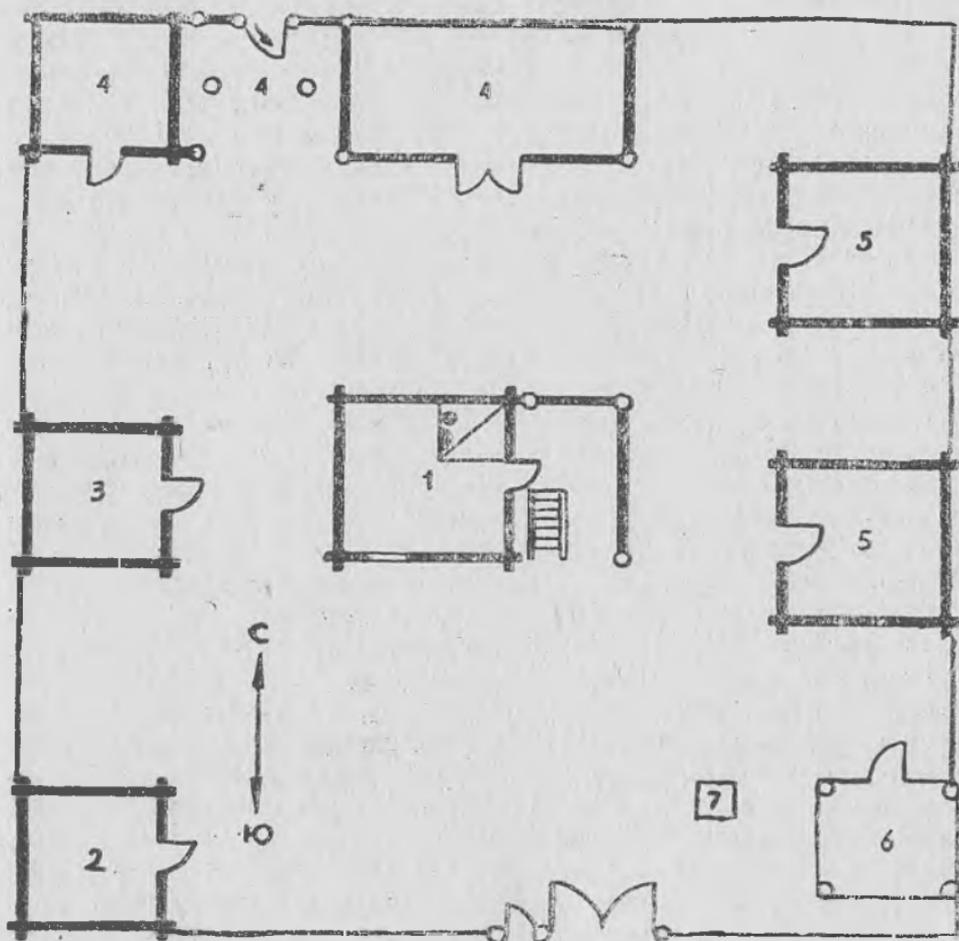
По своей конструкции чувашское летнее жилище обнаруживает большое сходство с таковым у марийцев — *кудо* и удмуртов — *куа* или *куала*. Вместе с тем по функциональному назначению и некоторым элементам они имели существенные различия. Так, у чувашей дверь могла быть обращена в любую сторону, в то время как у марийцев — только на юг⁹⁹. У последних и также удмуртов эта постройка являлась не только летним жилищем и кухней, но и религиозно-обрядовым центром семьи, хранилищем ритуальных предметов, считалась обиталищем семейного божества-покровителя¹⁰⁰, что не характерно для чувашей. Вероятно, нельзя отрицать того, что конструктивные особенности чувашской лачуги были восприняты от финно-угров. В то же время важно иметь в виду, что постройки типа лась, аласык, бурама, кудо, куала были распространены на значительной территории расселения угро-финнов и тюрков, включая сибирских татар.

В целом по многим особенностям, таким как материал, техника строительства, конструкция крыши и другим элементам чувашское жилище имело сходные черты с народами Урало-Поволжской ИЭО.

§ 3. Усадьба

Чувашская усадьба — двор *кил-сурт* — на большей части расселения чувашей относилась к типу круглого двора, называемому в этнографической литературе двор-крепость. Это был широкий открытый участок с жилой избой посередине, окруженный несомкнутыми надворными строениями. Описание планировки старинного двора находим, например, у В. И. Лебедева. По его сведениям, изба ставилась против ворот ближе в задней стороне двора. Единственное окно выходило на юг, в сторону двора. На восточной (или западной) стороне от жилища (куда была обращена дверь), на некотором расстоянии (20—

25 м) ставили «по обыкновению чувашскому две клетки»: одну — для хранения хлеба, другую — для одежды и имущества. Напротив избы, на противоположной стороне двора располагалась лачуга, далее, ближе к переднему углу усадьбы, — пивоварня (она могла быть и вне усадьбы). Заднюю часть двора занимали *карта* — помещения для скота с хлевами, конюшней, сараем. Вокруг двора сооружали разные навесы *лунасай*.

Широкий открытый двор с несомкнутыми постройками середины XIX в. (реконструкция): 1 — изба, 2 — пивоварня, 3 — лась, 4 — скотный двор, 5 — клеть, 6 — погреб, 7 — колодец.

Тип двора имел тесную связь с формой поселений. К примеру, круглый двор был характерен для беспорядочной и кучевой форм селений. Однако он не являлся единственным, хотя, возможно, был преобладающим. Наряду с описанным выше типом застройки усадеб для кучевой планировки, особенно южной части Чувашии, было присуще также расположение изб по периметру гнезд усадеб-дворов, т. е. дома выходили на линию

улицы. Но и в деревнях с рядовой планировкой (в основном юго-восточная часть Чувашии) бытующим оставался первый тип двора. С 1830-х годов тенденция постановки изб на передней грани усадеб усиливалась.

Двор с несомкнутыми строениями имели и другие народы Урало-Поволжской ИЭО (татары, башкиры, мордва, марийцы, удмурты). Вплоть до 1 половины XIX в., например, у мордвы была широко распространена традиция постановки жилого дома в глубине усадьбы в середине открытого или огороженного двора. При этом изба всегда ориентировалась дверью на восток, окнами — на юг. Наиболее распространенной являлась свободная открытая застройка, характеризующаяся отдельным расположением на открытом дворе жилых и хозяйственных построек¹⁰¹. Обязательной для плана татарской усадьбы являлась постановка дома внутри двора¹⁰².

До XIX в. двор огораживался, вероятно, в основном дубовым частоколом *тёкме* (др.-тюрк. *тикмэк* — от *тик* — воткнуть, поставить) из вкопанных вплотную друг к другу бревен или кольев. Об этом свидетельствует народная песня: *Ик кёлетсём пёр пүртсём, йёри-тавра тёмесём* (Две клетки одна изба, кругом частокол) и предания¹⁰³. Дубовым тыном окружалась усадьба болгарского населения, впоследствии татар (*шикмэ*), марийцев (*чыкма* — с чув.). Ограда *тёкме* в южных районах Чувашии сохранилась до последней четверти XX в. Дубовые тыны возводились в прошлом поселенцами у южной границы Московского государства (однако у русского населения они давно исчезли из памяти).¹⁰⁴

В середине XIX в. бытовали, видимо, и другие виды ограды. Зажиточные хозяева имели бревенчатые заборы *хүме* (тат., башк. *койма*), *сапур* (от рус. забор). Менее состоятельные крестьяне устраивали изгородь из горизонтального плетня *сатан* (общетюркское наследие, например, ойр. *чеден* — ограда вокруг юрты, мар. *четан*), вертикального плетня *шятәрнак* (перс. *джедар* — стена). В качестве забора для околицы *укалча карта*, гумна и огорода *анкарти карта* применялись жерди. В конце XIX — начале XX вв. прясло из жердей *вёрлэк карта* стало преобладающим типом ограды. В условиях существования дворов-крепостей на улицу выходили лишь глухие стены усадьбы с одностворчатыми крепкими на деревянном ходу воротами *хапха* (тат. *капка*, мар. *хапка*) из пластин плах, толстых досок, закреплявшихся деревянной рамой. В первое время ворота были глухими и полуглухими с верхней перекладной или без нее, не имели крыши (т. н. *чывашла хапха*). Устройству и украшению их у чувашей, как и у других народов, всегда уделялось много внимания. По качеству *хапха* судили о зажиточности и исправности хозяина¹⁰⁵. Большую роль играли они в свадебном обряде. Во второй половине XIX в. обычным типом, особенно в малолесных местностях, являлись уже *вёрлэк хапха*, *сил хап-*

ха — ворота из жердей с рамой или *карталак* — простой тип в виде свободно вставляющихся между двумя столбами трех жердей. Зажиточные крестьяне и некоторые середняки начали строить русские тесовые ворота с двускатной крышей *вырӑсла хапха* (в отдельных случаях они встречались и ранее).

Крестьянский двор занимал около трех четвертей всей усадебной площади, остальная часть приходилась на огород и гумно *авӑн карти, анкарти*. В зависимости от типа селений они располагались с одной стороны двора или, когда селение состояло из компактно сосредоточенных гнезд дворов с небольшими участками огородов, тянулись вокруг деревни.

Планировка старинного чувашского двора, по мнению А. П. Смирнова, является отражением старой традиции, прослеживаемой у болгар и установленной раскопками города Сувары¹⁰⁶. Вместе с тем она была близка двору-крепости южнорусских областей, который формировался, когда эти области составляли окраину Русского государства и постоянно подвергались опасности нападений¹⁰⁷. Впечатление маленькой крепости производил замкнутый двор в татарской деревне, где улицы превращались как бы в глухой коридор из монотонно тянувшихся высоких заборов¹⁰⁸. В консервативности этой традиции исследователи отмечают также влияние ислама¹⁰⁹.

Во второй половине XIX в. старинная планировка открытого двора изживала себя. «Дома чаще начинают ставить вдоль улицы, хозяйственные постройки группируются около них. Намечается деление усадьбы на две части — собственно двор и заднюю часть усадьбы, занятую преимущественно садом или огородом»¹¹⁰. В основе нового типа планировки был сохранен открытый широкий двор, который в северо-западных районах продолжает бытовать. Изменился и тип жилища: однокамерная изба вытесняется двух- (изба+сени) или трехкамерным жилищем (изба+сени+клеть). В то же время в новой планировке двора остались традиционные черты прежней (например, расположение лачуги или клетки напротив избы). Расположения между постройками уменьшились, иногда, как у русских крестьян, они находились под сплошным покрытием. В итоге сформировались два основных типа двора: Г-образный и П-образный.

§ 4. Хозяйственные постройки

К числу первостепенных хозяйственных построек в чувашской усадьбе относилась клеть *кӗлет*. При наличии двух клеток одна из них предназначалась для жилья (либо для этой цели использовался второй этаж двухэтажного амбара). В одном ее углу, натянув полог *шӑналак (чатӑр)*, отводили место для сна, здесь устраивали нары *сак*. В клетке стояли *сӑнсе* (ка-

душка) и *арча* (сундук) для хранения одежды, на многочисленных деревянных гвоздях и жердях развешивали одежду и другое имущество.

Клетки и амбары *ампар*, *хампар* строили из качественных бревен (чаще ели), сруб рубили мастера-плотники. В лесостепных районах бытовали также саманные, глинобитные клетки, негорючие клетки-кладовые, землянки-кладовые. Устройство самцовых крыш с кронштейнами, двухэтажных амбаров с галереями говорит о том значительном внимании, которое уделялось строительству этого вида постройки.

Двухэтажный амбар с деревянным замком на двери. Конец XIX — начало XX в. (Ибресинский этнографический музей).

Отсутствие у чувашей самобытного термина для клетки (как, впрочем, и у татар, башкир, марийцев) указывает на то, что когда-то у них не было и самой этой постройки, она является заимствованием от русских. Чуть позже чуваша переняли и двухэтажный амбар, прототипом которого можно считать северо-русское старинное двухъярусное сооружение. Амбар — персидское слово, занесенное русскими, как полагают исследователи, при посредстве татар¹¹⁰. Вероятно, чувашские крестьяне начали строить его в XVIII в.

Одно- двухкамерная или две отдельно стоящие клетки, двух-

этажные амбары бытовали почти у всех соседних народов. Можно привести такие аналогии: *шур кёлет* у чувашей, *ак келет* у казанских татар на севере Закавказья, *ош-кудо* у марийцев (белая клеть — летнее жилище); двухэтажные амбары в лесной зоне — *ампар* у чувашей и татар, *пултур* у марийцев, *женос* у удмуртов и др. Сходными были не только техника строительства, но и их функциональное назначение (например, помещение в клеть молодых в свадебном обряде у чувашей, татар, марийцев и др.).

У чувашей повсеместно имелась баня, однако у верховых она встречалась реже, в ряде местностей отсутствовала совсем. Обычно несколько родственных семей имели одну общую баню. Как и у других народов региона, бытовали разные их виды. Это бани-землянки, полуземлянки, наземные срубной, столбовой, глинобитной конструкций. В бане-землянке старинной планировки печь ставили в середине, вдоль противоположной от двери стены на всю ее длину устраивали полук *лапка* (от рус. *лавка*). С баней у чувашей (у некрещеных и в настоящее время), как и у татар, были связаны многие религиозные обычаи. Например, в день праздника они обязательно утром мылись. Печь-каменку, либо глинобитную печь размещали в одном из передних углов устьем к двери. Для выхода дыма прорубали волоковое окно.

По предположению некоторых исследователей, в чувашско-марийском культурном комплексе баня могла появиться под воздействием болгар, у которых издавна существовали общественные бани¹¹¹. Достоверность этой гипотезы сомнительна, так как основной массе населения Волжской Болгарии они не были доступны. Не в пользу такого мнения говорит и тот факт, что слово *мунча* (чув. и тат.), *мунса* (башк.), *монча* (верх. чув. и мар.) восходит к русскому слову *мыльча* (мыльница)¹¹².

Среди хозяйственных построек чувашей необходимо отметить и сооружение для хранения зерна — ямы-зернохранилища *пыра*. Они в основном имели округлую (овальную) или прямоугольную форму¹¹³. Раскопками Билярского городища открыты полуземлянки и наземные постройки для хранения зерна и имущества.

По конструкции к ямам-зернохранилищам близки ямы-погреба (ямы-кладовые). Термин для обозначения погреба тюркскими народами Поволжья заимствован из русского языка (чув. *нӱхреп*, тат. *нөгрен*, башк. *мӧгэрэн*). Стены погреба сооружали из камней или дубовых бревен столбовой техникой. Погребица *нӱхреп си*, *нӱхреп ласси* представляла собой срубное сооружение. Чаще ее возводили столбовой (из бревен, жердей) техникой или в виде шалаша *хӱшӗ* из жердей с соломенным покрытием. Встречались также погреба круглой формы, над которыми конусообразно ставили жерди.

Помещения для скота *карта*, *вьльӑх карти*, *карта-хура* в се-

редине XIX в. состояли из конюшни *лаша вити*, хлева *ёне вити*, навеса *лупас*, сарая. Их сооружали из разных подручных материалов—дерева (бревен, плетня, коры, досок), самана, глинобитной смеси, камня и крыли общей стропильной четырехскатной крышей на столбах (основным материалом покрытия была солома). Односкатную постройку с плетневыми стенами имели бедняки. Капитальную постройку срубной или столбовой конструкции представляли собой конюшня — хлев, хозяйственный сарай.

В народном зодчестве чувашей развитие архитектурных элементов имело в основном те же тенденции и направления, что и у других народов Урало-Поволжской ИЭО. Следует отметить, что до середины XIX в. они имели небольшое распространение, хотя резьбой по дереву этот народ занимался исстари (преимущественно украшали посуду и утварь, отчасти мебель)¹¹⁴. Некоторое применение находила выемчатая техника резьбы (ногтевидная или долотная, трехгранная, сверленная) и плоско-рельефная «глухая»¹¹⁵, которая служила в основном для украшения воротных столбов (существует мнение, что в середине XIX в. ворота являлись почти единственным выразителем декоративного оформления строений чувашей¹¹⁶), реже — наличников окон и кронштейнов клеток и амбаров.

В украшении воротных столбов проявлялись общие черты с тюркскими и финно-угорскими народами Урало-Поволжья. Так, розетки и полурозетки, а также линейные мотивы парных или одиночных жгутов (веровочный орнамент), т. е. плоско-рельефная «глухая» резьба, были характерны как для татар и чувашей, так и для удмуртов, мари и мордвы. То же самое можно сказать о ногтевидной, трехгранной, сверленной резьбе и украшении зубцами. Вместе с тем одноэтажные и двухэтажные дома с декоративными айванами, фронтовыми нишами, устройством летних чердачных комнат (девичьих) с фронтовыми окнами создавали специфический облик татарского села (указанные архитектурные элементы имели связь с узбекской и азербайджанской культурами) и придавали облику построек восточный колорит¹¹⁷. Говоря о связях с болгарской культурой, исследователи отмечают бытование у чувашей распространенного у болгар веровочного орнамента¹¹⁸. Как известно, он, как и розетки, вырезался либо непосредственно на самом столбе, либо на дубовой пластине, прикрепляемой к столбу. В литературе обращено внимание на характерную для архитектурного оформления жилища казанских татар и низовых чувашей (главным образом юго-восточных районов) полихромную раскраску наличников, ставень, карнизов, ворот, что также, как полагают, восходит к болгарской городской традиции.

Заметные изменения во внешнем облике жилища стали происходить в связи с постановкой избы фасадом на улицу во второй половине XIX в. Однако полная отделка, включая резь-

бу, была доступна лишь зажиточным крестьянам. В основном же жилища строились по принципу «сделать проще, крепче и дешевле». В украшениях домов чувашских крестьян в конце XIX — начале XX вв. своеобразно переплеталось новое, заимствованное со старинными традиционными элементами. Чувашские плотники, резчики воспринимали новые архитектурные детали у русских мастеров-резчиков, работавших на отхожих промыслах в чувашских деревнях. Чувашско-отходники работали в деревнях и городах вместе с русскими плотниками. Таким образом, строительные приемы чувашских крестьян формировались на тех же традициях деревянного зодчества, которые были характерны для средней полосы России.

Из элементов художественного оформления у чувашей северо-западных районов наиболее часто встречались слуховое отверстие *тáмана шáтáкё*, *мáччá шáтáкё* в форме круга, полукруга, ромба; слуховое окно *мáччá чýречи* с наличником; «сияние» круглой и полукруглой формы, символизирующее солнце; карниз *карнис*, *сунат*, наличники *чýрече хашакё*, *кантáк хашакё*; ставни *чýрече хуппи*; причелины (доски, прикрывающие передний торцовый скат крыши); полотенца (доски, прикрывающие стыки кровли у верхнего ребра и на концах скатов); изредка — обшивка углов и стен. Для украшения домов применялась резьба различного типа: скульптурная, долбленая, пропиленная и накладная. В частности, об украшении скульптурной резьбой писали информаторы Н. В. Никольского. На фронтонах и воротах изображали различных животных: бегущую лошадь, льва, петуха. Долбленая резьба (выемочная, несквозная), которая представляет собой чередование желобков и выступов, образующих рисунок на плоскости, была у чувашей наиболее старинной. Обычно она применялась для украшения столбов и переводов ворот. Например, грани больших дубовых столбов ворот сплошь покрывали орнаментом наподобие рукоятки ковши. В верхней части столба вырезалась розетка, книзу от нее часто тянулись одна или две полоски веревочного орнамента. Такие комбинации, уходящие своими корнями в старину, и ныне распространены в деревнях северо-западных районов. Долбленая трехгранно-выемочная резьба в виде зубчиков широко применялась для украшения наличников, ставней, карнизов, кадушек для одежды *сýнсе*, кронштейнов самцовых крыш.

В последней четверти XIX — начале XX вв. была заимствована от русских мастеров Нижегородской губернии барельефная резьба. Она имела сложные композиции с изображением переплетающихся ветвей и листьев, гроздьев винограда или шишек хмеля в комбинации с фигурами няяд и львов. Барельефной резьбой украшали «полотенца», карнизы, наличники. Однако из-за своей дороговизны она не получила широкого распространения.

В начале XX в. долбленая резьба во внешней декоративной отделке уступает место пропильным украшениям с детализированным рельефным рисунком либо плоской пропиловке. Последняя становится доминирующей. В первое время, нашивая на гладкую поверхность пропильную резьбу и усложняя ее резцом, повторяли некоторые черты барельефной резьбы. Но потом резьба усложнялась. Применяя растительный и геометрический орнамент в сочетании с мотивами старинных чувашских вышивок, чувашские мастера создавали весьма оригинальные украшения. Часто употреблялись накладные фигурки: квадраты, ромбы, круглые розетки наподобие розеток старинной чувашской резьбы. Плоской пропиловкой украшали наличники окон и слуховых окон, карнизы, причелины, обшитые углы избы.

В то время как богатые крестьяне и часть зажиточных середняков имели декоративно оформленные дома, немало жилищ было вообще без карниза либо его устраивали только на фасадной стороне. Следует отметить, что дома без карниза и с карнизом представляли собой разные этапы развития строительной техники. Сначала появился такой элемент, как горизонтальная доска, закрывающая переход от венцов сруба к обшивке фронтона, затем — фронтон обшивали тесом в «елочку», а чаще он был без художественного оформления в виде простой горизонтальной обшивки. Не всегда имелось на нем слуховое отверстие.

В целом изба большинства чувашских крестьян отличалась простотой, строгостью внешней отделки. Она имела обшитый тесом фронтон (причелину) со слуховым отверстием, полотенце, водосточный козырек *саппун*, *кушель*, карниз (чаще всего без украшений), наличники и ставни, украшенные несложной резьбой и полихромной окраской из двух, трех, четырех цветов (красный, синий, белый, зеленый). Полихромная раскраска была характерна также для ворот. Отделка стен домов с наружной стороны не производилась. Обшивали их тесом лишь богатые крестьяне. У старых изб иногда можно было видеть обмазанные глиной пазы.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

- ¹ См.: *Димитриев В. Д.* О значении этнонима «черемисы» в русских и западноевропейских источниках XVI — начала XVIII веков // Чувашия в эпоху феодализма (XVI — начало XX вв.). Чебоксары, 1986.
- ² *Смирнов А. П.* Железный век Чувашского Поволжья. МИА. М., 1961. № 95; Городище Хулаш и памятники средневекового Чувашского Поволжья. Чебоксары, 1972; и др.
- ³ В значительной мере они выявлены и проанализированы В. Д. Димитриевым. См.: Чувашия в эпоху феодализма (XVI — начало XIX вв.).
- ⁴ Нами просмотрено более 400 планов и карт, хранящихся в ЦГА ЧР.
- ⁵ См.: Археология и этнография Чувашской АССР. Библиографический указатель. Чебоксары, 1986; *Матвеев Г. Б.* Историография изучения маг-

- риальной культуры чувашского народа (Дореволюционный период) // Новые исследования по археологии и этнографии Чувашии. Чебоксары, 1983.
- ⁶ См.: *Матвеев Г. Б.* Историография изучения материальной культуры чувашского народа (Советский период) // Новые материалы по археологии и этнографии чувашского народа. Чебоксары, 1985.
- ⁷ *Витов М. В.* О классификации поселений // СЭ, 1953. № 3. С. 27—37; *Блохвист Е. Э.* Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов // Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956. XXXI; *Пименов В. В.* К истории сложения типов поселений в Карелии // СЭ, 1964. № 2. С. 3—18.
- ⁸ *Смирнов А. П.* Указ. соч. С. 141; *Каховский В. Ф., Смирнов А. П.* Памятники средневекового Чувашского Поволжья // Городище Хулаш... С. 116.
- ⁹ История Чувашской АССР. Изд. 2-е. Чебоксары, 1983. С. 44—45.
- ¹⁰ См.: *Димитриев В. Д.* О последних этапах этногенеза чувашей // Болгары и чуваша. Чебоксары. 1984. С. 39 и след.
- ¹¹ *Димитриев В. Д.* Чувашские исторические предания. Чебоксары. 1983. Т. 1.
- ¹² Курбский А. М. и царь Иоанн IV Васильевич Грозный. Избранные сочинения. СПб., 1902.
- ¹³ Список с писцевой и межевой книги города Свияжска и уезда письма и межеванья Никиты Васильевича Борисова и Дмитрия Андреевича Кикина (1566—1567 гг.). Казань, 1909; Писцовая книга Казанского уезда 1602—1603 годов. Казань, 1978.
- ¹⁴ Показательно, что для обозначения поселения у марийцев нет собственного термина, они пользуются словами, заимствованными из русского, чувашского, татарского языков. См.: *Сенеев Г. А.* Особенности типологии и планировки марийских поселений // Поселения и жилища марийского края. Йошкар-Ола, 1982. Вып. 6. С. 169.
- ¹⁵ Ясак — фиксированная денежная и натуральная подать за пользование земель.
- ¹⁶ *Перетяткович Г.* Поволжье в XVII и начале XVIII века (очерки из истории колонизации края). Одесса, 1982. С. 87—88.
- ¹⁷ Околодок — окружность, но более в значении окрестные жители селения; выселок — поселение из ближних выходовцев, отделившихся и занявших пустошь или заполье; починок — начало или закладка новой пашни в лесу, а с него заселенья // *Даль В.* Толковый словарь живого русского языка. СПб., М., 1912. Т. I. С. 765; Т. II. С. 717; Т. III. С. 968. Наиболее полное определение понятия «околодок» дано *А. И. Артемьевым*: «Околодок — так называются по-русски чувашские и иногда черемисские выселки, в которых большей частью живут члены одного рода. Околодками же называются и части села или деревни, отдаляющиеся одна от другой проулками и также имеющие родовое происхождение. В таком понимании «околодок» созвучен с чувашским словом «кас». В названиях русских и татарских селений слово околодок употребляется редко и уже всегда как собственное, а не нарицательное имя» // Список населенных мест по сведениям 1853 г. XIX. Казанская губерния. СПб., 1866. С. XXVIII.
- ¹⁸ *Лантев М.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Казанская губерния. СПб. 1861. С. 163.
- ¹⁹ *Димитриев В. Д.* К вопросу о сложных общинах в Чувашии // Чувашия в эпоху феодализма (XVI — начало XIX вв.). Чебоксары, 1986. С. 276.
- ²⁰ *Козлова К. И.* Очерки этнической истории марийского народа. М., 1978. С. 185 и след.
- ²¹ *Магницкий В. К.* К истории «присурских» чуваш, черемис, мордвы и фролищевой пустыни // Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Н. Новгород, 1903. Т. V. С. 36.
- ²² *Сенеев Г. А.* Указ. соч. С. 166—167.
- ²³ *Козлова К. И.* Указ. соч.
- ²⁴ *Вавилин В. Ф.* Формы сельских поселений мордвы в XVIII — середине

- XX века // Материальная и духовная культура мордвы в XVIII—XX вв. Труды. Саранск, 1978. Вып. 62. С. 65.
- ²⁵ Современные этнические процессы в СССР. М., 1977. С. 162.
- ²⁶ Бломквист Е. Э. Указ. соч. С. 36.
- ²⁷ Димитриев В. Д. К вопросу о сложных общинах в Чувашии. С. 286.
- ²⁸ См., например: Сбоев В. А. Исследования об иногородцах Казанской губернии. Казань, 1856. С. 18—19.
- ²⁹ Симонов А. Г. Кучевой план в застройке селений народов Среднего Поволжья // Древние и современные этнокультурные процессы в марийском крае. Йошкар-Ола, 1976. С. 136.
- ³⁰ Харузин Н. Н. Очерк развития жилищ у финнов. М., 1895. С. 35; Вавилин В. Ф. Указ. соч. С. 63; и др.
- ³¹ Егоров В. В. Самобытное расселение народностей Казанского края // Вестник Научного общества татароведения. Казань, 1928. № 8; Воробьев Н. И. Казанские татары. Казань, 1953. С. 142; Риттих А. А. Материалы для этнографии России. XIV. Казанская губерния. Казань, 1970. Ч. II. С. 62; Никольский Н. В. Краткий курс этнографии чуваш. Казань, 1928. Вып. 1; Калимуллин Б. Г. Башкирское народное зодчество. Уфа, 1978. С. 13.
- ³² Риттих А. Ф. Указ. соч. С. 62.
- ³³ Мордва. Историко-этнографические очерки. Саранск, 1981. С. 101.
- ³⁴ Сенева Г. А. Указ. соч. С. 180.
- ³⁵ Симонов А. Г. Указ. соч. С. 136.
- ³⁶ Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Чебоксары, 1934. Вып. 6. С. 131.
- ³⁷ Список населенных мест по сведениям 1859 года. С. XIV; Димитриев В. Д. Чувашские исторические предания. Чебоксары, 1986. Ч. 2. С. 13.
- ³⁸ Воробьев Н. И. К истории сельского жилища у народов Среднего Поволжья // Краткие сообщения Института этнографии. М., 1956. Вып. 25. С. 6.
- ³⁹ Там же. С. 4.
- ⁴⁰ Симонов А. Г. Указ. соч. С. 138.
- ⁴¹ Матвеев Г. Б. Сельские поселения чувашей во второй половине XIX — начале XX вв. (Материалы к историко-этнографическому атласу) // Этнография чувашского крестьянства. Чебоксары, 1987. С. 47.
- ⁴² Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М., 1967. С. 86.
- ⁴³ Сенева Г. А. Указ. соч. С. 170.
- ⁴⁴ Воробьев Н. И. К истории сельского жилища у народов Поволжья. С. 6.
- ⁴⁵ Интересные материалы по этому поводу приводятся исследователями диалектологии и топонимики.
- ⁴⁶ Нестеров В. А. Над картой Чувашии. Историко-топонимические заметки. Чебоксары, 1980. С. 78.
- ⁴⁷ Подробнее об этом см.: Димитриев В. Д. К вопросу о заселении юго-восточной и южной частей Чувашии // Чувашия в эпоху феодализма. С. 294—325.
- ⁴⁸ Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Экология и типы человеческого жилища // Типология основных элементов традиционной культуры. М., 1984. С. 55.
- ⁴⁹ Никольский Н. В. Краткий курс этнографии чуваш. Чебоксары, 1928 (1929). С. 30—52; Комиссаров Г. И. Чуваши Казанского Заволжья. ИОАИЭ. Казань, 1911. Т. 27. Вып. 5. С. 311—432.
- ⁵⁰ Воробьев Н. И. и др. Чуваши. Этнографическое исследование. Чебоксары. 1956. Ч. 1.
- ⁵¹ Бытовая культура чувашей (Материалы к историко-этнографическому атласу). Чебоксары, 1985. С. 30—66 и др.
- ⁵² См.: Егоров Н. И. Кил ки-и-л тесе ченет. Ялав. 1987. № 7; Фукс А. А. Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань, 1840. С. 6; Воробьев Н. И. и др. Чуваши. С. 211; Древнетюркский словарь. Л., 1969. С. 581.
- ⁵³ Шарифуллин Р. Ф. Дерево в строительном деле Волжской Булгарии.

- домонгольского периода //Из истории материальной культуры татарского народа. Казань, 1981. С. 29 и др.
- ⁵⁴ Хузин Ф. Ш. Рядовые жилища, хозяйственные постройки и ямы цитадели //Новое в археологии Поволжья. Казань, 1979. С. 63 и др.
- ⁵⁵ Смирнов А. П. Железный век Чувашского Поволжья. МИА. М., 1961. № 95. С. 146.
- ⁵⁶ Смирнов А. П., Каховский В. Ф. Булгарское селище близ деревни Большое Янгильдино в Чувашской АССР //Учен. зап. Чебоксары, 1964. Вып. 25. С. 242.
- ⁵⁷ Смирнов А. П. Волжские булгары. М., 1951, С. 84, 139 и др.
- ⁵⁸ Горюнова Е. И. Развитие жилища у мордвы //Исследование по материальной культуре мордовского народа. М., 1963. С. 127—146.
- ⁵⁹ Харузин Н. Н. Очерк истории развития жилища у финнов. М., 1899; Мухамедова Р. Г. Татары-мишари. М., 1972. С. 70.
- ⁶⁰ Горюнова Е. И. Указ. соч. С. 129.
- ⁶¹ См., например: Каховский В. Ф., Смирнов А. П. Памятники средневекового Чувашского Поволжья //Городище Хулаш и памятники средневекового Чувашского Поволжья. С. 123.
- ⁶² Хузин Ф. Ш. Указ. соч. С. 80—84.
- ⁶³ Там же. С. 33.
- ⁶⁴ Димитриев В. Д. Чувашские исторические предания. Чебоксары, 1986. Ч. 2. С. 14.
- ⁶⁵ Валеев Ф. Х. Народное декоративное искусство Татарстана. Казань. 1984. С. 107.
- ⁶⁶ Козлова К. И. Очерки этнической истории марийского народа. М., 1978. С. 247, 272—273; Белицер В. Н. Жилище и хозяйственные постройки мордвы-мокши на территории Мордовской АССР в конце XIX — первой половине XX в. //Исследования по материальной культуре мордовского народа. С. 162 и др.
- ⁶⁷ Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев, белорусов //ТИЭ. Новая серия. М., 1956. Т. XXXI. С. 71.
- ⁶⁸ Воробьев Н. И. Казанские татары. Казань. 1953. С. 166.
- ⁶⁹ Смирнов А. П. Волжские булгары. С. 35; Никольский Н. В. Указ. соч. С. 38.
- ⁷⁰ Крюкова Т. А. Материальная культура марийцев XIX века. Йошкар-Ола, 1956. С. 112—113.
- ⁷¹ Мордва. Историко-этнографические очерки. Саранск, 1981. С. 108.
- ⁷² Мухамедова Р. Г. Указ. соч. С. 71—72.
- ⁷³ Мухаметшин Ю. Г., Халиков Н. А. Поселения, усадьба, строительная техника жилища (конец XIX — начало XX вв.) //Пермские татары. Казань, 1983. С. 58.
- ⁷⁴ Скворцов М. И. Терминология ремесел в Словаре Н. И. Ашмарина //Н. И. Ашмарин — основоположник чувашского языкознания. Чебоксары, 1971. С. 136.
- ⁷⁵ Мухамедова Р. Г. Указ. соч. С. 81; Мухамедова Р. Г., Мухаметшин Ю. Г. Жилище чепецких татар в конце XIX — начале XX в. //Новое в этнографических исследованиях татарского народа. Казань, 1978. С. 53; Крюкова Т. А. Указ. соч. С. 113; Шкляев Г. К. К изучению крестьянского жилища и поселений удмуртов (конец XIX — начало XX вв.) //Этнокультурные процессы в Удмуртии. Ижевск, 1978. С. 43.
- ⁷⁶ Мухаметшин Ю. Г. Типы сельских жилищ (конец XIX — начало XX вв.) //Пермские татары. С. 89; Матвеев Г. Б. Жилища и постройки чувашей в конце XIX — начале XX вв. (Северо-западные районы Чувашии) //Бытовая культура чувашей. С. 41—42.
- ⁷⁷ Воробьев Н. И. Казанские татары. С. 188.
- ⁷⁸ Ахметьянов Р. Г. Сравнительное исследование татарского и чувашского языков. М., 1978. С. 176—177.
- ⁷⁹ См.: Мухаметшин Ю. Г. Типы сельских жилищ. С. 85—86; Руденко С. И. Башкиры. Л., 1925. Ч. II. С. 185; и др.

- ⁸⁰ *Томилов Н. А.* Этнография тюркоязычного населения Томского Приобья. Томск, 1980. С. 97.
- ⁸¹ *Воробьев Н. И.* Казанские татары. С. 188.
- ⁸² *Куфтин Б. А.* Татары. Касимовские и татары-мишары Ц.П.О. //Культура и быт населения Ц.П.О. М., 1929. С. 145—146.
- ⁸³ *Руденко С. И.* Указ. соч. С. 214.
- ⁸⁴ *Леонтьев Н. Д.* Этнографическая записка о Казанской губернии //ЖМГИ, 1844. № 4.
- ⁸⁵ Мордва. С. 105.
- ⁸⁶ *Козлова К. И.* Указ. соч. С. 325.
- ⁸⁷ *Лебедев В. И.* Симбирские чуваша //ЖМВД, 1850. Ч. 30. № 6.
- ⁸⁸ *Гаджиева С. Ш.* Материальная культура ногайцев в XIX — начале XX в. М., 1976. С. 56.
- ⁸⁹ *Мухаметшин Ю. Г.* Указ. соч. С. 83.
- ⁹⁰ Там же.
- ⁹¹ Там же.
- ⁹² *Архипов А. П.* Домашняя ногайская утварь //Географические известия. СПб. 1850. Вып. 1. С. 78.
- ⁹³ *Лебедев В. И.* Симбирские чуваша //ЖМВД, 1850. Ч. 30. № 6.
- ⁹⁴ *Воробьев Н. И.* К истории сельского жилища у народов Среднего Поволжья //КСИЭ. М., 1956. Вып. 26. С. 7.
- ⁹⁵ *Ахметьянов Р. Г.* Указ. соч. С. 175.
- ⁹⁶ *Козлова К. И.* Указ. соч. С. 297.
- ⁹⁷ *Руденко С. И.* Указ. соч. С. 178—179.
- ⁹⁸ *Мухамедова Р. Г.* Указ. соч. С. 68.
- ⁹⁹ *Крюкова Т. А.* Указ. соч. С. 114.
- ¹⁰⁰ *Сенеев Г. А.* О некоторых общих традициях в культуре поволжских финно-угров //Этнокультурные традиции марийского народа. Йошкар-Ола, 1986. С. 8—9.
- ¹⁰¹ Мордва. С. 112—113.
- ¹⁰² *Воробьев Н. И.* Казанские татары. С. 145.
- ¹⁰³ *Дилитриев В. Д.* Указ. соч. С. 14.
- ¹⁰⁴ *Бломквист Е. Э.* Указ. соч. С. 284.
- ¹⁰⁵ *Фукс А. А.* Указ. соч. С. 55.
- ¹⁰⁶ *Смирнов А. П.* Волжские болгары. С. 84.
- ¹⁰⁷ Русские. Историко-этнографический атлас. М., 1967. С. 145.
- ¹⁰⁸ *Валеев Ф. Х.* Указ. соч. С. 108.
- ¹⁰⁹ *Воробьев Н. И.* Казанские татары. С. 147.
- ¹¹⁰ *Воробьев Н. И.* К истории сельского жилища у народов Среднего Поволжья. С. 125.
- ¹¹¹ *Бломквист Е. Э.* Указ. соч. С. 340.
- ¹¹² *Егоров В. Г.* Этимологический словарь чувашского языка.
- ¹¹³ *Хузин Ф. Ш.* Указ. соч. С. 69; и др.
- ¹¹⁴ *Воробьев Н. И.* Резьба по дереву у чувашей //СЭ, 1956. № 4. С. 143—147.
- ¹¹⁵ *Валеев Ф. Х.* Указ. соч. С. 108—109.
- ¹¹⁶ *Павлов Г. Н.* Чаваш халăхĕн авалхи культури //Тăван Атăл, 1961. № 6. С. 92.
- ¹¹⁷ *Валеев Ф. Х.* Указ. соч. С. 106—110.
- ¹¹⁸ *Смирнов А. П.* Волжские болгары. С. 86.

ДОМАШНЯЯ УТВАРЬ

Предметы утвари, как и другие области народного бытия, связаны с традициями и обладают преемственностью развития. Их функционирование обусловлено материальными условиями производства, средой проживания, образом жизни населения. Они имеют хозяйственно-бытовое назначение, удовлетворяют эстетические потребности народа, вместе с тем с ними связаны ритуальные действия и представления.

В зависимости от материала и техники изготовления выделяется ряд типологических особенностей домашней утвари. У чувашей, как и у многих оседлых земледельцев, преобладали деревянные предметы, в том числе цельнодолбленные, долбленные сосуды со вставным дном, клепаные изделия, посуда из бересты, луба, коры, плетеная утварь из лозы, лыка, корней. Также имелись глиняная и металлическая посуда, кожаные изделия, мягкая утварь. Все это имущество использовалось для приготовления пищи, хранения и переноски вещей и продуктов питания. До XX в. домашняя утварь отличалась значительной консервативностью (по форме, декоративным деталям, назначению и т. п.).

Деревообработка (долбление, шитье из бересты, коры и луба, плетение из лыка, лозы, щепы и корней) у чувашей, как у многих народов, имеет древние традиции¹. Утварь, как уже сказано, в основном была деревянной, какой она являлась даже у ряда кочевых в прошлом народов (например, ногайцев), тогда как кожаная посуда преобладала в скотоводческом хозяйстве и была приспособлена к условиям безлесной местности, степей (так было у казахов). Однако и у кочевых казахов широко употреблялись деревянные долбленные ведерки со вставным дном для воды и молока, чашки, ковши и черпаки, блюда и корытца, сосуды для сбивания масла, ступки и т. д.

Цельнодолбленная утварь чувашей была подобна той, которая встречалась в Урало-Поволжской историко-этнографической области (ИЭО), на Северном Кавказе или Средней Азии. Прослеживается их сходство в форме и способе изготовления, назначении сосуда, а с тюркскими народами — и в названии. Долбленные сосуды были удобны для обработки и хранения зерна,

круп, муки и других продуктов. В основном цельнодолбленной была столовая посуда — чаши для еды, пива, меда, солонки, ковши. Такие изделия являлись универсальными, они служили и орудиями труда при толчении зерен (пшеница, полбы, ячменя, пшеницы, проса), картофеля, для получения крупы, семян конопля, дробления соли, а также обработки сырья (кудели, сука). Вообще же для этих целей использовали ступы (*киль*) и песта (*кисён*). Их форма и хозяйственное назначение у многих народов Восточной Европы, Сибири и Средней Азии в основном сходны. Вместе с тем, степень их применения у разных народов неодинакова. У чувашей эти предметы были не столь разнообразными, как, например, у соседних марийцев.

Ступы и песты чуваша изготавливали так же, как и другую деревянную утварь. Так, *киль* делали из толстого обрубка дерева (дуба, березы, осины), вырезая в нем конусообразное углубление. Снизу она имела расширяющуюся подставку. *Кисён* представлял собой толстую дубовую палку с утончением посередине. Нужная форма достигалась за счет техники выжигания (с помощью горячих углей), доводку и расчистку производили долотом. Часто ступы украшали, вырезая на них различные геометрические узоры.

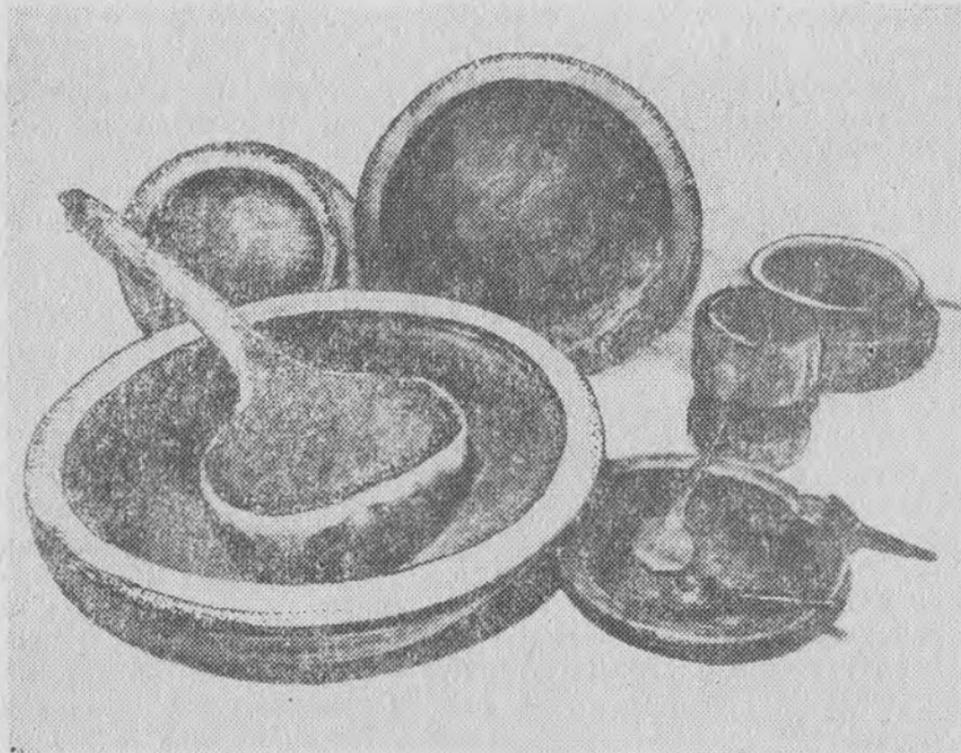
Терминология названия ступы и песта восходит к тюркской основе (тат. *киль*, перм.-тат. *киле*, казах., кирг. *кели*, ср. также тат. *кисеп*, *килесеп*, казах. *келсап*, к.-калп. *келисап*). Песты имеют и локальные названия: *катмак*, *кукак*.

Уменьшенная форма ступы, использовавшаяся в качестве солонки *тáвар килли*, у чувашей была такой же, как и у марийцев, татар, башкир. Для этого предмета характерна декоративная резьба в виде геометрического (чаще линейно-точечного) и растительного орнамента с вырезами вокруг основания и покраска. Нетрадиционные типы солонки, воспринятые от русских, мордвы, назывались иначе, например, *тáвар саланчи* (от русского солонка). Они имели вид точеной чашки на низкой подставке или небольшого ящичка с крышкой.

Столовая посуда была представлена несколькими видами. Формы и размеры посуды, вид дерева, выбираемый для нее, диктовались ее назначением. Большая деревянная чашка *тирэк*, *пысáк чашáк*, *чара* служила, как известно, для подачи первого или второго блюда (мяса) на всех членов семьи, за исключением малолетних детей, которые ели из отдельной посуды. На праздничный стол такие чаши ставили из расчета на 10—15 человек. Роль обрядовой посуды на трапезном столе она выполняла и у башкир, татар, марийцев и др. Чаши средних и малых размеров использовались для подачи мяса, яиц, хлеба и других мучных изделий, домашнего сыра *чыгыт* в будние дни, но чаще все-таки при обрядовых трапезах. В зависимости от назначения они были пологие (типа тарелки) или глубокие. По характеру использования и форме различались; *сáкáр тирки*

(*сакар савачё*) — чаша для хлеба, *яшка тирки* — миска для супа, *пёчэк тиркё*, *чаплашка* — мисочка для детей, *су савачё* — чашка для масла, *чара* — чаша для замешивания пресного теста (большие деревянные чаши *сара* для приготовления теста и хранения муки бытовали у сибирских татар Приобья)⁵. Разнообразие видов чашек характерно и для других народов.

Термины для их обозначения были разнообразными. Так, чувашское наименование большого блюда *тирёк* (мар. *терке* — заимствование из чув.) находит свои параллели в тюркском языке (напр. чаг. *турук* — посуда с кушаньями, стол с ку-

Деревянная долбленная посуда: чаша для супа с половником, мисочка с ложками, жбаны, блюдо для хлеба, солонка.

шаньями), как и другое его название (кирг., алт., айр., узб. *чара*, башк., тат. *сара*). Вместе с тем нет соответствия названию большой чаши татарской и башкирской кухни — *табак*. Существенные различия, наблюдаемые в наименованиях домашней утвари и инвентаря у чувашей и татар, Р. Г. Ахметьянов объясняет тем, что многие из них, хотя и восходят к общему корнеслову, пришли в татарский и чувашский языки разными путями³.

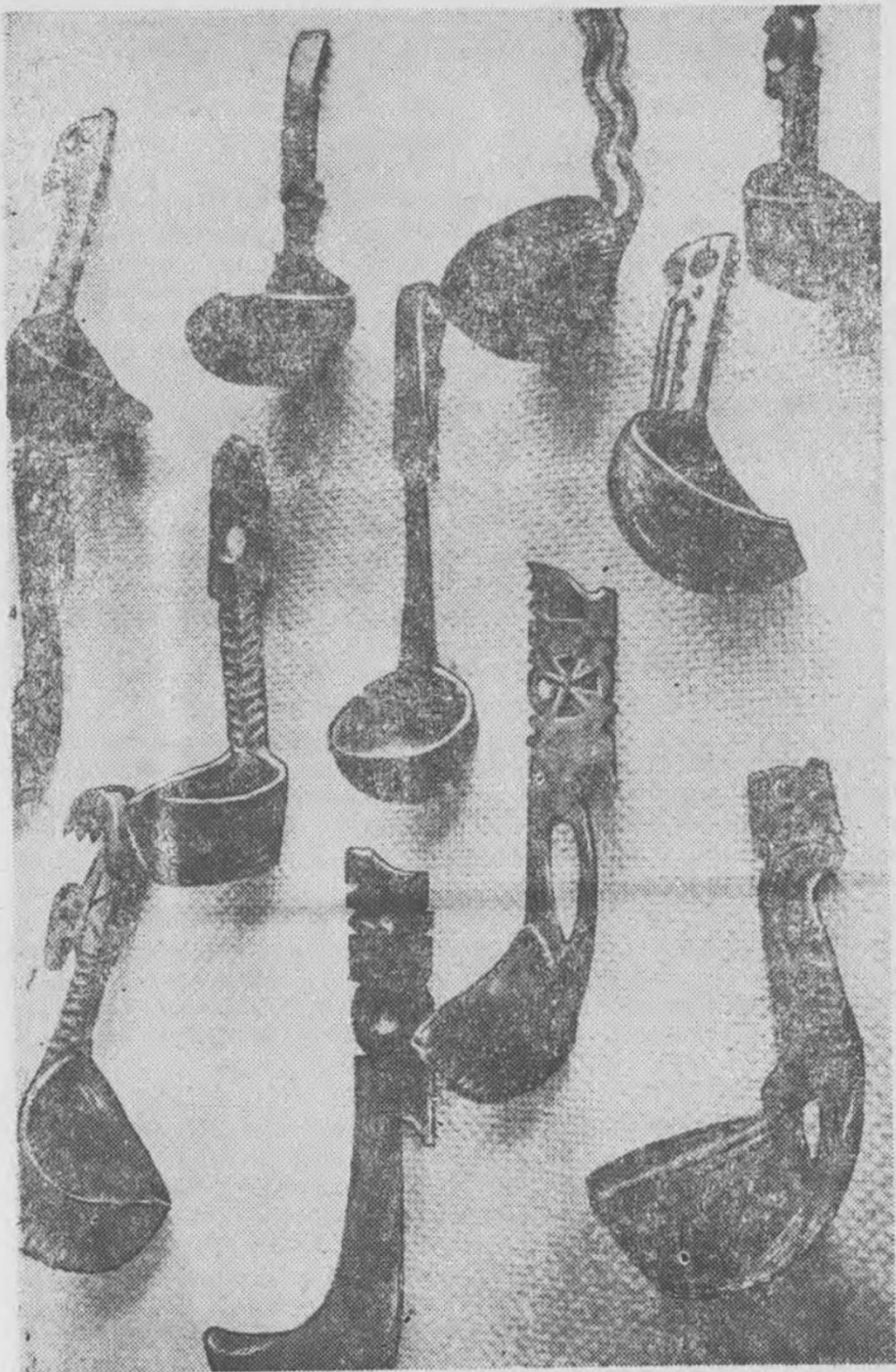
Древние формы деревянных чашей, в т. ч. ритуальных, продолжали бытовать до XIX в. (вероятно, символическая их

функция к этому времени была забыта). Так, деревянная плоская чаша — тарелка необычной формы (чашка в чаше), использовалась для подачи на стол яиц, сыра *чакът* (ритуальное кушанье). По своей форме она очень напоминает обрядовый сосуд *чилкалит* (букв. — сорок ключей). Последний имеет сходство с узбекской медной чашей *мис джом* (*пәхәр чәм*). Изготавливался он из желтой меди, венчик был отогнут, поддон невысокий, в центре укреплена небольшая чашечка. Чаша предназначалась для гаданий и магических действий, имевших, как и сам предмет, домусульманское происхождение. Гадания были связаны с праздником *наруза* (*нурас*). В древнеиранском новогоднем ритуале также использовалась церемониальная чаша из меди.

Разнообразными были чаши для жидких блюд и напитков (особенно пива). Их названия представляли в основном русские заимствования: *чашак* — чашка, *турилкке* — тарелка, *патыен* — бадья (для пива). Столовую посуду изготавливали способом долбления, выжигания, резьбы как из мягких (липы, ветлы, осины), так и твердых (дуба, березы) пород деревьев, обычно из цельного его куска, корневища.

К концу XIX в. на базарах и ярмарках, наряду с долбленными, можно было увидеть и токарные изделия, особенно чаши в форме тарелок *турилкке*. Специальная посуда имела для пива. В этом наборе были представлены предметы, имеющие не только чисто утилитарное, но и декоративное назначение. Следует отметить наличие ряда сходств в их составе, функционировании у народов Поволжья и Приуралья (у башкир большой набор сосудов имелся для изготовления и употребления кумыса). Долбленные большого размера деревянные ковши бытовали почти у всех этих народов (*алтәр* у чувашей, *алдыр* у мишарей-тептярей, башкир, *алтыр* у марийцев, *ковш* у русских). При этом *алтәр*, *алтәр курка* с короткой ручкой служил для зачерпывания пива, сусла, подачи пива на стол, с длинной ручкой (*улән курка*) — зерна и пива. Ручки ковшей для пива в большинстве случаев красиво орнаментировали (в виде головы, кольца с полумесяцем, животного и т. п.). Резные ковши в зависимости от изображения назывались в народе *ут-курка* (ковш-конь), *кавакал-курка* (ковш-утка).

Этнографические параллели резьбы на предметах утвари рассмотрены в книге С. В. Иванова⁶. Ковш, украшенный причудливой резьбой, как известно, в чувашской и в семьях других народов Урало-Поволжской ИЭО (в т. ч. и у русского населения) считался предметом престижа, гордости. Для угощения пивом пользовались ковшом разной величины и формы. Лучшие образцы *алтәр* изготавливались из корней деревьев. Они имели форму ладьи, были более вытянуты в ширину, чем в длину. Носовая часть, как у всех ладьевидных сосудов, поднята вверх и, переходя в узкую шейку, расчленялась, образуя завер-

Чувашские ковши. Санкт-Петербургский музей этнографии.

шение в две конские головы. В специальной литературе ковши большие ладьевидные с коньками известны под названием тверских ковшей⁷.

Малые ковши *курка* чувашей по форме, размеру, орнаментике близки к козьмодемьянским ковшам XVII — первой половины XIX в.⁸ Они имели широкое распространение среди народов Поволжья и Сибири. Типичная их форма — чашка большей частью ладьевидная, с округлым, чуть уплощенным дном. Высокая, наклонно поставленная рукоять имеет прорезную петлю, в основном заканчивающуюся крючком для подвешивания в виде птичьей головы. Вершина рукоятки могла представлять также резного конька, реже птичку. Для украшения ручки характерны и такие традиционные узоры, как мотивы жгута, розетки (соляные изображения) сквозные и плосковыемчатые, система выемок, разные скульптурные формы. Фигурные ковши являлись плодами конструктивной фантазии мастеров.

По мнению М. М. Постниковой, происхождение свое деревянный ковш получил на севере, где еще во втором тысячелетии до н. э. делали овальные ладьевидные сосуды — ковши с головами водяных птиц на ручках⁹. Интересно отметить, что у удмуртов мотивов животного мира в орнаментировке ковшей не наблюдалось.

Во второй половине XIX в. встречались (по данным корреспондентов Н. В. Никольского и музейных фондов) два основных типа таких ковшей: 1) с длинной ручкой — *сәра курки*, *кёреке курки* (для пива), *шыв курки* (для воды); 2) *савра курка* (чаша для пива)¹⁰. Как правило, орнаментировались ковши первого типа. В качестве материала для изготовления ковшей использовалась главным образом липа (реже береза). Аналогичные ковши бытовали и у марийцев, в том числе чаша с короткой ручкой (братина) *корага*, небольшие ковши *корка* с одной-двумя короткими ручками и ковши-черпаки. Обрядовые ковши обильно украшались резьбой¹¹. По мнению лингвиста В. Г. Егорова, термин *корка* марийцы взяли у чувашей. Этимологию этого слова он относит к узб. *кура*, уйг. *кўре*, означающих грести, сгребать. (От указанного термина образовано и слово *кёреҫе* — лопата)¹².

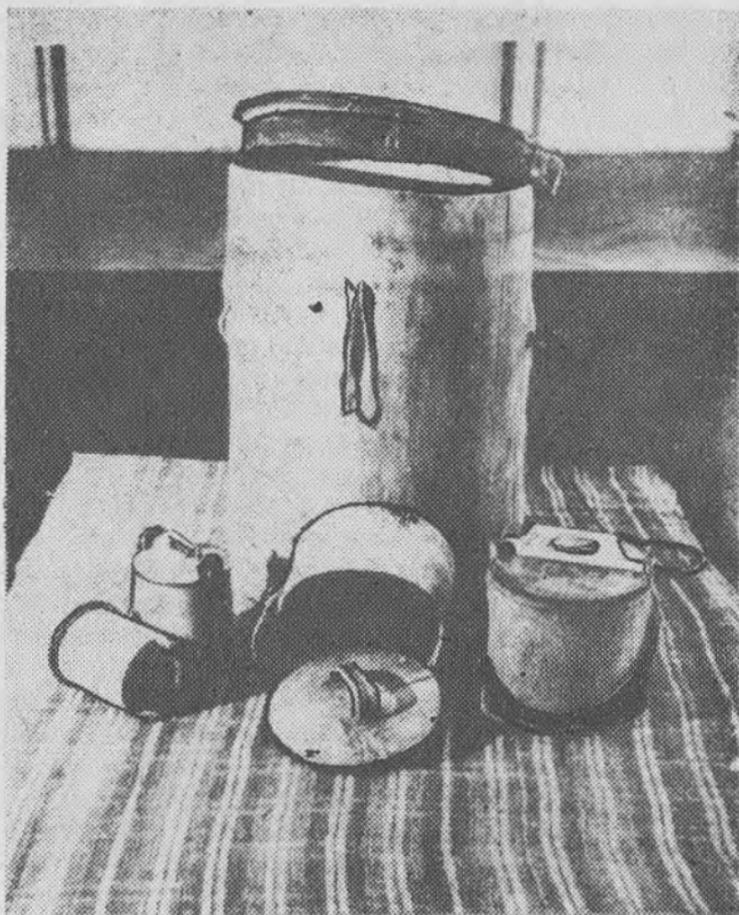
Для подачи пива пользовались и другими видами сосудов. Среди них следует отметить большие долбленные деревянные или медные сосуды емкостью 0,5 ведра — *чәм*, *шпан* (чары, жбаны), *янтал* (ендова), *пәратне*, *пәтьен* (бадьи). Разнообразие этих терминов объясняется локальными традициями, одни из них русского, другие — тюркского или персидского происхождения. В частности, представляют интерес термины *чәм* (распространен в северных районах) и *пәратне* (в центральных). Чув. *чәм* (жбан), узб. *джам* (таз), азерб. *чам* (миска, чашка), уйг. *чомуг* (ковш, половник), тат. *чумеч* (ковш), башк. *чумес* (ковш, черпалка) образованы от перс. *джам* (чаша, бо-

кал) ¹³. Большие деревянные ковши с двумя ручками назывались *весе* (они имели вместимость, равную одному ведру). Двуручные ковши и ковши с двумя отделами, выполненные с особым мастерством, использовались во время обрядовых трапез. Ендова — плоская чаша с носиком для слива жидкости — у чувашей известна как покупное изделие, в частности, из красной меди, на коротких ножках, с продолговатым рыльцем. Деревянная ендова в прошлом бытовала у русских.

Для черпания первых и вторых блюд и пива использовались половники (черпаки) *ăскăç* (*ăскăч*), *çăпала*. Их вырезали из клена, липы. Понятием *курка-çăпала* обозначают в чувашском языке, как известно, кухонную посуду. Термин *çăпала* имеет тюркские параллели: каз. *шабала* (шумовка), турк. *сабыла* (ковш. с длинной ручкой), алт. *шабала* (ложка для перемешивания пищи), сиб. татар. *шабала* (деревянные ложки). Интересно отметить, что в северных районах чувашей для обозначения ложки используют также слово *çăпала* (мар. *сова-ла* — чув. заимств.). Плоскую поварешку с дырками для снятия пены, доставания яиц, вареников называли также *çăпала*. Исконно тюркским является в чувашском языке термин *кашăк* (ложка), ср. тат. и башк. *кашык*. Деревянные ложки *кашăк*, как и другая столовая посуда, изготовлялись мастерами. В прошлом на изготовлении предметов утвари специализировался кто-либо из членов семейно-родственной группы. Чувашей использовали и деревянные вилочки *калек* (этим термином у чувашей Приуралья обозначаются металлические ложки), *шăр-пăк*. Ими ели салму и клецки.

В составе долбленной посуды следует отметить также корытообразную утварь, которая выдалбливалась из расколотого толстого ствола дерева: *çăнăх такани* (ночовка для муки), *авăн такани* (корыто для высеивания из крупы мусора), *ăсла такани* (корыто для процеживания пива). Термин, сходный с чувашским *такана*, имеется у казахов — *тегене* (большая деревянная чаша). Деревянный желоб *валак* и корыто *валашка* использовались для стирки белья. Корыта больших размеров употреблялись в качестве чанов *ăсла кункăра*, *шан*, для просеивания муки и катания теста применялись корытца с незакрытыми концами *çăнăх кункăри*. Указанными предметами в регионе пользовались повсеместно.

Долбленная посуда со вставным дном предназначалась главным образом для хранения продуктов, меньше — для их переноски. В количественном отношении она превосходила в средние века даже клепаные изделия. Как и цельнодолбленная бытовала исстари и была представлена в быту чувашских крестьян до середины XX в. Из лесных районов такие сосуды перешли к народам степной зоны. Несмотря на разнообразие их размеров, локальные особенности в формах и декоративном оформлении, технология производства была одинаковой.

Долбленные сосуды со вставным дном: сюссе для одежды, чирясы, чиялки.

Лучшим долбленным изделием со вставным дном считалось сюссе *сўңсе*, *шупашка* (выдолбленная из липы кадушка для хранения одежды). Сюссе, предназначенное для приданого невесты — *хёр сўңси*, имело высоту около 1 м, диаметр — 0,5—0,6 м и красиво орнаментировалось. Оно снабжалось крышкой из досок или дуба и закрывалось замком. Аналогичный тип утвари бытовал у казанских татар (*кыпчак*), башкир (*сапсак*), ногайцев (*шапшак*), татар-мишарей (*чепчек*), горных марийцев (*шавыш*) и других народов. Долбленные кадушки с крышкой у русского населения Симбирской губернии, Мордовии имеют сходства с кадушками чувашей, татар, хотя и называются сундуком¹⁴. В ряде селений верховых чувашей сохранилось другое название сюссе — *шопашка*, также имеющее тюркские корни.

К рассматриваемому типу долбленной утвари относится нах-

таница *уйран сўпси* (кадушка с мутовкой), распространенная на значительной территории страны. По мнению В. К. Магницкого, чувашский *уйран сўпси* получил распространение и среди русских. «Русские, как и чуваша, сбивают масло не в глиняных горшках мутовкой, как коренные русские, а в длинных узких выдолбленных из цельного дерева кадках, вставляемым в них поршнем, заимствовав способ сбивания масла у чуваш»¹.

Ряд изделий со вставным дном объединяются под названием *чиряс (чёрес)*. Основными их видами являлись *чёрес* (кадушка для хранения продуктов), *кăвас чёресё* (квашня), *пăт чёресё* (пудовка, как мера сыпучих тел в один пуд) и *патман* (емкость в 10 фунтов пуда для меда и 4 пуда для зерна), *сёт чёресё* (чиряс для молока), *пыл чёресё* (кадушка для меда), *тăпăрчă чёресё* (чиряс для творога), *кашăк чёресё* (сосуд для хранения ложек), *шăпаншка чёрес* (маленькие и большие долбленные кружки), *чилек* (долбленное ведро, маленький чиряс), *шăпан* (посуда для сметаны) и др. Некоторые сосуды этого типа предназначались для пива: кадушка с длинным и узким горлышком (реже с крышкой) называлась *шăпан* (жбан), большая кадушка — *йывăç чăм*. Деревянное ведро именовалось *ленкес* (ленгес), *чилек*. Среди указанных предметов бытовали сосуды с ушками с прорезью в них ручкой-веревкой, иногда они снабжались крышкой. Часто один и тот же сосуд использовали для разных целей — для приподнесения пива (по праздникам), в качестве поддошка, хранения молока и масла. Чирясы изготовляли долблением из цельных стволов липы (реже осины) разной величины, высотой от 20 см до 1 м и более. Аналогичные предметы утвари были известны и у других народов. Например, у башкир бытовали *силеки*, *силяки* (ср. чув. *чилек*) разных размеров, у казанских татар — *эбэт чилеге* (ведро, горшки), у сибирских татар — *чигляк*. Однако в названиях одних и тех же сосудов параллели в ряде случаев не обнаруживаются.

Утварь из клепок в древности имела, вероятно, незначительное распространение. Бондарное производство как одну из высших форм деревообработки связывают с периодом развития феодальных отношений в России. Русские названия ряда предметов этого типа утвари у чувашей свидетельствуют о возможном заимствовании их от русских. Бондарная посуда имела в средневековых Чебоксарах (XIV—XVI вв.). Она была представлена бочками, ведрами, кадками, маслобойками¹⁶. В крестьянских хозяйствах, где предметов утвари было немало, клепаные изделия были редкостью. Их имели чаще всего состоятельные крестьяне. Клепаные деревянные ведра *витре* с ушками, привязанными к ним веревками или сыромятными ремнями, использовались для хранения и ношения воды. Клепаные ведерки с крышкой и ручкой, как и долбленные ведра, назывались *чёрес*, изготовляли их из сосновых клепок. Специально для

пива и доения молока предназначались клепаные ведра с ручкой и носиком (*витре, шайка*). Для ношения воды и молочного напитка *турях уйранё* в поле служили кадушечки с крышкой, *лакәм, чилек* (подобные сосуды имелись у татар для ношения молочного напитка *катык-эбет чилеге*), а также *шайка* с одним ушком и носиком. Несколько отличаются от указанных предметов по назначению более вместительные сосуды, как-то: *катка, шетник*, (кадки, кадушки), *шыв касмакё, лаххан* (лохани), *пичке* (бочки).

Чувашские семьи широко пользовались в быту посудой из бересты — сшивными туесами, кузовами и коробами. Круглой формы туеса *пурак, каскач* снабжались деревянным дном и веревкой для ношения, реже — объемной крышкой с удобной ручкой на ней и имели размеры в диаметре от 7 до 20 см при высоте от 15 до 30 см.

Для изготовления берестяных сосудов использовался водно-термический способ обработки. Несколько вываренных кусков бересты прямоугольной формы сшивали лыком в два-три слоя, располагая места соединения на противоположных сторонах. Бураки предназначались для хранения молока, пахты, квашеного молока, для ношения квашеного молока и воды в поле и на сенокос, для сбора ягод. Посуда этого типа бытовала у татар — *бурак*, марийцев — *пестер*, башкир — *туз силек, туз тойак, коез, тырыз* и других соседних народов. Нередко их украшали орнаментом. Рисунки наносили до сшивания тиснением с помощью заготовки — штампа, сделанного из металла или дерева.

Берестяные туеса *шәхран* служили в качестве табакерки (присутствие среди табакерок кожаных изделий говорит о том, что названием *шәхран*, видимо, обозначались именно они; на берестяной предмет название перешло тогда, когда кожаные вещи стали вытесняться) либо охотничьего предмета для хранения пороха.

Кузова и кузовки, сшитые из коры, применяли для сбора грибов — *пысак пурак*, ягод — *сырла пуракё*, хранения зерна, муки и других продуктов, принадлежностей рукоделия (кроме этих, существовали и другие названия для обозначения изделий из коры: *кунтә, пурак, кирпет* — лукошко для ложек). Эти предметы изготовляли из коры липы и вязи (сшивали лыком). Форма коробов и кузовов была в большинстве случаев круглой, реже четырехугольной с квадратным дном. Например, такую форму имела *ырса* для муки и зерна. Сходный термин встречается у горномарийцев: *орза* — лубяной короб для хлеба.

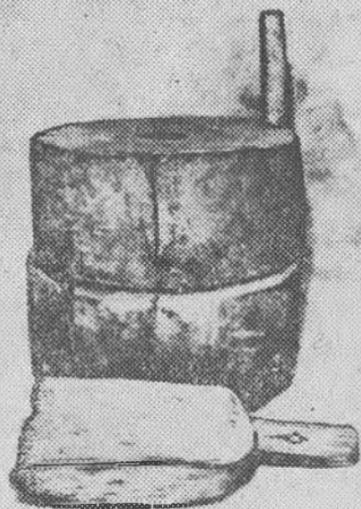
Кора использовалась для изготовления решета *сәнәх али*, сита *хёләх ала*, сундуков *хун арча*, обручей для чыгыта *чәкәт кәшәлө*. Туеса *пурак* снабжались деревянным дном, веревкой для ношения, иногда крышкой. Они имели размеры в диаметре

от 7 до 20 см при высоте от 15 до 30 см. В них хранили молоко, пахту, квашеное молоко, носили жидкие блюда и воду в поле, собирали ягоды и т. д.

Во многих чувашских семьях находили применение плетеные предметы из лыка, лозы, травы, соломы, бересты, предназначенные для хранения и переноски продуктов и вещей. Широкий набор плетенок из лыка существовал под названием *кушел* — *кушаль*, *кушил*, *кушилкке*. Термин заимствован из русского языка (*кошель*). Их форма как и терминология является общераспространенной. Кушели использовали для хранения хлебов, укладывания продуктов и мелкого скарба в дорогу (это была аккуратно сделанная из лыка сумка с крышкой — *кушел*, *пештёр*): *Пушът такмак (пештёр)* являлся свадебной сумкой распорядителя *туй пуç* (свадебного поезда). Она предназначалась для сбора обрядовых блюд — хлеба и чигита. Плетеные мелкие чашки применяли также для хлеба, плетеную из лыка или бересты в виде маленьких коробок посуду — в качестве солонок. Указанные предметы бытовали у башкир, татар, марийцев. Так, плетеные кошель (*пестер*, *биштер*, *кешул*) из лыковых полос башкиры и татары использовали в качестве дорожных сум для переноски в них за спиной вещей и продуктов¹⁷. Изготавливали из лыка также ведра для черпания пива, воды — *шӑпана*. Плетеные сосуды для воды (*шыв савӑчӗ*) и туюсок для пороха служили охотничьими предметами.

Из лозы (черемуховых или дубовых прутьев) чуваша плели корзины для ложек — *сӑпала пӑрни*, которые, вероятно, были заимствованы от марийцев и удмуртов (об этом свидетельствует, в частности, этимология этого слова). Большие и малые плетенки использовали для разных целей: плетеные из лозы с полосками бересты или лыка, а также пучков травы (жгутиков) чаши служили для хлеба, плетеные из лозы, соломы сосуды с крышкой или без нее — *кашӑк чӑрес* (корзина) — для хранения ложек, кошель из ивовой лозы — *лана* и различные корзины из черемуховых прутьев — *сатан* — для переноски продуктов.

В числе деревянной утвари следует упомянуть также такие предметы кухонного инвентаря, как деревянные лопаточки (нередко они были миниатюрными) для меда и яиц — *калак* (у башкир и татар — *калак* — чайная ложка, у сибирских татар — *калак* — деревянная лопатка), лопата для посадки хлеба, пирогов, хуплу в печь — *сӑкӑр кӑреси*, деревянные совки *ӑскаç*, липовые доски круглой и прямоугольной формы с ручкой для разделывания овощей и подачи к столу мучных изделий — *ывӑс* (их использовали также в качестве крышек к чирьясам, котлам, раскатывания теста и т. д.). В тюркских языках термин *ывӑс* известен под названием *илши*, *эдши*, *ыдыс*, *идис* в значении доски для катания теста и крышки для сосуда.

Ручная мельница и деревянный совок.

в недалеком прошлом. Наряду с чугунной посудой использовали медную: жбан *пăхър чăм*, рукомойник *кăмкан* (заимствование из тат.), ендова — сосуд для питья медовки и пива, своей формой напоминающий коня (*ут*)-иноходца (*сурхат*), медный черпак *кёреке курки*. В середине века медная посуда *пăхър савăт* имела более широкое распространение — это котлы, чашки, сковороды. Медным ободком или накладкой с геометрическим орнаментом украшалась рукоять ножа¹⁸. В составе кухонного инвентаря были и другие металлические предметы, в т. ч. такан (таган), кочерга, ухват, косари, ножи и т. п. Исконно чувашские корни имеют слова *турчăка* (кочерга, мар. *торчка* — заимствование из чув.), *сёсё* (нож), ряд других терминов восходят к русскому корню.

У тюркских народов Урало-Поволжской ИЭО гончарная посуда среди кухонного инвентаря не занимала в прошлом заметного положения. Например, С. И. Руденко отмечал, что керамика у башкир отсутствует¹⁹. То же можно сказать и о составе чувашской утвари. Глиняная посуда стала широко покупаться или изготавливаться в основном по мере исчезновения лесных массивов, когда оказался труднодоступным материал для выделывания деревянной утвари, а также в связи с усилившимся проникновением элементов материальной культуры русского населения, особенно во второй половине XIX в. В это время гончарное ремесло получает развитие и среди чувашей. У чувашского населения имели распространение горшки, корчаги (чув. *чӱлмек*, *куршук*; тат. *чӱлмек*, *мишар*, *цӱл-*

Для приготовления пищи, хотя и в ограниченном наборе, применялась посуда из металла. Одним из древних сосудов, без которых не могла обходиться семья, являлся чугунный котел *хуран*, в котором варили пищу. В зависимости от точности имелось несколько котлов, но в большинстве случаев было не более одного. Котел большого размера подвешивали над очагом лачуги. Слово «хуран» в чувашском языке — тюркское (*казан* — в кыпчак. языках, *хуран* — в гагауз.). К числу старинных типов утвари следует отнести сковороду *сатма*, *туна* (тат. *таба*), чугун появился лишь

мек), кувшины для молока *майла чӱлмек*, *какасӑм*, для масла *су чӱлмекӗ*, глиняные ковши для пива *какшӑм* (*какасӑм*, *чӑм*), посуда для медовухи *сурхат*, рукомойки *камкан*, плошка для кушанья *су плашки*, миски *там чашӑк*, жаровни. В больших горшках низовые чуваша хранили сырки *тавара*.

К числу старинных предметов утвари, уходящих своими корнями в земледельческо-кочевой быт древних чувашей, относились кожаные изделия. Широкие и низкие кожаные мешки *пётре* с кожаными же кольцами для завязывания использовались в качестве емкости для зерна (вместимость мешков 3—4 пуда). Подобные мешки-бурдюки обнаруживаются у кочевых в недалеком прошлом народов (ногайцев, карачаевцев). Бурдюки играли значительную роль в перевозке и хранении молочных продуктов (*айрана*). Впоследствии кожаные мешки для зерна у чувашей были вытеснены холщовыми. А в отличие от *пётре* свадебная и дорожная сумка *такмак* бытовала дольше и в качестве рудимента (как память о прошлом) сохранялась до середины XX в. (в единичных случаях встречаются и сейчас). Это подвешиваемая на шею пара кожаных сумок или перекинутая через плечо сумка *саьрантан тунӑ хутаҫ*.

Переметные сумы бытовали у народов Кавказа (аварцев, лезгинов и др.)²⁰. У чувашей их форма (две сумы через плечо), размеры (70—80 см в длину, 30 см — в ширину) и характер украшений (бахрома, узорная нашивка) аналогичны кавказским. Переметные свадебные сумы из кожи *артмак* бытовали у башкир. Кожаная дорожная сумка *тапнак* (от чув. *такмак*) встречалась у горных марийцев. Свадебную сумку для гостинцев называли также *уртмах* (*саьран уртмах*), *уртмах хутаҫси*, а ее хранителя — *уртмахҫӑ*. В числе кожаных предметов следует отметить кожаный кошель *саьран кушель* и кожаную сумку для табака и пороха *шаьхран*. В Урало-Поволжье кожаные сосуды больше встречались у башкир, у которых они предназначались в основном для кумыса.

При ношении продуктов в поле, в гости, на кладбище, а также для подачи трапезы на нарах или на земле использовали *яшка тутри* — особую скатерть-платок, украшенную техникой узорного тканья (она входила в состав приданого невесты). Этот предмет идентичен татарской и башкирской скатерти *ош яулык*.

Варианты утвари исследователи соотносят с хозяйственно-культурными типами. Использование естественных форм дерева и шитье из коры связывается с традиционными формами хозяйства таежной и лесной зон; плетение из коры, корня, щепы, долбление и гнутье — с развитыми обществами земледельцев лесной и лесостепной зон; изготовление кожаных сосудов — со скотоводством; бондарная и токарная техника деревообработки — с пашенным земледелием (эпохой феодализма).

Значительная часть утвари чувашей связана с тюркским

миром, причем, как по названию, так и по составу (в т. ч. кожаная, металлическая, деревянная, часть глиняной утвари). Посуда из бересты (туеса, бураки), коры, лозы, лыка, а также долбленая представлена отчасти угро-финскими терминами, например, *кунтӓ* — лукошко, короб из луба, *ленкес* — долбленое ведро, *пёрне* — кузов, плетенка, корзина, *шупашка* — долбленая кадка и др. Заметно в составе утвари и терминологии наличие элементов русского происхождения. Что касается локальных традиций, то они связаны с материалом (природно-географическими условиями) и технологией изготовления, формами украшений, употреблявшимися терминами, а также степенью бытования тех или иных типов утвари в зависимости от этнокультурных контактов, степени внедрения новшеств, сохранения древних традиций.

Нельзя не согласиться с мнением С. Н. Шитовой, что древние этнические традиции определяются в утвари далеко не всегда. Легче о них говорить, когда мы сталкиваемся с оригинальной формой изделия или особенностями декоративного характера²¹. Они прослеживаются в ряде предметов утвари, связанных с обрядовыми действиями (такмак, чаша для подачи ритуальных блюд и напитков). Однако привычные формы утвари из-за недостатка сырья, расширения торговых и культурных контактов и по ряду других причин изменялись, этническая специфика сглаживалась. В целом этнодифференцирующие черты в домашней утвари проявляются слабее, чем, например, в costume или традиционной пище.

Таким образом, чувашская утварь при наличии значительного сходства с таковой у других народов отличалась от них, выражаясь словами одного из исследователей, своим набором стереотипов, своей динамикой развития, собственными формами стабильности и вариантности, оригинальной избирательностью при заимствованиях, специфическими бытовыми и ритуальными функциями²².

ЛИТЕРАТУРА

- ¹ См.: *Никольский Н. В.* Краткий курс этнографии чуваш. Чебоксары, 1928 (1929). С. 130—143; *Крюкова Т. А.* Материальная культура марийцев XIX века. Йошкар-Ола, 1956; *Динес Е. И.* Традиционная пища и домашняя утварь мордвы // Исследования по материальной культуре мордовского народа. М., 1963. С. 104—126; *Руденко С. И.* Башкиры. Ч. II. Л., 1925. С. 86—111; *Шитова С. Н.* Башкирская деревянная утварь (опыт классификации и типологической характеристики) // Хозяйство и культура башкир в XIX—начале XX в. М., 1979. С. 170—202; *Воробьев Н. И.* Казанские татары (Этнографическое исследование материальной культуры дооктябрьского периода). Казань, 1953. С. 315—346; *Мухамедова Р. Г.* Татары-мишары. Историко-этнографическое исследование. М., 1972. С. 126—140; и др.
- ² *Потапов Л. П.* Особенности материальной культуры казахов, обусловленные кочевым образом жизни // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 12. М.-Л., 1949. С. 59—60.

- ⁸ *Ахметьянов Р. Г.* Сравнительное исследование татарского и чувашского языков. М., 1978. С. 177.
- ⁴ *Сазонова М. В.* Ритуальная чаша чилкалит //Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. Сборник музея антропологии и этнографии. Т. 34. Л., 1978. С. 68—70.
- ⁵ *Томилов Н. А.* Этнография тюркоязычного населения Томского Приобья (Хозяйство и материальная культура). Томск, 1980. С. 189.
- ⁶ *Иванов С. В.* Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX—начала XX в.). Народы Севера и Дальнего Востока. М.-Л. 1963. С. 8—110.
- ⁷ *Просвиркина С. К.* Русская деревянная посуда. М., 1957. С. 34.
- ⁸ Там же. С. 32.
- ⁹ *Постникова-Лосева М. М.* Русские серебряные и золотые ковши. М., 1953. С. 6; Русское население Среднего Поволжья: Историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX—нач. XX в.) Казань. 1965. С. 383.
- ¹⁰ *Никольский Н. В.* Указ. соч. С. 134.
- ¹¹ *Крюкова Т. А.* Указ. соч.
- ¹² *Егоров В. Г.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары. 1964. С. 119.
- ¹³ Там же. С. 319.
- ¹⁴ *Бусыгин Е. П.* Русское население Среднего Поволжья: Историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX—нач. XX вв.). Казань. 1966. С. 383.
- ¹⁵ *Магницкий В. К.* Замечания на этнографический очерк быта чуваш Ив. Меньшова, помещенный в 3 выпуске «Записок» Отдела //Записки Оренбургского отдела имп. Русского географического общества. Оренбург. 1881. Вып. IV. С. 192.
- ¹⁶ *Краснов Ю. А., Каховский В. Ф.* Средневековые Чебоксары. М., 1978. С. 104—110.
- ¹⁷ *Шитова С. Н.* Материальная культура башкир бассейна Юрюзани и Среднего Ая //Археология и этнография Башкирии. Уфа. 1973. Т. 5. С. 119; Она же. Башкирская деревянная утварь... С. 194—196.
- ¹⁸ *Краснов Ю. А., Каховский В. Ф.* Средневековые Чебоксары. М., 1978. С. 137.
- ¹⁹ *Руденко С. И.* Указ. соч. С. 110.
- ²⁰ *Агаширинова С. С.* Материальная культура лезгин. XIX—начало XX в. М., 1978. С. 70; *Равдоникас Т. Д., Смирнова Л. И.* Каталог коллекций по народам Кавказа //Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. Л., 1978. С. 202.
- ²¹ *Шитова С. Н.* Башкирская деревянная утварь... С. 202.
- ²² *Фишман О. М.* Функции типологической классификации деревянной утвари как методики научного исследования (на материалах северо-запада Европейской части СССР) //Проблемы развития культуры народов и изучение культуры по музейным коллекциям. Омск, 1987. С. 160.

КУЛЬТУРА ПИТАНИЯ

Поселившиеся в середине I тыс. н. э. на Северном Кавказе и в Приазовье болгарские и суварские предки чувашей уже имели навыки оседлой жизни и, наряду с разведением скота, занимались хлебопашеством и садоводством¹. В Среднем Поволжье земледелие у них приобрело характер основного занятия, а в VIII—IX вв. окончательно утвердилось плужное земледелие. Что касается скотоводства, то в хозяйственной жизни болгар и суваров оно продолжало играть большую роль.

Следовательно, традиционное питание чувашей, как, собственно, весь их этнокультурный облик, формировалось в течение веков в результате активного взаимодействия и взаимовлияния трех различных хозяйственно-культурных типов (ХКТ): кочевническо-скотоводческого, оседло-земледельческого и ХКТ лесных собирателей и охотников, что предопределило его этническую специфичность.

Безусловно, традиционная пища чувашей есть один из вариантов поволжской модели питания и не отличается большим разнообразием. Состояла она главным образом из продуктов растительного происхождения. Животная провизия занимала здесь незначительное место. Мясо употреблялось в основном сезонно.

§ 1.

Основные «хлебные растения, которые идут в пищу,— это: рожь, ячмень, полба, овес, просо, гречиха»². Согласно арабским источникам и археологическим данным, именно эти культуры возделывались в Волжской Болгарии. В традиционной кухне народов Волго-Уралья практически в одинаковой мере зерновые хлеба шли на изготовление муки и различных круп, важное место занимали также бобовые культуры — горох, чечевица.

Как и у других народов региона, у чувашей на муку размалывалась главным образом рожь. Пшеничная мука появилась лишь в XIX в. По сравнению с татарами, пшеница у чувашей, как и у их финно-угорских соседей и башкир, была относительно редким и дорогим злаком, зато широко были распро-

странены овес, ячмень, полба. Овес шел на изготовление муки, особенно — крупы и толокна. Ячмень использовался прежде всего для приготовления пива — *сйра*, мололи его и на муку. Из полбы делали крупу, а также толокно и муку для различных ритуальных печений. Из гороха и чечевицы варили супы, из их муки готовили кисели и различные печенья. Применение крупяных культур — гречихи и проса — общеизвестно, кроме того, из гречневой и просяной муки пекли блины и лепешки. Можно сказать, что набор хлебных культур, перерабатываемых в муку и крупы, в чувашской традиционной кухне был достаточно разнообразным и в целом он незначительно отличался от такового у других народов региона. Вместе с тем здесь обнаруживаются такие специфические черты, которые, во-первых, указывают на более древний, чем у соседних финно-угорских народов, характер земледелия у чувашей, во-вторых, выявляют этнокультурные параллели с азиатскими (среднеазиатскими) этносами. Показательно в этом отношении место такой культуры, как *вир* — просо.

Просо (древнетюрк. *ир*, чув. *вир*) — культура древнейшая и имеет азиатское происхождение³. Это один из самых распространенных и традиционных злаков у кочевых скотоводческих народов. В частности, у некоторых тюркоязычных этносов (хакасов, уйгуров, алтайцев, узбеков и др.) термин «уре» (угре) в обобщенном виде означал «суп», «похлебку» (просяную)⁴. В путевых записках Ибн-Фадлана⁵ растение названо в числе первых и основных у волжских болгар. От болгар и их этнических наследников просяные кушанья были заимствованы и некоторыми группами финно-угров⁶.

Традиции болгар по приготовлению кушаний из проса устойчиво закрепились у чувашей. Просяная (пшенная) каша — *вир пйгги* и особенно мясной бульон — *какай шйрни*, приправляемый обязательно просом (пшеном), имеют весьма распространенный характер и восходят к древним ритуальным блюдам скотоводов Азии⁷. Широко использовалось просо у народов Поволжья и Приуралья для выпечки. Например, тесто для наиболее древнего вида пирога *хуплу*, *пелеш* чуваша готовили из просяной муки⁸, у татар и башкир было принято из нее делать оладьи⁹. Но, пожалуй, только у чувашей сохранился ритуальный характер просяных выпечек, восходящих к древним традициям скотоводов Азии. К примеру, блины из просяной муки считались у чувашей наиболее исконными и были «самыми необходимыми принадлежностями поминок и домашних религиозных обрядов», а исключительно ритуальную лепешку *юсман* потребляли не иначе, как с просяной кашей¹⁰.

Самое важное место среди печений из муки у чувашей занимал ржаной, так называемый черный хлеб. Болгарские предки чувашей, по-видимому, не знали дрожжевого кислого хлеба, а пекли хлеб пресный¹¹. Кислое тесто у чувашей является при-

обретением относительно поздним. Об этом свидетельствует русское название мучного киселя — *кёсел*. Пережитком древнего пресного хлеба являются, вероятно, толстые лепешки *пашалу* из полбенной, чечевичной, ячменной, овсяной или гороховой муки. Их было принято есть в свежем виде — сразу же после выпечки, запивая уйраном или молоком. По мнению Н. В. Никольского, традиция изготовления пресного пашалу восходит к пище скотоводов Азии (ср. с алт. *пыштак*)¹².

Устойчивую связь с кухней народов Евразии обнаруживают у чувашей *ййва* — печеные без начинки шарики диаметром в 2—3 см, изготовленные из разных сортов муки, кроме ржаной¹³. В прошлом их пекли на поду вольной печи, позднее — на сковороде.

Исследователи рассматривают *ййва* как одно из разновидностей весьма характерного для монгольских и тюркоязычных народов печения *борцог*, *баурсак* и т. д., хотя у последних они готовятся в котле¹⁴. Как у чувашей, кушанье является праздничным и ритуальным у монголов, тувинцев, калмыков, алтайцев, киргизов, узбеков, казахов, каракалпаков, ногайцев, западносибирских и казанских татар. В принципе *ййва* аналогично *юача* татар, *йуоса* башкир, *чигилдык* татар-мишарей. У юго-восточных башкир и татар-мишарей это угощение имело обрядовое значение, которое сохранилось и у чувашей вплоть до недавнего времени¹⁵. Бытование его у чувашей весьма выразительно восходит к традициям былого скотоводческого хозяйства их предков и связано с культом плодородия скота. Еще в начале XX в. у них принято было печь *ййва* в дни языческого скотоводческого праздника *сурхури* (праздника «овечьей ноги») и есть с молитвой, направленной именно на повышение плодородия скота¹⁶.

Блюдо, похожее на чувашскую *ййва*, есть у марийцев. Очевидно, оно заимствовано ими от татар, на что указывает и название, и способ приготовления, хотя имеются и другие мнения¹⁷.

С ритуальным значением готовились у чувашей также *юсман* — небольшие из пресного полбенного сдобного теста на кислом молоке и яйцах лепешки, испеченные на сковороде. В тесто добавляли часто также кровь домашних птиц. Юсманы употреблялись для жертвоприношений *киреметям* — злым духам. Ели их во время летних молений, больших праздников, во время последнего совместного обеда семьи перед разделом¹⁸.

Можно утверждать, что у других народов региона Среднего Поволжья подобные юсману печенья практически отсутствуют, т. е. с исключительно ритуальным назначением. Поскольку традиция их изготовления и употребления имеет явно земледельческое происхождение и связана с культом киреметя, то, по-видимому, сформировалась она у предков чувашей на Средней Волге. Пресный хлеб был характерен в прошлом в

питании татар и особенно башкир (*юача, баурсак* и т. п.)¹⁹.

Судя по языковым данным, кислый хлеб у предков чувашей, татар и башкир был известен давно, но имел все же ограниченное употребление²⁰. В частности, на древность бытования кислого теста у этих народов указывает название чувашской лепешки из него *икерчӗ* (ср. монг. *агарчы*, ал. и хак. *аарчы* — кислое тесто, тат. *керчеме* — лепешка из кислого теста).

По праздникам, а также на похоронах и поминках чувашей ели *юхма (юхмалла) икерчӗ* — блины из кислого жидкого теста. Вместе с тем «ни в одном литературном источнике не отмечается»²¹, чтобы у кочевников-скотоводов блины играли особую роль в обрядах. Как считают специалисты, они — одно из древних кушаний народов Восточной Европы — русских, марийцев, мордвы, удмуртов, карел и др. Под их влиянием оладьи и блины вошли в пищу тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья и стали одним из важных обрядовых кушаний. У финно-угров, в частности, марийцев, издавна распространены 2—3 слойные блины, которые в чувашской кухне отсутствуют²². Широкому проникновению блинов к чувашам особенно способствовали христианские обряды и праздники.

К пережиткам быта кочевников Евразии относится у чувашей традиция использования пахтанья *су цӳранӗ* для приготовления кислого теста²³. Замешивание хлебного теста на *айране* характерно для татар, башкир, ногайцев, для народов Средней Азии и Южной Сибири²⁴.

Из кислого хлебного теста чувашей готовили на скорую руку лепешки *сӳхӳ* и *кавас икерчи*. Пекли их на сковороде в горячей печи. Из чувашской кухни этот вид лепешек попал и в пищу марийцев (*оварчык, оварыц*)²⁵.

Из кислого полбленного теста выпекали лепешки *капӳртма* и колобашки *хӳпарту* в виде небольших каравайчиков, характерные прежде всего для кухни тюркоязычных народов региона (тат. и башк. *кабартма*)²⁶, но и для финно-угров (мар. *мелка*, морд. *копша*, удм. *табани*)²⁷.

Распространенным праздничным кушаньем у всех групп чувашей был *пӳремеч* — разновидность ватрушки с различной начинкой. На обычные лепешки диаметром 10—20 см из кислого или пресного теста клали слой творожной или картофельной начинки. В начинку добавляли масло, молоко или сметану, в картофельную — мелко нарезанный чеснок или репчатый лук, в творожную — толченые семена конопли или мака. Пекли их в вольной печи прямо на углях, позднее — на сковороде.

Термин «перемеч» — тюркский и состоит из двух слов: *бейрем* (праздник) и *аш* (пища), которые в сочетании означают *бейремаши* (буквально: праздничная пища)²⁸. По мнению исследователей, способы приготовления перемечей у казанских и сибирских татар, татар-мишарей, башкир и чувашей одинаковы²⁹. Готовились они в основном с творожной начинкой с

конопляными семенами, мучной болтушкой. Такой способ выпекания встречается и у марийцев. У финно-угорских народов перемечи имеют очень широкое распространение³⁰. Причем у них, также у русских, наблюдается сравнительно большее разнообразие в начинках. Например, удмуртские ватрушки *перепечи* бывают с грибной, мясной, яичной, ливерной, овощной начинками³¹. Следует заметить, что башкирские и татарские перемечи, в отличие от чувашских и финно-угорских, имеют более выраженные элементы пищи скотоводов, проявляющиеся в распространении у них также перемечей с начинкой из мелко нарубленного мяса. Традиция изготовления у чувашей перемечей отражает, по-видимому, дуализм их этнической культуры.

К праздничному столу чуваша готовили *хуплу (пелеш)* — круглый большой пирог из пресного сдобного теста (из полбенной муки со сложной начинкой). Первый слой начинки состоял из полусваренной каши или мелко крошеного картофеля, второй — из мелко рубленого мяса, третий — тонкого слоя жирного мяса или сала, нарезанного небольшими кусочками. Хуплу пекли в вольной печи на сковороде. Его приготовление восходит к скотоводческим традициям западных тюрков — предков чувашей, казанских татар, башкир, мишарей. Н. И. Воробьев отмечал, что «как татарский белеш, так и чувашский хуплу, являлся как бы оформившимся в оседлом быту кушаньем бишбармак из мелко нарезанного поджаренного мяса, нередко с какой-либо крупой, известным у кочевых тюрков — башкир, казахов и других»³². Как у казанских татар и башкир, хуплу выпекался также с мясом домашней птицы³³. У низовых чувашей распространен обычай начинять этот вид пирога изюмом, как и у татар и башкир³⁴.

Полагают, что кушанье это родилось в местной поволжской тюркоязычной среде³⁵, в то же время в его изготовлении обнаруживается и среднеазиатское влияние, проявляющееся в использовании пресного раскатанного теста в сочни и употреблении для начинки пшена или риса, т. е. круп³⁶. Тесто для хуплу чуваша готовят и из специфичного для азиатской кухни проса или риса³⁷.

Среди финно-угорских соседей чувашей пироги типа хуплу-белеш не нашли широкого распространения. «Подобного блюда нет у древнеоседлых народов, и несомненно чуваша получили его от своих тюркских предков»³⁸.

Обычные пироги *кукаль* у чувашей ничем не отличаются от пирогов русских и других соседних народов региона. Делают их из кислого теста, пекут в вольной печи.

У всех групп чувашей распространено праздничное кушанье *пёчек кукаль* — мелкие пирожки полулунной формы. Они не жарились, а выпекались в вольной печи. По мнению Г. А. Сепеева, пироги, как большие, так и маленькие, были заимство-

ваны местными народами, в частности марийцами, из русской кухни³⁹.

Возможно, что у чувашей большие пироги — кушанье заимствованное, но пирожки, вероятнее всего, имеют более древнее происхождение и связаны с кулинарией их скотоводческо-кочевых предков. Показательно, что тесто для пирогов берется пресное, начинка — чаще всего мясная: как правило, это рубленые, предварительно отваренные потроха. Пирожки с такой начинкой чувашаи пекут обычно при забое скота. Подобная начинка характерна, в частности, для башкир⁴⁰.

Своеобразно и такое кушанье, как *хуран кукли* — варят в котле небольшие пирожки типа пельменей или вареников с начинкой из творога с сырыми яйцами и маслом, либо из зеленого лука, либо мяса. По данным языка, пельмени имеют общепермское происхождение⁴¹. Это кушанье весьма распространено у удмуртов, марийцев, но очень слабо — у мордвы⁴². У соседей чувашей — марийцев — пельмени назывались также *подкогыльо*: *под* — котел, *когыльо* — чув. *кукӑль* (пирог) и имели более разнообразные виды начинок. Но у чувашей, башкир и татар начинка была главным образом творожная.

По мнению исследователей, происхождение кушаний типа вареных пирожков и пельменей, как и лапши, вероятно, можно связывать с традициями земледельческого населения Центральной и Средней Азии⁴³. Так, вареные пирожки готовят и алтайцы⁴⁴. Видимо, в Приуралье и Среднее Поволжье это кушанье принесли и распространили болгаро-суварские племена. Употребление в качестве начинки творога (а это традиция азиатская) было характерно и для волжских болгар.

Считается, что стряпня из муки у чувашей была не столь разнообразной, как, например, у татар и русских. Сложные печенья умели готовить далеко не все чувашки, в этом отношении они в массе своей уступали татаркам и русским хозяйкам⁴⁵.

Суп — повседневное обеденное блюдо чувашей: если *шӳрпе* варили в основном по праздникам, то *яшку* готовили ежедневно. Основными приправами для нее, кроме картофеля, появившегося относительно недавно, являются мука, крупы, овощи (свежая и квашеная капуста, репе свекла, морковь, зелень, лук и дикорастущие травы — сныть, борщевик, крапива, осот и др.). У чувашей, как и у тюркоязычных народов, принято было размешанную в воде муку добавлять, помешивая, в кипящий суп. Но чаще яшку приправляли мучным полуфабрикатом, называемым *салмой* — кусочками теста типа лапши. Раскатанное тесто, кислое либо пресное, нарезают на квадратики, ленточки или разрывали на кусочки и пускали в кипящий бульон. Приготовление таким образом лапши — типично тюркская традиция⁴⁶. «Очевидно, варка теста относится к сравнительно поздним этапам развития кулинарии у кочевников, но не к последним векам»⁴⁷.

Шурпе, как мясной бульон, является в чувашской кухне относительно более древним кушаньем и пережитком монгольской пищи, а *салма яшки* — приобретением поздним, элементом кухни кочевников среднеазиатского культурного круга. Под влиянием последних привычка варить изделия из теста в бульоне и заправлять кислым молоком попала в Европу и особенно прочно утвердилась у тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья⁴⁸, от которых была заимствована их финно-угорскими соседями⁴⁹.

К салма яшки по технологии приготовления близок *с̄мах яшки* — суп с клецками из пресного теста в виде кусочков или шариков размером до 5 см. *С̄мах* так же, как и салму, пускают в кипящий, почти готовый бульон и по готовности подают иногда отдельно: едят, нанизывая на деревянную спицу, как на вилку, заедая супом. Была традиция при забое гусей (нередко и кур) замешивать тесто для *с̄мах* на крови — *юн с̄махё*.

Кушанья типа *с̄мах* были известны кочевникам южной Сибири, народам Средней Азии (напр. каракалпакам), Северного Кавказа (кумыкам)⁵⁰. В Среднем Поволжье и Приуралье его готовили, кроме чувашей, башкиры и казанские татары, а также марийцы⁵¹. Последним *с̄мах* был, видимо, заимствован у чувашей, на что указывает и название *лашка* — от чув. *яшка* (суп).

Таким образом, чувашские кушанья из вареного теста типа салма и *с̄мах*, употребляемые вместе с кислым молоком и уйраном, имеют среднеазиатское происхождение. Они связывают чувашей через их болгаро-суварских предков с кочевниками древности и средневековья, но, как указывают исследователи, являются «традициями поздними, в значительной степени сформировавшимися в условиях тесных контактов с земледельческими культурами среднеазиатской территории»⁵².

Важная роль в питании чувашей, как уже говорилось, отводилась кашам. Их готовили из полбы, гречки, пшена. Они имели несколько разновидностей: каша *кёрпетти*, обычная крутая каша *пӓтӓ*, каша на мясном бульоне и каша с картофелем⁵³. Как отмечал Н. В. Никольский, каша или похлебка из истолченных и крупномолотых зерен — это древнейший и наиболее примитивный способ приготовления хлеба⁵⁴.

У чувашей, как у тюркских и финно-угорских народов региона, каша являлась обязательным атрибутом при проведении различных обрядов. Каши специально готовили для полевых молений — *ака пӓтти*, скотоводческих — *карта пӓтти*, строительных — *никёс пӓтти* и других обрядов. В частности, при закладке дома *никёс пӓтти* варили на курином бульоне, и это блюдо считалось наиболее ценным⁵⁵. «Каши фундамента» (никез буткагы) были известны и у башкир⁵⁶. В их свадебном обряде, как и у чувашей, существовало обязательное угощение кашей перед отъездом сватов домой. Необходимым блюдом

каша являлась в обряде вызывания дождя, описанном как у чувашей, так и у татар и башкир⁵⁷. Обрядовый характер был присущ кашам и в питании мишарей⁵⁸.

Не менее важное ритуальное значение имели каши в традиционной культуре финно-угорских народов⁵⁹. По мнению специалистов, как тюркоязычным, так и финно-угорским народам региона присущи не только одинаковые моменты в приготовлении и угощении этим кушаньем, но и общие представления, определившие особую роль каши в земледельческих, строительных и некоторых семейных обрядах: «традиции, рожденные в дали веков и связанные с какими-то языческими представлениями, отразились в обычае приготовления каши в гусином (у чувашей — курином) бульоне»⁶⁰. Вероятно, Н. И. Воробьев был прав, отмечая, что чувашами каша «унаследована от финно-угорских предков, ибо в быту других тюркских народов она, как правило, не встречается, кроме, пожалуй, татар (и башкир.— В. И.), которые также формировались в Среднем Поволжье в тесном соприкосновении с местными племенами и народами»⁶¹. Все же в употреблении каши у тюркоязычных и финно-угорских народов имеются и черты некоторого своеобразия: для первых характерна традиция есть каши в основном с молочными продуктами (*айраном*, кислым молоком и т. д.), а для финно-угров и русских — с маслом⁶². Чуваша едят кашу как с уйраном или кислым молоком, так и с маслом, причем тюркская привычка доминирует.

В чувашской кухне издавна существовали также мучные кисели и толокно, которые нередко заменяли хлеб. Кислые кисели *кёсел* готовили из овсяной муки или ржаного хлебного теста, а пресные — *нимёр* — из гороховой или чечевичной муки. Кёсел чуваша ели, запивая кислым молоком или пахтаньем, а нимёр — медовой сытой или конопляным «молоком». Как уже отметили, кислый кёсел заимствован чувашами у русских, на что указывает и название, а пресный нимёр (мучная болтушка, рассчитанная на быстрое приготовление) — одно из древнейших и традиционных блюд скотоводов Азии.

Толокно *тинкёле* (тюрк. *талкан*) чуваша готовили полбенное, овсяное, реже гречневое. Ели его сразу же после приготовления, запивая, как правило, молоком, уйраном, сытой. Тинкёле — кушанье азиатского происхождения. Изготавливаемое из муки из каленых и прожаренных зерен, оно свойственно всем народам Южной Сибири, Центральной и Средней Азии⁶³. По-видимому, через болгаро-суварских предков чувашей и татар толокно получило распространение и среди финно-угорских народов Поволжья.

С XIX в. важное место в питании чувашей занял картофель — *сёрулми*. Из овощей они издавна широко использовали лук, чеснок, репу, капусту, морковь, огурцы, тыкву и др. Для

поднятия антивита, а также в лечебных целях систематически употребляли редьку и хрен.

Овощи поедались в сыром, вареном, печеном, квашеном или соленом виде, а репа, тыква и свекла — и в пареном. Капуста, морковь, брюква, тыква хороши также как начинки для пирогов. Из овощных супов популярны *купаста яшки* — щи из зеленой и белокачанной свежей или квашеной капусты, появившиеся в регионе под влиянием русских, на что указывает, в частности, закрепившееся в лексике марийцев их название *шти*, а у верховых чувашей — *ашти* (замороженный капустный полуфабрикат для щей) ⁶⁴.

Весьма характерно для финно-угорских народов региона и для чувашей употребление дикорастущих трав, в чем им заметно уступают татары и башкиры ⁶⁵. Собирали щавель, борщевик, сныть, дикий лук, молодую крапиву, лебеду белую и другие травы.

Грибы в пище татар, башкир и низовых чувашей занимали очень незначительное место. Обычно они собирали не более двух-трех их видов (грузди, подберезовики, белые), в то время как марийцы, удмурты, мордва и русские потребляли свинушки, волнушки, сыроежки, опенки, подосиновики, рыжики,лисички, вязовки и др. ⁶⁶ Чувашаи, особенно низовые, не имели устоявшихся традиций заготовки грибов на зиму ⁶⁷. Угро-финны же и русские издавна сушили их и солили и, вообще, очень широко использовали в повседневном питании. Плоды и ягоды, в т. ч. рябину, черемуху, калину, чувашаи употребляли в свежем виде, реже — в качестве начинки для пирогов. Говоря же об использовании фруктов, следует отметить, что садоводство в историческом прошлом у чувашей отсутствовало, и появилось оно у них скорее всего под влиянием русских, да и то только в северных подлесных и приречных районах. Для низовых чувашей, как и для живущих за пределами Чувашии, оно не характерно практически по сей день.

Растительные жиры независимо от культуры у чувашей называются *пуснă су* (выдавленное масло). Издревле они выжимались прежде всего из семян конопли — *кантăр су* и льна — *йётён су*. Подсолнечное масло использовалось сравнительно редко. Особенно ценилось, как, собственно, и у других соседних народов, масло конопляное. Размятые семена шли на приготовление конопляного «молока» (эмульсии), употреблявшегося в качестве приправы к кашам и мучному киселю.

Традиции использования конопляного масла у чувашей восходят к кухне азиатских народов. Проявляется это, в частности, в том, что из жмыха конопли, остающегося после выжимки масла, чувашаи готовили типично азиатское лакомство — поджаренные шарики с добавлением хлеба ⁶⁸. Подобным же образом из толченой массы конопляного семени готовят колобки и лепешки, также и хакасы ⁶⁹.

У большинства кочевых народов Азии пища основывалась прежде всего на хлебе в виде пресных лепешек, которые потребляли с кислым молоком, сыром. «Мясо же едят в исключительных случаях или по праздничным дням»⁷⁰. Вместе с тем кушанья из мяса или с его применением у чувашей, татар и башкир имеют сравнительно более древнее происхождение, носят выраженный ритуальный характер и указывают на наличие четких этнокультурных параллелей с культурой азиатского, тюрко-кочевнического мира. Заметно это и в употреблении молочной пищи.

Названия домашних животных и продуктов животного происхождения у чувашей идентичны или с монгольскими, или с древнетюркскими наименованиями: *ёне* (корова) — монг. *инек*, др.-тюрк. *ингек*; *сурӑх* (овца) — кирг. *солук*, татар. *салык*; *ут* (лошадь) — тюрк. *ут*; *сёт* (молоко) — др.-тюрк. *сут*; *сү* (масло) — алт. *сардю*; *аш-какай* (мясо) — монг. *гакай*, уйг., ног. *аш*, казах. и хак. *ас*, узб. *ош* (горячая пища, плов) и т. д.⁷¹ Все это свидетельствует о былых близких хозяйственно-культурных взаимоотношениях⁷².

Мясо у чувашей непременно присутствовало на языческих жертвоприношениях и на праздниках. Наиболее распространенными видами его в прежние времена были говядина и баранина⁷³. Что же касается конины, характерного продукта питания полукочевых народов, в частности волжских болгар, она была «любимым кушаньем чуваш»⁷⁴. В. А. Сбоев отмечал в середине XIX в., что «некрещеные чуваша большие охотники до него (лошадиного мяса.— В. И.), да и крещеные, бывало, лакомились им потихоньку, чтоб не проведал об этом священник»⁷⁵.

Конину ели в основном низовые чуваша. Среди чувашей-язычников ее в прошлом разрешалось есть только в качестве жертвенного мяса. Как полагал Н. И. Воробьев, это было связано с высокой ценностью лошади в хозяйстве⁷⁶. В этом следует усматривать и проявление древних кочевнических традиций почитания коня, особого к нему отношения. Между тем у финно-угров, в отличие от чувашей, жертвоприношения не было принято совершать кониной.

Как известно, круг религиозных представлений и обрядов чувашей-язычников теснейшим образом был связан с культом коня, который был присущ как местным поволжским финно-угорским народностям, так и пришлым болгарским и тюркским племенам. Примечательно, что стойко бытовавшие у чувашей-язычников вплоть до XIX в. обряды посвящения коня или принесения его в жертву умершему, «по существу, мало чем отличались от древнеболгарского обряда» захоронения с конем, восходившего в своей основе к древнейшим погребальным обря-

дам кочевников Азии⁷⁷. Во время общественных молений и обрядов основными жертвенными животными у чувашей были конь, бык или баран.

Наиболее потребляемым видом мяса после домашней птицы у чувашей была баранина. Барана резали с соблюдением особых ритуальных действий⁷⁸. Сваренное мясо принято было есть тоже «при соблюдении старинных обрядов: произносится молитва, всем членам семьи хозяин раздает по кусочку от сердца барана, от легких и т. д. По окончании моления все садятся за стол и едят сначала полученные кусочки (*алйри*). Пред совершением молитвы хозяин ... становится перед столом с шапкой под мышкой. Рядом с ним ... встают все члены семьи, держа в руках кусочки мяса (*алйрийё*)»⁷⁹. Как известно, у кочевников, в частности монголов, поедание внутренностей животных (сердца, почек, печени, легких и т. д.) рассматривалось как усиление соответствующих свойств человеческой природы: съеденное сердце увеличивало храбрость, печень — силу и т. п.⁸⁰ Традиция употребления в пищу внутренностей животных именно по таким соображениям характерна в той или иной мере для всех тюркоязычных народов. В этом же смысле следует рассматривать особое отношение их к бараньей голове. Так же, как у монгол, тувинцев, киргизов, башкир и др.⁸¹, у чувашей сваренную голову барана было принято преподносить или старшему в семье, или почетному гостю⁸².

Свинина широко стала использоваться чувашами только в последнее столетие⁸³. По сообщению В. А. Сбоева, чувашаи в прошлом «свиной у себя не держали и свиной брезговали»⁸⁴. У тюркоязычных народов свинья никогда не была в числе распространенных домашних животных. Однако интересно отметить, что чувашский *какай* (мясо) происходит, тем не менее, от монгольского *гакай* (свинья).

Нельзя сказать, что традиции свиноводства и употребления свинины были более крепкими у финно-угорских народов края⁸⁵. Ни у них, ни у чувашей свинина не входила в состав какой-либо жертвенной пищи.

Домашней птице чувашаи не придают, как правило, большого значения, хотя издревле держали кур, гусей и уток. Кур в большей степени держали из-за яиц, которые в питании чувашей занимали важное место, являясь одним из блюд, как в повседневном питании, так и на праздничном столе и в жертвоприношениях⁸⁶. Яйца широко использовались для сдабривания теста и начинки к различным кушаньям.

К традициям кочевых народов следует отнести и стойкий обычай у чувашей использовать кровь животных в приготовлении ряда блюд, среди каковых следует назвать *юн* (свежую кровь с крупой и кусочками сала, испеченную в закрытой сковороде в вольной печи), *юн тултармайш* (вареную кровяную колбасу) и др. Хорошо известно, что турки-кочевники, как и

монголы, употребляют кровь животных в пищу с глубокой древности до наших дней⁸⁷. У чувашей прочно бытуют, в частности, совершенно такие же, как у монголов и тюрков, способы приготовления кровяных колбас⁸⁸. Вероятно, в древности кочевники употребляли в основном кровь лошадей (при убое она дает очень много крови). Потом эта традиция распространилась у их потомков на другие виды животных, включая и домашнюю птицу (на крови последних чувашаи замешивают лепешки *юсман*, клецки *с̄амах*). Кровь используют в пищу и финно-угры, но, по сравнению с чувашами, в ограниченных масштабах.

Чуваши не отказывались от дичи, однако эта пища была на любителей. Предпочтение отдавали утятине и зайчатине, из которых делали хуплу. О том, что народ сравнительно сдержан был к охоте, говорит тот факт, что горные марийцы, находившиеся под культурным влиянием чувашей, гораздо реже питались дичью, чем их луговые сородичи⁸⁹.

Рыба также не была характерна для чувашской кухни. Употреблялась она только в приречных селениях и только по сезону, причем только в виде *пул̄ ш̄ърпи* (в супе), в варенном виде⁹⁰, как у казанских татар и башкир⁹¹. Даже сибирские татары, занимавшиеся рыболовством, рыбу только варили⁹². Между тем у поволжских финно-угров продукт был и остается обычным и весьма разнообразно употребляемым⁹³. Более того, рыбные пироги у марийцев — обязательное кушанье в похоронно-поминальных обрядах⁹⁴, что следует воспринимать как реликт древней идеологии лесных охотников и рыболовов.

Что касается особенностей заготовки и хранения мяса у чувашей, способов его обработки и приготовления блюд из него, то они находят аналогии главным образом с тюркоязычными народами, в первую очередь башкирами, казанскими татарами, казахами, алтайцами. Вместе с тем обнаруживается сходство и с кухней некоторых финно-угров и русских.

Зимой мясо хранилось в замороженном состоянии, в теплое время года его солили. Вяление на солнце не практиковалось. (Это было характерно в основном для марийцев)⁹⁵. Его сушили в горячей печи. Именно таким способом готовили и популярное национальное кушанье *ш̄арттан* (колбасу). Вымытый желудок начиняют мелконарезанной жирной бараниной и запекают в вольной печи в течение 3—4 дней. Готовый продукт может долго храниться в амбаре в прохладном месте. Сам термин «шарттан» восходит к древнеиранскому *ширдан* (кушанье из овечьего желудка, начиненного мясом и рисом)⁹⁶. Колбасы типа чувашского ш̄арттан характерны для казанских и сибирских татар (*казы*), башкир, мишарей, калмыков, ногайцев и других народов с сильными скотоводческими традициями⁹⁷. Марийцы ш̄арттан не готовят, ими у казанских татар

был заимствован *каж* (вид колбасы), когда для длительного хранения свежее мясо набивали в кишку⁹⁸.

Как отдельное кушанье мясо чувашей ели редко. В качестве второго блюда оно подавалось отдельно, как и у других скотоводческих народов, в основном у низовых чувашей. Верховые же ели его вместе с шўрпе, а чаще оно использовалось для начинки к хуплу и пирогам и как приправа к различным блюдам.

Готовили мясо главным образом путем варки, хотя способ жарения кусочков мяса на сковороде *йшалани* был известен, вероятно, давно. Употребление мяса в вареном виде — характерная черта кухни скотоводческих народов⁹⁹. Практически только в таком виде ели его монголы, тувинцы, особенно это касалось конины¹⁰⁰. Жарение мяса и рыбы и особенно тушение широко распространилось у чувашей, как и у других народов региона, уже под влиянием русских.

Одно из традиционных мясных кушаний чувашей — вареная колбаса *тултармйш* (локальные названия *сутту*, *хас*), встречающаяся практически у всех поволжских народов¹⁰¹. Кишка начиняется мелкоизрубленным жирным мясом, вперемешку с ячменной, полбенной или другой крупой и варится в котле. Затем жарится на сковороде и подается в горячем, виде. Таким же образом готовится и *юн тултармйш* (колбаса из крови, крупы и сала). Вареная колбаса типа *тултармйш* в Приуралье и Среднем Поволжье появилась вместе с продвинувшимися с юга кочевыми племенами: «по-видимому, корни этого кушанья надо искать в культурах Средней Азии»¹⁰², где, вероятно, в состав этого, безусловно древнего, кушанья кочевников с исключительно мясной начинкой и попала крупа.

Другое популярное мясное блюдо у чувашей — *аш (какай) шўрпе* — мясная похлебка, в приготовлении и потреблении которой нет ничего особо отличительного от способов азиатских скотоводческих народов. Подобно им, шўрпе чувашей затевали при забое скота и готовили его прежде всего из субпродуктов — головы, ног, внутренностей. Именно так готовят это блюдо тувинцы, хакасы, башкиры, турки Ирана, Турции, Афганистана и др.¹⁰³

В отличие от яшки-супа без мяса, шўрпе варили из мяса или рыбы. У верховых чувашей наименование шўрпе применялось почти исключительно к супу из бараньих потрохов, головы и ног¹⁰⁴. Слово «шўрпе» — древнеиранского происхождения (*шурба*). Восходящий к нему термин в виде *шўрпе*, *шурба*, *шулна*, *шурма*, *сорпа*, *шерба* и т. д. широко распространен и имел устойчивый характер у всех монгольских и тюркоязычных народов¹⁰⁵. Так назывались у них как супы-бульоны из баранины, так и супы с лапшой, которые ели, как и чувашей, с кислым молоком или айраном¹⁰⁶. Примечательно, что как и у азиатских скотоводов, у чувашей тоже практически по сей день это кушанье выполняет празднично-обрядовую функцию. Убой

скота является торжественным событием и поводом для созыва *шўрпе сїме* (на шурпе) гостей—родственников и соседей, что, несомненно, есть отголосок родового строя кочевников¹⁰⁷. Мясной суп чуваша готовили из баранины, говядины, свинины с добавлением приправ из крупы, лука, а с XIX в.—картофеля. Однако в прошлом шўрпе и мясные супы *аш яшки*, *аш апачё* были редким блюдом на столе рядовых крестьян, и его ели только по праздникам.

Цельное молоко *сёт* чувашами потреблялось весьма редко (давали только детям), как и у кочевых народов¹⁰⁸. Его перерабатывали в основном на масло *су* (алт. *сардю*) сливочное *усламсу* и топленое *шаратнй су*, *сар су*, *сив су*. Употребляли кислое молоко, простоквашу, *турях* (монг. *тараг*), *тапярчй* (творог), *чакят* (сыр), молочные напитки *су уйранё*, *турях уйранё*, сметану *хййма* (др.-иран. *гайма* — сливки).

Масло чуваша получали из сметаны. Дав молоку отстояться в течение 2—3 суток, снимали сливки, сквашивали их в сметану и сбивали ее в пахтаницах в *усламсу*¹⁰⁹. Перетопленное масло принято было летом подсаливать.

Турях низовые и средненизовые чуваша получали из цельного, а верховые — из снятого молока¹¹⁰. У чувашей, как и у всех скотоводческих народов, его принято добавлять в суп, а разведенный водой он служит, при необходимости, жаждоутоляющим напитком.

Тапярчй готовят из кислого молока, которое подогревают, чтобы оно свернулось. Добавив в него соль и сырые яйца, получают чакят — сыр, годный для длительного хранения и являвшийся ритуальным кушаньем, восходившим к кухне скотоводческих народов¹¹¹.

Чувашская молочная кухня знает такое лакомство, как *та́вара* — поджаренные мелкие сырки, которые для длительного хранения заливали в горшке топленным маслом. «Тавара считается лучшим угощением у чувашей», — писал Н. В. Никольский¹¹². Сырки, подобные тавара, характерны и для скотоводов Азии¹¹³. От чувашей это кушанье под тем же названием (туара) попало и в марийскую кухню¹¹⁴.

Для скотоводческих, в том числе и тюркоязычных, народов Поволжья и Приуралья типична традиция ограниченного потребления цельного молока и очень устойчивая привычка его переработки в кисломолочные продукты. Исследователи объясняют это тремя причинами: во-первых, они лучше усваиваются организмом, во-вторых, в теплое время года молоко быстро киснет и вынужденно становится полуфабрикатом, в третьих, надой скота кочевников всегда были низкими¹¹⁵.

По мнению Н. И. Воробьева, «слабое использование сметаны, изготовление сырков и употребление сквашенного молока в качестве напитка, а также наличие уйрана — все это говорит о пережитках методов использования молока кочевыми

предками чуваш и сближает их со всеми тюркскими народами Средней Азии и Сибири. Все эти кочевнические навыки, конечно, значительно переломились через быт древнего земледельца, но следы их имеются и заметно отличают чувашей от соседних народностей»¹¹⁶. Термины молочной кухни чувашей в основном идентичны тюркским и монгольским.

§ 3.

Воду для питья чуваша брали из природных источников либо из колодезев. К чаю приобщились, особенно верховые, практически только в начале XIX в. Отношение к этому напитку, как второстепенному, сближает их с местными финно-уграми. Малораспространенным напитком был и квас, который готовили летом. Заимствован он у русских, на что указывает само его название *квас*¹¹⁷.

Устойчивыми признаками принадлежности чувашей и к азиатскому миру были кисломолочные напитки: разведенное водой кислое молоко *турях уйранё* и пахтање *су уйранё*, употреблявшиеся особенно в теплое время года.

Из безалкогольных напитков пили *шерпет* (медовую сыту), который делали из меда, растворив его в 5—6 частях кипяченой воды. «Шерпет» — арабское слово, под этим же названием он применялся практически у всех тюркоязычных народов. Однако, как у чувашей, так и, например, у казанских татар и мишарей являлся ритуальным напитком и редко употреблялся в обычное время¹¹⁸.

К хмельным напиткам относилось традиционное *сйра* — пиво (др.-иран. *шуре* — напиток, молодое вино). Изготавливалось оно из ячменного солода или ржаной муки на пивных дрожжах и имело разную крепость: для повседневного потребления — было слабым, для праздничного стола — хмельным. В прошлом практически все праздники чуваша устраивали только с пивом, игравшим роль ритуального напитка. Такую же функцию играло пиво *сыра* и у некоторых групп татар¹¹⁹. Безалкогольное пиво *максма* (весьма древнего происхождения напиток без хмеля и дрожжей) употреблялось у чувашей в основном при совершении языческих обрядов. Распространены были *сим пыл* (выдержанный медовый напиток на хмелевых дрожжах), а также *кярчама* (медовая бражка). «Подлинное «сим-пыл» пили знатные и состоятельные волжские болгары, пьют и теперь зажиточные чуваша... Наиболее почетному гостю состоятельный чувашин предложит 1—2 стакана медового вина (авас пярни)»¹²⁰.

Перечисленные медовые напитки под теми же названиями встречаются и у других тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья (напр., тат. *бал*, *керчеме*, *сим пыл*, *максыма*). Они

имеют большую древность и упоминаются Ибн-Фадланом в качестве излюбленного напитка еще у болгар ¹²¹.

§ 4.

В любые праздники чувашаи стремились обеспечить как можно более разнообразный набор кушаний и блюд. Почетных гостей они потчевали самыми лучшими кушаньями. На столе были шарттан, сыр, масло, мед, готовили *месерле с̄марта*, пресные пышки *кап̄ртма*. Перед тем, как гость приступал к еде, ему в обязательном порядке предлагалось выпить ковшик пива. Как правило, и гости приносили с собой в качестве *кучченеҫ* (гостинца) бочонок пива (3—5 литров), каравай хлеба, круг сыра и т. п., облегчая тем самым расходы хозяев. Обычай этот распространен был также и у казанских татар и башкир. В завершение праздничного обеда чувашаи, как татары, мари и мордва подавали специально сваренную «кашу на дорогу» *сул п̄тти* ¹²².

Массовые многодневные трапезы чувашаи устраивали главным образом осенью и зимой (в дни языческих и христианских праздников, во время свадеб). Общественный характер имели пиры типа *уй ч̄к*, *сум̄р ч̄к*, акатуй, всенародные поминки, сопровождающиеся жертвоприношениями. Эти обряды, характерные в прошлом и для татар, и для мариЙцев ¹²³, возникли, вероятно, в Среднем Поволжье в результате взаимодействия болгарских племен с финно-уграми. Кушанья и напитки их участники приносили с собой. На месте проведения обряда забивали купленное на общие средства жертвенное животное, из мяса которого варили ш̄рпе и кашу. Все это после совершения соответствующих молений собравшиеся съедали. В дни общих поминальных дней *ваттисен кун̄* поминальную трапезу устраивали на кладбище: «угощали» покойников, выливая на могилы напитки и оставляя куски пищи.

Кроме семейных, религиозных и дружеских пиршеств определенные категории населения могли устраивать различные развлечения. Например, зимой молодежь организовывала пиршечку *х̄р с̄ри* (девичье пиво), когда из продуктов, принесенных каждым из участников, девушки варили пиво, готовили различные кушанья и вместе пировали ¹²⁴.

* * *

Культура питания чувашей представляет собой один из своеобразных видов информации об основных направлениях и характере этногенеза и этнической истории народа в обозримой исторической ретроспективе. Пища чувашей совершенно определенно свидетельствует о том, что они унаследовали, с одной стороны, типичные для их болгаро-суварских предков разви-

тые скотоводческие и земледельческие навыки и культурные традиции, с другой — характерные для местных финно-угорских племен особенности земледелия и хозяйства лесных охотников, рыболовов, собирателей.

Этническая особенность традиционной пищи, как и всей материальной культуры, более или менее четко выражается прежде всего в специфическом наборе, комбинации элементов, характерных только для данного этноса¹²⁵. Именно такой комплекс может служить этнодифференцирующим признаком, отличающим один из этносов от всех остальных. В этом смысле пища чувашей, хотя и имеет много общего с местной финно-угорской, в известной мере и русской, одновременно отражает специфику былого кочевого быта, но, опять-таки, не в преобладающей степени. Иначе говоря, она, бесспорно и полностью укладываясь в рамки поволжской модели питания, имеет и некоторую специфичность, которая указывает на доминирующий характер этногенетической близости чувашей к миру скотоводческих народов Азии. Как выясняется, одна группа их кушаний и блюд имеет преемственную связь с кулинарными традициями древних кочевников, а также тюркских и частично ираноязычных народностей Азии (салма, с̆амах, аш-какай ш̆урпи, ш̆арттан, тултарм̆аш, уйран и т. д.), другая сформировалась в относительно поздние периоды уже в Среднем Поволжье и Приуралье в результате культурно-генетического взаимовлияния с местными финно-уграми (каши, некоторые мучные печеня), а также русскими. В частности, под влиянием последних у чувашей появились такие способы долговременного хранения продуктов, как соление, мочение, позже — копчение и т. п.

Следовательно, пища своеобразно подтверждает бикультурализм чувашского этноса, исключительно синкретический характер его культуры, сложившийся на базе взаимодействия кочевников — скотоводов и оседлых земледельцев Азии, Северного Кавказа, Поволжья и Приуралья.

ЛИТЕРАТУРА

- ¹ История Чувашской АССР. Изд. 2-е, перераб. Чебоксары, 1983. Т. 1. С. 30; Очерки истории культуры дореволюционной Чувашии. Чебоксары, 1985. С. 33.
- ² *Никольский Н. В.* Краткий курс этнографии чуваш. Чебоксары, 1928. С. 189.
- ³ *Семенов С. А.* Происхождение земледелия. Л., 1974. С. 7.
- ⁴ *Севордян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974; *Потапов Л. П.* Пища алтайцев // МАЭ. Т. XIV. М.-Л. 1953. С. 61; *Шитов С. Н., Гаделгареева Р. Г.* Злаки в повседневной, праздничной и обрядовой пище башкир в конце XIX — начале XX вв. // Хозяйство и культура башкир в XIX в. М., 1979. С. 88; *Патачков К. М.* Культура и быт хакасов в свете исторических связей с русским народом (XVIII—XIX вв.). Абакан, 1958. С. 67.

- 5 Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956. С. 136.
- 6 Мухамедова Р. Г. Татары-мишари. М., 1972. С. 132.
- 7 Гаджиева С. Ш. Материальная культура ногайцев в XIX — начале XX вв. М., 1976. С. 195; Потанов А. П. Очерки народного быта тувинцев. М., 1969. С. 194.
- 8 Никольский Н. В. Указ. соч. С. 119.
- 9 Шитова С. Н., Гадельгареева Р. Г. Указ. соч. С. 114.
- 10 Никольский Н. В. Указ. соч. С. 201, 203.
- 11 Там же. С. 197.
- 12 Никольский Н. В. Указ. соч. С. 204.
- 13 Чуваши. Этнографическое исследование. Часть 1. Материальная культура. Чебоксары, 1956. С. 360.
- 14 Никольский Н. В. Указ. соч. С. 360; Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М., 1967. С. 172.
- 15 Шитова С. Н., Гадельгареева Р. Г. Указ. соч. С. 113; Татары... С. 172.
- 16 Никольский Н. В. Указ. соч. С. 203.
- 17 Сепеев Г. А. Традиционная пища луговых марийцев // Материальная и духовная культура марийцев. Йошкар-Ола, 1981. С. 111.
- 18 Никольский Н. В. Указ. соч. С. 203; Чуваши... С. 360.
- 19 Ахметьянов Р. Г. Сравнительное исследование татарского и чувашского языков. М., 1978. С. 175.
- 20 Шитова С. Н., Гадельгареева Р. Г. Указ. соч. С. 105.
- 21 Там же. С. 114.
- 22 Сепеев Г. А. Указ. соч. С. 106.
- 23 Этнография питания народов стран зарубежной Азии. М., 1981. С. 97; Никольский Н. В. Указ. соч. С. 197.
- 24 Татары...; Мухамедова Р. Г. Указ. соч.; Шитова С. Н., Гадельгареева Р. Г. Указ. соч. С. 108; Гаджиева С. Ш. Указ. соч. С. 201; Кузнецова А. А. Жилища, одежда и пища минусинских и ачинских инородцев // Минусинские и ачинские инородцы. Красноярск, 1898. С. 197; Материальная культура таджиков верховьев Заревшана. Душанбе, 1973. С. 139, 146 и др.
- 25 Сепеев Г. А. Указ. соч. С. 105.
- 26 Татары... С. 169; Шитова С. Н., Гадельгареева Р. Г. Указ. соч. С. 109.
- 27 Сепеев Г. А. Указ. соч. С. 105; Мордва. Историко-этнографические очерки. Саранск, 1981. С. 149; Трофимова Е. Я. Удмуртская традиционная пища // Вопросы этносоциологического изучения сельского населения. Ижевск, 1983. С. 121.
- 28 Мухамедова Р. Г. Указ. соч. С. 196.
- 29 Татары... С. 170; Томилов Н. А. Этнография тюркоязычного населения Томского Приобья. Томск, 1980. С. 187; Мухамедова Р. Г. Указ. соч. С. 135; Чуваши... С. 361.
- 30 Сепеев Г. А. Указ. соч. С. 108; Трофимова Е. Я. Указ. соч. С. 121; Мордва... С. 149.
- 31 Трофимова Е. Я. Указ. соч. С. 121.
- 32 Чуваши... С. 362.
- 33 Никольский Н. В. Указ. соч. С. 199.
- 34 Там же.
- 35 Шитова С. Н., Гадельгареева Р. Г. Указ. соч. С. 119.
- 36 Там же. С. 118.
- 37 Никольский Н. В. Указ. соч. С. 119.
- 38 Чуваши... С. 362.
- 39 Сепеев Г. А. Указ. соч. С. 109.
- 40 Шитова С. Н., Гадельгареева Р. Г. Указ. соч. С. 116.
- 41 Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971. С. 332.
- 42 Трофимова Е. Я. Указ. соч. С. 118; Сепеев Г. А. Указ. соч. С. 109; Мордва... С. 150.
- 43 Шитова С. Н., Гадельгареева Р. Г. Указ. соч. С. 117—118.

- 44 Этнография питания... С. 144.
- 45 Чуваши... С. 363.
- 46 Народы Средней Азии и Казахстана. Т. 1. С. 427, 515; *Мухамедова Р. Г.* Указ. соч. С. 131—132; Чуваши... С. 364; и др.
- 47 *Шитова С. Н., Гадельгареева Р. Г.* Указ. соч. С. 100.
- 48 Там же. С. 101.
- 49 *Сепеев Г. А.* Указ. соч. С. 112; Мордва... С. 149.
- 50 Народы Средней Азии и Казахстана. Т. 1. С. 188.
- 51 Татары... С. 166; *Сепеев Г. А.* Указ. соч. С. 112.
- 52 *Шитова С. Н., Гадельгареева Р. Г.* Указ. соч. С. 104.
- 53 Чуваши... С. 366.
- 54 *Никольский Н. В.* Указ. соч. С. 216.
- 55 Чуваши... С. 366.
- 56 *Шитова С. Н., Гадельгареева Р. Г.* Указ. соч. С. 84.
- 57 Чуваши... С. 366—367; *Шитова С. Н., Гадельгареева Р. Г.* Указ. соч. С. 89.
- 58 *Мухамедова Р. Г.* Указ. соч. С. 132.
- 59 *Сепеев Г. А.* Указ. соч. С. 110; и др.
- 60 *Шитова С. Н., Гадельгареева Р. Г.* Указ. соч. С. 89.
- 61 Чуваши... С. 367.
- 62 *Шитова С. Н., Гадельгареева Р. Г.* Указ. соч. С. 96.
- 63 *Патачков К. М.* Указ. соч. С. 51; *Потапов Л. П.* Очерки... С. 193; *Томилов Н. А.* Указ. соч. С. 185; и др.
- 64 *Сепеев Г. А.* Указ. соч. С. 112.
- 65 Там же. С. 113; *Трофимова Е. Я.* Указ. соч. С. 113; Татары... С. 163; *Руденко С. И.* Указ. соч. С. 74.
- 66 *Трофимова Е. Я.* Указ. соч. С. 113.
- 67 *Никольский Н. В.* Указ. соч. С. 191; *Трофимова Е. Я.* Указ. соч.
- 68 Очерки истории культуры... С. 63.
- 69 *Патачков К. М.* Указ. соч. С. 54.
- 70 Этнография питания... С. 30.
- 71 *Патачков К. М.* Указ. соч. С. 28.
- 72 *Ахметьянов Р. Г.* Указ. соч. С. 121.
- 73 Чуваши... С. 353.
- 74 *Миллер Г. Ф.* Описание живущих в Казанской губернии языческих народов... СПб., 1791.
- 75 *Сбоев В. А.* Исследование об инородцах Казанской губернии. Казань. 1856.
- 76 Чуваши... С. 353.
- 77 *Магницкий В. К.* Материалы к объяснению старой чувашской веры. Казань, 1881. С. 176; *Денисов П. В.* Этнокультурные параллели дунайских болгар и чувашей. Чебоксары, 1969. С. 100.
- 78 *Никольский Н. В.* Указ. соч. С. 188.
- 79 Там же.
- 80 Этнография питания... С. 123.
- 81 *Потапов Л. П.* Очерки народного быта тувинцев. С. 182; Этнография питания... С. 136; и др.
- 82 *Никольский Н. В.* Указ. соч.
- 83 Чуваши... С. 354.
- 84 *Сбоев В. А.* Указ. соч. С. 68.
- 85 *Сепеев Г. А.* Указ. соч. С. 115; *Трофимова Е. Я.* Указ. соч. С. 114; и др.
- 86 *Никольский Н. В.* Указ. соч. С. 209.
- 87 Этнография питания... С. 122—123.
- 88 *Потапов Л. П.* Очерки народного быта тувинцев. С. 180; *Патачков К. М.* Указ. соч. С. 38—39.
- 89 Этнография питания... С. 93.
- 90 *Никольский Н. В.* Указ. соч. С. 189.
- 91 Татары... С. 166; *Руденко С. И.* Указ. соч. С. 75.
- 92 *Томилов Н. А.* Указ. соч. С. 183—185.

- ⁹³ Мордва... С. 152; *Сенеев Г. А.* Указ. соч. С. 121; и др.
- ⁹⁴ *Сенеев Г. А.* Указ. соч. С. 121.
- ⁹⁵ *Крюкова Т. А.* Материальная культура марийцев. Йошкар-Ола, 1956. С. 93; *Сенеев Г. А.* Указ. соч. С. 117.
- ⁹⁶ Очерки истории культуры... С. 31.
- ⁹⁷ *Эрдниева У. Э.* Калмыки. Элиста, 1970. С. 169; *Гаджиев С. Ш.* Указ. соч. С. 206; Татары. С. 167; *Томилов Н. А.* Указ. соч. С. 183; *Руденко С. И.* Указ. соч. С. 75, 82; *Мухамедова Р. Г.* Указ. соч. С. 130.
- ⁹⁸ *Сенеев Г. А.* Указ. соч. С. 117.
- ⁹⁹ *Томилов Н. А.* Указ. соч. С. 183; *Гаджиева С. Ш.* Указ. соч. С. 206.
- ¹⁰⁰ Этнография питания... С. 121; *Потапов Л. П.* Очерки народного быта тувинцев. С. 120.
- ¹⁰¹ Народы Европейской части СССР. Т. II. С. 584.
- ¹⁰² *Шитова С. Н., Гадельгареева Р. Г.* Указ. соч. С. 90.
- ¹⁰³ Этнография питания... С. 22, 25; *Потапов Л. П.* Очерки народного быта тувинцев. С. 182; *Патачков К. М.* Указ. соч. С. 39; и др.
- ¹⁰⁴ Чуваши... С. 364.
- ¹⁰⁵ Этнография питания... С. 132; *Томилов Н. А.* Указ. соч. С. 186; *Руденко С. И.* Башкиры. М., 1925. С. 82; *Мухамедова Р. Г.* Указ. соч. С. 132; *Гаджиева С. Ш.* Указ. соч. С. 205; Татары... С. 166; и др.
- ¹⁰⁶ Народы Средней Азии и Казахстана. Т. 1. М., 1962. С. 308, 488; Т. II. М., 1962. С. 427; и др.
- ¹⁰⁷ *Потапов Л. П.* Очерки народного быта тувинцев. С. 181; *Патачков К. М.* Указ. соч. С. 39; Этнография питания... С. 135; и др.
- ¹⁰⁸ Этнография питания... С. 126, 127; *Патачков К. М.* Указ. соч. С. 42; и др.
- ¹⁰⁹ Очерки истории культуры... С. 63.
- ¹¹⁰ Чуваши... С. 354—355.
- ¹¹¹ Очерки истории культуры... С. 64.
- ¹¹² *Никольский Н. В.* Указ. соч. С. 209.
- ¹¹³ *Патачков К. М.* Указ. соч. С. 48.
- ¹¹⁴ *Сенеев Г. А.* Указ. соч. С. 120.
- ¹¹⁵ Этнография питания... С. 125.
- ¹¹⁶ Чуваши... С. 356.
- ¹¹⁷ Там же. С. 370.
- ¹¹⁸ Татары... С. 173; *Мухамедова Р. Г.* Указ. соч. С. 136.
- ¹¹⁹ *Уразманова Р. К.* Традиционные и общественные праздники и свадебные обряды //Пермские татары. Казань, 1983. С. 122.
- ¹²⁰ *Никольский Н. В.* Указ. соч. С. 212; *Ашмарин Н. И.* Болгары и чуваша. Казань, 1902. С. 66—67; *Григорьев В. В.* Волжские болгары //Россия и Азия. СПб., 1876. С. 85.
- ¹²¹ Татары... С. 173.
- ¹²² Чуваши... С. 379.
- ¹²³ *Бурганова Н. Б.* О системе народного праздника джиен у казанских татар //Исследования по исторической диалектологии татарского языка. Казань, 1982. С. 55—56; *Уразманова Р. К.* Годовой цикл традиционных обрядов и праздников татар //Новое в археологии и этнографии Татарии. Казань, 1982. С. 124, 188; *Крюкова Т. А.* Указ. соч. С. 96—97; и др.
- ¹²⁴ Чуваши... С. 379.
- ¹²⁵ *Пименов В. В.* Указ. соч. С. 114; *Бромлей Ю. В.* Современные проблемы этнографии. М. 1981. С. 119.

ОДЕЖДА И УКРАШЕНИЯ

Составная часть материальной и духовной культуры народа — одежда и украшения* — выступают в своем развитии как памятники, созданные человеческим трудом в течение тысячелетий. В них находят отражение социально-экономические и природные условия, художественные вкусы, понятия о нравственном идеале, воззрения и миропонимание народа в различные исторические эпохи. В костюме запечатлены связь времен, взаимоотношения племен и народов. Застывших форм в нем нет, но в прошлые эпохи его развитие не могло не подчиняться канону и традициям.

Костюм чувашей, как и других народов, представляется существенно сложным историческим явлением. По форме и стилю он различается по этнографическим особенностям чувашей *анатри* (низовых), *вирьял* (верховых), *анат енчи* (средненизовых), причем в каждой группе существовало еще несколько подгрупп.

По набору предметов и принадлежностей одежда и украшения всех групп и подгрупп в основном однородны, но имеются значительные локальные различия в покрое, орнаментации, цветовых сочетаниях, способе ношения, в композициях и технических приемах изготовления. Большинство этих различий ограничено географическим расположением тех или иных этнографических групп: для северной и северо-западной части территории Чувашии характерен костюм *вирьял*, южной и юго-восточной — *анатри*, для районов между ними — *анат енчи*. Одевание чувашей современной Ульяновской, Самарской, Сара-

---

* В основу историко-сравнительного исследования народного костюма положены археологические памятники и коллекции одежды и украшений народов бывш. СССР, хранящиеся в фондах Государственного Эрмитажа, Музея антропологии и этнографии Российской АН (МАЭ), Государственного музея этнографии (ГМЭ), Центрального государственного музея Казахстана, Чувашского и Удмуртского республиканских краеведческих музеев, Государственного музея Татарстана, Марийского республиканского научно-краеведческого музея, Самарского и Саратовского областных музеев краеведения, Краеведческого музея Башкортостана, а также альбомные воспроизведения.

товской, Оренбургской, Кемеровской, Пензенской областей, Татарстана и Башкортостана принадлежало в основном к низовой группе, но в этих же регионах и сегодня встречаются отдельные населенные пункты, относящиеся к верховой и средненизовой группам. Одежда, развивающаяся по локальным руслам, дифференцирована по полу, возрасту, сезону; делится на повседневный, рабочий, обрядовый и праздничный виды.

Народная одежда и украшения разнообразны. В их исследовании как отечественной, так и зарубежной наукой сделано немало¹. Много ценных мыслей высказано учеными дооктябрьского периода. В настоящей главе подвергается изучению не вообще одеяние, а старинный костюм, т. к. именно в нем сказываются глубокие традиции, позволяющие вести сравнительно-исторические исследования.

Национальная культура чувашей, как и других народов, обладает богатейшим наследием. Число произведений традиционной материальной и духовной культуры велико, их насчитывается тысячи. Самые ранние памятники, доступные нам для изучения, датируются концом XVII в. Хранятся они в Музее антропологии и этнографии Российской Академии наук и в Государственном музее этнографии. Большое количество принадлежностей старинного костюма находится в Чувашском республиканском краеведческом музее, в фондах музеев Казани, Самары, Саратова, Уфы. Немало их в сельских и районных народных музеях, а также в частных коллекциях.

Сравнительный анализ одежды и нарядов автор стремился проводить не столько по материалам литературных источников, сколько по музейным произведениям и археологическим памятникам, что позволяет в отдельных случаях рассматривать некоторые вопросы в совершенно ином свете.

В ансамбль старинной одежды и украшений женщины входили *кёне* (рубашка), *шупър* (вид халата), *йём* (штаны), *чёрцитти* (передник), *писиххи* (пояс), *сăхман* (сукман), *кёрёк* (шуба), платки, шали, *сăпата* (лапти), *атă* (сапоги), *касатă* (валенки), *тăла* (онучи, белые у низовых и средненизовых, черные у верховых), головные уборы *хушпу* с закрытым, конусообразным и открытым верхами, *сурпан* и *сурпан тутри* (полотенцеобразные повязки), *масмак* (налобная повязка), *тевет* (перевязь), *сăрка* (подвески), *алка*, *мăя* (шейные наряды), *ама*, *шўлкеме* (нагрудные украшения), *сёрё* (кольцо), *сулă* (браслет), *яркăч* (набедренники), *сарă* (поясной наряд), *чалма* (повязка поверх сурпана), *тастар* (головная повязка), *йёс хўре* (нахвостник), *сўс туни тенки* (накосник), *енчёк* (поясной кошелечек), *тёкёр* (поясное зеркальце) и др.

Одеяние девушки составляли *кёне* (рубашка) без медальонообразных нагрудных узоров *кёскё*, платок, *яркăч*, *писиххи*, головной убор *тухъя* (у низовых с шишечкой, у верховых большей частью без этой детали), *мăй сыххи* (повязка — часть

тухйи), *тевет*, *сърка* (серьги), *алка*, *сұха* (шейные украшения), *сёрё*, *сулă*, *шўлкеме*, *тёкёр* и др.

Мужчины носили *кёпе*, *йём* (шаровары), *кёрёк*, *сăхман*, *тăлăп* (тулуп), *сăпата*, валенки, сапоги, шляпу, шапку и т. д. Во время жертвоприношений и при исполнении свадебных обрядов руководитель церемонии должен был быть в вышитом халате *шунăр*. Отличительным элементом костюма невесты служил *пёркенчёк* (покрывало), а у жениха — *сұлăк*, *кёрў тутри* (наспинный наряд). Если проведением семейных ритуалов руководила пожилая женщина, на время совершения обряда она надевала *мужскую шапку*.

Одежда мальчиков была идентична костюму взрослых, но без принадлежностей ритуального характера. По форме и покрою она была ближе к стариковскому типу. А костюм девочек находил сходство, кроме украшений и вышивки, с одеждой девушек.

По фасону женские рубашки всех трех этнографических групп принадлежали к древнему типу — туникообразному покрою и до сер. XIX в. изготовлялись из чисто белого холста, т. е. пестрядь не применялась. Являясь одновременно и нижним платьем, рубашка имела подкладку, пришитую на спине с внутренней стороны, а нагрудная часть рубашек анатри и анат енчи часто дополнялась прямоугольной вставкой — *сылмалла*. Длина *кёпе* доходила до щиколоток, рукава к кисти суживались, края вертикального разреза на груди обрабатывались специальным вышивочным швом и у горловины стягивались коротенькими завязками, в подмышки вшивались ластовицы. Хотя покрой рубашек и имел одну общую форму, но композиционные принципы размещения орнамента выступали разнообразно, разными были узоры, их цветовое сочетание и техника выполнения. Женщины анатри и анат енчи украшали свои рубашки медальонообразными *кёскё*. Нагрудная часть некоторых рубашек иногда покрывалась и сплошной вышивкой, узор составлялся из знаков огня или из их элементов, а иногда односторонним или двусторонним узором *сунтăх*. Вышивка на рукавах, подоле и наспинной части гармонично сочеталась с нашивкой сандалового цвета. В вышивке применялось более 30 видов швов. Девичьи рубашки орнаментировались более скромно, на них часто помещались простые *два ромбика* или *ромб с наклонной полоской*.

Вышивка низовых и средненизовых плотная, полихромная, а верховых — ювелирная. Важной отличительной чертой рубашек вирьялок является также *хўлси* (лентообразные съемные вышитые наплечники). Самым широко распространенным мотивом вышивки на старинных *кёпе* выступает *сыру тёрри* — «узор письма», повторяющий знаки рунического алфавита.

В комплексе старинного костюма рубашка у чувашей — почти как самая главная часть. Именно ей в старину подчиня-

лись все остальные принадлежности наряда по своим композициям и цветовому колориту узоров, что говорит о сохранении в ней древних следов отношения человека не только к красоте, но и к окружающей среде, миру, т. к. в структуре одеяния были воплощены космогонические представления. Сохранение этих понятий свидетельствует о том, что и само слово *кёпе*, видимо, архаический термин. Сопоставление его с названиями одежды и украшений других народов действительно подтверждает эту мысль. У персов *кеба* означал женский плащ; азербайджанское *кобэ, купэ* — плащ-капот, латы, кольчуга, палас, кошма, одеяло. В XIX в. у казахов и джагатаев бытовал кафтан, называемый *коппо*. Татары Туркмении и джагатаи одежду, надеваемую в дождь, называли *кепенек*. В Турции *кебе* и *каба* означали в прошлом грубую шерстяную материю. У киргизов с далеких времен бытует кафтан из кошмы *кебенек*. Интересно то, что плащ, который персы называли *кеба*, джагатаи переименовали в *оба*². В турецком языке *купэ* обозначало серьги, в кондомском *кубэ* — кольцо, *кэбэ* — грубую шерстяную материю и одеяло; в аджарском *кобэ* — палас, кошма³. Казахи *купи* называли зимнюю верхнюю одежду из овечьей или верблюжьей шерсти, а среднеазиатские евреи зимнюю куртку — *гуппича*. *Гуппичей* же называлась женская рубаша у таджиков. В прошлом *гебенек* (войлочные куртки с капюшоном) носили карачаевские пастухи-овчары, а женщины — кафтан *кюбе-тюб*. В Осетии *кэба* именуется праздничное длинное платье женщин. У грузин термин *кэба* применялся в двух значениях: женский национальный костюм и верхняя одежда, которую надевало высшее сословие в восточных районах страны. У дунайских болгар в старину *кюпе* означало кольчугу, латы, ныне *кебе* — короткую накидку из грубого сукна. Удмурты *кабачи* называют женский нагрудник.

Интересные данные приведены в словарях М. Рясненa⁴ и В. Г. Егорова. В. Г. Егоров пришел к выводу, что, «вероятно, слово это иранского происхождения, оно еще встречается в языке пехлеви...»⁵. Из сопоставления слова *кёпе* с терминами из других языков вытекает следующее: чувашское название рубашки сохранило древнейшую форму, но сравнивать одеяния только лишь по названиям невозможно, т. к. значения их очень часто бывают разными. Иногда термины совпадают, однако в покрое одежды, отделке, размещении узоров наблюдаются несомненные различия. Главными этнографическими признаками при сравнительном анализе должны считаться прежде всего особенности либо общность всего комплекса костюма. Вместе с тем высказывание В. Г. Егорова по поводу происхождения чувашского «кёпе» представляет определенный интерес. В связи с этим хотелось бы обратить внимание на мнение Ф. Д. Люшкевича, который подчеркивает, что «...уже в сасанидском Иране, Согде и Бактрии наблюдаются общие специфические

формы...», «...что с древности и до позднего средневековья и в отдельных случаях в настоящее время» в одежде Передней Азии, Ирана и Средней Азии живут черты общности⁶. А параллели таджикской женской рубахи *гунпи́ча* отмечаются им в древнем переднеазиатском костюме. О связях костюма Средней Азии и Ирана богатый материал приводит Г. А. Пугаченкова⁷.

В костюме чувашей конца XVII — перв. пол. XIX вв. прослеживаются все его разновидности, утвердившиеся композиционные формы и канонические приемы, что, являясь главным принципом в сравнительном исследовании, помогает заглянуть в глубь истории человеческой культуры. В решении этого сложного вопроса важным и надежным материалом являются археологические памятники. Есть основания полагать, что самым древним центром, где сложились и развивались композиционные каноны одеяния и украшений, с которыми больше всего обнаруживает параллели чувашский костюм, является территория юга Средней Азии и Северного Ирана эпохи бронзы. Здесь уже к концу V — нач. IV тыс. до н. э. земледельческие племена изобрели веретено, развивали ткачество, владели начатками металлургии. На терракотовых статуэтках — женских фигурках, найденных при раскопках в Южном Туркменистане, имеется роспись, расположенная в тех местах, где на старинном костюме чувашских женщин размещались узоры, орнаментированные принадлежности, — прослеживаются изображения украшений, которые у чувашей называются *хушпу*, *мйя*, *шй́лкеме*, *кёскё*, *сунтӑх*, *яркӑч*, *сарӑ* и т. д. Отмечая эти сходства, мы отнюдь не склонны считать, что коропластика древних земледельцев юга Туркменистана принадлежала именно предкам чувашей. Однако в науке известно, что культура южнотуркменистанских племен эпохи бронзы оказала огромное влияние на всю последующую историю Средней Азии и ее окружения. В свою очередь терракота земледельцев этого региона имела очень много общего с памятниками Месопотамии, Анатолии, Ирана, Афганистана, Белуджистана и Хараппы.

Для сопоставления старинной одежды и украшений чувашей с археологическими данными ценнейшим материалом являются произведения коропластики из Согда докушанского и раннекушанского периодов (II в. до н. э. — IV в. н. э.), традиции которой связываются, с одной стороны, с культурой Передней Азии, а с другой — с искусством древних земледельцев юга Средней Азии. Согдийские скульпторы изображали свои фигурки в одеяниях с медальонообразными узорами на груди, схожими с чувашскими *кёскё*. Принципы орнаментирования одинаковы у чувашей и у согдийцев. Покрой *халатов* на терракотах аналогичен с чувашскими *шупӑр*. Женские богини изображены зачастую в *покрывалах* (пёркенчӑк), *тюрбанах* (сурпан), их головные уборы «из монет и раковин» представлены в трех видах: а) в виде широкого обруча с несколько расширяющи-

мися кверху сторонами, б) полусферические и в) в форме шапки с открытым верхом. Композиционная структура этих уборов, включая и размещение всех деталей, полностью повторяется в чувашских *хушпу*.

Из конкретных археологических данных для сопоставления с чувашской одеждой и украшениями богатый и интересный материал дает искусство одного из культурных центров Согда — Пенджикента V—VIII вв., периода его расцвета. Хотя пенджикентское искусство по времени не связано с жизнью предков чувашей, оно привлекательно тем, что в нем содержатся как бы в обнаженном виде принципы покроя одежды и приемы изготовления украшений доисламской эпохи Средней Азии. В произведениях скульптуры и монументальной живописи мастеров из Пенджикента встречаются почти все виды украшений, характерных для народного женского костюма чувашей. Особенно выразительны в них наряды и головные уборы, называемые у чувашей *сурпан*, *тухъя*, *хушпу*, *тевет*, *алка*, *сърка*, *яркӓч* и др. Однако стиль орнаментации большей частью иной: пенджикентяне прибегали в основном к растительным и зооморфным мотивам и стремились передать их изобразительным языком. Хотя это направление, особенно широко распространенное в монументальном искусстве и отличающееся от принципов народного искусства и от канонов II в. до н. э. — IV в. н. э., было не единственным: растительным узорам сопутствуют, правда, не всегда, и геометрические мотивы. Ими древние мастера украшали наплечники, грудные разрезы и рукава одежды.

В искусстве Согда, обнаруживающем много общего с чувашскими традиционными украшениями, есть то, что находит точки соприкосновения в культуре Индии, Ирана, Месопотамии. Следовательно, костюм чувашей должен найти свои аналогии и в памятниках сопредельных с Согдианой стран. Действительно, в искусстве этого ареала прослеживаются все виды украшений, которые как по форме, так и по структуре сходны с чувашскими. Небезынтересно отметить, что некоторые индийские одеяния, однотипные с чувашскими по конструкции и наименованиям, продолжают существовать по сей день (срв.: инд. *чадар* — шаль, покрывало, чув. *чатӓр* — покрывало, занавес; инд. *субер* — тонкое свадебное покрывало, чув. *шунӓр* — свадебный халат; инд. *каньчука* — блузка с узорами на груди, чув. *кӓнчӓк* — нагрудный орнамент⁸⁾).

Древние формы одежды и украшений существуют многие века, а некоторые в культуре народов Средней Азии и Казахстана бытуют и в наше время. Для нас представляет большой интерес костюм немногочисленного племени *нохурли*, населяющего оазисы на юге Туркмении на границе с Ираном и на территории Ирана. Женская рубашка *нохурли* относится к туникообразному типу, шьется с подкладкой, богато вышивается. Нагрудные украшения *гонджек* близки к чувашским *кӓнчӓк*, и, как

видим, в названии их слышен отзвук и индийского *каньчука*. У нохурли есть любопытный вид одежды, имеющийся в Туркмении только у них. Это разновидность халата, накидываемого на голову, который совмещает в себе функции легкой одежды без застежек и большого вышитого покрывала. Называется это одеяние *пуренджек*. Оно имеет не только одинаковое с чувашским *пёркенчёк* название, но и определенные параллели в орнаментации. Головной убор девушек нохурли *тахъя*, не имеющая аналогий среди головных уборов других этнографических групп Туркмении, своей конструкцией повторяет форму чувашской *тухьи*. Она украшается рядами серебряных монет, навешенные ее куполообразное с подвесками, имеется характерная деталь, помещаемая под подбородком. Все эти элементы присущи и *тухье* чувашских девушек.

Одной из важных принадлежностей костюма нохурли служил *дара яглык* (платок из шелка), напоминающий *тарай тутри*. Шерстяные онучи *долак* сходны с чувашскими *тӓла*, женский халат *чабыт* с боковыми разрезами подола — с чувашским *шупӓр*.

Одежда и наряды нохурли близки к костюмам туркмен-йомутов, текинцев и сарыков, в комплексе которых немало однотипных с чувашскими принадлежностей. Так, в старину йомутские женщины надевали на голову *хасаба* в форме расширяющегося сверху усеченного конуса, слегка сплюснутого сзади и спереди. Каркас его изготовлялся из мешковины, иногда из сплетенных толстых ниток. Убор украшался серебряными монетами, кораллами, разнофигурными бляшками, вышивкой и подвесками. Вся конструкция убора, технические приемы его оформления находят сходство в чувашском *хушпу*. Видимо, и названия их образованы от слова одного и того же значения. Это же следует сказать и о йомутском женском покрывале — *пуренжек*, схожего с нохурлинским *пуренджек* и чувашским *пёркенчёк*.

Оригинален головной убор чоудорских девушек *тахя*, украшенный бисером и монетами, некоторыми элементами, как и названием, похожий на чувашский убор *тухью*.

В Туркмении много названий, похожих на чувашские. Например, *тахъей* именуется тибетейки мужчин всех возрастов, женщин, детей. Правда, они не имеют ничего общего с *тухъей*, как и *колпак—такая*, бытовавшая у каракалпаков. Головной убор с названием *токи* и *токай* имеется у *таджиков*. *Таджикский чапон* находит аналогию с чувашским *чаппан*. Названия ряда украшений чувашей, как, например, *сӓрка*, *алка*, созвучны с каракалпакскими *сырга* и *халка*. Но параллели в их конструкциях потеряны. В то же время между названиями *орамал* (длинный кусок ткани), *турме* (узкая повязка) и *сурпан*, *сурпан тутри* нет ничего общего, однако принципы их ношения идентичны. Представляют интерес йомутские, хаджийские и

игдырские женские подвески *чулак-халка* и *ысырга*, напоминающие чувашские *алка* и *сърка*.

Застежка на каракалпакской женской рубашке туникообразного покроя *туйме* выполняла роль украшения и пуговицы. У марыйских туркмен *думе* в основном являлось украшением детской одежды, а женщины прикрепляли его на косы. В далекие времена *туйме* и у чувашей, видимо, выполняло эти же функции. Убор *борик* марыйских туркменок, имеющий форму цилиндра, сходен с чувашским *хушпу*, но для него характерны иные украшения.

В южных и западных районах Туркмении в прошлом существовал обычай помещать по сторонам разреза ворота рубашки круглые металлические, чаще серебряные бляшки, а на груди — украшения из монет и пластинок. В науке известно, что эти традиции находят аналогии в изображениях на парфянских статуэтках⁹. По нашему мнению, в этих нарядах есть что-то близкое к чувашским *кёскё* и нагрудникам.

В костюме народов Средней Азии, как видим, прослеживается смешение принадлежностей, как и их названий. Если, например, у чоудоров *тахя* надевалась только девушками, то *тахъя*, как уже говорилось, во многих районах Туркмении принадлежала и мужчинам, и женщинам. В Киргизии *кеп такыя* являлась женским убором, в то же время у казахов *такыя* считается девичьим нарядом, украшается монетами, бляшками и вышивкой.

У девушек-казашек в обиходе еще один интересный вид головного убора — *саукеле*. Для него характерна наспинная часть — лопасть («хвост»), между тем у чувашей убор девушки никогда не имел наспинной детали. В структуре *саукеле* наблюдается как бы синтез двух уборов — женского и девичьего.

Следы сложного процесса синтезирования, а возможно, и синкретического состояния можно проследить в очень оригинальном украшении казахов *туймелер*, в котором содержатся функции застежки и наряда, как и в каракалпакском *туйме*, о котором уже говорилось. *Туймелер* состоят из нескольких частей, при ходьбе или во время танца они звенят — производят своеобразную мелодию. В чувашском костюме *туйме* такого развития, по крайней мере в XVII—XVIII вв., не имело, а в последующие времена эта необходимость полностью исчезла. Однако в фондах музеев встречается немало нарядов, на которых монета или бисер заменены пуговицами.

В глубине веков затеряны параллели между казахским *сырга* и чувашским *сърка*. Это же следует сказать, видимо, и об *алка*, которое у казахов представляет собой нагрудник, часто полукруглой формы, а у чувашей — шейное и наушное украшение. На наш взгляд, несмотря на идентичность названий этих предметов, друг с другом они не соприкасались, но корни их от одного дерева. Подобное можно сказать о чувашском

кёне и казахском *куну* — зимней верхней одежде из верблюжьей или овечьей шерсти.

Некоторые параллели с чувашскими прослеживаются в украшениях среднеазиатских евреев. Так, их женские серьги — *халка* сопоставимы в какой-то степени с *халханки* чувашек.

Для сравнительно-исторического сопоставления интересные факты наблюдаются в costume народов Сибири. Правда, их немного, но они представляют собой очень ценный материал. Один из таких предметов — шорский халат *шабур* из кендыря (чув. *кантър*) — конопли. В старину его надевали и мужчины, и женщины, украшался он вышивкой и нашивками. По покрою *шабур* близок к чувашскому *шупър*, однако в размещении узоров однотипности не наблюдается.

В орнаментации старинных женских рубах южных групп хантов и манси некоторые мотивы вышивок сходны с чувашскими, причем не столько с узорами низовых, сколько — верховых. Видимо, этот принцип характерен и для налобных повязок *саравать*, напоминающих *масмак*.

Богатый и своеобразный материал для сопоставительного анализа дает район Кавказа и Причерноморья, где сосредоточены народы, народности, этнические группы кавказской, индоевропейской, алтайской, семито-хамитской семей. Сравнение костюма этого региона с одеждой и украшениями чувашей позволяет лучше познать, с одной стороны, древние формы одеяний, с другой — процесс их эволюций. В costume карачаевцев и ногайцев, представителей тюркской группы, больших сходств с чувашской одеждой не наблюдаем. Тем не менее некоторые аналогии все же прослеживаются. Так, войлочные куртки с капюшоном, надеваемые карачаевскими пастухами-овчарами, назывались *гебенек*, а женский кафтан — *кюбе-тюб*. В народном одеянии чувашей нет каких-либо следов существования подобной одежды. Но в этих названиях слышатся отзвуки древнего слова, которое сохранилось у чувашей в виде *кёне*.

Определенные параллели с чувашскими терминами, особенно в названиях принадлежностей костюма, наблюдаются у ногайцев. Так, *тастар* (покрывало), накидываемый женщинами на голову, напоминают чувашский *тастар*, но лишь своим названием, так как в их конструкциях нет ничего общего. Это же следует сказать и об остроконечном головном уборе девушек и женских налобных повязках в виде цепочек. Следовало бы отметить, что ногайская девичья шапочка своей удлиненной формой, размещением деталей и узоров близка к казахскому убору *борик*.

Сопоставление обычных чувашских нарядов с ногайскими позволяет говорить не столько о схожести, сколько об их различиях. С таким же фактом встречаемся и в сопоставлении чувашской одежды с осетинской. Между тем женское праздничное платье осетин называется *кэба*. Как видим, сам термин

сохранил древнейшую форму, связанную, видимо, с иранским происхождением.

В народном одеянии этнографических групп аваров, наоборот, в названиях принадлежностей костюма общего не наблюдается, между тем в конструкциях немало близких параллелей. Так, исключительно женский убор *чухта* андийцев, как и *хушпу*, имеет наспинную деталь. Отличающийся большой изысканностью головной убор арчинских женщин мастерицы украшали вышивкой, серебряными монетами и кораллами, т. е. их творческие принципы были те же, что и у чувашей, и у умельцев других народов. У азербайджанцев и у армян шуба из овчины называется *кюрк* (срв. чув. *кёрёк*).

Из одежды и украшений народов Кавказа интересный сопоставительный материал представляют принадлежности костюма греческой этнографической группы урум. Их женский головной убор *годик* по своей форме напоминает *хушпу*, а *добла-тухью*. *Тобди*—детали уборов, состоящие из серебряных цепочек с монетами, повторяют свисающие по сторонам лица элементы *тухьи*. Однотипность прослеживается и в формах налобных повязок *костик* и *масмак*: обе изготавливались из узкой полоски ткани, первая украшалась рядами монет, а вторая—узорами. Орнамент на костюме часто заменяли фигурки из металлических пластин. Так же оформлялись и наплечники, которые ассоциируются с вышивкой *хултърмач* и *хулси*. Оригинален у урумов головной убор *богма*: деталь его, украшающая подбородок, зашивалась крупными и мелкими монетами и пристегивалась с двух сторон к убору. Подобная деталь убора имела у нохурцев Туркмении, она называлась у них *алкым чаңце*.

Схожесть уборов туркмен-нохурли с повязками у чувашей и башкир отмечала известный этнограф Г. П. Васильева¹⁰. К ее наблюдениям хотелось бы добавить, что в старину такая повязка имела и в комплексе одеяния урумок, и в связи с этим заметить: не только повязки под подбородком, но и налобные украшения башкирских, чувашских, урумских и нохурских женщин однотипны. *Масмаки* же чувашей анатри и башкирские *хараусы* даже повторяют друг друга: изготавливаются они из холста, узор, выполняемый часто односторонними косыми стежками, имеет традиционную трапециевидную композицию, орнамент геометрический, преобладающий цвет красный, стиль ковровый. И несмотря на несомненные сходства, между ними существует принципиальное различие: на башкирских нет ярко выраженных рисунков живых существ, а на чувашских видим фигуры коней, птиц, драконов и т. д. На *масмаках* можно обнаружить целые орнаментированные «картины» сотворения мира.

Имеется разница и между столь оригинальными головными уборами *кашмау* и *кэлэпуш* башкир и чувашскими *хушпу*. Однако структура и функции их одинаковы: для них характерны

твердый остов, наспинная часть («хвост»); украшены они монетами, бисером, раковинами каури, кораллами; предназначены только для ношения женщинами, т. е. девушкам до замужества надевать их не полагалось.

Особое место в национальной одежде башкир занимает полотенцеобразный головной убор *тастар*, изготовляемый из холста. Мастерницы вышивали его геометрическим узором в большинстве случаев гладью и цветной перевитью. По форме, орнаменту, цветовому колориту и техническим приемам *тастар* близок к *сурпану* анат енчи, а тканые полотенца с концами, вышитыми тамбурным швом, перекликаются с *сурпанами* анатри.

В прошлом *тастар* бытовал и у татар Среднего Поволжья и Закамья, особенно широко — в мишарской группе. В некоторых местностях его называют *чалмой*. Обращая внимание на названия, хотелось бы заметить, что у народов Средней Азии среди названий одежды раньше термин «чалма» не был известен¹¹. Существовал термин *дастор*, обозначавший парадную повязку, в основном высшего сословия; а словом *дастархон* называли скатерть. О. А. Сухарева пишет, что распространение *чалмы* связано, видимо, с исламом, но происхождение ее нельзя выводить из него. Ношение этого убора известно еще у мидийцев¹².

На первый взгляд казалось бы, что для сопоставительного анализа не следует обращаться к одежде казанских татар, пытаться искать в ней какие-либо параллели к народному одеянию чувашей, т. к. ее покрой, принципы и стиль орнаментации, цветовой колорит и используемый материал совершенно иные. Между тем принадлежности костюма, точнее, украшения, тождественны с чувашскими по структуре, композиционным приемам, а названия некоторых нарядов и уборов аналогичны. Например, *кашпац* татарок, как и *хушпу* чувашских женщин, изготовлялся на плотном остове, украшался монетами, кораллами, бисером, с характерной подбородочной деталью. Височные подвески к убору, нередко из серебряных пластинок, монет и бисера, назывались *сырга*, серьги — *алка*, наконники — *чэч тэнкэсэ* (срв. чув. *хушпу*, *сърка*, *алка*, *сърс тунн тенки*). Одной конструкции и принципам украшения подчинены чувашский *тевет* и татарская перевязь — *дэуат* или *хэситэ*, распространенные в прошлом в разных этнографических группах обоих народов. У татар наиболее старинные образцы этих нарядов, а у чувашей — все представляли собой изделия из куска ткани с пришитыми к нему монетами, раковинами, бляшками и т. д. Форма ношения их также была одинакова.

С. В. Сулова отмечает, что к *хэсите* снизу пришивался футляр для «миниатюрного корана или молитвы из корана («боти»)»¹³. Н. И. Золотницкий писал, что «тэвэть есть арабское дэвэт — «чернильница». Сподвижники религии, «проповедовавшие ислам в Булгаре при Айдар-хане», на повязке через плечо

носили чернильницу. К чувашам «как почетный наряд» перевязь проникает через них¹⁴.

Традиция ношения в сумочке корана несомненно связана с идеологией ислама. Но сам принцип прикрепления к перевязи футляра идет из далеких времен. На наш взгляд, вывод Н. И. Золотницкого противоречит законам преемственных связей. Предмет как принадлежность мужчин высшего сословия, в период распространения совершенно новой, враждебной идеологии, превратиться в женское украшение, тем более в народное, не мог. Как *дэуат*, так и *тевет*, являясь частью одного цельного комплекса костюма, возникли вместе с другими принадлежностями в более древние эпохи, чем период принятия частью населения Волжской Болгарии исламского вероисповедания. Нашу мысль подтверждает факт существования у иранских писцов перевязи *деват* намного раньше появления ислама (в персидском языке *дэват* действительно означает чернильницу¹⁵). Немалое место занимают изображения нагрудно-плечевого украшения на фресках Пенджикента — жемчужины древней среднеазиатской культуры.

Много общего с чувашским костюмом обнаруживается в одежде татар-кряшен. Их перевязь — *дэвет*, *муйтомар* — отличается по своей конструкции от *хэситэ* прежде всего отсутствием мешочка и принадлежит как бы к отдельному виду: ее композиция, способ изготовления, да и само название полностью повторяют чувашский *тевет*.

Анализируя украшения кряшен, Ю. Г. Мухаметшин пишет: дэвет «не был связан с мусульманскими обычаями более позднего происхождения. Он значительно древнее, имеет свою линию развития и указывает на давнюю культурную общность народов Поволжья». Далее автор отмечает, что перевязи имелись не только у степных народов (татар, башкир), но и у чувашей-вирьял, удмуртов, марийцев, бесермян¹⁶. Перечисляя народы, исследователь упустил из виду этнографические группы чувашей анатри и анат енчи, у которых также *тевет* — широко распространенная и обязательная принадлежность традиционного женского и девичьего наряда. В своих выводах о древности этих украшений и связях между ними Ю. Г. Мухаметшин совершенно прав. Однако, как уже было отмечено, возникновение нагрудно-плечевого-наспинного наряда не связано с волго-уральским регионом, он ведет начало из индоиранского мира.

В древней Индии и Иране существовал обычай надевать на человека перевязь — плетеный шнур — с принятием его в религиозную общину. Индийские брахманы носили шнур через плечо. В эпоху зарождения и развития зороастризма индоиранская традиция проникает в новую религию и становится отличительным знаком приверженца этой религии. Перевязь начинали носить с наступлением совершеннолетия, надевали ее

каждый день во время молитвы и мужчины, и женщины. Форма повязки, видимо, была разнообразной. На статуэтке жреца из Мохенджо-Даро¹⁷ она идет с левого плеча через грудь под правую руку и представлена в виде широкой ленты с кругами. В Иране, как описывает М. Бойс, шнур спереди и сзади имел узлы. Повязывали его поверх белой рубашки, в ворот которой зашивался маленький кошелек-мешочек, должный напоминать зороастрийцу о том, что человек обязан всю жизнь «наполнять его благими мыслями, словами и делами для того, чтобы обрести себе сокровище на небесах»¹⁸.

Эти данные являются для нас ключом к раскрытию многих тайн *тевет*. Из них узнаем прежде всего о функции этого украшения, о существовании при нем кошелька с древнейших времен. В период существования Волжской Болгарии мужчины еще продолжали надевать перевязь, но, видимо, лишь представители высшего сословия. Сам процесс утраты назначения перевязи как принадлежности костюма мужчин начался намного раньше и был сложным и крайне не одинаковым у разных племен и народов. Следует также подчеркнуть, что распространение перевязи на многие регионы нельзя связывать лишь с учением Зороастра, тем более с распространением ислама. Украшение, имевшее магическое и культовое значение, со временем все больше и больше приобретает художественные функции и бытовые традиции, но в прошлом ни у одного народа оно не смогло выйти за пределы обрядовой системы, т. е. закрепилось в ней. В костюме женщин и совершеннолетних девушек эти традиции сохранились до поздних времен.

Как уже говорилось, костюм кряшен по сравнению с одежаниями других групп татар стоит намного ближе к чувашскому. Так, налобные повязки кряшен *маңгай цкасы*, *маңгай тэнкэсе* и чувашский *масмак* входят в одну типологическую группу украшений. Это же следует сказать и об *ак яцлык*, который близок с *сурпан тутри*, о *тамакса*, перекликающемся с чувашским ожерельем. Одни и те же принципы изготовления и создания художественного образа отмечаются в ушных подвесах *сырга* — чув. *сърка*, серьгах *алка* — чув. *алка*, головных уборах девушек *такъя* — чув. *тухъя*. Покрывало невесты *бөркэнчек*, которое применялось для закрывания ее лица при вводе ее в дом жениха¹⁹, аналогично чувашскому *пёркенчёк*. Среди свадебных нарядов это — едва ли не самая богато вышитая принадлежность. В его форме и узорах содержатся следы космогонических представлений. Белое покрывало невесты с узорами *кёскё* — светилами — символизировало небосвод. Нахождение невесты под покрывалом означало начальный этап создания антропоморфного мира. Девушка на свадьбе вступала в стадию превращения в женщину, а в миропонимании древних только замужняя женщина являлась моделью мира.

Кроме этих понятий, о древнейшем происхождении *пёркен-*

чек свидетельствуют следующие факты: как было уже отмечено, аналогичное чувашскому покрывало *пуренджек* бытовало у нохурли, придерживавшихся в далеком прошлом зороастрийского вероисповедания. На согдийских терракотах II в. до н. э. принадлежность костюма, накидываемая поверх головы, выступает одной из главных частей одеяния.

Свадебное покрывало, называемое *сюлык айшон*, занимало важное место в народном костюме удмурток. Но это уже не убор невесты, а принадлежность женского костюма. По оформлению и функции *сюлык* напоминает вышитый платок и не имеет общего с *пёркенчэк*: его форма с узорами и бахромой ближе к платку жениха — *сулак*, или *кёрё тутри*. Между тем весь комплекс удмуртского костюма, особенно бесермянской группы, представляет огромный интерес по той причине, что во многом схож с чувашским. Большой знаток народной одежды В. Н. Белицер писала, что удмуртская женская рубашка, как и чувашская, относится к древнему типу: покрой ее туникообразный²⁰. У бесермян бытовала и рубашка «с отрезной (вшивной) верхней частью спереди»²¹ — одежда такой конструкции у чувашей была очень распространенной. Исследователи отмечают, что в прошлые века девушки-удмуртки, как и молодые чувашки, носили белые рубахи с ромбовидными фигурами на груди²². Иногда узор помещался только на левой стороне. Такой орнамент и подобный принцип его размещения на одежде у других народов Поволжья и Приуралья не встречается. Композиция узоров, а также некоторые термины у чувашей и удмуртов совпадают (срв.: чув. *хилтърмач*, удм. *колтормач*); одинаковы архитектоника и названия распашных халатов (чув. *шупър*, удм. *шабур*); налобные повязки *йыр кертэт* и *масмаки* чувашей анатри входят в одну типологическую группу. Как бы одним и тем же законам построения подчинены женские головные полотенца удмурток и сурпаны низовых чувашек. Структуры удмуртских женских поясов *зар* и чувашских набедренников *яркйч* близки друг к другу, а их узоры представляются порой как бы выполненными мастерицами-подругами. Само название предмета созвучно названию поясного украшения чувашек *саря*. Настоящими шедеврами народного искусства удмуртов являются нагрудники *кабачи*, вышивки которых по сочетанию фигур, технике исполнения и цветовому колориту близки к узорам чувашей анатри и анат енчи.

Оригинальные принадлежности костюма удмуртов — наплечные перевязи — близки, с одной стороны, к чувашским *тевет*, *дэвэт* татар-кряшен, *дэуэт* башкир, а с другой — к *хэситэ* татар. Перевязь с мешочком и оформлением лишь фронтальной части ближе к *хэситэ*, чем к *тевет*. Н. И. Воробьев и В. Н. Белицер считали, что этот тип убора развился благодаря исламу. Высказанная ими мысль была поддержана и Н. И. Гаген-Торн²³. Однако процесс эволюции костюма и его принадлеж-

ностей много сложнее, о чем уже говорилось при сопоставлении чувашских и татарских украшений. На наш взгляд, мешочек, прикрепляемый к бесермянской перевязи, бытовал, по всей вероятности, и у чувашей, затем стал «довеском» к поясу. Так, женские поясные кисеты чувашей, в которых носились монеты, зеркальце, сходны по своей форме и размерам с амулетом нагрудно-плечевого наряда бесермян (№ 1111—47, ГМЭ).

Головной убор девушек-бесермянок *такъя*, украшенная рядами серебряных монет, бисера и металлическим навершием, шедевр народного творения, повторяет, как пишет Н. И. Гаген-Торн, конструкцию тухьи чувашей группы низовых и средне-низовых²⁴. Добавим к этому, что, как свидетельствуют фотографии, хранящиеся в фондах ГМЭ и Удмуртского республиканского краеведческого музея, кроме убора с шишечкой, у удмуртов бытовала еще и полусферическая шапочка с твердым остовом, оформленная монетами, вышивкой и с деталью, свисающей под подбородком, не отличавшаяся по своей композиции и художественным приемам от тухьи вирьялок.

Исследователи, особенно чувашские, больше всего обращают внимание на бесермянский костюм. Однако следовало бы иметь в виду, что, как свидетельствуют приведенные примеры, множество параллелей с чувашами обнаруживается и в других группах удмуртов.

Некоторые черты сходства с чувашскими изделиями имеют произведения народного искусства мордвы. Так, женские нагрудники *тифкс* из бисера и бус близки к ожерелью *суха* чувашских девушек, а поясные подвески — к набедренникам вирьял. О сложном процессе взаимовлияний и эволюции говорят *шўлкеме* верховых, *ама*, *сурпан сакки* и *шўлкеме* низовых и средне-низовых и нагрудная фибула *сюльгам* мордвы-мокши. Застежка *сюльгам*, полуовальной формы, делалась в большинстве случаев из витой проволоки, нескольких рядов монет, раковин-ужовок, гравированной медной или латунной пластины и подвесок из цепочек с бубенцами и жетонами. Археологические находки — подвески, найденные в Журавкинском II и в Шокшинском могильниках²⁵, свидетельствуют, что украшения подобной конструкции имелись на земле Мордовии уже в I тыс. н. э. Как нам кажется, сюльгамы связаны, с одной стороны, с подвесками древних племен Мордовии, а с другой — *шўлкеме* чувашей, но это, видимо, плод взаимовлияний более позднего времени.

Иная картина вырисовывается при сопоставлении чувашского костюма с марийским. В каждой этнографической группе народа мари, будь это луговая, восточная или горная, наблюдается множество параллелей с чувашами как в покрое одежды, орнаментации, технике ее выполнения, украшениях, так и в самих названиях принадлежностей костюма.

Старинная рубашка луговых марийцев по архитектонике

относится к туникообразному типу, по композиции расположения узоров, по их цветовому колориту приближается к рубашке чувашей анат енчи. Вышивка на ней сопровождается нашивкой. Широко распространенный орнамент нагрудной части *чызе орол* и наклонные полосы напоминают чувашские узоры. Общую структуру имеют и женские головные полотенца — марийский *шарпан* и *сурпан* вирьял и анат енчи. Общий принцип в построении налобных повязок *нашмак* и *масмак*, поясных подвесок *солык* и *сёлкё*.

Сходства прослеживаются и в украшениях, выполненных из монет и бисера. Марийские мастерицы, как и чувашские, владели секретами шитья, подчинялись глубоким традициям и при изготовлении украшений проявляли незаурядные таланты. Женские нагрудники марийцев *почкама* и *ама* чувашей анатри в некоторых образцах даже трудно отличить друг от друга. Форма их полуовальная, монеты и бисер пришиваются к твердой основе, обязательной деталью для них является медная или латунная пластинка, которая часто гравирована. Различие между ними в том, что на *ама*, датируемых ранними веками, встречаются надписи рунического письма, чего на *почкама* нет.

Вековые тайны хранит в себе нагрудник луговых мари *аршаш*. По конструкции он сходен и с *ама* вирьял, и с украшениями горных марийцев. *Аршашами* называются у луговых также нагрудно-наспинные украшения, по структуре повторяющие чувашские *тевет*. Этому наряду присущ любопытный элемент: нижняя его часть, имеющая прямоугольную форму и пришиваемая как бы в вертикальном положении, изготавливается отдельно. Оформляется она, особенно в старинных образцах, очень богато: серебряные монеты различных размеров переплетаются с вышивкой, бисером, ушовкой и разноцветными кистями. Подобной детали на перевязях бесермян и казанских татар нет, на ее месте, как уже говорилось, пришивается сумочка. По нашему мнению, как у чувашей, так и у марийцев, данный элемент нагрудно-наспинных украшений служил амулетом, который исходит из древних времен.

Марийский женский головной убор *ошпу* и по названию, и по архитектонике перекликается с *хушпу* с открытым верхом, но в структуре их есть разница: у марийцев он, видимо, не дошел в своем развитии до сложных вариаций, а у чувашей сохранились древние канонизированные формы.

Своеобразны украшения и костюм восточных марийцев. Принципы орнаментации их женского кафтана *шовыр* близки к чувашскому *шупър*. Как луговые, так и горные женщины мари медальонообразные *кёскё* на своих рубашках не вышивали, а у восточных они, хоть и в зачаточной форме, но встречаются. В то же время в покрывалах невесты — в марийском *вўргенчык* и чувашском *пёркенчёк* — назначение, приемы создания художественного образа, цветовое сочетание выступают

общими. Анализируя обрядовую одежду марийцев, Т. А. Крюкова отметила, что покрывало в ходе свадьбы сменялось головным шелковым платком *солык*²⁶.

Девичья шапочка, украшенная монетами, *такия*, напоминая по композиции и названию чувашскую *тухью*, однако связана, на наш взгляд, не с головным убором чувашек, а с татарским *такия*. Видимо, это же следует сказать и о восточно-марийском нагруднике *дауат*. Параллели эти возникли в более позднее время.

Общность костюмов горных мари и верховых чувашей в науке довольно хорошо изучена²⁷. Хочется лишь отметить, что часть горных марийцев, ассимилируя с чувашами, способствовала появлению у них этнографической группы вирьялов. Завершение формирования их культуры уходит, видимо, не в такое уж далекое прошлое. Пласт параллелей, существующих в одежде и украшениях луговых мари и чувашей анатри, обязан, напротив, более древним эпохам,— очевидно, временам болгаро-суварской культуры, которая пришла в соприкосновение с культурой финских племен Поволжья и угорских этнических групп Волго-Уральского региона.

В произведениях бронзовой скульптуры малой формы раннего периода Волжской Болгарии просматривается одежда, перекликающаяся с чувашской. Фигуры богов представлены в головных уборах, схожих с *тухья* и *хушпу*. Эти уборы, в их древней конструкции, сохранились в народном искусстве дунайских болгар²⁸. Так, болгарский *луб* перекликается с *хушпу*, а *каица* — с *тухьей*. Эти факты еще раз свидетельствуют, что одежда и украшения болгар и сувар с древнейших времен были однотипными и, видимо, оказали определенное влияние на костюм финно-угорского мира. Вместе с тем предки чувашей, не оставаясь изолированными, и сами испытывали воздействия их соседей.

Однако не культура волжских болгаро-сувар явилась колыбелью, взрастившей сходство одеяний и нарядов разных племен и народов Волго-Камья. Иранские, тюркские, угорские племена и народы в течение столетий оказывали друг на друга влияние еще задолго до образования «Великой Болгарии» в Приазовье и Прикубанье и Волжской Болгарии в Волго-Камье.

Необходимо подчеркнуть, что многие параллели, отмечаемые сегодня в одеяниях и украшениях, говорят вовсе не о том, что они возникли только вследствие прямых контактов предков ныне существующих, перечисленных в статье народов. Воздействия могли быть разными и в различные исторические эпохи. Но источник сходных украшений и одежды с одинаковым смысловым значением во многих случаях был общим. Одними из центров возникновения однотипных костюмов явились районы Средней Азии и Северного Ирана, которые имели контакты с Передней Азией и Индией. Эта древняя культура оказала

огромное воздействие на всю последующую историю. Следы ее обнаруживаются в costume многих народов, населяющих нашу и сопредельные страны.

Чувашская народная одежда и украшения — богатейшее наследие материальной и духовной культуры прошлого. В их тысячелетних традициях сосредоточены связи времен, племен, народов, различных географических регионов Азии и Европы. По своей форме, характеру, содержанию, стилю орнаментации костюм чувашей тесно связан с земледельческим укладом жизни. Истоки его зарождения восходят к древней индоиранской культуре, а корни традиций находятся в искусстве цивилизации древних земледельцев юга Средней Азии и Северного Ирана (IV—III тыс. до н. э.).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- ¹ Воробьев Н. И., Львова А. Н., Романов Н. Р., Симонова А. Р. Чуваши. Этнографическое исследование. Ч. I. Чебоксары, 1956; Ч. II. Чебоксары, 1970; Димитриев В. Д. История Чувашии XVIII века. Чебоксары, 1959; Каховский В. Ф. Происхождение чувашского народа. Чебоксары, 1965; Денисов П. В. Национальная одежда низовых чуваш южных районов Чувашской АССР // Учен. зап. ЧНИИ. Вып. 11. Чебоксары, 1955. С. 210—251; Иванов Л. А. Национальная одежда и украшения прикамских и южноуральских чувашей // Исторический сборник: Учен. зап. ЧНИИ. Вып. 31. Чебоксары, 1966. С. 156—180; он же. Старинная женская национальная одежда чувашского населения Самарской Луки и Саратовского Правобережья // Бытовая культура чувашей. Чебоксары, 1985. С. 67—80; Ковев И. Следы быта и языка праболгар. // Зап. ЧНИИ. Вып. 47: История, этнография, социология. Чебоксары, 1969. С. 204—210; он же. Этнокультурные параллели между волжскими и дунайскими болгарами // Вопросы истории Чувашской АССР: Учен. зап. ЧНИИ. Вып. 52. Чебоксары, 1970. С. 224—230; и др.
- ² См.: Рассудова Р. Я. К истории одежды оседлого населения Ферганского, Ташкентского и Зеравшанского регионов // Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана / Сб. МАЭ, XXXIV. Л., 1978. С. 171, табл. 2.
- ³ Будагов Л. Э. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т. II. СПб., 1871. С. 112, 142.
- ⁴ Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuch der Türkssprachen. Helsinki, 1969. S. 253.
- ⁵ Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964. С. 105—106.
- ⁶ Люшкевич Ф. Д. Одежда таджикского населения Бухарского оазиса в первой половине XX в. // Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана: Сб. МАЭ, XXXIV. Л., 1978. С. 142.
- ⁷ Пугаченкова Г. А. К истории костюма Средней Азии и Ирана XV — первой половины XVI в. по данным миниатюры // Труды Среднеазиатского государственного университета: Новая серия, вып. LXXXI. Историч. науки, кн. 12. Ташкент, 1956. С. 36.
- ⁸ Гусева Н. Р. Художественные ремесла Индии, М., 1982. С. 56, 59, 134.
- ⁹ Народы Средней Азии и Казахстана. М., 1963. Т. II. С. 95.

- ¹⁰ *Васильева Г. П.* Туркмены-нохурли //Среднеазиатский этнографический сборник. /Труды Института этнографии: Новая серия. Т. XXI. М., 1954. С. 170.
- ¹¹ *Сухарева О. А.* Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии //Среднеазиатский этнографический сборник /Труды Института этнографии: Новая серия. Т. XXI. М., 1954. С. 326.
- ¹² Там же.
- ¹³ *Сулова С. В.* Татарские ювелирные украшения. Казань, 1980. С. 22.
- ¹⁴ *Золотницкий Н. И.* Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других племен. Казань, 1875. С. 243.
- ¹⁵ Персидско-русский словарь. М., 1970. Т. 1. С. 669.
- ¹⁶ *Мухаметшин Ю. Г.* Татары-кряшены. М., 1977. С. 133.
- ¹⁷ См.: *Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф.* Древняя Индия. М., 1969. С. 112, рисунок.
- ¹⁸ *Бойс М.* Зороастрийцы. Верования и обычаи. М., 1988. С. 42.
- ¹⁹ *Мухаметшин Ю. Г.* Указ. соч. С. 126—127.
- ²⁰ *Белицер В. Н.* Народная одежда удмуртов. Материалы к этногенезу //Труды Института этнографии: Новая серия. Т. X. М., 1951. С. 34.
- ²¹ *Крюкова Т. А.* Удмуртское народное изобразительное искусство. Ижевск—Ленинград, 1973. С. 37.
- ²² Там же. С. 70; *Гаген-Торн Н. И.* Женская одежда народов Поволжья, Чебоксары, 1960. С. 28.
- ²³ *Воробьев Н. И.* Казанские татары (Этнографические исследования материальной культуры дооктябрьского периода). Казань, 1953. С. 303; *Белицер В. Н.* Указ. соч. С. 77—78; *Гаген-Торн Н. И.* Указ. соч. С. 101.
- ²⁴ *Гаген-Торн Н. И.* Указ. соч. С. 153.
- ²⁵ См.: *Юшкин Ю. Ф., Петербургский И. М., Лузгин А. С., Прокина Т. П.* Мордовия. Народное искусство. Саранск, 1985. С. 12—15.
- ²⁶ *Крюкова Т. А.* Марийская вышивка. Л., 1951. С. 60.
- ²⁷ *Крюкова Т. А.* К вопросу об изучении современной одежды марийцев //Труды МарНИИ. Йошкар-Ола, 1953. Вып. V. С. 163—177; *Денисов П. В.* Данные этнографии к вопросу о происхождении чувашского народа //О происхождении чувашского народа. Чебоксары, 1957. С. 93; *Козлова К. И.* Этногенез и этнические связи марийцев по данным этнографии //Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967; *Гаген-Торн Н. И.* Женская одежда народов Поволжья. Чебоксары, 1960; *Шикаева Т. Б.* Памятники XVI—XVII веков Марийско-Чувашского Поволжья //Древние этнические процессы Волго-Камья. Археология и этнография Марийского края. Вып. 9. Йошкар-Ола, 1985.
- ²⁸ См.: *Денисов П. В.* Этнокультурные параллели дунайских болгар и чувашей. Чебоксары, 1969; *Николова М.* Към проучването на българските невестински забраждения луб, разсучал, каица и сокай //Известия на музеите в Северозападна България. Т. V. София, 1981. С. 71—101; *Казаков Е. П.* О характере связей волжских болгар с финнами и уграми в X—XII вв. //Древние этнические процессы Волго-Камья /Археология и этнография Марийского края. Вып. 9. Йошкар-Ола, 1985. С. 24—37; Народы Сибири. Серия «Народы мира: Этнографические очерки». Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. М.—Л., 1956.

ДРУГАЯ ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Валеев Ф. Х.* Орнамент казанских татар. Казань, 1969.
- Валеев Ф. Х.* Народное декоративное искусство Татарстана. Казань, 1984.
- Валеев Ф. Х., Валеева-Сулейманова Г. Ф.* Древнее искусство Татарии. Казань, 1987.
- Валеева Д. К.* Искусство волжских болгар. Казань, 1983.
- Воронов Н. В., Трофимов А. А.* Изобразительное искусство Советской Чувашии. М., 1980.

Гулова Ф. Ф. Татарская народная вышивка. Казань, 1980.

Крюкова Т. А. Мордовское народное изобразительное искусство. Саранск, 1968.

Кузеев Р. Г., Бикбулатов Н. В., Шитова С. Н. Декоративное творчество башкирского народа. Уфа, 1979.

Маргулан А. Х. Казахское народное прикладное искусство. Т. I. Алма-Ата, 1986; Т. II. Алма-Ата, 1987.

Меджитова Э. Д. Марийское народное искусство. Йошкар-Ола, 1985.

Меджитова Э. Д., Трофимов А. А. Чувашское народное искусство. Чебоксары, 1981.

Народы Кавказа. Серия «Народы мира»... Т. I. М., 1960.

Народы Кавказа. Серия «Народы мира»... Т. II. М., 1962.

Народы Средней Азии и Казахстана. Серия «Народы мира»... Т. I. М., 1962.

Народы Средней Азии и Казахстана. Серия «Народы мира»... Т. II. М., 1963.

Сперанская Л. Л. Костюм казанских татар. Казань, 1972.

Фахрутдинов Р. Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань. 1975.

НАРОДНЫЕ ЗНАНИЯ

Огромный опыт, накопленный в течение многих веков, аккумулируется в народных знаниях. Они не являются продуктом только одного народа, а складываются и совершенствуются в процессе их общения, взаимовлияния и взаимовосприятия, проверяясь на практике, передаются из поколения в поколение.

Тюркоязычные предки чувашей в период их пребывания в Центральной Азии пользовались руническим письмом. Не исключено, что болгарские племена, переселившиеся в Волго-Камье, некоторое время применяли его¹. Сложная социально-политическая история, которую претерпели чувашаи, оставила о письменности только память, сохранившуюся в лексике, фольклоре и, как считают отдельные исследователи, рунические знаки имеются в старинных вышивках². В Волжской Болгарии распространяется арабская письменность: ряд эпитафий, нанесенных на надгробные камни времен Волжской Болгарии и Золотой Орды, содержат чувашские слова³.

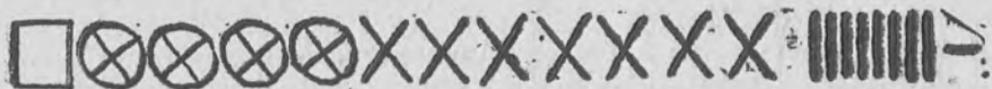
Большая часть народа, оставаясь неграмотной, употребляла идеографические знаки-тамги (*тумха, тура*). Они стали символами для обозначения семейной (патронимической) собственности, наносились на бортные деревья, орудия труда, утварь, а также на официальные документы, о чем свидетельствуют архивные источники. Родственные семьи имели тамги, производные от знака, принадлежавшего общему предку по мужской линии (деду, прадеду), и отличались друг от друга дополнительными черточками, кружками и т. п. Идеографические знаки-тамги характерны для многих народов, они бытовали также у русских, мари, мордвы, удмуртов, татар⁴. Чувашские пастухи и в начале XX в. применяли их.

Если тамга — знак отдельной семьи, то количественные показатели отмечали числовыми знаками. Цифры в прошлом применялись сборщиками податей, на своеобразных счетных документах (земельных брусах, бирках сборщиков хлебных и

денежных податей, заемных, домашних записных и т. д.), плотниками для обозначения номера венца сруба каждой отдельной стены. Количество животных, принадлежавших семье, число венцов сруба редко превышали два-три десятка, потому реальной необходимости в больших числах не было. За пять десятков выходили лишь при сооружении крупных ветряных мельниц. Цифрами пользовались и женщины для обозначения калибра ниченок (*кар*) и берда (*хёр*)⁵.

Как и у других народов алтайской и уральской языковой семьи, у чувашей традиционная система счета была десятиричной, восходящей к древнекитайской. Числовые знаки как бы повторяли пальцы на руках. Они имели внешнее сходство с римскими, но не совпадали с ними. Так, при написании чисел от 1 до 4 ставили соответствующее количество вертикальных черточек, 5, подобно большому пальцу левой руки, обозначали черточкой под углом 45° к горизонтали вправо от основания, 6—знаками I и / (тогда как в римском единицу ставили за знаком V), 10—двумя перекрещивающимися черточками (как бы скрещенными большими пальцами обеих рук), а одиннадцать — IX (в римском XI). Отличное от римского начертание свидетельствует о независимом возникновении знаков у чувашей. Но они немногим отличались от знаков соседних народов (у мордвы по другому обозначались лишь числа 10, 50, 100)⁶.

Практиковались и другие обозначения чисел. Г. Ф. Миллер, участник Академической экспедиции 1733—1743 гг., будучи в Казанской губернии, зафиксировал, что у не владеющих грамотой марийских, чувашских, удмуртских и татарских крестьян «при займодавстве займодавец и должник берут две палочки, которые между собой складываются, и на оных палочках вырезают столько крестов, или херов (XXX), или зарубок (III), сколько будет гривен, или копеек»⁷. Идентичные знаки применялись, например, в податных книгах, называвшихся чувашами *симёс кёнеке* — зеленой книгой (по цвету обложки)⁸. Так, в платежной книге крестьянина Бишевского сельского общества Яниково-Шоркисринской волости Цивильского уезда Игнатия Горшкова, которую вели с 1846 по 1896 год, сумма уплаты податей дублировалась. Сборщики записывали словами и арабскими цифрами внесенную сумму, а под ними ставили чувашские цифры. 10 рублей записывали как квадрат, 1 рубль — косым крестом внутри круга, 10 копеек — крестом, 1 копейку — вертикальной черточкой, четверть копейки — горизонтальной⁹. 24 февраля 1846 г. сборщик податей получил с Игнатия Горшкова 14 рублей 78 с четвертью копеек, и об этом чувашскими цифрами сделана следующая запись:

Таким образом, можно считать, что у народов Поволжья бытовали две группы числовых знаков — плотницкие и денежные, в целом по региону унифицированные.

В хозяйственной деятельности чувашаи применяли детально разработанную систему мер длины, площади, веса и объема, аналогичную с соседними народами, которая в силу исторических причин испытала сильное влияние Востока.

Базовой единицей меры в ткачестве и шитье, плотницких и кузнечных работах выступал *пёрне* (палец), а точнее, его толщина, 5 пальцев составляли *ал лаппи* (ладонь), 2 ладони — *шит* (пядь, в среднем 20,5 см), 2 пяди — *чике* (локоть). Кроме того, локоть означал длину от локтевого сгиба до конца пальцев. Оба локтя у чувашей соотносились как равные (45—50 см.). 2 локтя составляли *хур* (в некоторых местностях — 4 локтя). У алтайцев, тюрков Средней Азии бытовала единица *кары*, равная расстоянию от середины груди до конца пальцев руки, разведенной на уровне плеча¹⁰. Несмотря на различные способы измерения, хур и кары относительно равны между собой. Из Средней Азии к чувашам пришел термин *аршын* (аршин), означающий длину руки, равной в среднем 71 см. Расстояние от концов средних пальцев обеих рук при полном размахе, или иначе 2 хур, называлось *халаç*. После присоединения Чувашии к Русскому государству стали бытовать *чалаш* (букв. косой) — величина, равная расстоянию от большого пальца левой ноги до среднего пальца правой руки, т. е. русская косая сажень (древнерусская — 248 см, казенная сажень — 216 см, после 1835 г. — 213,36 см), русский аршин (до 1835 г. — 72 см, после — 71,12 см), *вершук* (вершок)¹¹.

Большие расстояния измерялись в *сухрәм* (предел слышимости крика). Такой термин бытовал и у других народов (например, *чакрым* у татар). С вхождением в состав Русского государства чувашаи стали соотносить его с русской верстой. В настоящее время *сухрәм* означает километр.

Наиболее древней единицей измерения площади, в основном при переделе земли, сохранившейся в источниках, является *пилёк* (беляк). Она употреблялась у мари, мордвы, удмуртов, первоначально, в период Золотой Орды, означала «надел» (от тюркского *бёлük* «часть, надел»), затем стала единицей меры. Чувашским синонимом выступал также *ана* (загон). Его половина называлась *сурпилёк* (полбеляка), четверть — *түртём, чёрёк, харах йәран*. В разных местностях указанные величины имели разную фактическую площадь, т. е. унифицированность отсутствовала. В одной общине *ана* (пилёк) равнялась 3000 кв. казенных сажений, в другой — 2000, в третьей — 1200¹². Официальная русская единица *теçеттин* (десятина) стала практиковаться после XVI в.

Для измерения количества жидкости применялся сосуд, выдолбленный из липы, реже осины, *чёрес* (чиряс). В зависимости

от назначения (для меда, молока, масла и т. д.) чирясы имели разную емкость. Аналогичными мерками пользовались соседние народы. Об унифицированности, разумеется, говорить не приходится. Не позднее XIII—XIV вв. чувашаи переняли меру *патиен*, *паттян*, существовавшую в Золотой Орде. После XVI в. распространились русские официальные единицы *витре* (ведро), *четвѣрт* (четверть ведра), *пичке* (бочки в 10 и 40 ведер).

Древней мерой веса у чувашей выступал *патман* (батман), известный на востоке не позднее X в. Он бытовал в Средней Азии, Хазарском каганате, Волжской Болгарии, Казанском ханстве. Батманами мерили также татары, мари, мордва, башкиры. Он имел три весовых значения: батман соли, как показывают документы, был равен 10 фунтам, т. е. 4,095 кг, меда — 1,5 пуда, зерна, муки — 4 пуда. С середины XVI в. в обиход вошли русские меры веса — *пѣт* (пуд), *крепенкѣ* (от «гривенка»). Хотя у русских название «гривенка» в середине XVII в. заменилось фунтом, чувашаи и по сей день при взвешивании шерсти, пуха вес в 400 граммов именуют «крепенкѣ». Приспособления для взвешивания у народов Среднего Поволжья сделаны по подобию коромысла. Большие коромысленные весы назывались *тараса*. (Надо заметить, что это слово, распространенно у многих тюркских народов разных регионов, что свидетельствует о большой его древности). Использовались в быту и ручные весы *песмен* (безмен) с неподвижной гирей на конце рычага и постоянной точкой опоры. На металлическом рычаге на разном расстоянии от опоры делались отверстия, а на деревянном — зарубки, соответствующие определенному весу, к которым при помощи крючка прикреплялась тарелка с грузом¹³.

Названия денежных единиц в чувашском языке отражают этапы политической истории чувашского этноса. Так, слова *сум*, *сом*, *укса* сохранились с болгарских времен. Денежная единица первого порядка (мелкая монета) во многих тюркских языках именуется *акча* (чув. *укса*). Она употреблялась в Золотой Орде. Единицей второго порядка для тюрков был *сум*, означавший слиток серебра лепешкообразной формы определенного веса. Вплоть до второй половины XIX в. чувашаи рубль называли *сум*. Затем он был вытеснен номинацией *тенкѣ*, первоначально выступавшей как монета. Копейку чувашаи называли *пус* (букв. «давить», т. е. чеканить), полкопейки — *укса*, *сурпус*¹⁴.

После денежной реформы 1839—1843 гг. новые деньги на серебряной базе чувашаи пересчитывали на привычные старые ассигнации и медяки по официальному курсу 3,5 к 1. Чувашский *пѣр пус* (одна копейка) означал четверть новой копейки серебром, *икѣ пус* (две копейки) — полкопейки, *вицѣ пус пѣр укса* (три копейки и одна укся, т. е. деньга) — одну копейку, *вунѣ пус* (десять копеек) — три копейки. 29 копеек серебром называли *сом та пилѣкрен вицѣ пус катѣк* (от рубля и пяти ко-

пеек меньше на три копейки), 1 рубль серебром — *пёр манит* (одна монета) или *вищё сум алдй пус* (три рубля, пятьдесят копеек). Подобный пересчет практиковался у мари: счет шел на беличьей шкурки (чув. *пёр пус* был равен одной белке) ¹⁵.

Важным компонентом народных знаний является календарь — способ организации и отсчета времени. В повседневной жизни чувашаи время отсчитывают по сезонам года, от которых зависят циклы сельскохозяйственной деятельности. Год *сул*, *султалак* делится на четыре сезона: весну *сур*, *суркунне* (пахота и посев яровых), лето *су* (сенокос, подъем зяби, уборка хлебов), осень *кёр*, *кёркунне* (посев озимых, начало обмолота), зима *хёл* (обмолот, стойловое содержание скота). Такой отсчет полностью связан с астрономическими и фенологическими наблюдениями, повторяемостью сезонов. Он характерен для восточных славян, финно- и тюркоязычных народов средней полосы Восточной Европы ¹⁶.

У чувашей, как и у многих других тюркских и соседних финно-угорских народов, был и лунно-солнечный календарь. Год делился на месяцы, смену последних определяли на основе наблюдений за сменой фаз Луны. Чувашский *уйах*, древнеболгарский *айых*, якутский *ый* и *ай* во многих тюркских языках означает и Луну, и календарный месяц. Для счета времени азиатские предки чувашей переняли китайский календарь, основанный на трехлетнем цикле, в котором лунные и солнечные годы взаимно увязывались. Первые два года включали 12 месяцев, третий — 13 и эти 37 месяцев составляли три астрономических года. Этот принцип применяли восточные тюркские народы (алтайцы, тувинцы, хакасы, чулымцы и др.). Такой способ счисления времени до принятия ислама был известен волжским болгарам и перешел к чувашам. Некоторые следы проявлялись у казанских татар, татар-кряшен ¹⁷.

Наряду с двумя вышеназванными, у чувашей существовала достаточно детализированная, уходящая корнями в Центральную Азию система отсчета времени. В китайско-монгольском календаре имелся 12-летний цикл, каждый год которого имел название определенного животного (шести домашних и шести диких). Народы, жившие рядом с китайцами, переняли его, но при этом переводили названия (символы) годов на свои языки. Хронологическая информация орхоно-енисейских памятников, «Именник» князей дунайских болгар свидетельствуют о бытовании таких календарей у тюркоязычных этносов. Даже при огромном территориальном удалении друг от друга у них один и тот же год назывался одинаково (с небольшими вариациями). В целом летоисчисление у тюркских этносов было единым ¹⁸. Этот цикл автохтонным народам Среднего Поволжья, как считают некоторые исследователи, могли передать гунны еще в V веке ¹⁹. Но циклический календарь линейного счета продолжительных отрезков времени мог иметь место лишь в об-

ществах с элементами государственности, а не для удовлетворения хозяйственных потребностей племен Поволжья той эпохи²⁰. Чуваши получили его от своих болгарских предков, с крайне ограниченным употреблением он бытовал у татар и башкир, от волжских болгар восприняли его мари. Названия и значения годов у чувашей были следующими: 1) мышь (урожайный); 2) корова (радость); 3) барс (драка, бой); 4) заяц (ужасный, страшный); 5) лев (немирный); 6) змея (черный мороз); 7) конь (война); 8) овца (так же); 9) обезьяна (урожайный); 10) курица (урожайный); 11) собака (ежевика); 12) свинья (голод)²¹. В чувашском и татарском календарях названия третьего года отличаются от китайского (тигр), дунайско-болгарского (волк), у китайцев пятый год — год дракона, так же у татар.

Многочисленные источники о чувашских календарях называют разные точки отсчета, соответствующие началу года. Поскольку календарь, связанный со сменой сезонов, хозяйственных занятий и культовых нужд населения, должен опираться на значимые явления, то у скотоводов Центральной Азии началом года считалась весна, когда после трудной зимовки со скудными кормами пробивается зеленая трава, после отела появляется достаток в молочной пище и как бы начинается новая жизнь кочевника. Почти все народы тюркского и иранского происхождения, связанные со скотоводством, наступление весны отмечают как великий праздник²². Такая традиция, сложившаяся у предков волжских тюрков в азиатский период их истории, в Поволжье на этапе складывания чувашского этноса могла усилиться под влиянием Золотой Орды. Ведь у монголов с 1267 г. официально год начинался с первого месяца весны. О том, что начало земледельческих работ стало исходным моментом для чувашского года, свидетельствуют многие источники²³.

По другим материалам, чувашский год начинался осенью²⁴, в месяц *юпа* (вторая половина октября — начало ноября). Это объяснимо рядом обстоятельств. У многих народов Сибири (от селькупов, хантов на севере до чулымцев на юге), а также дунайских болгар в прошлом (по чаталарскому памятнику) год начинался с новой Луны между 14 и 21 октября. Существенная доля общественных ритуалов, жертвоприношений у тюркоязычных народов Южной Сибири совершалась осенью²⁵. Чуваши в месяц юпа справляли поминки, на могилах покойников, умерших в течение года, устанавливали памятники — столбы *юпа*.

После присоединения Чувашии к Русскому государству в быт народа все глубже проникали русские официальные нормы, в частности календарные. Год в 1492—1699 гг. начинался с 1 сентября, к этому времени были привязаны вопросы уплаты ясака, податей. При трехлетнем цикле из 37 месяцев юпа мог

незначительно отдаляться от официальной даты. Память о начале года у далеких (алтайских) и относительно близких (болгарских) предков могла упрочиться под влиянием начала «русского» года.

Отдельные источники указывают на то, что начало года у чувашей приходилось на месяц *кърлач* (позднее название *раштатв*), совпадавший с концом декабря — началом января²⁶. Здесь возможно влияние животноводческого хозяйственного года. Так, после зимнего солнцеворота (25 декабря н. с.) монголы, буряты, калмыки по одной из бытовавших у них календарных систем отмечали начало нового года. У чувашей, также у соседних народов (мари, мордвы)²⁷ к этому сроку приурочивались зимние праздники, связанные с животноводством. Но нельзя исключать и то, что под влиянием православия, а также с распространением грамотности в быт народа проникает юлианский календарь (на котором основывался православный). У населения появляется потребность соотносить традиционный народный и официальный календари. Во второй половине XIX — начале XX в. чувашские народные календари перестают бытовать. На вытеснение традиционных систем летоисчисления и годового календаря большое влияние оказывало издание книг-календарей на чувашском языке. Происходит переход на официальный календарь с началом нового года с 1 января. Ориентирами стали выступать дни пророка Ильи (20 июля по ст. ст.) и Покрова Богородицы (1 октября по ст. ст.). От них назад отсчитывали недели и определяли сроки сельскохозяйственных работ: от первого — посев яровых и посадку овощей, от второго — уборку урожая и посев ржи²⁸. Опорными точками для метеорологических и фенологических наблюдений для прогнозирования погоды в течение второй половины XVIII—XX вв. служили стабильные даты православного календаря.

Чувашские названия месяцев в основном связаны с природными явлениями и циклом земледельческих работ. *Нурăс* (нарс) *уйăхĕ* происходит, по мнению филологов, от иранского *науруз* «новый день». Это наименование могло быть воспринято предками чувашей от иранских племен в первой половине I тысячелетия н. э. При 37-месячном цикле год начинался или во второй половине февраля, или в марте. Название месяца *пушă уйăхĕ* связано со словами *буж*, *бос*, *пош*, которые бытуют у тюркоязычных народов Азии, и переводится как «свободный (от земледельческих занятий) месяц», что говорит о появлении его у предков чувашей в период пребывания в Центральной Азии. В чувашском языке имеются варианты *ёне уйăхĕ* «коровий месяц», *путек уйăхĕ* «месяц ягнят», *хёр уйăхĕ* «девичий месяц». *Ака уйăхĕ* «месяц плуга, пахоты» означает время весенней пахоты. *Су уйăхĕ* «летний месяц» начинался во второй половине мая (другие его названия: *синсе уйăхĕ* — у верховых чувашей — «месяц беременности земли после весен-

него сева», *уяв уйăхĕ* — у низовых — «праздний месяц»). *Сёртме уйăхĕ* «месяц подъема пара» начинался со второй половины июня (другие его названия: *хыт суха уйăхĕ* «месяц пахоты жесткой почвы», *сум уйăхĕ* «месяц прополки сорняков», *хёр уйăхĕ* «месяц невест», *йпре уйăхĕ* «месяц мошкары»). *Утă уйăхĕ* «месяц сенокоса» тоже имел дополнительное название: *сырла пиçнĕ уйăх* «месяц поспевания ягод». Номинация, связанная с сенокосом, распространена от якутов до мари. Затем следовал *сурла уйăхĕ* «месяц серпа» (т. е. жатвы). *Йĕтем уйăхĕ* «месяц тока» именовался еще *аван уйăхĕ* «месяцем овина». В *юпа уйăхĕ* «месяц столба» проводили всеобщие поминки. В *чук уйăхĕ* «месяц жертвоприношений» устраивали жертвоприношения с благодарностью за выращенный и собранный урожай и с просьбами-молениями о ниспослании успехов в будущем году. Считается, что название следующего месяца *раштав* происходит от русского «рождество». Видимо, первоначально именовался он *сурхури*, означая большие зимние праздники, проводившиеся в этом месяце. Древнейшим названием в чувашском календаре является *кăрлач* (в 13-месячный год — *мăн* (старший) *кăрлач*, вставной тринадцатый месяц — *кĕçĕн* (младший) *кăрлач*, сохранившийся с времен проживания тюркоязычных предков чувашей в Центральной Азии. В тюркских языках *хырлас*, *кырлач* «мороз». Так, у чувымцев *улу кырлаш* — «большой мороз», *кичи кырлаш* — «небольшой, младший мороз»²⁹.

Границы месяцев тюрко-монгольского, в т. ч. и чувашского с трехлетним циклом календарей из-за разных принципов составления, расхождений в количестве месяцев в году и дней в месяцах не соответствовали рамкам юлианско-григорианского. Названия чувашских месяцев, по срокам приблизительно совпадавших с месяцами европейских календарей, в чувашских книгах-календарях стали употребляться вместо латинских (напр. *кăрлач* — январь, *нурăс* — февраль и т. д.).

Главным днем чувашской недели считался *эрнекун* (пятница) «недельный день» (у волжских болгар *эрне-кон*). Слово «эрне» могли получить под прямым воздействием ираноязычных савроматов. С проникновением ислама в Поволжье он стал праздничным для мусульман Поволжья. Чуваша до принятия христианства в этот день тоже отдыхали. С ним напрямую связан *кĕçнерникун* (четверг) «младший недельный день». Название *шăматкун* (суббота) этносы Волжской Болгарии переняли от хазар, в вассальной зависимости от которых находились (в Хазарском каганате государственной религией был иудаизм). Такова же ситуация с *вырсарникун* (воскресенье), «русский недельный день». Слово входит в чувашский язык в XVI—XVII вв. и с крещением чувашей этот день становится выходным вместо пятницы. Перечисленные четыре названия вытеснили древнечувашские.

Когда неделя начиналась с пятницы, понедельник оказывался срединным днем. Возможно, чувашский *тунтикун* происходит от монгольского *дунд* «средний». Предполагается и второй вариант от *тунь* «рожденный». Тогда тунтикун означает «день рождения», но неизвестно кого, чего. В марийском, удмуртском, башкирском языках смысловое значение названия этого дня также соответствует последнему.

Втларикун (вторник) первоначально у чувашей означал, пожалуй, *утларикун* «день верховой езды». *Юнкун* (среда) переводится «день крови», т. е. день, когда богам и духам в жертву приносили животных. Та же модель у мари, мордвы-мокши, удмуртов, башкир, татар и некоторых других тюркоязычных народов ³⁰.

Важной составной частью народных знаний является нетрадиционная медицина. У чувашей среди *юмӑс* (знахарей) немало было людей, обладавших рациональными эмпирическими знаниями, наблюдалась даже своеобразная их специализация: были и *сикнине лартакан* (костоправы), и *кус пӑхакан* (лечащие глаза), и *шӑл кӑларакан* (лечащие зубы) и *эпи карчӑкӗ* (повитухи), и т. д. Врачеватели пользовались широким кругом разработанных методов и приемов лечения, применяли растительное, животное сырье, минералы, инструменты. Особенно популярными были травы, корни, плоды, почки, кора. Из них готовили отвары, настои, вытяжки. При лечении использовались кровь, жир, печень, молочные продукты, мед, яйца. Если употребление в качестве лекарственных средств животных продуктов в какой-то степени можно считать универсальным, распространенным во многих зонах и регионах, то травы применялись в зависимости от ареалов их распространения в том или ином регионе. В силу этого у народов, проживающих в одной историко-культурной области, складываются сходные лечебные средства. Исследователи отмечают много общего в народной медицине чувашей, мари, мордвы, татар ³¹.

В процессе трудовой деятельности чувашами выработаны знания в культуре жизнеобеспечения. Их народная агрономия сложилась в основном на территории Поволжья. Контактируя с другими этносами, они пришли к системе севооборотов, при этом четко выдерживали трехпольный севооборот с паром-отдыхом для пашни. Осимое поле, как и во всей средней полосе Восточной Европы, засевалось рожью, а яровое, в зависимости от состава почвы, возможных погодных условий, занимали разными культурами. По возможности чувашаи стремились укладываться в оптимальные, проверенные в течение многовекового опыта сроки пахоты и посева. Семена предварительно протравливали золой, при обмолоте сортировали урожай, проводя примитивную, но все же селекционную работу. Через три года яровые чередовались, на одном и том же участке культуру не повторяли, в случае же необходимости поле обильно удобряли.

Типы севооборота, чередование культур в зависимости от почвы и микроклимата, нормы высева, даже на небольшой по площади территории имели существенные вариации³². Такое практиковалось и у соседних народов.

Чуваши обладали и определенными ветеринарными знаниями. Глубокие корни имеет кастрация самцов, являвшаяся древней традицией скотоводческих народов³³. Умели лечить многие болезни домашних животных, применяя отвары, минеральные вещества. Отваром осинового коры лечили лошадей и овец при чесотке, крапивой — воспалительные процессы вымени крупного и мелкого рогатого скота. Известны были профилактические меры от вздутия живота, опухания конечностей, их лечение. При мытье лошадям прокалывали опухоли. Метили животных (овец), делая надрезы на ушах, что не вредило ни здоровью, ни качеству сырья. Ветеринарные знания чувашей во многом были близки к традициям кочевых скотоводов Южной Сибири и Казахстана³⁴.

Этнографический материал свидетельствует, что среди чувашей имелись люди, специализировавшиеся на лечении животных. При этом рациональные способы перемежались с магическими действиями. К примеру, прогон скота через земляные ворота во избежание эпизоотии (магия) сопровождался окуриванием их дымом (своеобразная дезинфекция). Так делали и соседние народы³⁵. Для лечения животных применяли отвары разных растений, часть которых растет только в средней полосе Европы. Это свидетельствует, что многое в народной ветеринарии чувашей сформировалось в Поволжье. Пришлые турки, ассимилируя автохтонное население, воспринимали их знания, трансформировали собственные применительно к местной флоре.

У чувашей в течение веков выработались приемы краткосрочного и долгосрочного прогнозирования погоды. Они могли делать прогнозы на основе наблюдений за движением воздушных масс, по состоянию небосвода, степени прозрачности атмосферы, поведению животных, птиц, насекомых, взаимосвязи погодных условий разных сезонов года. Корпус метеорологических прогнозов, примет, бытующих у чувашей, мог сформироваться в основном только на территории длительного проживания. Сравнение чувашских и марийских примет-предсказаний показывает высокую степень их идентичности³⁶. Вместе с тем следует отметить особую внимательность и чуткость к природным явлениям у чувашей, что связано с необходимостью учитывать изменение природных условий у тюркоязычных их предков по мере передвижения по разным климатическим зонам. В Поволжье в процессе этногенеза произошло совершенствование их метеорологических знаний. «Оракулами природы»³⁷ слыли чуваше среди народов этого региона.

Народные знания чувашей отражают сложный процесс фор-

мирования и развития культуры этноса. Богатое наследие в ряде отраслей тяготеет к миру Южной Сибири и Средней Азии. В то же время многие компоненты выкристаллизовывались в Поволжско-Приуральской историко-культурной области в процессе формирования этноса и его развития при активном продолжительном общении с соседними народами. Большое влияние на эволюцию народных знаний оказало присоединение Чувашского края к Русскому государству.

ЛИТЕРАТУРА

- ¹ Чуваши. Этнографическое исследование. Ч. 2. Духовная культура. Чебоксары, 1970. С. 93.
- ² Трофимов А. А. Несёлсен тёрёри сырула́хё синчен //100 лет новой чувашской письменности. Чебоксары, 1972.
- ³ Федотов М. Р. О болгарском и чувашском языках //Болгары и чувашы. Чебоксары, 1984. С. 83—87.
- ⁴ Миллер Г. Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то: черемис, чуваш и вотяков... СПб., 1791. С. 63; Соловьев Е. Т. Знаки собственности в России. Историко-археологический очерк. Казань, 1885. С. 68—74. Табл. 41—45; НА ЧНИИ, отд. II, ед. хр. 59, л. 4; Крюкова Т. А. Материальная культура марийцев XIX века. Йошкар-Ола, 1956. С. 40—41; Димитриев В. Д. Документы по истории народов Среднего Поволжья XVI—XVII веков //УЗ ЧНИИ. Чебоксары, 1968. Вып. 22. С. 107; Мордва. Историко-этнографические очерки. Саранск, 1981. С. 216; Смирнов И. Н. Черемисы. Казань, 1889. С. 188.
- ⁵ НА ЧНИИ, отд. II, ед. хр. 59, л. 3,5.
- ⁶ Мордва. С. 217.
- ⁷ Миллер Г. Ф. Указ. соч. С. 63—64.
- ⁸ НА ЧНИИ, отд. II, ед. хр. 59, л. 22.
- ⁹ Полевые записки автора 1991 г. с. Чувашская Сорма Аликовского района Чувашской ССР; Фокин П. П. Цифровые знаки чувашей //Из истории дореволюционной Чувашии. Чебоксары, 1992.
- ¹⁰ Давидович Е. А. Материалы по метрологии средневековой Средней Азии. М., 1970. С. 109.
- ¹¹ Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Чебоксары, 1941. Вып. 16. С. 191; НА ЧНИИ, отд. II, ед. хр. 59, л. 4; Волков Г. Н. Чувашская народная педагогика. Чебоксары, 1958. С. 158; Чуваши. Ч. 2. С. 113—114; Димитриев В. Д. Народный календарь и метрология. Чебоксары, 1982. С. 21—22; Очерки истории культуры дореволюционной Чувашии. Чебоксары, 1985. С. 90; Дыба А. В. К истории традиционных антропологических терминов //Советская тюркология. 1989. № 1. С. 71—75.
- ¹² НА ЧНИИ, отд. II, ед. хр. 59, л. 6—10; Чуваши. Ч. 2. С. 114—115; Димитриев В. Д. Народный календарь и метрология. С. 22—25; Очерки истории и культуры дореволюционной Чувашии. С. 90—91.
- ¹³ Давидович Е. А. Указ. соч. С. 25—32; Димитриев В. Д. Народный календарь и метрология. С. 28—30.
- ¹⁴ Димитриев В. Д. Чувашский календарь и метрология. С. 31—32; Беркутов В. М. Народный календарь и метрология булгаро-татар. Казань, 1987. С. 39—42.
- ¹⁵ НА ЧНИИ, отд. II, ед. хр. 59, л. 30—33.
- ¹⁶ Фокин П. П. Счисление времени у чувашей //Этническая культура чувашей. Чебоксары, 1990. С. 123.
- ¹⁷ Катанов Н. Ф. Сагайские названия 13 месяцев //Известия ОАИЭ. Казань, 1897. Т. 14. Вып. 2. С. 236—237; Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Чебоксары, 1929. Вып. 3. С. 181—183; Дильзон А. П. Система счета времени у чулымских татар //Краткие сообщения Ин-

- ститута этнографии. X. М., 1950. С. 60; НА ЧНИИ, отд. II, ед. хр. 59, л. 58; *Романов Н. Р.* Чувашский народный календарь //УЗ ЧНИИ. Чебоксары, 1962. С. 238—239; Чуваши. Часть 2. С. 112; *Ахметьянов Р. Г.* Сравнительное исследование татарского и чувашского языков (фонетика и лексика). М., 1978. С. 155; *Беркутов В. М.* Указ. соч. С. 8.
- ¹⁸ *Миккола И. И.* Хронология дунайских болгар //Известия ОАИЭ. Казань. 1916. Т. 29. Вып. 4. С. 140—145; *Бюри И. О.* Летончислении древних болгар //Известия ОАИЭ. Казань, 1911. Т. 27. Вып. 2; *Ашмарин Н. И.* Несколько слов о труде И. И. Миккола «Хронология дунайских болгар» //Известия ОАИЭ. Казань, 1923. Т. 32. Вып. 2. С. 234—237; *Каруновская Л. Э.* «Календарь» двенадцатилетнего животного цикла у алтайцев и телеут //Доклады Академии Наук СССР. Л., 1929. № 1. С. 8; *Батманов И. Я.* Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. Фрунзе, 1959. С. 158—169. 247; *Беркутов В. М.* Указ. соч. С. 5—10.
- ¹⁹ *Беркутов В. М.* Указ. соч. С. 11.
- ²⁰ *Фокин П. П.* Счисление времени у чувашей. С. 124.
- ²¹ *Димитриев В. Д.* Чувашский календарь и метрология. С. 10—11.
- ²² *Уахатов В. Г.* Гипологическое и особенное в казахской обрядовой жизни //Фольклор, литература и история Востока. Ташкент, 1984. С. 230—231; Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вечный мир. Новосибирск, 1988. С. 46.
- ²³ *Золотницкий Н. И.* Корневой чувашско-русский словарь. Казань. 1875. С. 192; *Комиссаров Г. И.* Чуваши Казанского Заволжья. //Известия ОАИЭ. Казань, 1911. Т. 27. Вып. 5. С. 382; *Димитриев В. Д.* Два описания чувашей и чувашские словари второй четверти XVIII века //УЗ ЧНИИ. Чебоксары, 1960. Вып. 19. С. 280; *Тимофеев Г. Т.* Тәхәръял (Сёве тәршешенчи чăвашсем). Этнографи очеркёсемпе халăх сáмахлăхё. Шупашкар, 1972. 68 с.
- ²⁴ *Никольский Н. В.* Этнографический очерк Мильковича, писателя конца XVIII века, о чувашах. Казань, 1906. С. 7—8; *Фукс А. А.* Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань, 1840. С. 165; *Сбоев В. А.* Исследования об инородцах Казанской губернии. Заметки о чувашах. Казань, 1856. С. 46; *Ашмарин Н. И.* Словарь чувашского языка. Вып. 3. С. 179; *Салмин А. К.* Арханческие основы мезообрядности чувашей //Вопросы традиционной духовной культуры чувашей. Чебоксары, 1989. С. 12.
- ²⁵ *Дульзон А. П.* Указ. соч. С. 60; *Миккола И. И.* Указ. соч. С. 148; *Вербицкий В. И.* Сибирские инородцы. М., 1893. С. 42; Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. С. 46.
- ²⁶ *Ашмарин Н. И.* Словарь чувашского языка. Вып. 3. С. 179—186.
- ²⁷ *Козлова К. И.* Этнография народов Поволжья. М., 1964. С. 144; Мордва, С. 200; *Фокин П. П.* Счисление времени у чувашей. С. 123—124.
- ²⁸ НА ЧНИИ, отд. II, ед. хр. 59, л. 60.
- ²⁹ *Катанов Н. Ф.* Указ. соч. С. 237; *Дульзон А. П.* Указ. соч., С. 60; *Романов Н. Р.* Чувашский народный календарь. С. 237—244; *Золотницкий Н. И.* Указ. соч. С. 191—199; *Ашмарин Н. И.* Указ. соч. С. 177—186; Чебоксары, 1934. Вып. VII. С. 180; Чебоксары, 1935. Вып. IX. С. 10, 42; Чебоксары, 1936. Вып. X. С. 63, 285; *Егоров В. Г.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964. С. 101, 140, 170, 328; *Димитриев В. Д.* Чувашский календарь и метрология. С. 11—18; *Егоров Н. И.* (Цикл заметок о названиях месяцев) //Ялав, 1989. № 1—12; *Фокин П. П.* Счисление времени у чувашей. С. 125—126.
- ³⁰ *Федотов М. Р.* О пазваниях дней у чувашей //УЗ ЧНИИ. Чебоксары, 1962. С. 245—259.
- ³¹ *Груздев В. Ф.* Народная медицина у чуваш //Известия ОАИЭ. Казань. 1920. Т. 30. Вып. 1. С. 75—80; *Никольский Н. В.* Народная медицина у чуваш. Чебоксары, 1929; Чуваши. Ч. 2. С. 135—147; *Алексеев Г. А.* Здравоохранение в Чувашии. Исторический очерк. Чебоксары, 1972. С. 6—7.

- ³² См.: Фокин П. П. Земледелие и земледельческие орудия в северных и северо-восточных районах Чувашского края во второй половине XIX—начала XX вв. //Бытовая культура чувашей. Чебоксары, 1985. С. 8—11; Он же. Земледелие и земледельческие орудия крестьян южных и юго-восточных районов Чувашии во второй половине XIX—начале XX вв. //Традиционное хозяйство и культура чувашей. Чебоксары, 1988. С. 42—44.
- ³³ Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.-Л., 1953. С. 148.
- ³⁴ Руденко С. И. Указ. соч. С. 147; Вайнштейн С. И. Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства. М., 1972. С. 80; Абрамзон С. И. Киргизы и их этногенетические и культурно-исторические связи Л., 1971. С. 76—79; Толыбеков С. Кочевое общество казахов в XVIII—начале XIX вв. Алма-Ата. 1971. С. 547; Мурзабулатов М. В. Скотоводческое хозяйство зауральских башкир в XIX—начале XX вв. //Хозяйство и культура башкир в XIX—начале XX вв. М., 1974. С. 68—76; Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Чебоксары, 1934. Вып. 10. С. 16, 83, 97.
- ³⁵ Крюкова Т. А. Указ. соч. С. 26.
- ³⁶ Смоленский А. В. Чувашские приметы о погоде и ее влиянии на хозяйство. Казань, 1894; Чуваша. Ч. 2. С. 121—129; Китиков А. Е. Марийские народные приметы. Йошкар-Ола. 1989.
- ³⁷ Руднев В. В. Традиционные метеорологические знания у народов средней полосы Европейской части России. (Этнографический обзор по материалам XIX—нач. XX вв.). Автореферат. М., 1986. С. 9.

ДРЕВНЕЧУВАШСКАЯ РУНИЧЕСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ

Письменность — одно из гениальных творений человечества. Лишь с нее начинается его письменная история. Ею определяют уровень развития культуры народов, ею измеряют степень цивилизованности наций.

Переселившись из прежних мест своего обитания в Волго-Камье и Среднее Поволжье, предки чувашей — суваро-болгары — продолжали активно развивать свою, руническую, письменность — одну из древнейших форм системы письма Евразии, памятников которой сохранилось не очень много. Наиболее известными ее образцами, уцелевшими до наших дней, являются: 1) фрагмент ручки серебряного сосуда, найденный в 1884 г. в Глазовском уезде Вятской губернии; 2) костяной кистень X в., найденный при раскопках городища Хулаш (Татарстан), хранится у В. Ф. Каховского (Чебоксары, Чувашская Республика); 3) обломок камня, обнаруженный в 1958 г. в поселке Юрино (Марийская Республика), приобретен А. Х. Халиковым; 4) керамические предметы и их фрагменты, найденные А. П. Смирновым; 5) камень из деревни Сарабикулово (Лениногорский район, Татарстан); 6) сабля из села Именьково Казанской губернии; 7) пряслице с болгарского селища; 8) обломки керамических сосудов из Биляра (Алексеевский район, Татарстан); 9) ручка керамического сосуда из Биляра; 10) обломок глиняного сосуда, обнаружен в раскопках Трой-Урайского городища (Рыбно-Слободской район, Татарстан), П. Н. Старостин датирует его именьковским периодом (V—VI вв.); 11) бронзовая статуэтка, хранится в музее Училинской средней школы (Мамадышский район, Татарстан).

Не все перечисленные надписи дешифрованы, некоторые из них до сегодняшнего дня остаются без какой-либо попытки изучения. Сложность рунической системы письма и трудности расшифровки текстов вынудили исследователей прийти к весьма неоднозначным выводам¹. В настоящей статье, не обращаясь к дискуссионной стороне вопроса, я хочу остановиться на важной и сложной проблеме — выявлении произведений древнечувашской рунической письменности, воссоздании ее алфавита и дешифровке некоторых надписей. Это дало бы возможность,

с одной стороны, доказать, что у чувашей развивалась идущая из глубины веков руническая письменность, с другой — облегчить доступ к письменным памятникам Волжской Болгарии.

Чуваши, как и другие народы древней культуры, еще в далеком прошлом пользовались своеобразной письменностью, сложившейся в форме рунического письма. Однако за отсутствием достаточного числа научных сообщений (хотя и имеется несколько публикаций²⁾ научной общественности почти ничего о ней неизвестно, что дает возможность отдельным авторам категорически заявлять: «Чуваши не имели государственности, письменности»³⁾. В путеводителе Государственного музея этнографии народов СССР (1980 г.) говорится: «До революции все народы Поволжья и Приуралья, за исключением татар, были бесписьменными»⁴⁾. В 1960 г. «о существовании и о несуществовании» у народа в прошлом письменности дискутировал В. Я. Канюков⁵⁾. Об отсутствии письменности «у чувашей в начале XVIII века» писал Л. П. Сергеев. Таково же мнение и у В. Ф. Каховского, хотя он одним из первых заявил, что наши предки владели рунической письменностью, но, оказывается, «...вследствие своеобразных исторических условий, в которых находились чуваша в средневековую эпоху, памятники их древней письменности не сохранились, оставив в народной памяти лишь слабые следы»⁶⁾.

Однако экспедиции, проведенные в последние годы Научно-исследовательским институтом ЯЛИЭ при Совете Министров Чувашской Республики в селения некрещеных чувашей, археологические находки, изучение произведений народного творчества позволяют укрепиться во мнении, что письменность, сохранившаяся с древности, и в XVII, и в XVIII вв. применялась. Существовала она и в XIX в., правда, уже в «большом состоянии». Памятники ее имеются, но раскрыты, к сожалению, пока лишь в незначительном количестве.

К наиболее примечательным памятникам древнечувашской рунической письменности относятся 1) деталь женского нагрудного украшения *шўлкеме*, отлитая из меди, датируется XVII в., обнаружена при раскопках Мартыновского могильника (Козловский район Чувашской Республики) членами археологической экспедиции, руководимой В. Ф. Каховским (1976), описание представлено Б. В. Каховским; 2) антропоморфный каменный памятник основателю населенного пункта Клемтэль (Клементейкино, Альметьевский район Татарстана), датируется 1740-ми гг.; 3) антропоморфный женский памятник из камня (конец XVII в.) на старом кладбище деревни Клемтэль; 4) антропоморфный каменный памятник (XVIII в.) на старом кладбище деревни Клемтэль; 5) камень с письменами (XVIII в.) на старом кладбище деревни Ухинкэль (Афонькино, Шенталинский район Самарской обл.); 6) женские рубахи с вышитыми «узорами письма», датируемые XVIII в., хранятся в Музее ай-

тропологии и этнографии Российской Академии наук и Государственном музее этнографии (Санкт-Петербург), 7) женские рубахи с «узорами письма» (XVIII—XIX вв.), хранятся в Республиканском краеведческом музее (Чебоксары, Чувашская Республика).

В перечень названных произведений не включены предметы с отдельными тамгообразными знаками, а их насчитывается несколько десятков. Так, в Чувашском республиканском краеведческом музее имеется несколько пастушьих палок — налоговых бирок с многочисленными тамгообразными фигурами, повторяющими буквы рунического письма. Чувашское название их — *карт туйи* («палка письма»), что само по себе очень примечательно. Известно, что на деревянных палках древнеиранские писцы вели хозяйственные записи, а слово «карт» на их языке означало «запись», «письмо», в нем же содержалось и понятие «книга». К примеру, зороастрийская священная книга *Авеста* именовалась *Денкард*, т. е. книга религии, религиозного установления или закона. В окрестностях древней крепости на горе Муг, около 120 км к востоку от Самарканда, археологами найдено более тридцати документов-палок⁷, которые принадлежали племенам, населявшим государство Согд.

Эти факты свидетельствуют, что чувашские «карт туйи» вели свое происхождение с древнейших времен: назначение их и название совпадают с древнеиранскими памятниками письменности. Расшифровать какое-либо слово на *карт туйи* — налоговых бирках — нам не удалось, не говоря уже о сочетаниях слов. Каждый знак на них изображается отдельно, и трудно сказать, не связаны ли они с начальными буквами имен? В то же время отнести их полностью к чисто родовым знакам, видимо, нельзя, т. к. большинство начертаний повторяет формы древнейших письмен.

Аналогичная картина, т. е. сходство знаков с буквами рунических письменностей открыто выступает в вышивке. Однако тамгообразности в них нет. Мелкие фигурки, называемые в народе *сыру тёрри* — «узорами письма», делятся на знаки, подчиненные закону построения орнамента, и б) фигуры, приближенные по своему строю к надписям. Вторая форма встречается редко, первая же распространена очень широко.

Руническое письмо как Востока, так и Запада выступает среди многих систем письменностей мира как одна из человеческих ценностей. Его рождение, развитие и прекращение существования связаны с переменами жизни, социального строя, географической среды, историческими событиями, изменениями идеологий. Наиболее хорошо изучены наукой не связанные друг с другом два типа рунического письма: западный (скандинавское, германское, англосаксонское письмо и др.) и восточный (древнетюркское). В кругу письменностей Запада отличается от других самостоятельная форма рунического письма

(болгарское, венгерское) — в основе своей восточного типа.

Считается, что древнетюркский алфавит образован на персидско-арамейской основе. В то же время имеются примеры, где арамейские знаки как бы синтезируются с древнетюркскими. Известны также письменности, возникшие на персидско-арамейской или только на арамейской основе независимо от древнетюркской. Даже среднеазиатские, как, например, таласские надписи, не говоря уже о памятниках Северного Кавказа и Восточной Европы, представлены многочисленными знаками, отсутствующими в орхоно-енисейской письменности.

Существующее положение ставит перед исследователем сложные вопросы: каково отношение чувашских знаков к древним письменам, где искать параллели их начертаний, фонетических значений — их родства, в конечном счете? Имели ли они связь с орхоно-енисейской письменностью? Известно, что в тот период, когда развивалась каганатская письменность, предки чувашей не могли общаться с древними тюрками, т. к., с одной стороны, они жили в разных, отдаленных друг от друга регионах, а с другой — структуры их социального строя, их культуры были различными. Между тем и древнечувашская, и древнетюркская письменности входят в одну систему.

Надписи чувашских памятников рунического письма сделаны на чувашском языке, читаются справа налево, иногда сверху вниз; не всегда, но часто согласные чередуются под влиянием предшествующих или последующих звуков. Если слово начинается гласным звуком, то знак, его обозначающий, ставится, если гласный в середине слова — не всегда. Словоразделителей в текстах нет.

Время выполнения надписей на обнаруженных нами памятниках отдалено от наших дней не так уж далеко: самому древнему примерно 350—370 лет, что способствует наиболее точной расшифровке, т. к. чувашский язык той эпохи не очень сильно отличался от современного. При дешифровке текстов надписей вначале я пытался использовать алфавит «сибирских» письменностей. Однако каких-либо положительных результатов получить не смог. Многие знаки чувашских памятников не находят подобия себе на камнях ни Орхона, ни Енисея. Это обстоятельство натолкнуло на мысль искать хабиты и фонетические значения букв в письменах иранских племен, арамейцев, аланов, в письменностях Северного Кавказа, Причерноморья, дунайских и волжских болгар.

Любая из систем письма имеет определенное количество знаков. В процессе выявления знаков чувашских памятников — на антропоморфных надгробных камнях, «узорах письма» вышивок, литой медной детали нагрудного женского украшения *шўлкеме* — выяснилось, что число их доходит до 35—36. Примерно такое же количество букв имеет алфавит древнего классического рунического письма. По расположению и количеству, по

Начертание	Латинское значение	До или после согласных	Транскрипция
ZZVVSZ	a		aä
XXX X	a, ä		azex
<> VΛ	a, u		ay
Hh Pд	o, u		ey
Г ГV JГV	i, u		kyä
Б ВВ	u, o		yä
РР	j	aeouy	äe
ВХ	b	ai,öi	п
УТ	g	auy	кх
<>E J	g	ei,äi	кх
333	d	auy	т
†††	d	aei,öi	т
+x	d	aei,öi	т
\ -	s	ei,äi	сш
ПO O	s, š	ei,äi	сш
д	k	a	к
EЭ	k	eiä	кх
НЧ	k	qu	к
<ΔVX*	k	y	к
↑↓	k	ai,öi	к
ИН	k	a	к
JLьC	l	auy	л
Yλ	l		л
АА	l		л
Ч	m		м
>< X	n		н
В OOO	nd,nt		н
Г	p		п
Г	r	aei,öi	р
Ч	r	aei,öi	р
»AV»	t	auy	т
н	t		т
АФФ	z		с
	c	auy	сш

XX

АЛФАВИТ древнечувашской рунической письменности. Воссоздание А. А. Трофимова.

начертаниям, фонетическим значениям, наличию литературной формы знаки чувашских памятников входят в общую систему рунического письма восточного типа, к которому относятся письменности Средней Азии, Орхона, Енисея, Северного Кавказа, Причерноморья, Болгарии и Венгрии. Приблизительно одинакова у них структура размещения звуков, сочетание согласных с гласными, порядок чтения и т. д. Уже предварительные опыты дешифровки надписей позволяют собрать все разновидности знаков, классифицировать их и расположить в «алфавитном» порядке.

Алфавит древнечувашской рунической письменности составлен, точнее, воссоздан, по надписям только чувашских произведений. Памятники рунического письма волжских болгар требуют самостоятельного исследования. Структура алфавита состоит из следующих частей: в первом столбце помещены буквы древнечувашской письменности, во втором — фонетические значения их в латинской графике (дано исходя из стремления придерживаться общепринятой схемы), в третьем — обозначения гласных, занимающих место до или после согласных, в четвертом столбце представлены буквы, используемые при транскрипции.

В своей основе алфавит чувашей переключается с принципами рунического алфавита древних тюрков, систематизированного датским ученым В. Томсенем. Отличие лишь в том, что в древнечувашском руническом алфавите все знаки гласных звуков я поместил в начале, отдельно, поскольку в надписях, особенно при их транскрипции, они занимают особое положение. В то же время знаки звонких звуков оставлены в общепринятом порядке, хотя чувашский язык звонких согласных как таковых и не имеет. Включение их в алфавит вызвано трудностями определения полувзвонких. Следующий важный момент: знаки показаны в таком начертании и положении, в каком встречаются на памятниках; их фонетическое значение заимствовано с букв дешифрованных памятников Евразии, т. е. для них не изобретено какое-то новое значение.

Знаки классической рунической письменности изображались в основном в угловатых начертаниях. В чувашских надписях кроме них предоставлено место и овальной форме. Исходило это не только от материала, но и от соприкосновения древнечувашского письма в своем длительном развитии и с другими письменностями. В этом должно видеть прежде всего проявление канона, которого придерживались в прошлом народные мастера-писцы.

С использованием воссозданного алфавита попытаюсь подвергнуть дешифровке два конкретных памятника, выполненных в совершенно разных материалах, в различных, далеких друг от друга регионах — Закамье и Среднем Поволжье, но почти в одно и то же время — в конце XVII в. Первый — антропоморф-

Антропоморфный памятник из камня и его надпись. Конец XVII в. Старое кладбище д. Клемтэль (Клементейкино) Альметьевского района Татарстана.

ный надгробный камень *юпа* на старом Клемтэльском кладбище (Альметьевский район, Татарстан), расположенном на живописном месте между рекой Багряж и горами Светлый Лоб и Каменистая. На нагрудной части памятника в вертикальном направлении писец поместил три знака. На первый взгляд кажется, что надпись надо читать сверху вниз. Однако когда камнерез ее выполнял, блок монумента лежал перед ним горизонтально и буквы он размещал справа налево. Первый знак надписи читается как У, второй — К, третий — А; УКА. Насколько правильна такая дешифровка? В алфавите один и тот же звук

выступает в разных очертаниях и месторасположение буквы в текстах зависит от соседних знаков. В данной надписи, например, второй знак такой формы мог стоять непосредственно перед буквой А, имеющей именно подобное написание. Этот принцип в науке хорошо известен и присущ руническим письменам развитой формы.

Если исходить из истории развития монументального искусства, а конкретно — антропоморфных надгробных памятников, то писец, как и мастер-камнерез, не мог отходить от тех традиций и канонов, которые существовали в отношении имен, наносимых на *юпа*. Существовало ли имя Ука? В книге В. К. Магницкого «Чувашские языческие имена»⁸ оно отсутствует. Но в Словаре чувашского языка Н. И. Ашмарина указано: «Ука — личное языческое имя женщины»⁹. Из этого следует, очевидно, признать, что на антропоморфном камне действительно написано женское имя Ука, и что фонетические значения этих знаков в воссозданном алфавите указаны правильно.

Огромный интерес представляет для изучения древнечувашской рунической письменности второе произведение — деталь *шйлкеме* из литой меди. В 1976 г. археологической экспедицией Научно-исследовательского института ЯЛИЭ при Совете Министров Чувашской АССР под руководством проф. В. Ф. Каховского при проведении раскопок погребений XVI—XVII вв. Мартыновского могильника (Козловский район Чувашской Республики) были обнаружены ценные для науки предметы: надгробные камни *юпа*, обломки серпов и кос, железные ножи, кинжал с костяной ручкой, перстни, пронизки, гребни, разноцветные бусы, пуговицы различных форм и т. д. Среди них деталь от женского украшения *шйлкеме* — треугольной формы пластинка с колечком, текстом рунического письма и узорами. Первоначально знаки руны были признаны «родовыми знаками — тамгами»¹⁰.

Общая высота детали 40 мм, ширина у основания — 32 мм, диаметр колечка — 12 мм. На оборотной стороне пластинки сохранились кусочек толстой кожи и шелковые нитки, выкрашенные природной краской в сандаловый цвет, т. е. медная фигура была пришита к кожаному остову. Следует отметить, традиция изготовления женских нагрудных украшений с основой из кожи сохранялась вплоть до конца XIX в. Мастер XVII в., как показывает его произведение, был искусным ювелиром и превосходно владел литейным ремеслом. Сначала им с эскиза, скорее всего на камне, в зеркальном изображении были воспроизведены очертания предмета, рисунки узоров и букв. После этого острием специального инструмента в технике выемки выполнялась композиция, которая затем заполнялась расплавленной на огне горячей медью. Вынутую из каменной формы пластинку с изображениями можно былошивать к остову украшения.

Филигранно тонко и изящно исполненная композиция, символизирующая модель мира, опоясана узким вьющимся «веревочным» орнаментом, выпуклыми точечками и состоит из пяти сфер: нижняя полностью заполнена знаками рунической письменности; во второй сетчатый треугольник — первогора — разделяет на части строку надписи; в третьей находятся маленькие сетчатые треугольники — перевернутые острием вниз «небесные горы»; в четвертой свободно расположилась антропоморфная фигура; пятая сфера — свод мира — представлена в виде круга-солнца.

Несмотря на небольшие размеры рисунка, образ, созданный художником, монументален. В нем содержатся тысячелетние традиции искусства, представления народа об устройстве мира, его понятие о прекрасном. Однако ювелир обладал не только космогоническим миропониманием, незаурядным художественным вкусом, секретами литья, он был обучен народной грамоте — свободно владел рунической письменностью. Создавая произведение из металла, писец размещает свои письмена не где-нибудь, а на священном месте — под сводом неба, рядом с солнцем, вблизи антропоморфной фигуры — богини.

Привлекает внимание каллиграфия надписи: по сравнению с начертаниями знаков на каменных памятниках, вышивочных «узоров письма» большинство букв на детали украшения приняло округлые формы, что обусловлено прежде всего размерами букв: самая высокая из них 4 мм. Добиваясь изящества, миниатюрности и стремясь вместить знаки в нужные строки, писец прибегнул к изменению их конфигурации. Тем более что сам материал — твердый камень — при нанесении на него мелких знаков не всегда позволял придерживаться их классических очертаний. Этим самым ювелир придал написанному своеобразие, красоту, а в огромный, как во времени, так и в пространстве, мир рунической письменности внес особую каллиграфию. Во всем этом жила, кроме сказанного, еще и традиция, идущая, видимо, от соприкосновения письма предков чувашей с другими видами письменностей.

Кратко охарактеризовав предмет как художественное произведение, обратимся к анализу самой надписи. Первый знак ее является буквой многих письменностей — аршакидской пехлеви, сибирских надписей, древних болгар и венгров. Второй и третий знаки встречаются, кроме перечисленных, также у арамейцев и древних осетин, однако фонетические значения у них не совпадают. Четвертой буквой пользовались аршакиды, авторы орхоно-енисейских памятников, имеется она у болгар и венгров, но значения у них не одинаковы. О пятом знаке речь уже шла. Значения шестой и четвертой букв идентичны, их разные начертания зависели от соседних знаков. Седьмая буква широко использовалась в надписях енисейских, но в орхонской письменности ее нет. Она характерна для письма древних

болгар и венгров, но их писцы придали ей иное фонетическое значение.

Первая буква второй строки имеется в енисейской, древнеболгарской, древневенгерской письменностях, хотя звуковое значение ее везде разное и нигде не связано с гласным звуком. В то же время имеют сходство с древнечувакской буквой арамейские и древнеосетинские письмена, конфигурация которых приближена к приплюснутому крестику, знак имеет фонетическое значение А. Формы второго и третьего знаков идентичны, но они могли быть и квадратными, как, например, в вышивке. На памятниках Енисея встречаются оба начертания, и в каждом отдельном случае писцы придавали им разные значения. Знаки, близкие к четвертому знаку по хабику, но с различными значениями, имеются в енисейских, болгарских и венгерских надписях. По значению он, как и его соседи, родственен, видимо, с енисейским. Пятой букве как арамейцы, аршакиды, древние осетины, так и камнерезы Орхона и Енисея придавали одно общее фонетическое значение. Мартыновский писец предпочел изобразить ее в перевернутом виде. Особенно ярко этот знак выражается в вышивочных «узорах письма». 6, 7 и 8 буквы в тексте уже встречались, и говорить о них повторно нет надобности.

Писец строго придерживался вековых законов и правил, установленных в мире рунической письменности. Надпись читается справа налево. Текст первой строки при помощи треугольника разделен на две части. Правая сторона состоит из трех букв, левая — из четырех. Изображение треугольника — горы — выполняет двойную функцию: с одной стороны, служит рисунком, а с другой — словоразделителем. Исходя из этого, при транслитерации я записал слова отдельно. Во второй строке, из восьми букв, разделителя нет. Однако в надписях, где гласные звуки не всегда воспроизводятся, такого слова с многочисленными знаками фактически не может быть. Поэтому можно предположить, что текст второй строки составлен из нескольких слов. При транскрибировании выяснилось: он действительно состоит из двух слов.

По структуре надпись оригинальна и любопытна. Правила подставления гласных до или после согласных, применяемые в чтении, здесь частично отличаются от методов дешифровки рунических текстов других племен и народов далекого прошлого Евразии. Так, например, перед второй буквой первой строки, если бы это была древнетюркская надпись, следовало подставить А или И. Но в чувашском тексте, т. е. в данном случае, первая буква требует смягчения. Между тем в алфавите древних чувашей буквы *Ҫ* нет, поэтому перед вторым знаком я ставлю А с умляутом. Представляет интерес этот знак в имени, запечатленном во второй строке. В транскрипции он озвучен буквой Е. Однако в алфавитах рунических письменностей

Евразийские изображения звуков **ИЕ**, **Е**, **Э** отсутствуют. Нет их и в алфавите древних чувашей. Между тем в языке народа в период жизни мартыновского писца, как и в настоящее время, они существовали. Нам трудно сейчас утверждать, звали ли ту, которой посвящена надпись, «Етсулу», «Этсулу» или имя ее начиналось с йотованного звука **ИЕ**? Можем лишь предполагать, что, подчиняясь особенностям разных диалектов, вполне могли жить все формы.

В рунических алфавитах отсутствует также буква **А**, но в тексте она есть. И это обстоятельство затрудняет определение звуков, их правильное произношение — в итоге и полную дешифровку. Конечно, если судить по сегодняшнему представлению, писец мог обойтись без **А**, т. к. слово «асан» все равно бы читалось и слышалось почти правильно («аси»). Однако ювелир, как бы соблюдая правильность речи, ставит эту букву на соответствующее место. В графическом изображении он отличает ее от начальной буквы **А**, хотя в алфавите рунической письменности в большинстве случаев их фонетическое значение одинаковое.

Деталь шулкеме из меди и ее надпись. XVII в. Мартыновский могильник (Козловский район Чувашской Республики), хранится в НИИ ЯЛИЭ при Совете Министров Чувашской Республики.

Транслитерация:	Транскрипция:	Перевод:
nasa	nks nasa	ankäs Это (украшение)
anlustä	anasulstä	помни
	наса	анкäs Етсулу (дарю) тебе
	анасулустä	
	çакна асән	
	Етсулу сана	

Хотелось бы обратить внимание читателя на образную структуру надписи. Посвящение состоит из четырех слов: «Сакна асан. Етсулу сана» — «Это (украшение) помни. Етсулу (дарю) тебе». Т. е. текст тесно связан с самим предметом. Писец в своем обращении краток, мысль его выражена в разговорной форме. *Шулкеме* он не называет, но просит его помнить. Отсутствие сказуемого во втором предложении придает выражению особую окраску. Образ, заключенный в лаконичном, всего в четыре слова тексте, овеян теплотой, скромностью, любовью и какой-то таинственностью. В то же время в нем есть нечто емкое, большое, что напоминает надписи монументального искусства.

Дешифровка надписи нагрудного украшения, как и предыдущего текста — на каменном *юпа*, способствует, с одной стороны, выявлению способов чтения, а с другой — позволяет удостовериться в правильности фонетических значений знаков воссозданного алфавита. Эти два памятника, отдаленные друг от друга по месту их создания на огромные расстояния, представляют собой лишь малую часть образцов письменности древних чувашей: как уже отмечалось, уцелел ряд произведений XVIII—XIX вв. Способ прочтения их надписей, кроме «узоров письма», не отличается от приемов дешифровки показанных в настоящей статье текстов.

Вышитые письма занимают в мире рун особое положение. В начале 1970-х гг. «узоры письма» одной из женских рубашек, хранящихся в фондах КМ Чувашской Республики, были поняты мной как пометы, точнее, как тамги, показывающие принадлежность одежды определенному лицу¹¹. Прошло время. Но вновь и вновь возвращался я мыслью к этому узору. Мне не давал покоя вопрос: почему мастерица вышила не одну фигуру, как в традициях изображения тамги, а несколько различных знаков? При этом узор передней части рубашки отличается от наспинной части. Все это вызывало неудовлетворенность сделанным мной ранее определением. Однако сегодня уже нет у меня сомнений в том, что «узоры письма» на рубашке содержат какие-то тайные для современника слова.

Композиция вышитых надписей иная, чем на каменных памятниках, они переплетены узорами вышивки — самого распространенного вида народного искусства. В рассматриваемом произведении два оригинальных знака расположились в виде ленты через плечи от нагрудной до наспинной части рубашки. Украшения такого рода именуются *хулси* — наплечники. В большинстве случаев *хулси* представляет собой узкую полоску пришитого холста, у чувашей вирьял он съемный и несколько короче, чем у анатри. А на данной рубашке, стремясь обогатить ее орнаментацию, мастерица вышила, вместо нашивки, знаки рунического письма. Спереди лента вышивки завершается четырьмя буквами, со спины — двумя. К решению композиции,

как видим, вышивальщица подошла очень оригинально: центральные части *хулси* служат украшениями, концы—надписями; из первой части выделяется шесть букв, из второй—четыре. По конфигурациям все они относятся к классическому типу рунической письменности Евразии. Следует вместе с тем заметить, что буква, состоящая из одной длинной черточки и

«Узор письма» нагрудной и наспинной частей женской рубашки (перв. пол. XIX в., Чувашский республиканский краеведческий музей) и выявленный рунический текст.

Транслитерация:	Транскрипция:	Перевод:
retstnk	eretstnak	jetnak Узор хантас Кандей
	jtnk	ёрётсатнах йетнак
		хантас тёрё Кантей

наложенных на нее одной или двух коротких, напоминающая латинский и лоренский крестики, в орхоно-енисейском алфавите отсутствует, но широко распространена в арамейских и древнеосетинских, где ее фонетическое значение s, t. В алфавите древнечувашиской письменности этот знак означает t. Текст читается по закону руны, т. е. справа налево. В таблице в первом случае буквы помещены в такой форме, в какой они вышиты, а во втором — разместились в один ряд. В первой надписи читаются слова «хантас тёрё» — узор хантас. Н. И. Ашмарин отмечает: *хантас* — название узора, особый стиль вышивки¹².

Поместив в орнаментацию рубашки письма, мастерица стремилась, с одной стороны, придать ей красоту, богатство, с другой — подчеркнуть, что она вышита такой сложной техникой, которой владеют незаурядные талантливые вышивальщицы.

Во второй надписи помещено имя Кантей. В. К. Магницкий причисляет его к чувашским языческим мужским именам¹³. В его книге дешифрованное нами имя приведено в двух формах: Кандей, Кендей. Возможно, мастерицу звали этим именем, ведь в старину у некрещеных чувашей, в силу особых обычаев, мужские и женские имена нередко совпадали. Однако сказать утвердительно, чье имя Кантей, запечатленное в узоре, видимо, и невозможно. Оно могло быть девичьим именем и выступать в узоре как бы вместо подписи. Могли этим именем звать возлюбленного девушки — будущего супруга. В таком случае мастерица «веление судьбы» могла вложить в орнаментацию свадебной рубашки.

Сохранившиеся памятники и воссозданный алфавит свидетельствуют, что у чувашей даже в XVII—XVIII вв. продолжала существовать развитая форма рунической письменности, идущая из глубины истории. В дешифровке надписей, созданных чувашскими писцами, невозможно применять алфавит древнетюркской орхоно-енисейской письменности. Однако он, как один из наиболее хорошо исследованных памятников рунического письма, помог мне разработать структуру древнечувашиского алфавита. В мою задачу не входило решать вопросы зарождения письма предков чувашей. В его основе, видимо, лежат персидско-арамейские, но не «сибирские» связи. В то же время в определенный период истории знаки письменностей Орхона и Енисея оказали влияние на древнечувашиское руническое письмо. Дополнению и частичному изменению алфавит предков чувашей в своем сложном и многовековом развитии подвергся со стороны письменностей Северного Кавказа и Причерноморья.

Суваро-болгары принесли руническую письменность в новые регионы Европы — Волго-Камье и Среднее Поволжье. Здесь она, находя себе применение в различных видах, получает дальнейшее развитие. Однако проникновение в жизнь суваро-бол-

гар новой идеологии — ислама — оказалось для нее губительным и привело к отмиранию. Не менее разрушительным оказался многовековой процесс христианизации поволжского края.

В сфере функционирования оригинальной системы письма — рунической письменности Евразии — чувашаи оказались единственным народом, который смог развивать и сохранить ее вплоть до XIX в. Столь долгое и благополучное существование ее у чувашей обусловлено тем, что обслуживала она не элиту — не верхние слои общества, не избранные круги либо официальных лиц религии, касту духовенства, ее бытование не было связано и с государственностью. Долгая жизнь и широкое распространение древнечувашского рунического письма объясняется тем, что оно было народной письменностью — достоянием всего народа, его бесценным культурным наследием.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

- ¹ См.: *Кочкина А. Ф.* Рунические знаки на керамике Биляра // Советская тюркология, 1985. № 4. С. 7—80; *Курбагов Х. Р.* Утилитарные и поэтические типы речи // Язык утилитарных и поэтических жанров памятников татарской письменности. Казань, 1990. С. 13—18; *Старостин П. Н.* Надпись на глиняном сосуде. // Там же. С. 19; *Исмагилов Н. Ф.* Надпись на бронзовой статуэтке // Там же. С. 20.
- ² *Каховский В. Ф.* Была ли письменность у чувашей в древности? // УЗ ЧНИИ. Чебоксары, 1962. Вып. 21. С. 201—225.
- ³ *Алишев С. Х.* Исторические судьбы народов Среднего Поволжья XVI — начала XIX вв. М., 1990. С. 66.
- ⁴ Государственный музей этнографии народов СССР: Путеводитель. Л., 1980. С. 190.
- ⁵ *Канюков В. Я.* От фольклора к письменности. Чебоксары, 1971.
- ⁶ *Сергеев Л. П.* О дояковлевском периоде чувашской письменности // 100 лет новой чувашской письменности. Чебоксары, 1972. С. 47; *Каховский В. Ф.* О рунической письменности древних чувашей // Там же. С. 23.
- ⁷ См.: *Лившиц В. А.* Согдийский документ из Древнего Самарканда // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М., 1987. С. 53—62.
- ⁸ *Магницкий В. К.* Чувашские языческие имена. Казань, 1905.
- ⁹ *Ашмарин Н. И.* Словарь чувашского языка. Чебоксары, 1929. Вып. III. С. 195.
- ¹⁰ *Каховский Б. В.* Исследования Мартыновского могильника // Исследования по археологии Чувашии: Труды НИИ ЯЛИЭ при Совете Министров Чувашской АССР. Чебоксары, 1978. Вып. 80. С. 113.
- ¹¹ *Трофимов А. А.* Орнамент чувашской народной вышивки. Чебоксары, 1977. С. 58—59.
- ¹² *Ашмарин Н. И.* Словарь чувашского языка. Чебоксары, 1941. Вып. XVI. С. 47, 49.
- ¹³ *Магницкий В. К.* Указ. соч. С. 50.

НАРОДНОЕ ИСКУССТВО

Народное искусство своими корнями уходит в глубокую древность истории человечества. Оно отражает эстетические вкусы и интересы народа. В нем прослеживаются воззрения наших далеких предков, их миропонимание, понятие о красоте, этнические и культурные связи с соседними племенами и народами. По своей специфике народное искусство чувашей является прикладным, т. е. в нем не было таких видов творчества, как живопись, графика, настенная роспись и т. п. Тем не менее оно охватывает почти все стороны материальной культуры от крестьянского зодчества до ювелирного мастерства, а по формам делится как на монументальную, так и малую. Наиболее широко бытовавшими видами в прошлом являлись вышивка, узорное ткачество, шитье серебром и бисером, резьба по дереву, лозоплетение и плетение из лыка и бересты, каменная, деревянная, глиняная скульптура, мелкая пластика из твердого материала, поделки из лыка, глины, соломы. Изысканностью отличались также куклы-йёрёхи из разноцветного тканья, носившие обрядовое и культовое назначение. Такое многообразие форм творческой деятельности населения обуславливалось самой жизнью. Условия натурального хозяйства, древние традиции направляли народных мастеров — вышивальщиц, ткачих, резчиков, ювелиров, скульпторов, зодчих — на создание не только полезных, удобных, но и красивых предметов. Каждый из них в своих лучших произведениях достигал выразительности в конструкции, форме и декоративности в обработке материала, сочетая утилитарность с художественными достоинствами. Кроме этого, в сооружении домов, монументальных памятников всегда учитывалась связь с окружающей средой — пространством, природным ландшафтом. Индивидуальный почерк, присущий каждому мастеру, опирался на многовековые принципы, художественные средства и технические приемы, выработанные безмянными художниками предшествующих поколений.

Народное искусство развивалось не в изоляции. Соприкасаясь с художественным опытом соседних племен, народов, регионов, продолжая достижения древних цивилизаций, оно впитывало в себя новые черты, которые перерабатывались уже на

новой основе, в соответствии с местными условиями, представлениями, идеологическими воззрениями. С другой стороны, народному искусству присуще довлениe древнейших канонов, идущих от ранних форм творчества. Искусство представляет собой одну из форм общественного сознания, в основе которой находится образное отражение явлений действительности. Однако в народном творчестве образность живет намного более сложной жизнью, часто ее языком служат орнаментированные, цветковые символы. Смысловое значение их, особенно в канонизированных произведениях, зависело от места расположения изображений на памятнике, его очертаний и т. д.

Все эти особенности народного искусства свойственны прикладному творчеству чувашей. Между тем чувашское народное искусство не монолитно, его отличительной чертой является определенная обособленность по этнографическим группам (вирьял, анатри, анат енчи) и подгруппам, природа которой обусловлена прикосновением культуры предков чувашей к финно-угорским элементам. Так, орнаментированный женский костюм чувашей-вирьял почти идентичен с горномарийским. Некоторые элементы финно-угорского компонента могли проникнуть в культуру древних чувашей в весьма ранние века.

Параллели с чувашами прослеживаются у татар-кряшен, что бесспорно принято вторыми от первых. Немало общего в народной одежде прошлого у чувашей и удмуртов. Следы взаимосвязей обнаруживаются в башкирском и чувашском традиционных костюмах. Особенно примечательны параллели в орнаментах чувашей и народов Средней Азии, Казахстана (казахов, киргизов, каракалпаков) и Кавказа (хевсуров, карачаевцев и др.). Исследователи отмечают близкое сходство между чувашскими и болгарскими костюмами.

Изучение народного одеяния является одной из важных задач декоративно-прикладного творчества и этнографической науки. Костюм — одно из ярких проявлений национальной культуры. Он сам по себе целая отрасль науки, включающая большой и сложный комплекс различных видов народного искусства. Учитывая это положение, мы хотим включить его в отдельную главу, а в данной подвергается рассмотрению другая основная часть народного творчества, а именно скульптура малой и монументальной форм, а также резьба по дереву, игрушка, мелкая пластика.

Малая скульптура охватывает изображения, относящиеся в основном к пантеону чувашей. Численность сохранившихся произведений этого вида народного творчества незначительна: четыре скульптуры хранятся в Государственном музее этнографии в Санкт-Петербурге (Илем — богиня красоты и любви с поясными зеркалами, богиня потомства — прародительница, мужская фигура йёрёх и йёрёх домашнего очага), четыре — в Музее антропологии и этнографии Российской Академии наук

(Анамаш (Мать пашни) — богиня плодородия, пахотной земли, Пихампар — покровитель скота, Ие — бог очищения (банный бог), бог природы) и одна (богиня защиты и домашнего очага) — в Научно-исследовательском институте ЯЛИЭ при Совете Министров Чувашской Республики.

Хранящиеся в музеях Санкт-Петербурга памятники датируются нач. XVIII и XIX вв. Богиня защиты, переданная в 1986 г. Научно-исследовательскому институту ЯЛИЭ при Совете Министров Чувашской Республики учительницей Тюрлеминской средней школы Д. Т. Ветловой, выполнена в 20-х гг. XX в. Фигура, изготовленная из твердой породы дерева, клена, изображает лик пожилой женщины в хушпу с козырьком. Тыльная сторона произведения плоская, необработанная, на ней виднеется конец отломленного гвоздя. По словам дарительницы, изображение было прикреплено на фронте избы под крышей с внутренней стороны. Глаза богини большие, выпуклые, лоб высокий, под глазами морщины, нос детализирован, рот, отмеченный в форме полуовала, чуть приоткрыт. В передаче лица не прослеживаются какие-то глубокие традиции. Скорее чувствуется наивный подход мастера, незнание им анатомии человека и отсутствие опыта. Тем не менее в показе головного убора, в трактовке плоской тыльной стороны фигуры обнаруживаются канонические приемы, характерные для сохранившихся произведений чувашского пантеона. Однако среди скульптурных персонажей нет ни одного изображения, представляющего один только лик, без воспроизведения корпуса. Случайность ли это? Возможно, мастер из Тюрлемы просто не знал других принципов моделировки? И в то же время соблюдал некоторые из основных канонических приемов?

В поисках ответа обратимся к археологическим материалам. На правом берегу реки Алтата в Саратовском Заволжье была найдена бронзовая личина, представлявшая собой отлитую в форме полую выпуклую поделку. Исследователь ее Л. Л. Галкин отмечает, что почти прямая аналогия этой личине обнаружена в Дагестане среди предметов, относящихся к хазарскому времени (могильник Ачачкала, X—XI вв.). Ачачкалинская фигура выполнена из сердолика, в трактовке лица использованы те же приемы, что и в бронзовой. Но, в отличие от находки в Саратовском Заволжье, на ней имеются петли, предназначенные «для крепления личины к чему-то»¹. Автор публикации отмечает, что фигуры с бассейна реки Алтата и из могильника Ачачкалы близки к так называемой «серебряной погребальной маске» из Танкеевского могильника (Татарстан). В одновременных погребениях, обнаруженных в Танкееве, найдена керамика салтовского облика. Л. Л. Галкин подчеркивает, что «сканая проволочная рамка, характерная для отделки дагестанской личины, имеет аналогию также в древностях Волжской Булгарии, датированных X—XIV вв.»², и приходит к вы-

воду, что между личинами, найденными на Кавказе и в районе Поволжья, существует связь, которая проявляется как в композиционных приемах, так и в назначении этих фигур. Личины могли принадлежать разным племенам, но смысловое значение их носило, видимо, идентичный характер.

Для нас представляет интерес тот факт, что найденные археологами предметы предназначались «для крепления к чему-то». Такое же назначение имела, как уже говорилось, и тюрлеминская богиня. Существующая параллель свидетельствует о том, что чувашский мастер выполнил свое произведение, подчиняясь традициям, идущим из глубины веков. Антропоморфная фигура обладает обширным содержанием, вложенное в него миропонимание наивно, но сложно для восприятия современного человека. Его, видимо, невозможно познать вне комплексного изучения, т. е. в круг исследования необходимо включить, кроме самой скульптуры, еще и место ее расположения. По представлениям древних, жилище выступало как модель мира: крыша олицетворяла небосвод — верхний мир, а жилое помещение — здешний мир. Скульптуры у чувашей находились всегда рядом с людьми, они ставились в передней части избы, хранились в амбаре, хлеву, в лесах и оврагах и т. д. А особой силой обладали небесные боги. Такую роль, видимо, и выполняла тюрлеминская богиня, помещенная в свое время под крышей дома.

Говоря о бронзовой литой личине, Л. Л. Галкин напоминает высказывание Абуль-Гази: «...когда у него умирал любимый кто-либо, то сын или дочь, или братья делали похожую на него статую и, поставив ее в своем доме, говорили: это такой-то из наших близких; оказывая к нему любовь, первую часть кушанья клали перед ней, целовали ее, натирали мазями лицо, глаза и кланялись ей»³. Исследователь предполагает, что назначение личины имело, возможно, прямое отношение к этому древнетюркскому языческому обряду⁴. По нашему мнению, статуя, описываемая восточным историком, связана не с личиной, она символизировала умершего, что у некрещеных чувашей выражалось в сооружении *юпа*. Личина и статуя относятся к различным формам народного творчества: первая — образец малой пластики, а вторая — произведение монументальной скульптуры.

Завершая сравнительный анализ личин из Тюрлемы, Саратовского Заволжья и Дагестана, можно подытожить: несмотря на то, что они созданы в разное время, отдалены друг от друга на огромные расстояния и принадлежат различным народам, между ними как в композиционной форме, так и в смысловом значении была тесная связь и входили они в отдельную группу пантеона.

Кроме приведенной скульптуры, других произведений подобной композиции в чувашском народном искусстве, к сожалению,

не сохранилось. Правда, йёрёхи, хранимые в завернутом виде в коробе, также находились в всячем положении. Но их моделировка исходила из иных принципов.

Особый интерес вызывает среди произведений малой скульптуры деревянная фигура бога, предназначенная как бы для «экспонирования» в вертикальном положении (фонды Государственного музея этнографии). Вырезанная народным мастером

Пихампар — покровитель скота. XVIII в.
Глина, природная краска, лак. Музей антропологии и этнографии Российской Академии наук.

в объемной форме, фигура, изображающая мужчину, погрудная, без головного убора, покрашена в черный цвет. Шея чуть укорочена, грубоватые черты лица создают впечатление тяжеловесности. Скульптор, создавая фигуру бога, хотя и отталкивался от образа близко знакомого ему человека, пытался в то

же время передать его всесильность, что особенно выражено в его суровости.

Широкое применение в творчестве народных мастеров наша глина. Все женские фигуры, хранящиеся в музеях Санкт-Петербурга, выполнены из этого податливого и доступного материала. Им присущи плавные, округлые линии и спокойные плоскости. В пластике, формах, изображенных предметах, одеянии богинь прослеживаются общие принципы канона малой скульптуры не только чувашей, но и других народов и времен. Многие произведения представляются шедеврами народного творчества. Например, богиня красоты Илем из фондов Государственного музея этнографии, воспроизведенная в полный рост, в головном уборе тухъя низовых чувашей. Лицо ее почти круглое, широко и высоко поставленные глаза изображены способом «сверления» или вдавливания палочкой. Шея короткая, нос маленький, губы полуовальные. Туловище богини отличается укороченностью и состоит как бы из трех одинаковых по высоте частей: головы, груди и бедренной части с зачатками ног. На груди в виде круга с углублением посередине воспроизведено украшение, выполненное в технике налепа. Этим же приемом выполнены и культовые зеркала, богиня держит их в руках, сложенных у пояса. Украшение и зеркала служат решению главной задачи и назначению фигуры. В смысловое содержание они вносят магическую функцию и расширяют образную глубину: благодаря им девушка — будущая мать — приобретает черты высокого достоинства, становится богиней красоты. Этому же способствует и цвет: покрытая бронзовой краской фигура казалась, видимо, золоченной и представлялась чистой, священной, живой. В создании произведения народный мастер пользовался приемами «вытягивания», «приглаживания», налепа. Глина в его руках — активное средство художественной выразительности, подчеркивания красоты, волшебной силы, таинственной мощи и т. д. Однако все эти качества выражаются лишь в анфас: скульптор и не стремится показать произведение в профиль, а тыльную сторону изображает вообще плоской. Следующей особенностью скульптуры является то, что автор нарочито отказывается от натурального показа не только рук и ног, но и всего туловища. Ему чужды принципы реалистического подхода. Фигура подчинена древним канонам, полна символов, исходящих из космогонических воззрений.

Эти же качества характерны для произведений «Богиня потомства», «Хёртсурт» (Государственный музей этнографии), «Анамйш», «Пихампар», «Бог природы», «Бог очищения» (Музей антропологии и этнографии Российской Академии наук). В их лепке скульптора мало интересуют детали. Он как бы одной чертой или же лишь какой-то частью обозначает целое.

Распространение малой скульптуры, ее функции определялись социальными отношениями в различные эпохи, идеологи-

ческой основой существовавшего строя. В произведениях, созданных безымянными ваятелями, содержатся этнические взаимосвязи и сохранились глубокие корни древних образов, формообразования и содержания.

В искусстве соседних с чувашами народов — мари, мордвы, удмуртов, татар — существование подобной формы скульптуры с присущими ей принципами канона не прослеживается. Самое близкое в хронологическом отношении время, где обнаруживаются аналогичные методы, способы, приемы трактовки композиции, цвета, образа, является ранний период Волжской Болгарии. Среди памятников из бронзы, отлитых суваро-болгарскими мастерами, представляет особый интерес женская фигура в конусообразной шапке, напоминающей головной убор хушпу, найденная археологом А. Ф. Лихачевым «в местности пригорода Билярска»⁵ в 1882 г. Находка изображает пожилую женщину с шейными и нагрудными украшениями. По двум сторонам почти до уровня колен спускаются вертикальными полосками складки — края распахнутой одежды. Ими же слегка прикрыты полные груди. Женщина, как бы поддерживая живот, держит руки у пояса. Билярская фигурка выполнена по тем же канонам, что и произведения чувашской народной скульптуры. Особенно близкие, родственные связи находит она в богине пахотной земли Анамаш.

В тех же традициях исполнена бронзовая статуэтка, обнаруженная В. Н. Казариновым в 1883 г. также при раскопках близ Билярска. Одна сторона двухчастной скульптуры воспроизводит женщину с двумя заплетенными косами, с грудью, изображенной в виде лика младенца; другая сторона — одноглазого мужчину с рукой в виде человеческой головки. Фигуры соединены общим головным убором, исполненным в виде девичьей шапки — остроконечной тухьи. В композиционных приемах прослеживается та же трехчастность торса, как и в чувашских фигурах, подчеркнутое безразличие к моделировке и т. д.

Суваро-болгарская скульптура на Волге, поднявшаяся в создании образа, применяемом материале и технологии на довольно высокий по тем временам уровень, не дает, однако, каких-либо конкретных сведений о зарождении этой формы искусства. Внутренняя структура и традиции народной скульптуры малой формы свидетельствуют о более древнем ее происхождении, чем период прихода наших предков в районы Закамья и Среднего Поволжья. Некоторые нормы канона, характерного для скульптуры волжских суваро-болгар, обнаруживаются в народном культовом искусстве алтайцев, тувинцев, хакасов, сибирских татар. Скульптура, имевшая почти такую же форму и содержание, известна была не только тюркским племенам и народам, интенсивно развивалась она и в монгольском культовом искусстве. Однако нигде не встречаются принципы канона, характерные для чувашской скульптуры, так яр-

ко, как в коропластике Согда докушанского и раннекушанского периодов. В эпоху развития индо-парфянской культуры в терракотах согдийских мастеров восточные традиции: фронтальность, скованность, схематизм, бесстрастность маскообразных ликов — сливаются с новыми качествами: приземистостью пропорций, большеголовостью, коротконогостью⁶.

Одновременно со скульптурой малой формы широкое развитие в прошлом у чувашей нашла и монументальная скульптура — больше всего в виде надмогильных памятников из камня и дерева. Если произведения малой пластики уцелели в незначительном количестве, то число надмогильных изваяний достаточно велико. По своим формам и композиционной структуре произведения монументальной скульптуры делятся на три основные типологические группы: а) ярковыраженные человеческие фигуры с округлой или плоской верхней частью; б) изображения без лика или со знаком — символом, который его заменяет; в) плитообразные камни с ровным, двускатным или овальным верхом.

Интересны памятники, выполненные мастерами камнерезного искусства в деревне Новое Ильмово (Черемшанский район Татарстана). Один из них вырезан из крупного блока, форма и композиция состоят из двух частей: округлой сверху головы и туловища до пояса в виде параллелепипеда. Клинообразными вырезами отмечены шея и плечи. Лоб узкий, глаза показаны овальными ямочками. Очертания бровей и носа выполнены выемчатой резьбой, подбородок и уши не выделены. На груди фигуры камнерез отметил *ама*. Чуть ниже нагрудного украшения проходит горизонтальная линия — пояс, что в космогонических представлениях древних означало поверхность земли.

Любопытную конфигурацию имеют памятники, относящиеся ко второй группе. Среди них немало произведений, являющихся настоящими шедеврами камнерезного творчества. Таково изваяние, выполненное мастером из деревни Старое Афонькино (Шенталинский район Самарской обл.). Голова и нагрудная часть его отмечены овальными парными линиями, исполненными как бы при помощи циркуля — строго и филигранно точно. Зачатки рук подчеркнуты выступами. Лицо показано углублением в виде треугольника. На макушке просверлена небольшая ямочка для свечи и «небесной» воды.

Следующая разновидность памятников включает в себя скульптуры с овальной верхней частью без каких-либо углублений и выступов. В передаче объема мастера не подчеркивали ни плечи, ни шею. Тем не менее лицевая сторона фигур часто отмечается теми же рисунками-символами. Порой завершая некоторых памятников этого типа завершаются в виде двускатной крыши.

Произведения монументальной скульптуры богаты не только

композиционными формами, но и глубоким содержанием. Они антропоморфны, смысловое значение их исходило из представляемой модели мира. В них сказываются связи предков чувашей с древними народами и племенами. В скульптурах, особенно первых двух групп, не обнаруживается каких-либо параллелей с памятниками исламизированной Волжской Болгарии. В то же время тесную связь они обнаруживают с произведениями народной культовой скульптуры Болгарии на Дунае. Так, в памятниках, выполненных мастерами из сел Топчи, Костанденец, Слатина, отмечаются те же канонизированные принципы, что и в чувашских каменных изваяниях. Это прежде всего выражается в их подчиненности семейно-родовым традициям, обусловленным культом предков, в общности форм, композиционной структуры, а также технических средств. Чувашский народный скульптор, как и болгарский, предварительно из природного камня изготавливал четырехгранный блок, а затем, придав ему нужные очертания, вырезал, вытачивал, отшлифовывал и т. д. В передаче пола погребенного до последних лет сохранялись сходные приемы. Орнамент часто имеет однотипную трактовку. В содержании памятников как у чувашей, так и у капанцев и хърцоев содержатся общие понятия о мироздании.

Существование тесных связей между антропоморфными произведениями дунайских болгар и чувашей свидетельствует, что народное искусство ваяния уходит корнями к весьма древним временам, а это позволяет искать его истоки в ранних этапах развития монументальной скульптуры. Памятники из камня, обнаруженные на территории бывшего Советского Союза, исследователи подразделяют на несколько территориально-хронологических групп: 1) изваяния эпохи бронзы южнорусских степей; 2) изваяния эпохи бронзы на Енисее; 3) памятники скифского времени южнорусских степей; 4) памятники скифского времени Монголии и Сибири («оленные камни»); 5) изваяния таштыкской культуры; 6) древнетюркские памятники Монголии, Южной Сибири и Туркестана; 7) половецкие изваяния южнорусских и поволжских степей⁷.

Наряду с каменной скульптурой, большое место занимала у чувашей скульптура из дерева. Этот вид народного искусства в какой-то степени находит свое развитие и в наши дни: в основном он распространен среди чувашей, проживающих в Ульяновской, Самарской, Оренбургской областях, Татарстане и Башкортостане.

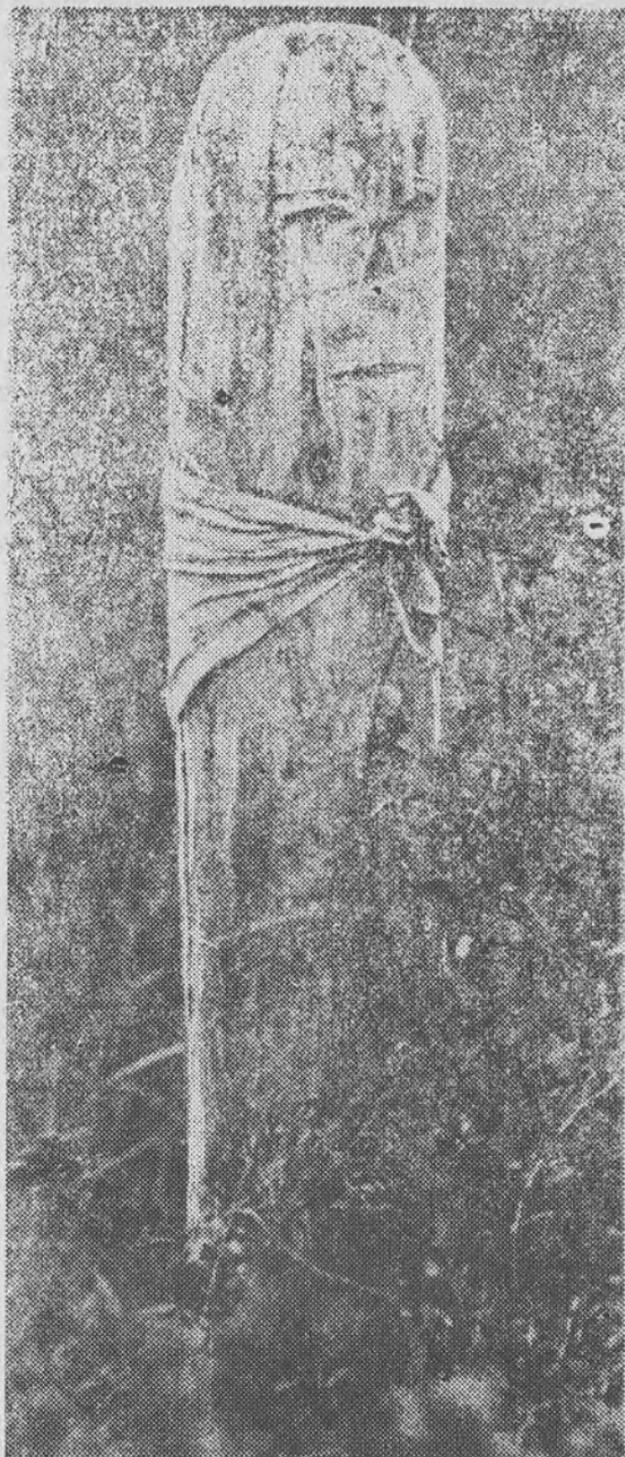
Самым ранним из этих произведений, которое стало известно ученому миру России, является *юпа*, доставленный в 1907 г. в Этнографический отдел (инв. № 1205—97) Русского музея императора Александра III в Петербурге с кладбища деревни Старое Афонькино Бугульминского уезда Самарской губернии. Выполненный из дерева мягкой породы — из липы, памятник

имеет плоский верх, толщина его книзу постепенно сужается. Лик, имеющий полуэллипсовые очертания, выдолблен, вокруг него обозначен линейный орнамент — передняя часть головного убора. На груди изображено треугольное женское украшение, называемое у низовых чувашей *ама* или *сурпан сакки*, застежка к сурпану, с повязкой — ожерельем. Этим мастер показал, что созданный им юпа — фигура женщины, о чем и свидетельствует одеяние. Интересны и художественные приемы у резчика: в орнаменте чувствуется легкость, ритмичное расположение и свободное движение линий. Резчик изобразил фигуру без деталей лица. В этом сказывается канон, идущий из далеких времен. Сама традиция объемного воплощения человеческой фигуры без детализации лика возникла еще в первобытном искусстве. Широко известно ее бытование в скульптуре палеолитической и энеолитической эпох. Историки и искусствоведы, изучающие первобытное общество и его культуру, отмечают, что с формированием космогонических представлений в сознании людей происходит разделение мира земного и мира божеств и духов, в силу чего появляются сходство и несходство. В. И. Равдоникас называет это «идерпластическим стилем», где «не сходство с натурой», а отрывающиеся от действительности идеи определяют пластику и вообще форму изображаемого⁸.

Художественный стиль, основанный на принципах создания образа без черт лица, находил выражение не только в деревянных скульптурах, но и в каменных изваяниях. Одним из таких уникальных памятников является произведение, доставленное в Научно-исследовательский институт ЯЛИЭ при Совете Министров Чувашской АССР во время комплексной экспедиции 1987 г. с кладбища деревни Зириклы Бижбулякского района Башкирской АССР. Блок камня почти не обработан. Верхняя часть фигуры слегка закруглена, фронтальная сторона стесана, глубоким вырезом в виде половинки «лодки» отмечено лицо. На маковке с тыльной стороны выдолблено пять небольших ямочек для «небесной воды» и установления свеч.

Стиль, выдержанный зириклинским и афонькинским мастерами, отчетливо выступает и в памятнике из дерева (инв. № 5095—3, Государственный музей этнографии). Лик антропоморфной фигуры отмечен углублением. Вокруг него обозначены небольшие кружочки, означающие девичий головной убор и шейное украшение из монет. На верхушке мастер вырезал, как и на каменном памятнике, пять отверстий.

Время существования антропоморфных изваяний исчисляется многими столетиями. Огромную территорию занимает ареал их распространения. Многочисленны племена и народы, которые развивали этот древнейший вид монументального творчества. Исследователи находят прямую связь между сибирским, монгольским, казахстанским, алтайским искусством ваяния (нач. IV—VII вв. в Монголии и на Алтае) и скульптурными

Скульптура юпа. Женская фигура. 1930-е гг.
Липа, резьба. Старое кладбище на древнем кур-
гане д. Сапакэль (Сабакаево) Мелекесского рай-
она Ульяновской области.

Скульптура юла. Мужская фигура. 1930-е гг.
Дуб, резьба. Старое кладбище на древнем кур-
гане д. Сапакэль (Сабакаево) Мелекесского
района Ульяновской области.

памятниками южнорусских степей (конец XII—XIII вв.)⁹. В то же время отмечают, что «обряды, связанные с каменными статуями в Восточной Европе, отличаются существенно от восточносибирских и монгольских»¹⁰.

Интересно в этом отношении сопоставление связанных с изваяниями обрядов. Так, у чувашей одним из главных компонентов обряда водружения памятника является сооружение моста, чего нет, или не отмечено, ни в Казахстане, ни на Алтае, ни в Монголии, ни в областях Южной России. При сравнении чувашских юпа с памятниками перечисленных регионов, несмотря на некоторые общие композиционные приемы, наблюдаем существенные различия в костюмах и символах обозначения пола. Но главное — большая разница в смысловом значении. Важным моментом служит и то, что большинство чувашских надмогильников имеет в головной части своеобразные углубления, называемые «вместилищем для небесной воды и свечей — светил». Подобного ни на одном произведении евразийских степей не обнаружено. В то же время такое «украшение» входит в круг основных признаков скифских и скифского типа скульптур Причерноморья, Подонья, Прикубанья и Ставропольского плато, датируемых VII — нач. V вв. до н. э. Так, на макушке изваяния из Ставропольского музея имеется «овальное заглубление длиной 10 см, шириной 6 см, по бокам от него с четырех сторон просверлены четыре округлых углубления, очерчивающие в центре головы квадрат 16×16 см; диаметр передних углублений 1,5 см, задних — 1 см, глубина около 1,5 см»¹¹. Пять углублений с таким же расположением мы увидели на чувашском антропоморфном памятнике из камня с кладбища деревни Зириклы Бижбулякского района Башкортостана (хранится в НИИ ЯЛИЭ Чувашской Республики). Наличием пяти отверстий, расположенных «конвертом», отличается деревянный юпа — фигура девушки, хранящаяся в фондах Государственного музея этнографии.

Монументальная скульптура из камня и дерева, как и скульптура малой формы, идущие из глубины веков, — крупное явление в жизни народа, в его культуре.

Значительное развитие в прошлом получила у чувашей резьба по дереву. Искусство народных мастеров проявлялось в а) украшении предметов, используемых при жертвоприношениях, похоронных и поминальных обрядах, а также при проведении свадеб, весенних и осенних праздников; б) изготовлении бытовой посуды, утвари, мебели, принадлежностей передвижения, орудий труда; в) зодчестве. Совершенства как в технических, так и в художественных приемах достигли резчики в создании произведений, относящихся к первой группе, т. е. изготовлению ковшей, черпаков, братин для пива. Их значение в многолюдных церемониях было особенное, поэтому мастера и творили их с любовью, вкладывая в работу не толь-

ко умение и талант, что само собою понятно, но и видение, и миропонимание, связанные с древними традициями. Глубокие традиции живут, к примеру, в композиции ковшей. Они вырезались из цельного куска липы или яблони. Ручка, состоящая как бы из ярусов, символизировала в далекие времена модель мира. Мастер придавал ей форму птицы, коня или кругов — светил. Часто эти фигуры связывались воедино, находя место на одном и том же предмете. Большинство братин из рук виртуозных резчиков выходило в виде спокойно и плавно плавающих уток. Немало случаев, когда ручки вырезались в виде человеческой головы или животных. Посуда, предназначенная для ритуалов, празднеств, носила всегда торжественный характер и имела различные объемные формы. Сочетание полушара с кругами, ровными или овальными плоскостями и линиями придавало вещи особенно богатый вид. В достижении красоты, неповторимости предмета мастера применяли различные технические средства. Самой распространенной среди них была скульптурная резьба.

Повсеместное распространение имели резные ковши-черпаки с длинной ручкой. Порой они достигали полутора метров. В народе их называли «великанами». Но орнамент их был скромным и выполнялся простой, в основном трехгранно-выемчатой резьбой.

Повседневная бытовая посуда — блюда, миски, солонки, стопы и пр. — по сравнению с предметами, предназначенными для ритуалов и праздников, украшалась более скромно, но отличалась богатством форм. Домашняя утварь изготавливалась обычно из цельного куска дерева, часто из корневища, долблением, выжиганием или резьбой. Форма, размеры посуды, а также выбираемый для нее материал, т. е. вид дерева, всегда диктовались ее назначением. Ни один предмет, будь то миска, или блюдо, или какая другая посуда, предназначенная для повседневного пользования, не изготавливалась специально как произведение искусства. Но в них живут монолитность и пластические качества скульптуры.

В орнаментации ткацких станов, прялок, швеек, седел, дуг, хомутов, телег и пр. выемчатая резьба обычно сочеталась с контурной. Порой наряду с резными узорами применялась роспись, выполненная красными, желтыми, синими цветами.

Древние традиции орнаментации четко выступают в украшении жилища. Однако в связи с недолговечностью произведений деревянного зодчества говорить конкретно о них довольно трудно. Тем не менее графические листы, выполненные в середине XVIII в., свидетельствуют, что многие дома и строения отличались продуманной композицией и объемно-пространственной структурой, всегда тесно связывались с ландшафтом и окружающей средой. Одними из таких примеров могут служить строения, воспроизведенные в гравюре Дмитриева,

выполненной в середине XVIII в.¹² Художник изобразил там два бревенчатых дома с двускатными самцовыми крышами. Конструктивность и форма в их архитектонике нашли единое решение. Один из домов имел Г-образную планировку. У второго дома у входа сооружено открытое крыльцо с перилами. Отдельные части гармонично вошли в общий ансамбль всего строения.

С середины XIX в. в развитии крестьянского зодчества намечаются новые пути, а в начале XX в. происходят коренные изменения. Если до этого периода в строительстве жилищ использовалась в основном глухая резьба, то интенсивное влияние русской культуры в начале нашего века способствовало проникновению корабельной резьбы, которая во многих случаях находит синтез с народной барельефной формой. Но орнамент и его смысловое значение остаются традиционными, примером чего могут служить столбы ворот, называемых в народе «русскими воротами». Дубовые воротные столбы с фронтальной стороны сверху донизу покрывались ярусами светил, выпуклыми вертикальными «веревочными» узорами и т. д. Немалое значение в их выполнении имела и трехгранно-выемчатая резьба.

Начало XX столетия ознаменовалось и другими достижениями в крестьянском зодчестве. Кроме избы, которая длительное время оставалась главным объектом для украшения, появляются также веранда, крытое крыльцо, оформляемые резной резьбой и росписью. В творчестве мастеров быстро распространилась пропильная и накладная техника, найдя широкое применение во всех видах украшений. Особенно предпочтительной она становится у мастеров, украшающих фронтоны изб, наличники окон, крыши ворот и т. д. Кружевная резьба синтезируется с барельефной, скульптурной, рельефной, трехгранно-выемчатой.

В начале XX в., наряду с деревянной резьбой, в крестьянском хозяйстве получает развитие резьба по камню. Одним из таких примеров является дом Ивановых в Слакбаше (ныне входит в Бишбулякский район Башкортостана), но в его украшении прослеживаются не столько древние традиции, сколько влияние русской городской архитектуры.

Плетение из лыка, лозы, реже из бересты в народном творчестве чувашей развивалось повсеместно. В изготовлении корзин, мебели, дорожных сундучков, тарантасов, коробов, даже бытовой посуды, футляров к емкостям для воды и др. предметов мастера проявляли исключительное умение и талант. Изделия имели самые различные формы и цветовые сочетания, утилитарность в них всегда находила связь с эстетическими вкусами людей. Каждый мастер владел не только тайнами красоты, но и секретами материала.

Огромное место в жизни народа занимает игрушка. Мате-

риалом для нее служит все, что имеется под рукой: лыко, солома, дерево, глина, разнообразные лоскутки тканей, куски стекла, металла и проч., и проч. Самыми излюбленными мотивами в творчестве безымянных художников выступали сказочные персонажи: крылатые кони-урхамахи, богатыри и улыпы, кратины окружающей жизни, фигурки животных, людей. В руках мастера небольшой кусочек лыка превращался в птицу, в коня, запряженного в сани, в телегу, в дворовую собачку, ветряную мельницу и т. д.

Повсеместно жили мастера-свистульчники, умеющие изготовить занятную игрушку из любого материала. Из красной и белой глины лепили свистульки в виде птиц, лошадок, тетеревов, барашков и т. д.— форма их, естественно, имела упрощенный вид: народный умелец и не пытался точно копировать натуру, отмечал лишь некоторые отличительные черты. В то же время в одной и той же фигуре можно порой уловить признаки разных существ. Игрушки, несмотря на их малые размеры, обладают чертами монументальности и поражают простотой очертаний и завершенностью. В них таится какая-то загадочность и фантастичность. К сожалению, старинных игрушек почти не сохранилось, и это обстоятельство не позволяет раскрыть мир игрушек наиболее полно. Тем не менее уцелевшие произведения свидетельствуют о древних традициях этого вида народного творчества.

В связи с повествованием об игрушках следует упомянуть о поделках, связанных с обрядами. Весной в честь праздника земли в каждом доме пекли пряники. Форму для них изготавливали мужчины из жести. Это были фигурки птиц и коней. В традициях птица олицетворяла небо — верхний мир, лошадь — пашню, вспаханную землю. Смысловое значение печения лакомств из теста связывалось с сотворением мира. Мастер формы и домохозяйка, готовящая пряники, стремились, чтобы их изделия, имеющие столь важное значение, были привлекательными. Разносимые детьми до восхода солнца во все дома, а также вручаемые гостям и предназначенные для поминок предков испеченные лакомства символизировали приход весны — рождение всего сущего на земле.

Особое место в развитии народного искусства прошлого занимали йёрёхи — «куклы», изготовленные из лоскутков. Несколько десятков йёрёх, обозначенные различными названиями (покровители рода: *ём пичче, кинемей, майнакка* и т. д., покровительница живого огня, богиня домашнего очага, богиня от бесплодия, покровительница лошадей, хранитель скота, глазной йёрёх, покровительница невесты, покровительница скрипки, богиня красоты и др.), хранятся в фондах Государственного музея этнографии. Женские фигурки, сделанные из белого тонкого холста или цветных лоскутков, наряжены в праздничные одеяния. На головах у них сурпан, сурпан тутри, масмак, хушпу

из соломенных колечек или кусочков светлой жести. Иногда хушпу имитировали пришитые на макушке монеты, бисеринки, кусочки олова. Многие фигурки завернуты в белые тряпочки или к ним пришиты лоскуты, напоминающие покрывало невесты. Одежда некоторых «кукол» полностью повторяет сложный женский костюм. Так, одна из богинь, высотой около 20 см, представлена в виде женщины из зажиточного дома: на ней длинная рубаша, передник с узорами. Особую значительность и торжественность придают ей хушпу, тевет, нагрудное украшение ама.

Создатели этих произведений видели в своих изделиях не просто нарядных кукол, а принимали их за покровителей, за богов и предков, обладающих сверхъестественной силой. Об этом свидетельствует и широкое использование символов: кусочек олова олицетворял собой комплекс украшений из серебра, связанный с космогоническими представлениями; веточка рябины или черемухи, вложенная вовнутрь йёрёх, превращал его в нечто «живое», обладающее магической таинственностью.

Искусству создания йёрёх характерна еще одна отличительная черта: в отличие от других видов народного творчества, имели право заниматься им только глава жертвоприношений, мйачавар и йомзи. Для сотворения богов существовали специальные обряды, сроки и гимны-наговоры¹³.

По своим назначениям «куклы» из лоскутов близки к произведениям малой скульптуры и часто повторяли их роль и занимали их место в жизни и культуре чувашей в прошлом.

Искусство чувашского народа многогранно, корни его уходят в глубины веков. Его принципы, приемы создания образов, каноны продолжали традиции, сложившиеся когда-то в Средней Азии, Северном Кавказе, Причерноморье, затем в Волжской Болгарии раннего периода. Параллели ему прослеживаются в искусстве индийских и иранских, монгольских и тюркских племен и народов. Некоторые древние традиции и каноны находят связь с переднеазиатским миром.

ЛИТЕРАТУРА

- ¹ Галкин Л. Л. К вопросу о связях степного Заволжья с Кавказом в хазарское время // Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980. С. 153.
- ² Там же. С. 155.
- ³ Березин Н. И. Библиотека восточных историков. Казань, 1854. Т. III. С. 10.
- ⁴ Галкин Л. Л. Указ. соч. С. 153.
- ⁵ Лихачев А. Ф. Скифские элементы в чудских древностях Казанской губернии. Одесса, 1886. С. 37.
- ⁶ Мешкерис В. А. Коропластика Согда. Душанбе, 1977. С. 102—103.
- ⁷ Шер Я. А. Каменные изваяния Семиречья. М.—Л., 1966. С. 3—4.
- ⁸ Равдоникас В. И. Искусство первобытного общества. Л., 1947. Т. II. С. 135.

- ⁹ Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. С. 167.
- ¹⁰ Там же. С. 190.
- ¹¹ Петренко В. Г. О юго-восточной границе распространения скифских каменных изваяний //Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986. С. 163.
- ¹² См.: Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. I. СПб., 1773.
- ¹³ Акимова Т. М. Материалы по культу йериха у саратовских чуваш //Сборник Нижневолжского краевого музея. Саратов, 1932. С. 21.

ТРАДИЦИОННАЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

В системе традиционной духовной культуры чувашского народа важное место занимает музыкальная культура. В это понятие входит комплекс явлений и предметов, в том числе: а) жанровая система (восходящая к другим областям духовной культуры, прежде всего к мировоззренческой и обрядовой), б) собственно музыкально-интонационная система (определяемая понятиями музыкального стиля, музыкального языка, музыкальных диалектов), в) музыкальный инструментарий.

Музыкальная культура имеет историю и происхождение, неразрывно связанные с историей и происхождением ее создателя и носителя, то есть собственно этноса. Несмотря на скудость сведений, относящихся к древним этапам развития музыкальной культуры чувашского народа, нет оснований предполагать, что в исторически обозримое время она могла претерпеть принципиальные изменения (аналогично теоретическим представлениям о развитии чувашского языка, сохранившего признаки древнего тюркского языка болгарского типа). Но музыкальная культура и, в частности музыкальная система (то есть та часть музыкальной культуры, которая в наибольшей степени допускает эту аналогию), развивалась в согласии со своей спецификой, по своим законам. Учет лингвистических особенностей и связей необходим, но при анализе внеязыковых явлений он может быть только вспомогательным приемом. Например, несовпадения начинаются уже в вопросах классификации культур. «С точки зрения музыки,— считает известный исследователь музыки народов Востока В. С. Виноградов,— такой среды (общетюркской.— М. К.) вообще не могло существовать, ибо музыка тюркоязычных народов настолько различна, что заставляет искать и различные истоки ее»¹.

Если исходить из одного из наиболее обобщенных признаков музыкальной системы чувашей — ее ангемитонно-пентатонической ладовой основы, то чувашская музыка входит в грандиозную евразийскую систему пентатонных культур, прости-

рающуюся от Индокитая через Центральную Азию в Поволжье, Венгрию и Шотландию*.

Среди тюркоязычных народов пентатоника как типологический признак музыкальной системы отличает также татарскую, башкирскую, тувинскую, ойротскую, алтайскую (некоторых племен) музыку³. В то же время пентатоника как ладоинтонационная основа характерна и для соседствующих с чувашами представителей финно-угорской языковой семьи — мари и в большей мере для удмуртов и мордвы. Современный венгерский этномузыковед Л. Викар своими сравнительными исследованиями подтверждает тезис Белы Бартока о «северном тюрко-татарском» пентатоническом стиле⁴, повлиявшем на музыку финно-угорских народов. «Пентатоничность без полутонов и с нисходящими мелодическими линиями была перенесена тюркскими народами к финно-уграм, — считает Л. Викар. — Те народы финно-угорской языковой семьи, которые живут в ареале, не инфильтрированном тюркским населением, не имеют на сегодня знакомства ни с пентатоникой, ни с нисходящими линиями»⁵. Более чем тысячелетнее сосуществование (в основном мирного характера) разнообразных культур привело к образованию так называемой «пентатонной зоны» Поволжья и Приуралья. Это понятие, дополненное явлениями «общезонального» характера в ритмике и типологии жанров и инструментария, подтверждает методологическую важность понятия историко-этнографической области (ИЭО), развиваемого в последнее время в историко-этнографических исследованиях⁶.

До сих пор историко-хронологическая периодизация развития чувашской народной музыкальной культуры осуществлялась достаточно упрощенно. Рассматривались два этапа — дореволюционный и современный. Историки культуры условно разбивают дореволюционный период на этапы: соответствующий феодальной и капиталистической общественно-экономическим формациям, то есть приблизительно до середины XIX века, и следующий — до 1917 года**⁷. Таким образом, более чем тысячелетняя история развития основного фонда традиционной музыкальной культуры, составляющего его классику, представляла в виде нерасчлененного монолита, не подвергавшегося анализу.

Но материал для обобщений постепенно накапливается. Поскольку искусство музыки до последних ста лет практически

---

* Встречается она и в других частях света — Африке, Америке. Пентатоника — единственный, по-видимому, признак, условно объединяющий все эти, пестрые по составу этнокультурные зоны. Другой тип ангемитонно-пентатонической ладовой системы, как считает венгерский музыковед Б. Сабольчи, — «более свободная импровизационная музыкальная структура литийского образца» — распространен на Ближнем Востоке².

** Из исследователей-специалистов только Ф. П. Павлов ставил вопрос о периодизации истории чувашской музыки в древности (этапы гуннский, болгарский и собственно чувашский)⁸.

не фиксировалось, это происходит, главным образом, в сфере теоретических представлений о национальной и жанровой системах и в сфере этноисторических факторов через сравнительное изучение музыкальных культур контактировавших и родственных народов. Совпадения системного характера тех или иных особенностей в культурах, имевших длительные близкие контакты, могут оказаться результатом их взаимодействия на определенном отрезке истории. Такие сопоставления являются основным методом диахронической реконструкции. Классическим примером применения этого метода в этномузыкальном знании признаны исследования венгерских ученых, восстанавливающих по косвенным данным древнейшие черты музыкальной культуры своего народа. Аналогично ставит вопрос и болгарский музыковед, когда пишет: «...Сравнение старинных болгарских народных песен со старинными чувашскими народными песнями и нахождение некоторых общих отличительных черт будет составлять особую важность. Может быть, это и есть та дорога, которая приведет нас к одному из самых древних пластов нашей народной музыки»⁹.

История чувашского народа насыщена переселениями, культурными контактами, смешениями и разделениями племен. Следы этих событий и взаимодействий, обнаруживаемые современной наукой в народной музыкальной культуре, способны пополнить общую картину истории народа, создававшуюся до сих пор без участия музыковедения, новыми штрихами. В соответствии с имеющимися на сегодня данными, можно предложить следующую схему этномузыкальной истории чувашей:

I. Древнейший период. Охватывает время до прихода предков чувашей в Волго-Камье (до VIII в. н. э.). Источниками служат свидетельства древних историков о культуре гуннских и тюркских племен, о контактах с предками венгров и дунайских болгар.

II. Период формирования классической чувашской музыкальной системы. Начинается после переселения предков чувашей в Поволжье и завершается приблизительно в XV—XVI вв. (как и в других областях духовной культуры). Подтверждающими материалами являются следы древних взаимодействий с культурами соседних народов по ИЭО.

III. Период после вхождения в Русское государство. Свидетельства — стилевые и жанровые пласты с отголосками влияния православия и русской культуры. Последний этап этого периода, связанный с развитием буржуазных отношений, знаменует собой начало постепенного разрушения классических форм национальной традиционной культуры.

Ниже в трех разделах группируются известные на сегодня данные о музыкальной культуре чувашского народа, относящиеся к тому или иному периоду ее истории.

Проблема изучения истоков музыкальной культуры чувашского народа была поставлена одним из первых чувашских профессиональных музыкантов Ф. П. Павловым. Основываясь на представлениях, что древние предки народа находились в составе гуннских племен*, он обратился к источникам, содержащим сведения о музыкальных проявлениях гуннов. Так, в записях византийца Приска (V век) имеются описания торжественных песнопений, хвалебных песен во время пиров и церемоний. У него же, а также у римских историков V века, есть сведения о похоронных обрядах гуннов с горестными и торжественными песнопениями¹⁰. В других документах можно найти упоминания о музыкальных традициях древнетюркских народов. Например, автор VII века Феофилакт Симокатта зафиксировал существование у них обрядовых песнопений — «гимнов земле»¹¹.

Такие свидетельства подкрепляют предположение Павлова, что в первых веках новой эры «у древних предков чувашей сложились традиции в области музыки». И хотя «эта музыка не дожила до нашего века., отголоски этой поэзии следовало бы искать в современных нам обычаях»¹².

К глубокой древности относится происхождение квантитативной ритмической системы, являющейся общетипологической чертой (наряду с ангемитонной пентатоникой) традиционной чувашской народной песни. Этот тип ритмики имеет распространение в архаических пластах многих культур. Науке известны классические его формы в поэзии (синкретически связанной с искусством музыки) древних Индии, Ирана, Античности**. Типологическая совместимость чувашской ритмики с индо-иранскими формами квантитативности и отличия ее от античных и арабских форм позволяют предполагать, что чувашская квантитативная ритмика имеет индо-иранское происхождение и, следовательно, она уже существовала до переселения предков чувашей на Волгу***.

По-видимому, в глубокую историю уходит и сосуществование двух музыкально-поэтических песенных форм — «такмак»

* По современным данным, до I века до н. э.

** Несколько позже, приблизительно с VIII века н. э., начинает развиваться классическая арабская система аруз, повлиявшая не только на ираноязычную, но и на тюркоязычную (мусульманизированных народов) поэтику и, соответственно, музыку. К самим народным традициям тюрков аруз не имеет отношения.

*** Контакты предков чувашей с иранскими культурами, по данным историков, не прерывались на протяжении многих столетий, начиная не позднее III—II веков до н. э. в составе хунну, затем со II—III веков н. э. на Северном Кавказе вплоть до VII—VIII веков. Следы этих контактов многообразны, их находят в археологическом, этнографическом, антропологическом, лингвистическом материалах, в народных верованиях, мифологии.

(7-слоговая в основе форма, варьирующаяся по числу слогов от 5 до 13—14) и «анатри» (9—11-слоговая асимметрично цезурованная силлабическая форма). Они не являются принадлежностью только чувашской культуры. Только в Волго-Уральской ИЭО обе формы достаточно типичны для фольклора татар, башкир, удмуртов и марийцев. При этом если «такмак» имеет относительно более широкую распространенность (ей подобные встречаются практически у всех народов), то «анатри» весьма специфична по структуре, и совпадение этой формы у разных народов не может быть случайным. Она имеет тюркское происхождение и в Волжско-Уральскую ИЭО занесена, видимо, болгаро-суварями, оказавшими сильное влияние на местные финно-угорские племена. Многосложник «анатри» имеет значение устойчивой и по своей распространенности — фундаментальной особенности песенной культуры низовых чувашей и существует, по-видимому, столько же, сколько сама этнографическая группа анатри и ее предков — прямых, по мнению В. Ф. Каховского, наследников суварских (сувазских) племен¹³.

В соответствии с представлениями своего времени Ф. П. Павлов пытался объяснить происхождение ангемитонной пентатоники в чувашской музыке тем, что «предки чувашей жили в соседстве с Китаем». С тех пор чувашаи и помнят «китайскую гамму» (одно из наименований этой ладовой системы в литературе XIX—начала XX вв. — М. К.), сохранив ее до нашего времени»¹⁴.

Китайское происхождение пентатоники вообще (и в музыке народов алтайского происхождения, в частности) остается недоказанным. Прямые свидетельства пентатоничности музыки гуннов или же древнетюркских племен отсутствуют. Существуют лишь косвенные данные в пользу пентатонической природы музыкальной системы праболгарских племен еще до переселения их в Поволжье. Речь идет о следах их влияния на культуры венгерских племен в период интенсивных контактов последних с булгарами в V—VII вв. н. э.

Венгерские музыковеды уделили большое внимание их изучению. Наиболее значительные результаты достигнуты при сопоставлении музыкальных систем. Еще в 30-е гг. З. Кодай предположил, что «формы венгерской народной музыки, совпадающие с марийским и чувашским материалом, являются, по всей вероятности, наследием того влияния древних болгар, которому венгерский язык обязан примерно двумястами заимствованных слов. Они свидетельствуют, что в V—VII веках коренным образом изменился весь образ жизни наших венгерских предков. Также менялась и обогащалась их музыка»¹⁵. Исследователь указал на основные изменения в интонационной структуре венгерской песни, относящиеся к той эпохе и характеризующие ныне ее архаические пласты. Во-первых, это ангемитонная пентатоника. Во-вторых — особая структура строфы, основанная на

Жанровая система фольклора, подобная по типу чувашской, у древних венгров, видимо, не развивалась и не была воспринята ими в период контактов. Из однотипных чувашским инструментам, известных с древности, у венгров распространены волынка, тамбура (струнный щипковый инструмент).

Как известно, предки чувашей и дунайских болгар разошлись в VII веке, после чего болгарская культура формировалась под сильным влиянием славян. Соответствия, обнаруживаемые при сопоставлении чувашской и болгарской народных музыкальных культур, разрозненны и противоречивы. Пока они не стали предметом исследования, до сих пор существует единственная музыковедческая статья — Н. Кауфмана, ставящая эту проблему.

Жанровая система болгарского музыкального фольклора в своих основах сходна с чувашской. И у болгар, и у чувашей она основана на включении музыкальных проявлений в обряды двух родов: календарные и семейно-бытовые. Разумеется, только такое совпадение не может служить доказательством их генетической взаимосвязи, ибо столь же близка по жанровой структуре музыка многих земледельческих народов, в том числе восточных славян*. Эти жанры и обряды не имеют буквальных совпадений друг с другом, но представляется важной сама однотипность их структур, допускающая возможность их историко-генетических связей:

Календарные обряды

Чувашские <i>Сурхури, Кайшарни</i>	Болгарские <i>Коледа, Сурва</i>	— зимние праздники молодежи с обходом села. Соответствуют христианским Рождеству и Крещению.
<i>Нартукап</i>	<i>Ладуване</i>	— песенные гадания с кольцами на святках.
<i>Саварни</i>	<i>Сирни Заговезни, Кукеровден</i>	— обычай на масленицу.
<i>Майкун, Сёрен</i>	<i>Великден, Задушница</i>	— праздник весеннего равноденствия, поминальные и очистительные обряды. Соответствует христианской пасхе.
<i>Сумар чйкё</i> (песнопения не сохранены) <i>Симёк, Синсе</i>	<i>Пеперуда</i>	— обряды против засухи.
	<i>Гергьовден, Еньовден</i>	— весенние поминания и праздник вызревания растительности.
<i>Вайй, Уяв</i>	<i>Хоро</i> (весенние)	— хороводы и игры молодежи.

* Этнографы считают, что системы обычаев и праздников болгарской народности созданы «на основе православной традиции, античного наследия (главным образом фракийцев) и праболгарской традиции...»¹⁹

<i>Утџи юрри</i>	<i>Жетварски песни</i>	— песни сенокоса, жатвы.
<i>Кѳрхи сѳра</i>	<i>Димитровден</i>	— обряды окончания сельскохозяйственного года.
<i>Улах</i>	<i>Седенки</i>	— зимние посиделки молодежи.
<i>Ниме</i>	<i>Меджия</i>	— помочи.

Семейно-бытовые обряды

<i>Туй</i>	<i>Сватбарски</i>	— обряды свадьбы.
<i>Сасѳ кѳлорни</i>	<i>Исприяване, изрукване</i>	— похоронные песнопения.
<i>Пумилкке, асану</i>	<i>Помен</i>	— поминальные обряды.
<i>Еѳкѳ-ѳикѳ юррисем</i>	<i>Песни на трапеза</i>	— застольные песнопения.

Важным представляется также четкое музыкально-стилевое междужанровое разграничение напевов как в болгарском, так и в чувашском фольклоре. (Констатация Н. Кауфмана об отсутствии такого разграничения у чувашей²⁰ не соответствует действительности).

Одна из главных особенностей музыкальной системы чувашской песни — пентатоника. У болгар «пентатоника тоже встречается, но здесь она не основная характерная черта»²¹, хотя песни, построенные в пентатонических ладах, имеют старинное происхождение^{*22}:

Согласно Н. Кауфману, наиболее близкие по типу пентатонические звукоряды распространены в Родопском крае. Аналогичные примеры можно встретить и в песнях Северо-Восточной Болгарии. Но если из всех видов пентатоники у чувашей преобладает звукоряд *degah*, то у болгар — *egahd*¹ (также известный в Чувашии, но сравнительно менее распространенный). Как у болгар, так и у чувашей встречается особое явление переменности терции. У болгар — в диатонических ладах вторая и третья ступени²³, у чувашей — локально (юго-восточные районы республики, отсюда южночувашский лад) в пентатоническом звукоряде *egahd*¹ терция может повышаться, а септима понижаться в пределах полутона. В случае пентатонической основы болгарского напева обнаруживаются весьма близкие интонации (пример 2**).

Ритмические системы как болгарской, так и чувашской народной песни выделяются большим своеобразием. При существенных различиях (особенно в темпах и ритмах *parlando-rubato*) и здесь имеются точки соприкосновения. Многие из болгарских

* И здесь не исключено славянское начало. В древних пластах восточно-славянской календарной мелодики также сохранились следы пентатоники.

** В примере 2 приводятся: а) песня из сборника «Народни песни от Североизточна България». Т. II. София: БАН, 1973. С. 296. № 605; б) две мелостроки песни из сборника: «Песни низовых чувашей». Кн. 2. Чебоксары: Чув. кн. изд-во, 1982. С. 90. № 194.

Пример 2.

♩ = 80

а)

б)

«комбинированных размеров» можно встретить как типичные в чувашской музыке. Ритмические группы (ячейки) ямбического вида, лежащие в основе наиболее характерных чувашских ритмических рисунков, присущи и болгарской музыке (Н. Кауфман указывает, например, ритм «пайдушко хоро»).

Из особенностей песенного стихосложения у болгар и чувашей совпадает семислоговой (4+3) размер. («Но у нас он не столь характерен», — замечает Н. Кауфман²⁴). Можно отметить также наличие в обеих культурах асимметрично цезурованного силлабического стиха: у чувашей 9—11-слоговой (7[6]+4[3]) «анатри», у болгар — 8-слоговой (5+3). Обе формы устойчиво повторяются, каждая в своей культуре.

Из музыкальных инструментов, сохранившихся с древних времен, и чуваша, и болгары имеют свирель (*шәхлич — кавал*), волынку (*сәрнай — гайда*), барабан (*паранпан — тьпан*). Чуваша не сохранили в быту струнный инструмент *тәмра* (ныне его название перенесено на фабричную балалайку). Соответствующий инструмент, сохранившийся в Болгарии, носит название «тамбура». Разновидность тамбуры «булгария» или «*tanbur Bulgharyu*», как предполагают, «на Балканский полуостров... перенесена аспаруховскими болгарскими в VII веке»²⁵.

* * *

К периоду, когда в Волго-Уральской ИЭО сложился союз племен — местных и переселившихся сюда болгар и сувар, восходят корни «общности в традиционной музыке народов Поволжья», отражающей «известное единство культуры всех этих народов»²⁶. Поэтому исторические данные о музыкальном быте волжских болгар могут в той или иной степени характеризовать музыкальную культуру ряда родственных племен, в числе которых находились и предки чувашей. Такие сведения встречаются в записках арабского путешественника Ахмеда ибн-Фадлана, в 922 году посетившего Булгарию. Например, он упоминает об обычаях проведения пиров, свадеб и похорон, то есть об обычаях, с которыми могли быть связаны музыкальные проявления племен Булгарии. Наиболее подробно описывается

плач во время погребального обряда. В могилу умершего клали вместе с другими предметами и музыкальный инструмент *тунбур* (ср. обычай чувашей хоронить покойника-музыканта с инструментом²⁷). Упоминание о песнопениях у Ибн-Фадлана также связано с погребальным обрядом: «Девушка из наложниц, вслед за умершим господином приготовленная к смерти, каждый день пила и пела, веселясь, радуясь будущему». (Поведение наложницы напоминает обычай некрещеных чувашей на поминках предаваться «веселию и пляске», полагая, «что и за гробом покойник проводит такую же жизнь, какую он проводил на земле, и что ему так же весело, как они веселятся, пируя над ним»²⁸). Музыковед М. Н. Нигмедзянов относит к болгарам и сведения, сообщаемые Ибн-Даста: «Есть у них разного рода лютни, гусли и свирели... лютня восьмиструнная»²⁹.

Некоторые сведения о музыкальных инструментах, бытовавших у болгар, дает и археология. «...Они были по крайней мере двух видов,— сообщают Б. Д. Греков и Н. Ф. Калинин,— духовые типа дудки, на что намек дают сохранившиеся глиняные свистульки, костяные трубочки, и струнные. О последних говорит костяная пластинка трапециевидной формы с дырочками по углам и тремя отверстиями на большом основании трапеции. По нашему мнению, это была часть деревянного инструмента, к которой натягивались три струны»³⁰.

Из многообразных музыкально-фольклорных материалов народов, находившихся в зоне влияния болгарской культуры, внимание исследователей должны привлечь моменты общности, с большой долей вероятности восходящие к эпохе интенсивного взаимодействия разноплеменных культур. Здесь в первую очередь представляются плодотворными сопоставления с культурами неисламизированных народов и этнографических групп (например, из тюркоязычных — татар-кряшен), поскольку длительное ограничительное влияние мусульманской религии на духовную культуру сказалось на сохранности древних традиционных обрядов и жанров (в частности, у казанских татар — это календарная и семейная обрядность), на формах (не развивалось коллективное пение и многоголосие, но зато у татар и башкир достигло необычайной высоты искусство особого орнаментированного стиля в сольном пении), на бытовании музыкальных инструментов. Например, как у башкир, так и у казанских татар-мусульман из древних инструментов к XX веку сохранились только *курай* и *варган*. В то же время у татар-кряшен бытуют гусли (*гюсле*), как и у многих других народов зоны (чувашей, марийцев, удмуртов). Еще в XVII веке у татар (этнографическая группа не указана) была зафиксирована волынка *сурнай*³¹ (ср. чув. *сърнай*), поныне существующая у чувашей, марийцев, удмуртов.

Структуры фольклорно-жанровых систем, опирающихся на обряды, имеют более или менее близкие аналогии у всех немусу-

сульманизированных народов и этнографических групп зоны. В частности, в календарно-обрядовом цикле чувашским зимним обрядам с исполнением песен и инструментальной музыки *сурхури*, *нартукан* (молодежные гадания на святках) соответствуют обряды других народов. Из весеннего цикла всеобщим характером отличаются земледельческие праздники с музыкой выхода на пашню, «великого дня» (*ман кун* — языческий праздник, слившийся после христианизации с пасхой), хороводные гуляния, начинающиеся у чувашей с поминовения предков. Их аналогии в терминологическом отношении проследил Р. Г. Ахметьянов³².

Такие же параллели отмечаются и в семейно-обрядовой жанровой сфере — музыке свадьбы, проводов рекрутов, погребального и поминального обрядов. В музыкально-стилевом отношении многие виды (жанры) чувашских народных песен достаточно четко отличаются от других видов традиционных песен. В частности, определенные музыкально-интонационные признаки отличают свадебные *туй юррисем*, рекрутские *салтак юррисем*, весенние хороводные и игровые *вайй юррисем*, обрядовые *кёреке юррисем*, *юпа юррисем*, колыбельные *сăпка юррисем*, плясовые *ташй кёввисем* и т. д. Во многих случаях дело не ограничивается общими музыкально-стилевыми признаками. В таких видах песен, как *туй юрри*, *хёр йёрри* (причитание невесты), *вайй юрри*, *салтак юрри*, *кёреке юрри*, существуют типовые напевы или интонационно-ритмические формулы. Они имеют распространение в определенных зонах, охватывающих территорию нескольких современных районов. Сами народные исполнители отчетливо осознают их отличия. Этим и объясняется факт, что уже ранние публикации музыки чувашских народных песен имели четкую жанровую рубрикацию, сохранившуюся в большинстве последующих изданий. Так, в сборниках 1908 и 1912 годов были выделены все основные группы песен: весенние хороводные и игровые, посиделочные и святочные, масленичные, праздничные, свадебные, рекрутские, такмаки³³.

Столь подробную и устойчивую жанрово-обрядовую рубрикацию у некоторых других народов, видимо, материал не допускал. В этом могла отражаться специфика музыкально-жанровой системы данной культуры, дифференцирующей по иным критериям, но могла быть и недостаточная изученность культуры, малая сохранность ее древних пластов. Например, насколько отличается в этом отношении казанско-татарский народнопесенный материал, можно судить по длительной дискуссии, ведущейся по вопросам его жанровой классификации, и по следующему заключению современного исследователя: «Классификация музыкального фольклора условна. Приходится выделять в качестве ведущего критерия лишь главные в данной связи параметры материала, упрощать их многозначность, нестабильность и подвижность признаков...»³⁴ Вместе

с тем именно в архаических пластах, в недавно появившихся публикациях фольклора татар-кряшен, обнаруживаются близкие параллели с чувашским материалом как в жанрово-обрядовом составе, так и в структуре музыкальной системы³⁵. Это свидетельствует о хорошей сохранности в чувашской музыкальной культуре древних черт. Ее ядро, классический слой, образуют песни приуроченных к календарным или семейно-бытовым обрядам жанров. Сходно по стилю также большинство гостевых-застольных («праздничных») *хӑна-ёҫкӗ юррисем*, то есть лирических песен старого происхождения, в сегодняшнем быту являющихся неприуроченными.

Поскольку ангемитонная пентатоника является одной из главнейших общих характеристик музыкальных культур чувашей, татар, башкир, мари, мордвы и удмуртов, их принято объединять понятием «пентатонной зоны» Поволжья и Приуралья. Формы пентатоники в зоне различны, но есть и общие моменты. Наиболее распространены в чувашской музыке звукоряды *degah* и *egahd*¹. Они же являются основными и в татарской музыке, достаточно типичны для марийцев и удмуртов, мордвы-эрзи. Напротив, образцы напевов со звукорядом *ahd¹eg¹* редки во всех культурах, а форма *hd¹eg¹a¹* практически не встречается вообще.

Среди чувашских народных песен традиционного стиля имеются и пласты песен с диатоническим звукорядом, включающим непосредственные полутоны, обычно один (в звукорядах *defisgah* [...] или *efisgah* [...]). Наиболее отчетливо звукоряды с диатоническими полутонами представлены в весенних хороходных *уяв — вӑйӑ юррисем* левобережных анатри. Для таких песен типично терцовое двух-трехголосие. Тон *fis* вводится чаще всего в голосе, вторящем основному, иногда остающемуся ангемитонным. Здесь возможны сопоставления с образцами мордовско-эрзянской песни, зафиксированными в районах, где проживают левобережные низовые чуваша.

Мелодическая структура чувашских народных песен традиционного стиля весьма разнообразна. Типично развитие напевов из многообразно варьируемых трихордовых ангемитонических попевок, чаще всего в объеме полуфразы на 3—4 слога стиха. Развитие напева обычно начинается в верхнем или среднем регистре звукоряда, завершается всегда в нижнем. Изучив широкий материал «пентатонной зоны», Ласло Викар нашел много общего в структуре мелодики и обобщил свои наблюдения в следующем выводе: «Пентатонический звукоряд и нисходящая структура значительно более характеризуют тюркские народы, в то время как варьирование единственного мотива в известной степени создано среди финно-угров»³⁶. Общим моментом в мелодике всех песенных культур зоны (кроме мусульманизированных татар и башкир) является отсутствие протяженных внутрислоговых распевов (Л. Викар говорил о «сил-

лабическом» характере мелодики, что можно перевести как «слоговой», речитативный).

Основой достаточно индивидуального мелодического развития в чувашских напевах традиционного стиля являются типичные ритмические и ладоинтонационные структуры (формулы). Ладоинтонационная формульность наглядно проявляется в каденциях музыкальных построений. При сравнении характерных каденций чувашских и татарско-кряшенских песен (см. пример 3, заимствованный из книги М. Н. Нигмедзянова³⁷) нельзя не признать их интонационной близости, если не тождества.

Пример 3.

Формульность напевов чувашского традиционного стиля позволяет легко сменять или варьировать поэтические тексты, которые отличаются незакрепленностью по отношению к тому или иному напеву в пределах данного жанра. При каждом исполнении песни поются те стихи, которые наиболее памятливы данным исполнителям. Этому способствует и «открытость» поэтической структуры традиционных чувашских песен — краткость, афористичность, обобщенность отдельных сюжетов, излагаемых в одной, двух, редко четырех строфах. Это же свойственно многим традиционным песням кряшен, башкир, марийцев, удмуртов.

Ритмика чувашских песен традиционного стиля относится, в основном, к квантитативному типу, то есть она организована по принципу сложения интонируемых слогов разных длительностей в квантитативные стопы (ритмические ячейки). Закономерностью форм стоп является двусложность и равная или бо́льшая длительность интонирования четырех слогов по сравнению с нечетными, то есть тенденция к ямбичности. Это же отличает ритмические стопы татарских, башкирских, марийских и удмуртских песен. Из стоп-ячеек в чувашских песнях складываются ритмические рисунки музыкальных фраз, соответствующих по объему стиху поэтического текста. Такая стопно-ячейковая микроструктура фразы-стиха в чувашской народной песне традиционного стиля имеет три главных типа. Первый, наиболее распространенный, — четырехъячейковый «такмак» широко встречается у всех народов зоны. Второй — пятиъячейковый «анатри» у чувашей также встречается массовидно, но только в низовой этнографической группе. Весьма близки к нему образцы из татарской (кряшенской и мишарской групп), башкирской, удмуртской, марийской (восточной этнографической группы) народной песни. Третий тип ритмического рисун-

ка фразы-стиха — трехъячейковый. В чувашском фольклоре он употребляется чаще всего в средненизовом диалекте анат енчи, а также в припевах низовых песен. Он же весьма характерен для жанра баита у татар.

При сложении типовых фраз-стихов из различных ритмических ячеек в чувашских народных песнях образуется ряд ритмических формул (большей частью описанных и систематизированных³⁸). Для многих песен традиционного стиля, как уже говорилось, они имеют канонический характер. Сходные ритмические рисунки встречаются в песнях разных культур, однако их формульный характер пока не изучен³⁹.

Чувашская народная песня отличается богатством строфических форм. Только среди типичных в разных диалектах и жанрах можно указать двух-, трех-, четырех-, пяти-, шести- и восьмистрочные. (Это позволило Ласло Викару использовать число строк в строфе как определяющий признак при систематизации материала, вошедшего в сборник чувашских народных песен⁴⁰). Подобное многообразие в области строфики связано с сохранением устойчивых традиций (подобных обилию ритмических формул). В разных культурах зоны можно обнаружить те или иные параллели строфических форм. Например, в песнях пятиячейковой ритмической структуры, как правило, преобладает форма строфы АВ, часто с повтором АВВ (1). С ней полностью совпадает, например, двустишная «полустрофная» мелодическая форма татарских народных песен, описанная М. Н. Нигмедзяновым, пометившим, что она «присуща и другим музыкальным культурам»⁴¹. В четырехъячейковых формах преобладает четырех-шести- и восьмистрочная форма, а также восьмистрочная (строфа с квинтовой транспозицией у верховых чувашей и горных и луговых мари).

* * *

Контакты чувашей с восточнославянской, затем русской культурой до вхождения в Русское государство (1551 г.) носили эпизодический характер и не могли оставить заметных следов в музыкальной культуре. Глубокие отличия уже сложившейся к XVI веку чувашской традиционной культуры от славянской обусловили ее устойчивость к внешним воздействиям, выживание большинства основополагающих особенностей музыкально-стилевой системы. Исследователи как чувашской, так и татарской музыки отмечают сравнительно малое влияние русской музыки на традиционные музыкальные системы этих народов⁴². Языковед Р. Г. Ахметьянов в исследовании лексики духовной культуры Волжско-Уральской ИЭО также приходит к выводу, что за редкими исключениями «названия русских фольклорных жанров в языки Среднего Поволжья не были приняты»⁴³. Тем не менее некоторые представления и термины

русского происхождения (отчасти связанные и с христианством) проникли в систему чувашских народных праздников, не изменяя их сущности. Например, название праздника проводов зимы *çаварни* — это калькированное русское «масляная неделя»; канун начала весенних хороводов — день поминовения умерших — получил название *çимёк* (от русского семик); древний праздник *мӑн кун* по содержанию слился с православной пасхой.

Влияние собственно русской музыкальной культуры на чувашскую выразилось наиболее очевидным образом в возникновении нового стиля лирической песенности. Он характерен для поздней неприуроченной лирики — балладных повествовательных песен, песен сирот, переселенцев на новые земли, девичьих любовных *юрату юррисем*, отчасти плясовых припевок *ташӑ такмакӑсем*. Возникновение нового слоя лирики в фольклоре многих народов России явилось следствием не только внешнего влияния, но и развития общественных отношений в новое время — в эпоху ломки традиционного хозяйственного уклада в связи с развитием капитализма. Рожденные новой эпохой песни в народном быту не имеют исконных функций, присущих фольклору традиционных архаических слоев, не имеют изначальных связей с обрядом, патриархальным крестьянским мировоззрением и бытом. Соответственно обновляется и интонационно-стилевая основа таких песен. Истоки нового стиля восходят лишь отчасти к традиционной песне, а в большей степени — к более широкому музыкальному быту, «интернационализовавшемуся» в музыкальной практике народов России. В числе его истоков надо назвать русскую городскую песню-романс, фабрично-заводские частушки. Этим объясняется наддиалектный характер песен нового стиля в отличие от песен старой крестьянской традиции.

Типологическим признаком песен нового стиля являются централизованные мажор и минор. Даже если в мелодии преобладают ангемитонно-пентатонические обороты, подразумевается функциональная гармоническая основа, особенно в каденциях. Далее, эти мелодии отличает регулярная акцентно-тактовая ритмика при отсутствии традиционных для чувашской музыки квантитативных ритмических ячеек. Менее разнообразны строфические формы. В них преобладает схема ABCD, часто с повтором второй половины (то есть ABCD+CD). Для этих песен характерны стихи различных слогоритмических форм, отсутствующих в старинной народной песне. Нередко они приближаются к силлабо-тонической организации литературного типа, их отличает также наличие рифмы, необязательность цезуры в середине строки. Для песен нового стиля характерна закрепленность стихотворного текста за определенной мелодией вплоть до полной индивидуализации стиха с зафиксированным авторством. Есть также много переходных форм.

сочетающих признаки традиционного и нового стилей. Новый стиль в плясовых припевках и наигрышах появился вместе с распространением музыкальных инструментов — гармоники и балалайки (поздних и для русской культуры).

Особо восприимчивой к русской культуре оказалась молодежь, у которой «заметно стремление перенимать у русских костюм, песни и игры»⁴⁴. Многие хороводно-игровые песни чувашей анат енчи близки русским.

Под непосредственным влиянием традиционной русской народной песни сформировался музыкальный стиль подгруппы средневолжских анатри (ульяновских — саратовских, отчасти куйбышевских чувашей), переселившихся сюда не ранее XVIII века. Этот стиль отличают подголосочная полифония, обилие распевов, необычно медленные для чувашской песни темпы, диатоничность ладовой основы. Вместе с развитием отходных промыслов, в чувашском фольклоре появились и песни русского происхождения, например, бурлацкие, плотогонов, свайщиков.

Из других национальных культур, сформировавшихся в Поволжье наряду с чувашской, наибольшее влияние на последнюю в районах непосредственных контактов оказала татарская. Так, можно говорить о влиянии татарской песни на некоторые типы скорых хороводных и свадебных песен⁴⁵.

Разрушающее древние традиции воздействие социально-экономических условий капитализма после 1917 года было усилено также новой государственной политикой, стремившейся искоренить остатки старой обрядовой жизни (как христианской, так и дохристианской), традиционных народных праздников и развлечений — таких, как хороводы, праздники урожая, святки, масленицы и т. п. Некоторые из них позднее приспособлялись для выполнения идеологических функций. Так, весенний акатуй в 50-х годах был совмещен с датой образования государственной автономии (в конце июня) и превратился в большой концерт художественной самодеятельности под названием «Праздник песни и труда». Вместо осужденной в 30-х годах как пережиток прошлого масленицы учреждения культуры стали организовывать в Чувашии в 70—80-х годах «проводы русской зимы». С конца 20-х годов мощным фактором трансформации народного музыкального искусства становится пропаганда творчества Чувашского государственного ансамбля песни и танца (до 1939 г. — Государственного хора), в течение десятилетий служившего практически монополюс образцом для массового музыкального любительства. Даже у собственно фольклорных исполнителей стимулировалось сочинение так называемых «новобытных» песен, направленных на воспевание колхозной действительности. Исчезли из быта все старинные музыкальные инструменты, утратилось искусство их изготовления. Не имея условий для свободного функционирования, традиционная музыкальная культура сохранилась в основном

в памяти старших поколений, смолоду участвовавших в совершавшихся тогда обрядах и праздниках.

Пагубные для народной культуры последствия такой политики начинают осознаваться в 60—70-х годах. С этого времени в Чувашии наблюдается оживление интереса к народной музыке. Издаются сборники записей народных песен, организуются фольклорные концерты, начинается подготовка специалистов по руководству фольклорными коллективами. Традиционная музыкальная культура обретает поддержку в качестве равноправного вида музыкального любительства, в том числе и в городах.

* * *

Современные данные о музыкальной культуре чувашей включаются в общий комплекс знаний об истории и культуре народа, помогают осветить накопленный им на разных стадиях формирования опыт. Несмотря на трудности, связанные с отсутствием зафиксированных памятников музыкальной культуры, возможна предположительная датировка некоторых существенных ее явлений. Так, у предков чувашей уже в древнейшем периоде (до VIII в. н. э.), видимо, существовали основные семейно-бытовые и земледельческие обряды и соответствующие песенные жанры. Отличительными чертами музыкальной системы были ангеми-tonная пентатоника и квантитативная ритмика. Употреблялись струнные и духовые инструменты.

Перечисленные свойства оставались определяющими и в период межкультурных взаимодействий в Поволжье (VIII—XIV вв.), когда духовные культуры тюркских народов в большей степени влияли на соседей, нежели заимствовали сами. По-видимому, здесь развились и приобрели классический вид сохранившиеся до сих пор основные черты народной музыкальной культуры чувашей. Наиболее существенным изменением в результате контактов и ассимиляции финно-угорского населения стало формирование верхового музыкального диалекта (в частности, рождается так называемая квинтовая транспозиция).

В составе Русского государства (с XVI в.) в новых социальных и конфессиональных условиях начинается постепенная деформация обрядово-жанровой системы. Наблюдаются заимствования из русского фольклора, формируется новый музыкальный стиль неприуроченной лирической песни. В быт проникают гармоника и балалайка. Эти процессы усугублены государственной культурной политикой последних десятилетий.

В настоящее время традиционная музыкальная культура чувашского народа, почти утратив древние обрядово-жанровые корни, продолжает жить в форме музыкального любительства на самодеятельной сцене и в быту.

- ¹ *Виноградов В. С.* Киргизская народная музыка. Фрунзе, 1958. С. 19.
- ² *Сабольчи Б.* Сохранение азиатских музыкальных стилей в Европе. //Музыка народов Азии и Африки. М., 1973. Вып. 2. С. 346.
- ³ *Виноградов В. С.* Цит. соч. С. 20.
- ⁴ *Барток Б.* Народная музыка Венгрии и соседних народов. М., 1966. С. 44.
- ⁵ *Cheremis folksongs by L. Vikar and G. Bereczki.* Budapest, 1971. P. 21. (Пер. наш.— М. К.).
- ⁶ См., например: *Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А.* Народы, расы, культуры. М. Наука, 1985. С. 222—228; Народы Поволжья и Приуралья: Историко-этнографические очерки. М. Наука, 1985. С. 3—16.
- ⁷ Очерки истории культуры дореволюционной Чувашии. Чебоксары, 1985.
- ⁸ *Павлов Ф. П.* Чуваши и их песенное и музыкальное творчество. Чебоксары, 1927. С. 8.
- ⁹ *Кауфман Н.* Чувашская и болгарская народная музыка //Чувашское искусство. Вып. 1. Чебоксары, 1971. С. 123.
- ¹⁰ *Павлов Ф. П.* Умолкнувшие звуки //Собр. сочинений. Т. 2. Чебоксары, 1971. С. 259—260.
- ¹¹ *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962. С. 188.
- ¹² *Павлов Ф. П.* Умолкнувшие звуки. С. 260—261.
- ¹³ Чуваши. Этнографическое исследование. Чебоксары, 1970. С. 306.
- ¹⁴ *Павлов Ф. П.* Чувашская музыка //Собр. сочинений. Т. 2. С. 198.
- ¹⁵ *Кодай З.* Венгерская народная музыка. Будапешт, 1961. С. 61.
- ¹⁶ *Chuvash melody types by L. Vikar.* In: *Chuvash studies.* Budapest, 1982. P. 264. (Пер. наш.— М. К.). О том же: *Chuvash folksongs by L. Vikar and G. Bereczki.* Budapest, 1979. P. 38.
- ¹⁷ *Кауфман Н.* Цит. соч. С. 136.
- ¹⁸ *Кодай З.* Зачем нам нужна чувашская музыка? //Кодай З. Избранные статьи. М., 1982. С. 276.
- ¹⁹ Болгары. Очерк традиционной народной культуры. София, 1984. С. 114.
- ²⁰ *Кауфман Н.* Цит. соч. С. 127.
- ²¹ Там же. С. 125.
- ²² Болгары... С. 137.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же. С. 126.
- ²⁵ *Сефтерски Р.* Старинният народен музикален инструмент «България» или «Tanbur Vulgharu» //Известия на института за музика. Т. XV. София, 1970. С. 210.
- ²⁶ *Нигмедзянов М.* Народные песни волжских татар. М., 1982. С. 123.
- ²⁷ См.: *Майнов В. Н.* Инородцы Среднего Поволжья //Живописная Россия. Т. 8. Ч. 1. СПб.— М., 1901. С. 116.
- ²⁸ Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М.-Л., 1939. С. 81; *Никифоров Ф.* Стюхинские чуваша. Казань, 1905. С. 13.
- ²⁹ *Нигмедзянов М.* Татарские народные песни. Казань, 1984. С. 23.
- ³⁰ *Греков Б. Д., Калинин Н. Ф.* Булгарское государство до монгольского завоевания //Материалы по истории Татарии. Вып. 1. Казань. 1948. С. 180—181.
- ³¹ *Миллер Г.* Описание живущих в Казанской губернии языческих народов. СПб., 1791. С. 80.
- ³² *Ахметьянов Р. Г.* Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М., 1981. (разделы «Нардуган», «Олы көн», «Сабантуй, сөрөн, жиен»).
- ³³ См.: Образцы мотивов чувашских народных песен и тексты к ним. Симбирск, 1908; То же (второй выпуск), 1912.
- ³⁴ *Нигмедзянов М.* Татарские народные песни. Казань, 1984. С. 4.
- ³⁵ *Кондратьев М.* О чувашско-татарских этномузыкальных параллелях //История наследия художественной культуры Чувашии. Чебоксары, 1991.
- ³⁶ *Chuvash melody types...* P. 264. (Пер. наш.— М. К.)

- ³⁷ Нигмедзянов М. Народные песни... С. 73.
- ³⁸ См.: Вопросы истории и теории чувашского искусства. Чебоксары, 1982. С. 88—111; Чувашское народное творчество. Чебоксары, 1985. С. 25—39.
- ³⁹ Подобные формулы («ритмические клише») выделены при описании ритмической организации песен татар-кряшен. См.: Альмеева Н. Ю. Песенная культура татар-кряшен: жанровая система и многоголосие. Дис. ... канд. искусствоведения. Л., 1986.
- ⁴⁰ Chuvash folksongs by L. Vikar and G. Bereczki. Budapest, 1979.
- ⁴¹ Нигмедзянов М. Народные песни... С. 70, 74 (сноска 1).
- ⁴² См., например: Chuvash folksongs... Р. 32. Кауфман Н. Цит. соч. С. 126—127; Виноградов В. И., Ключарев А. С., Садри М. Татарские народные песни. Казань, 1941. С. 6.
- ⁴³ Ахметьянов Р. Г. Цит. соч. С. 102.
- ⁴⁴ Чичерина С. В. У приволжских инородцев. СПб., 1905. С. 177 (приложение).
- ⁴⁵ См.: Чуваши Приуралья: культурно-бытовые процессы. Чебоксары. 1989. С. 97—99.

Ордена «Знак Почета» Научно-исследовательский институт языка,
литературы, истории и экономики при Совете Министров
Чувашской Республики

**ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА
ЧУВАШЕЙ ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ**

Редакторы **Т. Д. ПАВЛОВА, В. А. ПРОХОРОВА**
Художественный редактор **Т. Д. ДМИТРИЕВА**
Технический редактор **Т. Д. ГРИГОРЬЕВА**
Корректор **Г. И. АЛИМАСОВА**

Сдано в набор 20.10.92. Подписано к печати 31.08.93. Формат 60×90^{1/16}. Бумага типо-
графская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Физ. печ. л. 17,5. Учетно-
изд. л. 20,32. Тираж 300 экз. Заказ № 1981.

Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики
при Совете Министров Чувашской Республики.
428015, Чебоксары, Московский проспект, 29, корпус 1.
Типография № 1 Государственного комитета Чувашской Республики
по печати и информации.
428019, Чебоксары, пр. И. Я. Яковлева, 15.